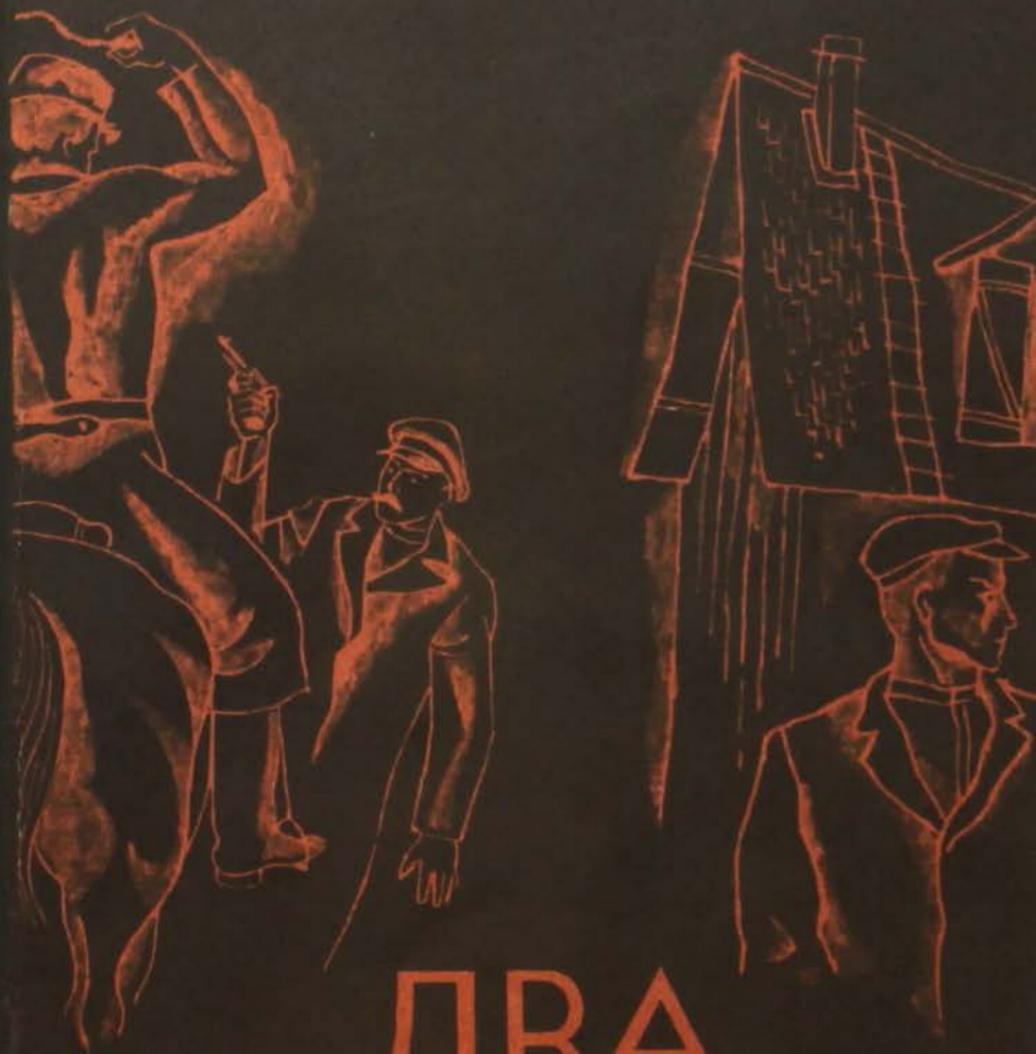

ВАСИЛИЙ КУКУШКИН

ДВА
ПОРТРЕТА

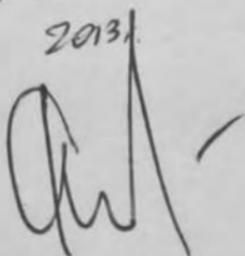
ВАСИЛИЙ КУКУШКИН

ДВА ПОРТРЕТА

ПОВЕСТИ

Емельянов.

*Фир Б. С. Ривкина
2013.*

ЛЕНИЗДАТ 1982

83.3P7
K90

Кукушкин В.
K90 Два портрета: Повести. — Л.: Лениздат, 1982. —
368 с.

В книгу вошли повесть «Емельяновы» о рабочей семье, укравшей В. И. Ленина от преследований Временного правительства, и повесть «Он же Григорий Иванович», рассказывающая о судьбе Александра Михайловича Игнатьева, дворянина, помещика, порвавшего со своим классом и отдавшего все силы служению революции.

К $\frac{4702010200-209}{M171(03)-82}$ 174-82

83,3P7

© Лениздат, 1982

ЕМЕЛЬЯНОВЫ

ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

Стоял жаркий день. На Дубковском шоссе было оживленно, как в тронцу. К увеселительному заведению купца Евлампия Михайлова подкатывали кареты, извозчицы пролетки.

Белобрысый Колька, сын оружейника Емельянова, спрятавшись за вертящейся рекламной тумбой, высматривал театрала потучнее, за которым можно было бы незаметно проскользнуть в сад. Там, в Летнем театре, выступали карлики. После представления на лужайке состоятся потешные игры: бег в мешке, бег с яйцом на ложке, забавная борьба, лазание за призом по гладкому столбу.

Как только на заборах расклеили афиши, Колька начал копить. В стареньком кошельке были три монеты по копейке и четыре гроша. Этих денег и на вход в сад не хватит, а билет в театр стоит полтинник.

Наконец Кольке повезло. Кучер, разодетый барин, в коричневом длинном сюртуке, лихо осадил серого рысака. С открытой коляски сошла дебелая барыня средних лет. Она боялась яркого солнца, сразу открыла бело-голубой зонтик. Колька ловко пристроился за ней. Перед его глазами мелькнула желтая дорожка, он обрадовался — обманул билетера, как вдруг волосатая ручища схватила его за шиворот и потащила назад по дорожке. Взлетев в воздух, Колька шлепнулся в крапиву, обжег локоть и шею.

Однако это не умерило желания посмотреть представление. Он отважился на новую хитрость: выбрав дуб, ветви которого свисали по ту сторону забора, Колька проворно забрался на дерево, спрыгнул и спрятался в кустах. Отдышавшись, он выглянул и обомлел: у входа в театр — два маленьких негретенка. «Будто ваксой вымазаны», — изумился Колька и пожалел их: больно они черные, а если их в горячей воде искупать, не по-

жадничать на мыло, поскрести мочалкой кожу, то посветлеют. И тут он задумался — будет ли им хорошо, когда они превратятся в обыкновенных мальчишек, таких, как его приятели Володька Шатрин, Ванька Анисимов и Тимоха Поваляев. Из Петербурга привозят барчуков поглазеть на черномазых, денежки за показ платят.

Пронзительный звонок известил о начале представления. Но как проникнуть в театр? У раскрытых дверей торчал глыбой билетер. Беспрепятственно проходили расфранченные барчуки, окажись среди них Колька — признали бы за чучело в огороде. Был он в длинных штанах, залатанных сандалиях, ситцевая рубашка вылезала из штанов и горбилась на спине, а волосы, черт их подери, топорщились, и нос некстати облупился. Колька совсем пал духом: видно, проскочить без билета не удастся. Но не в его характере было долго унывать. В сад он пробрался, а представление в Летнем театре можно смотреть и через щелочку в стене.

Удобно устроившись на плакучей березе, Колька выковырял сук в доске, прильнул к глазку. Под мелодию струнного оркестра на сцену выкатилась тройка словно пряничных коней. С розвальней сошли лилипут и лилипутка, ростом чуть больше куклы. Одеты они были, как господа: на нем черный фрак, цилиндр, на ней белоснежное платье.

Лилипут снял цилиндр, отвесил низкий поклон и пригласил даму на танец.

Внезапно в листьях Колькиной березы зашумел дождь.

Посмотрев вниз, Колька ахнул, — ну уж теперь ему несдобровать. Сам Евлампий Михайлов стоял на лужке, подбоченившись, хохотал, а дворник из пожарного рукава поливал березу. Ледяная струя больно стегала Кольку, укрыться было негде, он упал, вернее, скатился на землю, — густые ветви затормаживали его падение.

Опомнился продрогший Колька в яме. Он сейчас не жалел, что ему помешали посмотреть представление, только злился на себя: ротозей, оставил дома рогатку, а то бы поплатились обидчики за свою потеху.

В кустах Колька отжал штаны и рубаху, и сразу же к нему вернулось хорошее настроение: дешево он отделался, могли и за уши отодрать, в участок отправить. Насвистывая, шел Колька к себе на Никольскую. У розовой дачи его окликнули. За чугунной оградой на высо-

ких ходулях прохаживался Поль, внук акцизного чиновника.

— Хочешь, походить дам? — неожиданно предложил Поль.

— Свои получше твоих смастерил, на лесопилке кедр пилили, рейки ровные, не гнутся, — отказался Колька. У самого и простеньких ходуль не было, но он недолюбливал зазнайку Поля.

— Мои на резиновом ходу, ручки откопал на развалинах Дубковского дворца, — хвастал Поль.

Ходули у Поля, и верно, подбиты толстой резиной, ручки деревянные, выкрашенные бронзовой краской.

— Подразнишь и обманешь, — сказал равнодушно Колька, а самого так и подмывало перемахнуть через ограду.

— Божусь, гляди, — Поль трижды перекрестился. — Ходи, пока не устанешь.

Поль спрыгнул с ходулей и степенно продолжал: — В саду по дорожке приятнее ходить, и городской не привяжется.

Колька перелез в сад, с маху забрался на ходули. Поль позавидовал: сам он встает на них с крыльца.

Прошелся Колька по большой дорожке. Устойчивые ходули, на них можно даже бегать. Свернул он на малую дорожку, клумбу obeжал. Что случилось с Полем? Подобрел, не гонит с ходулей и выгоды себе никакой не цыганит.

— Зря вчера сбежал, а я на месте дворца еще кое-что нашел, — интриговал Поль.

— Удивил! — Колька спрыгнул с ходулей. — Вот у нас на Никольской саблю фельдмаршала из колодца вытащили. Столько лет в воде пролежала, и ржавого пятнышка не найти.

Поль поверил. Он слышал, что Суворов гостил у оружейников, память о себе оставил. В колодец, из которого водой его угощали, саблю опустил.

— А знаешь, что там? — Поль кивнул на сарай, понизив голос. — Карлик-фокусник. Сбежал от хозяина, у нас на усадьбе скрывается.

Колька подозревал, что Поль в ловушку его заманивает. В минувшее воскресенье Колька разбил Полю нос. Потеху тот устроил: слепому нищему вместо хлеба положил в суму навоз. Не прячутся ли в сарае братья Петруха и Мишка Слободские, сыновья лавочника, дав-

ние его неприятели? А если Польш не врет? Дал же попробовать ходули.

Забыв про опасность, Колька шагнул через порог и чуть не свалился,— Петруха подкараулил его у двери, Мишка выскочил из-за поленницы со стареньким монтекристо. Ружье у Мишки было без затвора. Колька сообразил: не выстрелит. Он швырнул в Мишку пустой фанерный ящик, Петруха кинулся на выручку, но наскочил на Колькину ногу и схватился за живот. Поля, трусливо сбежавшего из сарая, Колька догнал в саду, смазал раз-другой по роже, а отлупить не дали. Откуда ни возьмись налетел дворник с генеральской дачи, из флигеля выскочил дед Поля, худощавый старик. Они повалили Кольку на землю, связали ему руки. Братья Слободские мгновенно исчезли.

— В участок! — орал старик, брызжа слюной.

— Побойтесь бога, зачем в участок, мальчишки подрались,— большая ли беда? К родителям отвести,— угорваривал дворник,— это еще туда-сюда.

— Чей будешь? — спросил уже спокойнее старик.

Колька, набычившись, молчал.

— Емельянова с оружейного парень,— ответил дворник.

— Это у него дед каторжник? — спросил старик.

Колька исподлобья зло взглянул на него.

Поликсенья Ивановна была дома одна. Она резала лук на окрошку, когда Кольку втокнули в кухню. Руки заведены за спину и связаны шарфом, лицо грязное, под левым глазом кровоподтек, штанина разорвана. Сзади возвышался старик в чесучовом пиджаке, голову прикрывала казенная фуражка. Близорукие глаза старика из-за стекол пенсне смотрели строго.

— Ваш, сударыня, разбойник?

— Мой,— прошептала Поликсенья Ивановна.

— Вынужден огорчить. Учинил он в моем саду драку,— продолжал старик.— Придется составить протокол и в тюрьму.

— Коль за драки мальчишек сажать, тюрем и крепостей не настроишь,— заступился за Кольку дворник.— Трое на одного напали. Слободских тоже бы не мешало приструнить, озорники отпетые.

Старик затряс головой.

— Вы приставлены блюсти порядок, а сами потакаете бесчинству.

Дворник опешил. Пожалуется акцизный, а генерал крут, с места сгонит.

— В чем потакаю? Я за порядок,— оправдывался дворник.— Кто кинулся на крик, кто шарфом вязал, кто зачинщика сюда доставил? У Емельяновых свой суд. Портки снимут и недоуздом пройдутся, на табуретку с неделю разбойник не сядет.

— Выпорют?..— строго спросил старик. И обратился к Поликсенья Ивановне: — Выпорете?

— За штаны голову ему оторвать мало,— Поликсенья Ивановна вцепилась в Колькины волосы.— И куда запропастилась плетка?

Старик попятился к двери.

— Экзекуцию, сударыня, пожалуйста, без нас.

Он гордо вышел. Дворник задержался, вздохнул:

— Не особенно, баба, плеткой усердствуй. Внук акцизного первый задира.

— А шарф-то господский? — Поликсенья Ивановна развязала сыну руки, оттолкнула топтавшегося на месте дворника, выскочила на улицу.

Когда она вернулась, дворник уже ушел. Колька был в комнате, прикладывал пятак к синяку.

— Марш на озеро, отмойся. Руки распустил... Мало беды в доме, во всех углах она...

У Кольки от обиды выступили слезы, отвернулся, чтобы мать не видела.

— Сколько наказывала — не водись с господскими. Чего не поделили?

— Задается француз. Смазал ему по роже, теперь Никольскую за версту будет обходить.

— Отлупил француза? — удивилась Поликсенья Ивановна.— Откуда он в Сестрорецке?

— Затесался один, по-французски изъясняется,— ответил Колька.

— Поля, внука акцизного, бил?— ужаснулась Поликсенья Ивановна.— И как земля тебя, супостата, носит?

Колька потер синяк, сказал запальчиво:

— Мало еще поддал...

Из путаного Колькиного рассказа Поликсенья Ивановна узнала, что произошло на усадьбе акцизного чиновника. Растерялась она: барчуки затеяли драку. За что же наказывать сына?

— Долго будешь прохлаждаться? — строго спросила Поликсенья Ивановна.

Завязав в ситцевый платок мочалку, мыло и полотенце, Колька выбрался через лаз в заборе. В это время хлопнула калитка. Поликсенья Ивановна выглянула в окно и увидела, что к дому бежит Петька Бык, сын соседа Федорова. Что случилось? Колька тоже заметил приятеля, полез назад во двор.

Петька повис на подоконнике, заговорил сдавленным шепотом:

— Беда, тетка Поликсенья. Батька послал. Велел тебе что есть духу бежать в контору и в ноги падать генералу.— Отдышавшись, Петька продолжал: — Дядя Саша твой с ума сошел, взял за грудки начальника мастерской... Вымаливай прощение, не то дядю Сашу по этапу в Сибирь.

Мальчишки скоры на ногу, но и то отстали от Поликсеньи Ивановны. Прибежала она, грохнулась в вестибюле конторы, еле в себя пришла. А к генералу ее не пустили, правитель канцелярии вышел на лестницу, сказал:

— Не велено, отправляйся домой, слезами не поможешь, достукался-таки твой Емельянов. На поденщину и то не возьмут.

Дождалась Поликсенья Ивановна мужа, вышел он с парадного подъезда, а не из проходной, подавленный, сам на себя не похож, не подымая глаз, признался:

— Подступило, в ту минуту не подумал о тебе, ребятишках... очень уж накипело. Как крепостных неволят.

— Покалечил? — беспокойно спросила Поликсенья Ивановна, заглядывая в глубоко запавшие, печальные глаза мужа.

— Больше переполоху, встряхнул начальника, пуговицы полетели. Сказали в канцелярии: в суд не передадут, семью, мол, жалеют... Боятся... Выгнали, как и батьку, по тому же пункту.

По дороге домой Поликсенья Ивановна сдерживалась, а поплакала вволю на кухне — знала, муж не терпит бабьих слез. Да и чего ему досаждают, он и сам себе не рад — характер горячий. Без провинности мастер штраф наложил, другой бы смолчал, а у Александра не такой нрав — не смолчит, что ж, видно, жизнь так устроена: у кого кошелек толст и чин имеется — тот и прав. А он к подполковнику, объяснения потребовал, тот возьми и погрози: «Посмутьянишь, ногами измеришь Владимиру...»

У кого правду искал? Вот и доискался. Расчет дали и еще записали: «Без права поступления на оружейный». В Сестрорецке не разбежишься с работой — казенный завод, мастерская по ремонту металлической утвари — вот и все. В Питер не больно наездишься, хоть и третьим классом, а все равно с конкой около рубля расход, и не трехжильный мужик, с лица и тела крепок, а ночью в поту просыпается, суставы болят. Молодым застудился, в паводок заводскую плотину укреплял, с той поры и мается.

Выплакав все слезы, Поликсенья Ивановна задумалась: как же жить дальше? И так до получки жалованья мужа не хватало, должна за провизию, в лавке Короткова была у них заборная книжка. Пристроить бы старшего на оружейный, да вот горе — двух лет не хватает до поступления, а на вид Кольке все больше дают, костью в деда и силой не обижен.

Выгладив праздничную рубашку, штаны, Поликсенья Ивановна велела Кольке вымыть шею мочалкой с мылом. Когда он оделся, она придирчиво осмотрела его, сама повязала ему шелковый пояс и повела к своему брату.

После несчастья — покалечило правую руку на токарном станке — Абрамову от казны положили за увечье пенсию восемнадцать рублей с копейками. С голоду не умрешь и досыта не поешь. Судиться с казной он не стал, попросился сторожем в ложевые сараи.

Жил Абрамов недалеко от озера. Дом, как и у соседей мастеровых: деревенская изба, горницы — теплая и холодная. Удачно пришла Поликсенья Ивановна, брата застала дома, час назад вернулся из Питера.

— Далече живешь, за семью морями, долгонько к брату родному не навевывалась, — не подымая головы, выговаривал Абрамов, но видно было — рад сестре. — Почаевничать останешься? У Филиппова сдобных баранок купил, твоим озорникам привез угощенье — корзинку крошек пирожных.

Поликсенья Ивановна присела на табуретку, хотела поблагодарить брата за гостинцы, не с беды же начинать, с месяц, почитай, не виделась, но слезы выдали, обронила:

— Хоть с голоду подыхай, рассчитали моего...

— Перестань реветь, — прикрикнул на сестру Абрамов, — На погост бы мужика свезла — горюй, кормиль-

ца лишилась — горюй. У тебя он жив, не покалечен, чего уж так оплакивать. Ну... рассчитали...

— Креста на них нет. Штраф ни за что взяли и с места согнали. Без куска оставили семью, — жаловалась сквозь слезы Поликсенья Ивановна. — Бога ради, пристрой старшего, ремеслу научится и домой на хлеб-соль принесет. Кое-как и перебьемся. Рыба в озере, в лесу ягоды, грибы непокупные, картошка своя, может, к осени злость у генерала уляжется, возьмет моего обратно. Рукам-то его цены нету.

— Горе мне с твоими Емельяновыми, — разворчался Абрамов. — Свекор твой за правду бился, так его помещик на двадцать пять лет в солдаты сдал. На оружейном за бунтарство едва на каторжные работы не угодил. Теперь твой мужик по той же дорожке пошел. Имел место, жалование сносное, на случай войны был от солдатчины освобожден, — не ценил. Вскипел, а чего добился? Правду не сыскал и шиш с ветром поселил в кармане.

— Саша мухи не обидит, — заступилась за мужа Поликсенья Ивановна. — Приветливый!

— Удар, поди, хватил начальника от емельяновской приветливости, — сказал Абрамов, но, взглянув на изможденное лицо и дрожащие руки сестры, пожалел ее. — Не убивайся, ради тебя, горемычной, поклонюсь кому следует, пристрою парня к делу.

Поликсенья Ивановна позвала сына, робко выглядывавшего из сеней:

— Кланяйся дяде, благодари.

— Мне поклоны не больно-то в радость, — перебил ее Абрамов и сказал племяннику: — Устрою, к золотому мастеровому приставлю, но уговор: веди себя прилежно, не пачкай мою репутацию. Руку бы не покалечило, так медаль бы дали, или, на худой конец, мастерский кафтан в тезоименитство пожаловали бы.

Поворчав, что ему не повезло с родственниками, Абрамов подровнял ножницами бородку, надел воскресный костюм, уложил в левый карман жилетки часы, серебряную цепочку пропустил по животу, а брелок заделал в петельку правого кармашка.

По парадному ходу провел он Кольку в контору.

— Мотай на ус, видишь, уважают твоего дядю, — шептал он, подымаясь по лестнице, — идем не по черному ходу, тут офицеры и генералы ходят.

Перед тем как скрыться за тяжелыми дверями кабинета первого помощника начальника завода, Абрамов наказал племяннику сидеть смирно, не баловаться. Вечностью показалось Кольке ожидание в приемной. Наконец позвали и его в кабинет. Дядя стоял у стола, сникший, сгорбившийся, с трудной пришел сюда просьбой.

Раздобревший полковник снял пенсне, оценивающе окинул взглядом мальчишку — крупный, рослый, глаза смысленные. Хорошие мастеровые Емельяновы, одна заковыка: непокорные, ершистые, ни каторги, ни солдатчины не боятся.

Абрамов понял сомнения полковника.

— На Емельяновых он только с виду похож, — проговорил он, — а характер Поликсеньи, моей сестрицы, — может, слышали от вашей супруги — она белье вам стирает, крахмалит рубашки, премного довольны ею были.

Полковник иногда встречал у жены прачку, ему запомнились ее живые глаза и тугая коса, положенная дважды вокруг головы.

— Это сынок Поликсеньи.

Теперь полковник уже с удивлением разглядывал Кольку.

— Не поверю, такая молодая, а такой сын.

— У простых людей девиц рано сбывают с рук, — Абрамов понял: не то, чепуху несет, замолчал.

— Взял бы мальчиком в инструментальную... да по годам мал, — полковник уставился на Абрамова: — Угости писаря, метрическую постарше выправит. До одури развелось всяких попечительниц, двенадцатилетний шалопаи у них еще дитя.

— Все пятнадцать Кольке можно дать, как сами изволили заметить, рослый, крепкий парень, — посмелел Абрамов. Племянник произвел благоприятное впечатление на полковника.

— Беру мальчиком из уважения за твою службу, только чур: строго-настрою предупреди Емельяновых, деда и отца, — пора им образумиться. Если они этого сами не хотят, то пусть дурному не учат мальчишку. До чего бунтовство довело его отца! На офицера поднял руку. За это можно и в Сибирь отправить.

— Послежу за племянником, чуть что замечу — за вихры оттаскаю, — пообещал Абрамов. — А вас не придумаю, как и благодарить, в воскресенье свечу поставлю вашему святому, чтобы вечно к вам был милостив.

«Занскивает перед фон-бароном», — сердился на дядю Кольку. Полковник не заметил ни сжатых кулаков, ни злого взгляда мальчишки. Где-то в душе, может быть, он жалел семью изгнанного мастерового, парнишка хоть на хлеб-соль принесет в получку.

Гордо, независимо прошел мимо вахтера Абрамов, а как миновали мостик через заводскую речку, сгорбился, зачистил ногами. Кольке вдруг до слез стало его жалко, — столько человек перенес унижения.

До самого дома Абрамов молчал, а отворив калитку, мгновенно преобразился, пиджак распахнул, пусть жена и сестра видят, какой он есть.

— Уладил, берут твоего обормота, и не куда-нибудь, а в инструментальную, к настоящему ремеслу присвявят, — сказал Абрамов, едва переступив порог.

Поликсенья Ивановна кинулась ему в ноги. Да, несладко ей живется.

— Брось дурить! — Абрамов прикрикнул на сестру. — Эко я благородство сделал! Сходил в контору, ноги не отвалились, ну попросил, ну поклонился, я не из заносчивых. И зятю любезному желал помочь, ругаю, смертно ругаю, а гордость у твоего мужика хорошая, рабочая, за правду ведь он пострадал, другие-то мастеровые в сортире храбры, а он напрямик начальству режет.

Что-то неладное происходит с сестрой. Он хвалит-нахваливает ее мужика, а она уткнулась в пол, не шелохнется. Абрамов перенес Поликсенью на кровать, велел Кольке снять с нее туфли.

— Померла, — испугался Колька.

— С радости не помирают, — оборвал Абрамов. — В беспамятстве, зачерпни воды из ведра. — Он усердно брызгал на лицо сестры, положил мокрое полотенце ей на лоб, но Поликсенья не приходила в сознание.

— Фельдшера позвать, он нашатырю даст, мама и очнется, — шептал Колька, — сбегаю...

— Не про Емельяновых заводской лекарь. Выгнали батьку, из списка сразу долой, — перебил Абрамов. — Кликни лучше мою бабу, на огороде копается.

Жена Абрамова, увидя на постели золовку, запричитала, кинулась к иконе за пузырьком святой воды.

— Колодезная, дура, не действует, а ты затхлой водой хочешь оживить сестрицу, — сердился Абрамов. — Сходи-ка к соседям. Попроси снадобья покрепче,

Дачница, молодая болезненная женщина, принесла ридикюль, полный пузырьков.

— Прыскал, не помогает,— объяснял испуганный Абрамов.

— Глубокий обморок,— сказала дачница и выставила Абрамова и Кольку из комнаты, расстегнула лифчик на Поликсенья Ивановне, натерла одеколоном виски, дала понюхать нашатырю. Поликсенья Ивановна глубоко вздохнула, открыла глаза, и не удержи ее золовка, вскочила бы с постели.

— Ай-ай-ай!— Поликсенья Ивановна была крайне смущена.— Как барыня плюхнулась на пол.

— Болезни одинаково не щадят и бедных и богатых,— заметила дачница.

Услышав в открытое окно голос сестры, Абрамов позвал Кольку.

— Ожила мать, не окончательно, значит, Емельяновы прогневили бога. Слушай, Колюха, теперь ты главный кормилец,— заговорил Абрамов.— По этому случаю придется мне тебя снарядить честь честью на завод, у батьки дыр-то и без того в доме много. Куплю инструмент, не нищенствовать же Емельянову в мастерской.

Переулками дядя и племянник выбрались на Выборгскую улицу, как раз напротив лавки со всякой всячиной. Под натянутым холщовым тентом вперевалку прохаживался Слободской, ее владелец. Духота, жара, а он в тройке, пиджак застегнут на все пуговицы. Завидя Абрамова, лавочник громко, на всю улицу, принялся хвалить смолу.

— Конец протечкам в лодках. Смола из Финляндии поступила, намертво трещины и швы схватывает.

Как только Абрамов поравнялся с лавкой, Слободской придержал его за локоть.

— Осталось три бочонка,— заговорил он вполголоса.— Коль денег нет, бери в долг, обожду — отдашь.

Абрамова не проведешь: раз лавочник кредит навязывает,— значит, всучит залежалую смолу.

— Смола не сахар,— отказался Абрамов,— мою лодку зять смолил, хоть в океан плыви.

— Имениник у тебя молодой человек? — Слободской перенес внимание на Кольку, по-воскресному разодетого,— купи бокал с портретом императрицы Марии Федоровны. Оська, приказчик, золотом напишет. Художественно, дьявол, кистью выводит. «В день ангела».

Утром заходил Леонтьев, не торгуясь купил бокал и сам себе подарил с надписью.

Удивлялся Колька — шли к Слободскому инструмент покупать, а дядя старается ускользнуть от прилипчивого лавочника. «Денег жалеет,— загрустил Колька,— раздумал покупать, наберет в чулане пользованных». А как Кольке хотелось прийти в мастерскую и разложить на верстаке новые напильники!

Позже он понял — дядя комедию ломал перед лавочником, чтобы тот уступчивее был, не запрашивал лишку. Абрамов нехотя обходил прилавки, без интереса перебирал плоски, бочонки, ведра.

— Напильников давно не покупал,— навязывал неотступно следовавший за ним Слободской.

— Божескую цену назначишь, пожалуй, взял бы.

— Себе в убыток торгую,— Слободской ухитрился задержать Абрамова у прилавка.

Абрамов отложил брусочку — напильник прямоугольного сечения. Слободской оттеснил приказчика, сам стал за прилавок. Абрамов покупатель серьезный, в долг не любит залезать.

— Из Шеффилда и Ланкашира выписываю напильники, лучшие фирмы в мире английские.

Лавочник не привирает. Напильник привозной, Абрамов определил это по насечке и закалке. У Слободского и то в год раза два-три такой хороший инструмент бывает, а на физиономии Абрамова скука и безразличие.

— Разорение, а не торговля, понавез из Англии уважить постоянных покупателей,— ныл Слободской,— а они не ценят. Рассержусь, в столицу махну, мешок денег привезу.

— Давай сторгуем,— вроде и поддался на уговоры Абрамов,— коль запрос скинешь, возьму инструмента полный набор.

— Из уважения,— Слободской по-хозяйски выкладывал на прилавок бруски квадратного сечения, покрытые с четырех сторон двойной насечкой, напильники плоские с тупым краем, остроносые, полукруглые, треугольные. Отобрав дюжину напильников, Абрамов попросил показать надфили и непременно швейцарские.

— В ювелиры записываешься,— пошутил Слободской, но велел приказчику снять с верхней полки коробку с надфилями.

— На глаза ныне слаб и рука покалечена,— ответил грустно Абрамов,— а вот племяннику надфили пригодятся, в серьезное учение определил, не на побегушки.

У Слободского прорвалась прижимистость.

— Мальчишке покупаешь инструмент из Ланкашира и Шеффилда,— сказал он и осуждающе покачал головой.— Бери подешевле, недели не пройдет, все напильники загубит.

— Мой племянник не из сиротского приюта,— обрвал Абрамов,— и деньги, Слободской, не твои, мной нажиты.

Нравы оружейников знакомы Слободскому, что взбредет в голову,— не отговорить, тем более Абрамова. У этого мастерового глаз верный, перекаленные напильники и с мягким зубом за четверть цены не возьмет.

Рассчитавшись за напильники, Абрамов отдал сверток Кольке, сказал:

— Покупку полагается обмыть, не то зубцы в напильниках затупятся. Тебе рано по трактирам шлындать, без тебя обмоем. Батьку подошли к Леонтьеву и бега ко мне домой, забирай новый ящик, в горнице под кроватью. В мастерской ахнут от зависти.

— Это тот, что под орех разделан? — уточнил Колька, не веря тому, что услышал.

— Тот, что под орех,— подтвердил Абрамов.— Постой,— задержал он Кольку,— а запирать ящик молитвой будешь?

Приказчик с дюжину замков выложил на прилавок. Абрамов купил квадратный с хитрым секретом.

— Дорог нынче инструмент,— оправдывал он покупку замка,— без запоров утащат, напильники привозные редко у кого есть и денег стоят.

В понедельник, задолго до первого гудка, Поликсенья Ивановна сварила котелок молодой картошки, выставила на стол подсолнечное масло, блюдо крупной соли. Александр Николаевич тоже рано поднялся, сходил на колодец, налил воды в рукомойник, разбудил Кольку.

— Рабочий теперь ты человек, значит, самостоятельный,— наставлял он,— сам привыкай вставать, будильник я не держал, баловство. У Емельяновых заведено — с первым гудком из дома. Иди на завод с охотой, не из-под палки. Без настроения какая уж работа, поденщина. Делай простую скобу и кружало с одинаковым

прилежанием, чтобы самому нравилось и душа радовалась.

Проводил сына Александр Николаевич. На горушке они расстались.

— Ступай, смотри не волынь, без пота и старания настоящим мастерским не станешь,— сказал грустно Александр Николаевич и легонько толкнул сына.

Прижимая ящик с инструментом к ноге, Колька по-мальчишески сбежал с горушки, вспомнил, как дед вчера говорил: «На земле, Колюха, главный человек — рабочий». В проходную Колька вошел степенно.

Долго еще стоял на горушке Александр Николаевич, глядя на приземистые здания мастерских. Туда он, уволенный без права поступления, уже больше никогда не вернется...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В траве у старого тополя навзничь лежал человек. Остро торчали скулы, впалые землистые щеки — в желтых пятнах. Он отрешенно глядел в синее небо, не замечая склонившихся над ним мастерового в поношенной блузе и парнишку из заводских.

— Подыши, Фирфаров, подыши свежим воздухом, вони наглотался, она у нас злая, ей что — человек, быка свалит с копыт, — участливо говорил мастеровой, а у самого — запекшиеся губы и лилово-зеленоватые дуги под глазами.

— Горит. Христа ради, льду бы... — шевелил губами больной, уронив руку на грудь.

Мастеровой снял с себя нательную рубаху, сунул парнишке.

— Намочи и бегом сюда.

Положив на грудь Фирфарову мокрую рубашку, мастеровой сказал:

— Без мудрости, Егорыч, стащим тебя в больницу, доктор поглядит, постукает, лекарство пропишет, поваляешься денька три и оживешь.

— Отлежусь дома, до гудка бы простоять, больных-то у нас не жалуют, сгонят с места. — Фирфаров застонал. — Иди, не канителься со мной, под штраф угодишь, а ироду набреши поскладнее: вызвали-де по надобности в приемную комиссию аль в контору.

— Так я пойду, — сказал мастеровой. — Прислать кого?

— Оставь мальчишку, — попросил Фирфаров. — Отпустит, с ним доберусь.

Сердобольный солдат вынес из караулки медный чайник и кружку.

— Выпей, чай своей заварки, не казенный, — солдат, опустившись на корточки, налил полную кружку душистого чаю.

— Маленько полегчало,— Фирфаров вернул кружку.— Хорош чаек.

— Не уйдешь от лазарета. Без здоровья оружейному ты не нужен,— уговаривал солдат.— Отведу.

— Справку освободительную дадут, а на что она,— шептал Фирфаров,— бумажка докторская деньги и бобы не заменит. Лавочник Колесников на что терпелив, и то погрозил: не погашу долг — лишит заборной книжки. Шутка сказать — рассчитаться за все, что насли. Прoshлый месяц я десять ден прохворал, вдобавок мастер штрафанул. А за что?.. И самому сатане неизвестно... В получку выдали две трешницы и серебряной мелочи, с горя в трактире все оставил. Жена отвезла в ломбард самовар. Из чугуна чай пьем. Ох, жжет,— Фирфаров застонал и перевалился на живот.— Нанюхался окаянных зелий. Они не то что легкие — золото растворяют. Могила — мой исцелитель.

— Земля всех принимает, и богача и бедняка, но спешить туда не резон,— философски заметил солдат.— Вон хоть Емельянова спроси, сюда идет, он то же самое скажет.

Николай возвращался со стрельбища, носил котелок щей батьке. Из милости взяли старого на поденку — протирать винтовки после стрельбы, положили сорок копеек в день, как мальчишке.

Старший сын у Емельяновых крупнее отца, бороду не отпускал, носил усы, а вот пронизательный взгляд глубоко посаженных глаз был емельяновский.

Николай прибавил шагу, еще издали по зеленой коворотке узнал Фирфарова.

— Свалила все-таки отраву. Пока не поздно,— перебирайся к нам в инструментальную,— предложил Николай.— Тебе жить и жить. Дочки еще не на выданье.

— Жалованье в инструментальной пожиже,— обронил Фирфаров.— Рано семью завел. Достучу в травилке. Пенсию честь честью положат.

— Здоровьем не дорожишь, стой у чана,— рассердился Николай.— Жди, положат пенсию и деревянный мундир.

— Месяц до конца не дотянул, а пятый раз вытаскивают,— невольно пожаловался Фирфаров и усмехнулся: — Повезло, в рубашке родился, мастер не заметил, как свалился, а то бы отвел душу. Пособите, братцы,— Фирфаров, держась за солдата и парнишку, поднялся с земли,— поплетусь.

И пяти шагов он не сделал: подкосились ноги, солдат успел придержать за локоть.

— Прижало, не миновать доктора, а он уложит в постель,— с болью вырвалось у Фирфарова.— Эх, не жизнь, каторга без кандалов.

Он высвободил руку, словно проверял себя, сделал шаг, еще шаг — и повалился. Не поддержки опять солдат — упал бы.

— К морю и теплomu солнцу сердешного от- править,— сказал солдат,— еще молод, осилит хворь, а с годами она глубже запрячется, на лопатки поло- жит.

— У чахоточных есть своя знаменитая лечебница,— Фирфаров выпростал из рукава худую руку.— Недале- че, тут, в Дюнах, палаты песчаные, и всем поровну — по три аршина.

Под руки увели Фирфарова к врачу. А Николай остался у старого тополя. Близкий товарищ в беде, тя- желый вытащил жребий.

Незаметно подошел Анисимов. Из окна мастерской увидел, как отхаживали Фирфарова.

— В чем душа держится... Помню, я в один день с Егорычем поступал сюда, на казенный,— заговорил Анисимов.

— Он, пожалуй, недели на две позже,— сказал Ни- колай.— Припоминаю, в образцовую и механическую мальчиков набрали, место было лишь в красилке-тра- вилке. В метрике прибавили ему лет, а жизнь-то укори- тили.

— Жалость у нас бабья,— Анисимов сжал кулак,— погоревали, повздыхали — и разошлись. Перехлестнет беда через край — пройдем с шапкой. Недавно Земле- гляд мастеровых прутиками назвал. По очереди нас ло- мают, Фирфаров не первый. А кто следующий? И все безропотно.

Николай слушал рассеянно, оживился, когда Аниси- мов невзначай упомянул Землегляда.

— Что за человек?

— Познакомлю,— пообещал Анисимов,— вот у кого нашему брату ума набираться.

Анисимов случайно взглянул на чайник, мокрую ру- башку в граве и заговорил о Фирфарове.

— Человек на оружейном — прутик, ломают, вы- бросят, а мы только по углам ропщем, вот чахотка и сгубит человека,

— Солдат тут до тебя умно судил-рядил,— сказал Николай,— на теплое солнце, горный воздух Егорыча отправить, лечить серьезно. Болезнь всю силу-силушку его поела, а когда-то он всех мальчишек с Крещенской за просто на лопатки клал.

— Не по нашим деньгам тот край, где чахотку лечат,— трезво рассудил Анисимов.— Лучше миром просить генерала перевести Егорыча винтовки принимать в комиссии. И жалованье выше, и воздух не отравленный. А зимой там совсем благодать — дворники дров не жалеют, у офицеров не побалуешь.

— Фирфаров упрямый, звал в инструментальную — не идет,— возразил Николай.— Много ли он пожил, а уж приглядел себе три аршина.

— У солдата, пожалуй, правильная голова,— подумав, согласился Анисимов.— Богачи ездят в Крым, на кислые воды, и там с болезнями расстаются. Вот бы в Крым и отправить беднягу полечиться.

— Кто его отправит? Начальник в травилке — камень, а мастер — редкая сволочь,— сказал Николай.— Чуть что — и за ворота...

— Выше постучимся,— предложил Анисимов и свернул на дорожку к заводской конторе.— Не поможет полковник, до генерала дойдем.

Эта решительность до того была не в характере медлительного Анисимова, что Николай растерялся, поотстал.

— Куда торопишься, дров сгоряча бы не наломать,— Николай заговорил с беспокойством.— Боюсь, навредим Фирфарову, он скрывает от начальства болезнь, и еще... Вдруг полковник спросит, кто нас уполномочил?

— Уполномочил кто? — спросил Анисимов.— Я отвечаю... совесть нас уполномочила!

Николай повторил за Анисимовым:

— Совесть уполномочила! Правильно рассуждаешь. Пошли к полковнику.

Правитель канцелярии решительно заслонил дверь кабинета.

— Неприсутственный день.

Николай набычился, глаза злые: толкает литым плечом — и щупленький офицер врежется в стену. Анисимов оттеснил его.

— Ждать присутственного, а мастерового ногами вперед вынесут?

У чиновника сползли на кончик носа очки, он испуганно дернулся в сторону.

Полковника мастеровые застали врасплох. Вид у него был не барственный, китель с регалиями висел на спинке стула, а он сам, в вельветовой куртке, похожий на заштатного приемщика, рассматривал новое кружало. Инспектор артиллерийского ведомства дал ему высокую оценку, начальник образцовой — резко отрицательную. Кто же прав? Генерал просил не медлить с ответом. И вот, когда нужно сосредоточиться, посмели ему мешать.

Подняв голову, полковник нахмурился. Мастеровые явились в неприсутственный день.

— Фирфарова без чувств вынесли из красилки,— заговорил Николай.— Кислоты и лаки человеку здоровье сгубили — чахотка его поедает, требуем отправить в Крым лечиться.

— За счет казны,— вставил Анисимов.

Полковника сейчас раздражало все: и мастеровые, что ворвались в кабинет, и трусливый правитель канцелярии, виновато заглядывающий сюда, и докучливый генерал. На языке вертелось: «В Крым? А почему не в Герберсдорф? Признанный мировой курорт». Но он сдержался,— наверно, депутация. Хочешь не хочешь, а терпеливо выслушай весь этот бред.

— Казна не обеднеет,— настаивал Анисимов.— В отравленном чаду красилки...

— Фирфаров не крепостной, знал, на что шел. Если чахоточных и слабых здоровьем мастеровых возить в Крым за счет казны, то завод выгоднее закрыть,— резко ответил полковник. Опомился, заговорил мягче: — Лечите больного обществом, пустите лист, как делаем иногда мы в офицерском собрании.

Вынув из кителя бумажник, полковник протянул мастеровым пятирублевую бумажку.

— Открою лист, генерал, господа начальники мастерских не откажут, пожертвуют, кто сколько может.

— На бедность? — Николай навалился на стол, Анисимов предупреждающе наступил ему на ногу — не горячись.

— Мы не на папёрть шли...

— Нищим подают медяки,— сухо ответил полковник,— жертвую кредитный, сожалею, но собственного монетного двора у меня нет.

«Дешево ценят на оружейном человеческую жизнь,— подумал Николай,— и не в полковнике дело. Таков уж несправедливый строй в России». Но не удержался, сказал:

— С листом ли, с шапкой на паперти — одно и то же.

— Не желаете пускать лист жертвователей, дело ваше,— полковник убрал деньги в бумажник.— Не навязываю. Можно Фирфарова с красилки и на пенсию вывести. Поблагодарит ли он ходатаев?

Выбравшись из кабинета, Николай с досады плюнул. Ругал себя за горячность и Анисимов.

— Не получилось, а хуже бы бедняге от наших хлопот не стало. Хитер полковник, под корень срезал.

— На казенном правда и не ночевала,— поддакнул Николай.

— Пока всяк только при своей обиде будет брать лиходея за грудки, любой городской зачинщику голову отвернет. А попробуй задеть какое-нибудь благородие... сомнут, в земле сгноят. Сподручно им нас в одиночку бить. Деда твоего турнули без права поступления, отца — по той же статье. А если бы...— Анисимов распрямил плечи.— Нас, рабочих и мужиков, тьма-тьмушая, их сиятельств благородий — горстка. А вот они правят, сундуки набивают, тех, кто ропщет, сажают в острог, гонят по этапу.

— Кто же нам подскажет, как прутики воедино собрать? — живо спросил Николай.

— Землегляд. Он народник,— сказал Анисимов.— Побольше бы таких было, не посмели бы мастерового и мужика притеснять.

— Народник,— повторил Николай, и ожили смутные воспоминания детства, когда в Петербурге на Екатерининском канале убили царя. Жена начальника завода все траурное на себя напялила, а дед Емельянов разорил копилку, рублевые свечи поставил своему святому — Николаю Чудотворцу, святым Петру и Павлу за то, что бог прибрал царя. Натерпелся дед горя у помещика и в долгой солдатчине.

— Послезавтра собираемся в леску за Гагаркой, зайти? — спросил Анисимов.

— За мной-то зачем? — вяло спросил Николай и вдруг оживился: — Ах да, с Землеглядом познакомись...

Алексей Алексеевич, новый правитель канцелярии, надворный советник, слыл в Сестрорецке либералом.

Полковник, видимо, поручил ему «что-то сделать для чахоточного». Спустя неделю, когда Фирфаров еще отлеживался в больнице, Николая неожиданно вызвали в канцелярию.

— Радуйтесь, штраф с Фирфарова снят,— Алексей Алексеевич, постукивая очками по кулаку, продолжал: — Здесь вот деньги на лечение.

Он отодвинул пресс-папье, под ним был конверт. Пересчитав деньги, сказал:

— Тридцать рублей смогли выделить.

Вызов в канцелярию, отмена штрафа с Фирфарова и свалившиеся вдруг деньги были для Николая такой неожиданностью, что он растерялся, переминаясь с ноги на ногу, не знал, как поступить. На лечение тридцать рублей мало, а для Фирфарова это деньги большие. Месяц с семьей прокормится.

— Ведь вы ходатайствовали за Фирфарова?— Алексея Алексеевича сбила с толку нерешительность Емельянова.

Николай не успел ответить, генерал, приоткрыв дверь, позвал чиновника.

Полчаса прождал Николай, а уйти нельзя — тридцать рублей лежат в конверте. Заскучав, он взял со стола книгу: незнакомые буквы на обложке, но с любопытством полистал.

— Никак французский знаете?

Увлечшись книгой, Николай не заметил, как вернулся от генерала правитель канцелярии.

— На чужом языке, наверно, интересно читать? — сказал Николай и спросил: — Роман из какой жизни?

— «Лелня» — это роман о судьбе женщины, а написала его французская писательница Жорж Санд, — доброжелательно объяснял Алексей Алексеевич. — Любите читать?

— Редко приходится. В обществе трезвости дают книжки все больше о спасении души, про козьи дьявола и белую горячку.

Алексей Алексеевич засмеялся: позабавила откровенность мастерового.

— В ваши годы еще рано думать о спасении души, — сказал он. — А что любите читать — о приключениях, похождениях сыщиков?

— Тянет к серьезному, — признался Николай. — Прошлым летом студент дал почитать «Муму». До сих пор, как закрою глаза, вижу Герасима в лодке с собачкой и кирпичи.

То ли подкупила любовь мастерового к серьезной книге, то ли чиновнику хотелось поближе познакомиться с Емельяновым. Так или не так, но он пригласил его во вторник к себе.

— Есть в моей библиотеке Толстой, Короленко, Тургенев, Лесков.

Во вторник, словно назло, мастер оставил Николая на сверхурочные. Прямо с завода он поспешил в Ермоловку. Когда в конце улицы показался темно-зеленый особняк с квадратной башенкой, Николай оробел, сбавил шаг: опоздал безбожно, удобно ли? Но себя успокоил — не в гости идет, за книгами.

К решетке была прикреплена фанерка с оскаленной пастью овчарки. Николай открывал калитку с предосторожностью, ожидая злобного лая и стремительного броска, но пес вел себя странно — не показывался и молчал. Дорожка, густо посыпанная песком, вела не к парадному крыльцу, а к застекленной веранде, откуда доносились раскаты бильярдных шаров. И когда до веранды осталось несколько шагов, из ягодника выкатился черный лохматый шарик с белым бантом и весело затанцевал у ног Николая, тыча холодный нос в руку.

— Попрошайка, — Николай погладил собачонку, кинул пряник.

На веранде, возле странного бильярдного стола без луз, вразвалку прохаживался мужчина с заметным брюшком, лысиной, стыдливо прикрытой поперечными тощими прядями. Он был в батистовой рубашке с длинными рукавами, голубой пиджак и галстук висели на шпингалете окна. Высокий, как всегда подтянутый Алексей Алексеевич стоял у противоположного борта и посмеивался: шары расположились в позиции, невыгодной противнику.

Приход мастерового был некстати. Однако свое недовольство Алексей Алексеевич хитро скрыл за деланной улыбкой.

— Часы, любезный, у вас без стрелок. Не обессудьте, пока партию не кончим, придется поскучать.

— После смены мастер оставил, винтовку отлаживал, подарок великому князю,— объяснил опоздание Николай.

Алексей Алексеевич перевел взгляд с мастерского стола на бильярд и обнаружил, что в этой сложной ситуации, оказывается, шар-то выигрышный. Теперь он напряженно следил, как партнер натирал мелком кий и прицеливался. Удар получился вялый, шар, скользя вхолостую, ткнулся в борт.

Черкнув мелком что-то на грифельной доске, повеселевший Алексей Алексеевич сказал Николаю:

— Это не простой бильярд. Карамболь — тонкая игра.

Николая задело: карамболь — барская придумка, гоняют без толку шары по бильярду и бахвалятся.

— Карамболь — не трактирное занятие, это верно,— заступился за бильярд Николай.— Да любой заморской диковинке наша пятишаровая фору даст. На мужицком бильярде по заказу можно положить шар в лузу. В этом-то и есть интерес. А на вашем карамболе один стук-перестук.

— Да, конечно, и я игрывал пятишаровую так, что, бывало, завидовал старый Слободской, а это игрок: никто не мог его загнать под стол петь «кукареку»,— сказал примирительно Алексей Алексеевич.— Мазиле, согласен, не сыграть и в простенькую пирамидку, но карамболь признала вся просвещенная Европа.

На заводе он нет-нет и заступится за рабочего, даже вот помог Фирфарову, а дома — барин. Где-то Николай встречал его гостя? Где?

И вдруг в памяти Николая ожило стрельбище. Тогда он подрядился в команду, обслуживающую состязание на лучшую винтовку для русской армии. Офицерская комната и сторожка были набиты до отказа, слышалась немецкая, французская, английская речь.

Ружейные короли Наган, Маузер и Смит-Вессон не скупились на богатые подарки. В кругах, близких к императорскому двору, и военном ведомстве еще до состязаний победу отдавали Нагану, Маузеру, любому иностранцу, только не русскому офицеру Мосину.

В последний день стрельб стояла ветреная погода. Винтовки иностранных фирм, к удивлению всех, были плотно зачехлены. Мосин велел старшему стрелку свою трехлинейную держать у бойницы, обдуваемой ветром и песком,

Николай заметил, как от группы русских офицеров отделился полковник, направился к Мосину и что-то ему тихо сказал. Стоя навытяжку, Мосин почтительно, но громко, чтобы слышали военные, штатские и уполномоченные ружейных королей Нагана, Маузера и Смит-Вессона, ответил:

— Ваше высокоблагородие, по статуту полевой службы винтовке не положен чехол. Она должна стрелять без отказа.

— Похвально, капитан, вы верны себе,— сказал уважительно полковник. Он-то знал, что лет пять назад этот безвестный офицер отказался от шестисот тысяч франков, которые ему предложила французская фирма за изобретенную винтовку.

На состязании лучшей была признана русская винтовка капитана Мосина. После короткого замешательства в Главном штабе и придворных кругах винтовку-победительницу стали называть «системы Мосина — Нагана». Это вызвало возмущение среди рабочих-оружейников и ропот части офицеров-очевидцев. Чтобы притушить скандал, Александр III повелел русскую армию вооружить мосинской винтовкой, а именовать ее «трехлинейная образца 1891 года».

Бельгийский фабрикант Наган за поражение был хорошо вознагражден. Военное министерство ему выплатило двести тысяч рублей, а Мосину в виде поощрения... тридцать тысяч.

Вот там-то, на стрельбище, Николай и видел нынешнего гостя правителя канцелярии, кажется, представлявшего интересы какой-то фирмы...

— За духовным хлебом явился мастеровой,— перехватив настороженный взгляд гостя, сказал Алексей Алексеевич.— «Войну и мир» хочу дать. После «Муму» не рановато?

— За вами удар,— уклончиво, с плохо скрытым недовольством ответил гость и, прищурив глаза, проверил кий.

Партия в карамболь грозила затянуться. Открыв дверь в столовую, Алексей Алексеевич похлопал в ладоши.

Из внутренних покоев появилась хозяйка, в модном голубом платье, в нарядном передничке, размахивая щипцами для колки орехов. Она была некрасивая, близорукая, на верхней губе вытянутого мужеподобного

лица пробивались черные усики. В Ермоловке за властный характер ее называли Министр.

— Готовлю для пирога начинку, мог бы и не мешать,— сказала она и осеклась, заметив в углу веранды мастерового. Ее бесило, что к мужу нет-нет да и заходят оружейники.

— Запоздал Емельянов, оставили после смены, дай, малютка, ему почитать что-нибудь. Толстого, Лажечникова,— на твое усмотрение, а мы пока партию доиграем.

Переведя взгляд с юфтовых сапог мастерового на паркет в столовой, натертый до блеска, она сказала:

— Надеюсь, твоего протеже не затруднит зайти в дом с другого хода. Между прочим, мы ходим с переулками, там ворота, калитка.

Алексею Алексеевичу стало неловко. Сбив замах, он отставил кий и робко постыдил жену:

— Бог знает, малютка, Емельянов подумает, что твоя столовая — королевский тронный зал.

Встретившись с ее колючим взглядом, он сник.

— В семейном доме жена — властелин-повелитель,— улыбнувшись сказал он.— Сейчас все уладим, принеси, малютка, туфли...

— По черному ходу нам привычнее,— колко заметил Николай. Он и сам в подкованных сапожищах не ступил бы на паркет. Оскорбил его снисходительный тон хозяйна. Туфельки предлагает, зная, что рабочие носят портянки.

— Обойдете дом слева, увидите высокое крыльцо, низенькое пропустите,— подсказал Алексей Алексеевич, берясь снова за кий.

В этом доме был необычайный вход: с просторной передней начинались две лестницы. Широкая деревянная вела во второй этаж, а винтовая железная — в мандарду. По этой лесенке Министр провела Николая в комнату с темным дощатым потолком. Узкое окно загромождала высокая конторка. У стен от пола до потолка — стеллажи. Книги расставлены бессистемно, неопрятно, между томами словаря Брокгауза и Ефрона втиснуты журналы и брошюры. Министр удивительно легко разыскала «Ледяной дом» и «Севастопольские рассказы». Но ей хотелось досадить мастеровому — таскается в порядочный дом, как в общедоступную читальню. Она оскорбительно предупредила:

— Книжки дорогие, из собраний сочинений. Прошу, не ставьте кастрюли и не капайте щи на страницы.

Николай зажал книги под мышкой.

— Возвращу в сохранности. Не в постели читаю и не на кухне, так что не беспокойтесь,— заверил он.— Книга гость в доме рабочего, увы, пока еще редкий.

С веранды доносился перестук шаров. Николай понимал — некрасиво уйти не попрощавшись, и тошно быть навязчивым. Как зазывал Алексей Алексеевич к себе, а встретил... Две души у человека.

Откуда-то опять появился на дорожке черный шарик с бантом, благодарно лизнул руку Николаю. Постояв, он раздумал идти прощаться с хозяином, кинул под куст акации пряник, чтобы не увязалась собака. Закрывая калитку, Николай с улыбкой взглянул на фанерку с оскаленной пастью: собака — самое радушное существо в этом холодном доме.

3

Александра Николаевича давно из заводской книги вычеркнули, а он так и остался оружейником, тянулись в домик Емельяновых на Никольской мастеровые. Приходили просто посидеть, и за советом, и лодку взять — дрова перевезти из-за озера.

По воскресеньям бывало особеннолюдно. Толковали о том о сем, а больше — про казарменные порядки на заводе, штрафы, сбавку расценок. Времена настали: без коровы, поросенка, огорода и залива не прокормиться семье на жалованье.

В это воскресенье после полудня всем семейством явились Быки — три брата и две сестры. Лет семьдесят настоящая их фамилия — Федоровы — упоминается лишь в официальных бумагах. Подошли Ленков и Шатрин, молодые оружейники, товарищи Николая. На широкой скамье под красавицей рябиной сразу стало тесно. Параскева, дочь Емельяновых, вынесла из дома табуретки и венский стул.

Николай говорил вполголоса — по ту сторону забора, под густыми, свисающими на улицу ветвями рябины стояла такая же скамья. На ней отдыхали прохожие, присаживался и младший городской. Церковь Николая Чудотворца как на ладони.

— Вольная каторга у нас на заводе. Отстукаешь четырнадцать часов, приплетешься, поужинаешь, соснешь, глаза протрешь — и опять заступать в смену. Зимой в

воскресенье только белый день и увидишь. А человеку природой положено восемь часов на работу и по столько же на отдых и сон.

— Не про нас, племяш, та райская жизнь,— перебил Абрамов. Он рано утром заглянул проведать сестру и вастрял.

Поликсенья Ивановна зашикала на брата: зачем, мол, сбиваешь Николая, послушать людям не даешь.

— А как унижают рабочего?— продолжал Николай.— В проходной дворники выворачивают карманы, скоро в рот станут заглядывать.— Николай остановил взгляд на Шатрине, как бы спрашивая: «Правильно я говорю?»

Оглаживая козырек фуражки, Шатрин неожиданно резко отозвался:

— Притомился бунтарский дух. На реке Сестре раньше жили свободолюбивые мастеровые. Под батоги ложились, а честь рабочую берегли. Понаехали пришлые, омельчали и оружейники, покорны, перед чиновником четырнадцатого класса шапку ломаем.

— Обмельчали, ты это серьезно?— спросил Ленков, стройный, всегда подобранный. На завод он и то надевал свежую рубашку и галстук.

— Еще как!— с вызовом бросил Шатрин.— Старики помнят солдата караульной команды, его деда и тезку,— он кивнул в сторону Николая.— Вот был человек — с характером, не терпел насилия. Помещик боялся, сдал его в солдаты. В роте на словесности он непочтительно хмыкнул, когда фельдфебель вдалбливал в башку солдатам именование и титулование особ императорской фамилии. Сослали строптивного солдата на Сестрорецкий оружейный. В крепостную пору это был полузавод-полутюрьма.

— Деда своего помню, он-то уж не дал бы себя обыскивать,— крикнул Николай,— а мы за место держимся, вот и глумятся над нами даже дворники.

Всех это задело. Петр Бык, самый старший, сказал Николаю:

— Глубже, в самый корень смотри. Покорность и забитость наша идет от нищеты. В ушах звенит от трезвона про обыски, а о тяжком ярме — ни гу-гу, разве что в сортире, и то шепотом. А что разоряет мастерового? Инструмент! Метчик сломал на казенной работе — покупай у Слободского. Напильник затупился, треснуло сверло — опять спешь к лавочнику на поклон. Иной раз

пойдет полоса невезения — сталь пустят крепкую, в получку рассчитаешься за инструмент, домой принесешь в кошельке слезы с мелочью.

— Про штрафы помалкиваешь? Чихнешь не так — плати, — вставил Александр Николаевич. Он в холодке чинил мережу.

— Все разом не отменят, а обыски — шут с ними, — защищался Петр.

На что Шатрин горячий, и то отступился от него, лишь в сердцах бросил:

— Попроси начальника, чтобы тебя и при входе на завод дворник обыскивал.

Поликсенья Ивановна вынесла из дома угощение — жбан хлебного кваса мужчинам, а бабам — полный противень жареных подсолнухов. Казалось, что и в это воскресенье все разойдутся, ничего не решив, но поднялся со скамьи Николай.

— Давайте вразумительно скажем, а то получается: постоять за себя и семью боимся. Здесь на беседе несколько фамилий оружейников — не из последних на заводе, потребуем у администрации: восьмичасовой рабочий день, казенный инструмент, и чтобы по части обысков не унижать...

Затрясло калитку, кто-то за ней злился. Николай замолчал.

— Чужого сатана несет, — буркнул Александр Николаевич. Незаметно вытащив секретный гвоздь, он открыл калитку и накинулся на Сеньку Соцкого, полицейского: — Шкалик опрокинул лишний? Дрянную шеколку не может отомкнуть, любезных моих гостей перепугал. Чего ломишься?

Соцкий был в штатском, брюки навывпуск, голубую сатиновую рубашку перехватил шелковым нарядным пояском. В Сестрорецке мало кто знал, что его настоящая фамилия Прохоров. Прозвище хорошо приклеилось — с год как и в казенных бумагах помощник пристава Косачев писал: «Соцкому. Исполнить», «Соцкому. Доложить...»

— Сборище? — Соцкий хмуро обвел глазами скамью; место Николая, который отошел к сестре Параскеве, в сторонке вышивавшей полотенце, уже занял Леньков. Он, делая вид, что не замечает полицейского, читал вслух стихотворение.

Александр Николаевич не подпускал Соцкого к скамье, нарочно петушился.

за какую провинку? — спрашивал строго Александр Николаевич.

— Прокламация про царя, запретная,— Соцкий рванулся к Ленькову.— Тряхну, дурь разом изойдет.

Александр Николаевич загородил Ленькова.

— Книжица-то взята из Александро-Невского общества трезвости. И знай, Соцкий, царь беспощадный — не император Николай второй.

— Так то читали не про нашего самодержца? — смягчился Соцкий и сразу заговорил несколько растерянно: — А про чужих царей какая нужда злословить, от бога цари.

Приятности от Соцкого в компании никто не ждал. Первыми ушли Быки: на вербной неделе Петра сутки продержали в участке. Поднялись Шатрин и Леньков.

С пустыми руками как Соцкому возвращаться в участок? Похвалился приставу накрыть на Никольской смутьяново сборище. Злой Соцкий кинулся в дом.

Сделав знак Николаю, чтобы оставался во дворе, Александр Николаевич прошел за полицейским. В большой комнате Соцкий сгреб в охапку книги с этажерки, швырнул на стол.

— Сыскал запретные книги? Только болван на свету такие держит,— неторопливо вразумлял полицейского Александр Николаевич. Открыв обложку, он показал портрет: — Граф, понял, их сиятельство граф Толстой.

— Не слепой, читал и графа,— огрызнулся Соцкий. Он был серым, малограмотным мужиком, но каждое утро на вокзале покупал «Биржевые ведомости».

— Тратишь время, а на что... пригубил бы водочки, приятная, холодненькая.

От угощения Соцкий отказался. Недоверчиво полистав книгу, ушел.

Заговорила Поликсенья Ивановна:

— Неспроста водку не выжрал, озлобился Сенька, жди беды.

— Одумается, день-то долгий. Вернется, на стакан накажет,— сказал Александр Николаевич, не придавая значения тревоге жены.

Предчувствие не подвело Поликсенью Ивановну. Она проснулась ночью, в четвертом часу. Разбудили ее подозрительные шорохи на улице.

— Бродяги шнырят, до нас черед дошел, позавчера у Ахропотковых погреб очистили. Пугани из ружья,—

Поликсенья Ивановна растолкала крепко спавшего мужа.

Александр Николаевич натянул холщовые штаны, сорвал со стены берданку — и к окну.

— Бродяги рангом выше лезут через забор,— сказал он.— Эка, и Соцкий перемахнул. Норовит врасплох застать.

Повесив ружье, Александр Николаевич скинул штаны и юркнул с головой под одеяло, оставив щелочку. Над занавеской сперва показалась заломленная фуражка, затем — усатая физиономия Соцкого. Он прильнул к стеклу и подал знак рукой, городовые усердно забарабанили в дверь.

Откинув одеяло, Александр Николаевич сделал вид, что не узнал Соцкого, погрозил кулаком, заругался.

— Перепили, прохвосты, баламутите, ни днем, ни ночью нет покоя людям.

— По предписанию петербургского губернатора! — кричал Соцкий, тыкая в стекло бумагу.

Александр Николаевич открыл форточку, сказал:

— Днем не натешился, гостей разогнал. До пристава дойду, пожалуйюсь.

— С обыском, предписание из Петербурга,— кричал Соцкий, хотя Емельянов находился по другую сторону форточки.

— Вот те на́, из Санкт-Петербурга,— простодушно заговорил Александр Николаевич,— за что же честь такая!

— Пошевеливайся, старый притворщик, открывай, не то побежишь плотника нанимать,— пригрозил Соцкий.

— Валяй, бревном сподручнее, у баньки лежат,— советовал серьезно Александр Николаевич. Не спеша надев штаны, он вернулся к окну.— Прикажи своим идолам не шуметь. Кто ж так обыск проводит? Смотри, дадут по шапке.

Мастеровой, отлученный от казенного завода, глумился, но младшие городовые, верно, переусердствовали. Соцкий прикрикнул на них и, отмахнув шпингалет, влез в окно.

— В доме все глухари? Полиции не открывают! Поворачивайся, живо,— приказал Соцкий.

— На любовницу покрикивай,— рассердился Александр Николаевич.— Бумагу под сургучной пе-

чатыю от земского имею, летучим ревматизмом страдаю, вот обуюсь и отопру.

Он нарочно громко пререкался с полицейским. У старшего сына могло оказаться оружие и брошюры. Совсем недавно принес листовку — знаменитую речь на суде Петра Алексеева о тяжелом и бесправном положении рабочих в России. Николай давал читать листовку товарищам, а вот успел ли спрятать ее? За такую листовку и на каторгу сошлют.

Сунув ноги в женинны валенки, Александр Николаевич открыл дверь. В сени ввалились городовые и понятой, еще не протрезвившийся слесарь из штыковой мастерской. Он попросил у Поликсеньи Ивановны воды.

— Помоев налью: пропил стыд, в чужой дом с басурманами ввалился,— ругалась она, но принесла с холодка ковш хлебного кваса.

Понятой приютился на кухне: совестно пособлять полиции. Городовые отправились на вторую половину дома. Соцкий остался в большой комнате. Он начал обыск с комода, резко сдернул вышитую скатерку, на пол посыпались слон с качающимся хоботом, матрешка, шкапулка, мраморное яйцо, клубок шерсти.

Увидев на полу разбитую шкапулку, Поликсенья Ивановна кинулась с кулаками на Соцкого.

— Бьешь, злодей, сам наживал? — крикнула она, всегда тихая, ровная.

— Камень не проймешь ни слезой, ни руганью,— оттащил мать от полицейского подоспевший Николай.

Соцкий побаивался старшего сына Емельяновых, вызвал на подмогу городового. Перетрясли они постель.

Из комнаты младших детей городской принес Соцкому самодельную тетрадь и тоненькую брошюру.

— Крамола, в сундуке всяким тряпьем заложены,— с придыханием в голосе докладывал городовой.

У Соцкого был редкий нюх на нелегальную литературу — на ощупь определял запрещенную. Полистав тетрадь, он взялся за брошюру, затем насмешливо сощурил глаза, сказал:

— Бумага благородного сорта, бунтовщики печатают свои подстрекательства на курительной и дешевой.

Закончился обыск, разорены постели, выброшено на пол белье, под ногами хрустят стеклышки бус. Но крамольной литературы и револьверов полиция не нашла.

Спустя день в трактире на постоялом дворе мастера-вые под гармошку спели частушку, как городовые на Никольской обыск делали и кукиш в матрасе обнаружили.

4

С мороза в доме показалось Николаю жарко, снял фуфайку.

Отца он застал за необычным занятием. Александр Николаевич, благостный, сидел в красном углу, часто макал перо в пузырек с чернилами, что-то писал. Напротив, подперев кулаком подбородок, наблюдал за ним Лапотков, глубокий старик с патриаршей бородой. На столе лежала медаль золотая на анненской ленте.

— Спервоначалу был пожалован мастерский кафтан, затем медаль. Награды и пенсии от казны даны за усердие и прилежание. Давно ли самого отставили от завода — все забылось, все поросло. Лешке, моему внуку, ходу не дают, — тяжело вздыхая, медленно говорил Лапотков.

— Непочтительно — Лешке, пишу Лексею, — поправил Александр Николаевич.

— Никак прошение сочиняете, — удивился Николай. — У стряпчего, отец, хлеб отбиваешь.

— Без выкрутасов-то оно и лучше, — сказал Александр Николаевич. — Чем зубоскалить, присел бы рядом, что не так, посоветовал бы, коли к месту — поправим.

Николая разобрало любопытство: что за прошение старые пишут, кому? Он принес из кухни табуретку.

— Прочти заново, — попросил Лапотков. — Колюха послушает.

— «Имею смелость почтительнейше просить ваше превосходительство о восстановлении справедливости, — тихим голосом, водя пальцем по строчкам, читал Александр Николаевич. — Учитывая мою многолетнюю и усердную службу на Сестрорецком оружейном заводе, награды, помощник ваш милостиво разрешил моему внуку Лексею, той же фамилии, находиться под рукой германца, с тем чтобы по окончании сборки нового молота управлять им.

Германец этот, суший прохвост, ничему моего парня не учит, все хитрит, мало что чертежи прячет, еще дразнится, обзывает лаптем. Обнаглел, не скрывает, что выпишет из неметчины своего шурина на выгодный

контракт. Это место сулили моему внуку, он весь в Лапотковых, к любому делу поставь — не оробеет... Умоляю, ваше превосходительство, призовите сукина сына к порядку, велите ему неукоснительно соблюдать контракт, пусть покажет Алексею самую малость по электричеству, а до остального он своим умом дойдет...»

Прочитав прошение, Александр Николаевич скосил глаза на сына, задавая немой вопрос: «Какова бумага? Присяжный поберенный такую не сочинит».

— По-моему, лучше и не надо, вся суть понятно изложена, — опередил Николая Лапотков.

— Не по носу ему наш табак, отмалчивается, — Александр Николаевич заподозрил, что сыну не понравилось прошение.

— Немец, действительно, сукин сын, а вот в бумаге это писать нельзя, в остальном же все складно, — сказал Николай. — Проучить его следует. Но как на это посмотрит генерал?

— Каркаешь под руку, — перебил Александр Николаевич. — В прошении перца хватает аль прибавить?

— Вроде все на месте, — Николай задумался. — Конец бы приделать посереднее.

— Правильная у парня голова, — согласился Лапотков. — Допиши, Николаевич, посереднее.

От генерала прошение попало к помощнику, а тот, не прочитав, переслал правителю канцелярии. Немцу даже не сказали про жалобу, не верили в Лешкин талант. Молот стоит значительно дороже всей замочной мастерской. Чем рисковать — лучше выписать шурина этого немца.

По-прежнему немец приходил на работу в длинной, до пят, медвежьей шубе, раздевался в конторке у начальника, не спеша, наслаждаясь, выкуривал ровно половину папиросы, потушив, бережливо клал окурки в коробку и надевал темный отглаженный комбинезон с накладными карманами.

На монтаже молота, как ни оберегайся, — пятен наставишь, а у немца после смены только руки в масле и окалине, комбинезон свежий, словно из-под утюга.

Когда заливали фундамент, устанавливали накопальню, немец охотно брал мастеровых к себе в помощники, навязчиво бубнил, что от русских у него нет секретов, а начиная монтаж привода, отгородил площадку канатом.

— Провода чуть тоньше волоска, ваши напутают, я неустойку плати,— заспорил он однажды с мастером,— а у меня дома Грета, Марта, Анна-Мария...

За канат имели доступ начальник мастерской и Лешка. Немец внешне с ним был дружелюбен, но к секретам не допускал. Парень Лешка исполнительный. Промыгь в керосине детали, разогреть паяльную лампу, сходить в сарай за концами — все делал охотно. Случалось, у немца не клеилось с пригонкой деталей, провод плохо укладывался. Он тогда выкуривал папиросу без остатка и жаловался: «Год назад с завязанными глазами делал». И тут незаметно подключался Лешка. От природы любознательный, он все схватывал на лету и к концу монтажа знал молот не хуже немца. Однажды, застав Лешку в раздумье над схемой привода, посмеиваясь, он изрек: «Шарики здесь не той пробы»,— и постучал пальцем по Лешкиной голове.

На заводе собрались опробовать молот. Из штаба приехал генерал с офицерами. Пустили посмотреть чудо техники по два-три рабочих из остальных мастерских, был среди них и Николай. Дед Лапотков накануне слег и попросил его передать прошение генералу из главного штаба.

— Лешка обхитрил немца,— уверял он,— по ночам пробовал машину, слушается она его.

Немец явился в черном костюме, накрахмаленной белой рубашке. Как чудодей, он повелевал: то со страшной силой боек обрушивался на раскаленную болванку, то наказывал ее родительскими шлепками, то отглаживал и прихорашивал. Цирковой номер немец приберег под конец. Он поставил на наковальню свечу и остановил падающий боек над самым пламенем. Боек послушно застыл над фарфоровой чашкой.

— Чудесная машина,— похвалил генерал.

— Умным рукам она послушна, ваше превосходительство, а у полузнайки и забунтует,— хитрил немец.— Осмелюсь советовать к молоту поставить механика Шульца из Магдебурга: контракт, казенная квартира, дрова, керосин.

«Чужестранца выписывать?» — генерал нахмурился, спросил начальника мастерской: — Не найдется у вас толкового оружейника?

— Осмелюсь,— заговорил немец, хотя его и не спрашивали,— электричество — наука, для ваших рабочих

китайская грамота.— Он презрительно окинул взглядом мастеровых, стоящих поодаль от офицеров.

Генералу не по себе, немец ловко всех обставил, хочешь не хочешь, а придется выписывать механика. Откуда знать мастеровым, едва одолевшим азбуку, законы электричества.

— Выписывайте магдебургского механика,— приказал он.— С наших спрос мал, с лучины на керосин едва перебрались.

Мастеровых возмутила уступчивость генерала.

— Как германец, так семи пядей во лбу,—громко сказал Николай.— Можно подумать, что они землю, небо и человека сотворили.

Генерал услышал. Задело.

— Найдется среди оружейников умелец? — обратился он к офицерам, стоящим почтительно шагах в двух.

— Талантами не обижены. Есть слесарь в образцовой, сделает винтовку-диковинку, со штыком в спичечную коробку поместится,—заговорил уверенно начальник завода. Но вдруг заколебался: — Поставить умелого с обычного молота можно, но, не дай бог, оконфузится, электричество не у всех еще в квартирах и на Невском.

— Не из сахара молот, попробуем,— все же решился генерал.— Кто из мастеровых не побоятся?

Немец улыбался широко, доброжелательно. Он живо представил себе, как позабавится над невежеством русского мастерового, который рискнет подойти к молоту.

— Кто смелый? — спросил генерал и, обождав, помрачнел: — Нет смелых?

Немец фыркнул.

Дальше терпеть было нельзя, Николай вытолкнул Лешку в круг. У немца физиономия вытянулась: парень кое-чему у него научился, но соперничать?

— Сможешь? Приступай,— сказал генерал.

Балагура Лешку было не узнать: бледен, хмур.

— Докажи, Лешка, что у русского мастерового в голове не мякина,— громко сказал Николай.

Лешка встретился с ним глазами, мотнул головой и решительно шагнул к молоту.

Раскаленная поковка уже лежала на наковальне. Отрубив от нее кружок, Лешка отковал игрушечную винтовку. Охладив ее в бочке с водой, поднес генералу.

— Топорная работа,— немец поморщил лоб.— Шульц брошку вынет из-под молота.

— Не ювелирная,— согласился генерал, но спохватился, сказал резко: — Не украшения — броши и серьги барышням — на молоте собираемся ковать.

— Откую и брошку,— неожиданно принял вызов немца Лешка.

Немец молча поставил на наковальню фарфоровую чашку и тоже с вызовом посмотрел на Лешку.

— У нас не цирк! — крикнул Николай. Он понимал — у немца это отработанный трюк. Лешка же чуть дотронется бойком — чашка разлетится.

Лешка переставил чашку с наковальни на тумбочку, у генерала сердито сошлись брови: подкачал мастерской, струсил.

— Кто даст часы? — спросил Лешка.

Карманные часы у мастеровых? Не в каждом доме есть ходики, по гудкам заводским живет рабочий Сестрорецк, заступает на смену, обедает, отдыхает.

— Кому не дороги часы, несите, этот мастер ватрушку сделает,— предложил немец.

Генерал отстегнул от цепочки золотые часы.

В мастерской было так тихо, что выстрелом прозвучала шелкнувшая крышка часов в руках Лешки. Он положил их циферблатом вверх. В следующий момент в грохоте будто слились боек, наковальня, и стало тихо-тихо — было слышно чье-то сопение в свите генерала.

У Лешки пылали щеки, а в глазах — радость: на наковальне лежали часы целехонькие. Генерал прицепил часы к цепочке и подмигнул немцу.

Генерал сейчас был близко, но Николай не подал прошение. Лешка уже не нуждался в протекции деда.

5

Помощник пристава Косачев вернулся домой около двух часов ночи. Разделся в прихожей, затаив дыхание открыл дверь в спальню и в темноте наступил на Трифона, сибирского кота. Жена проснулась, зажгла свечу.

— Не ври и не отпирайся, с поминков порядочные за-светло вернулись. У полюбовницы назюзюкался.

— Задержался по долгу службы,— спына гаркнул Косачев.

— Прознает про художества исправник, определит ваше благородие сторожем на православном кладбище,— негодуя, она вылезла из-под одеяла, направила свет свечи на мужа и ахнула. Косачев был пьян-пьяным.

Черт угораздил его вместе с китемем снять с себя и нижнюю рубаху, смех и грех — на голое тело прицепил кобуру.

— Ну, и хорошо, ваше благородие,— со смехом сказала жена.— Иди-ка, ложись.

Спрятав револьвер под подушку, Косачев лег на край постели, отвернулся к стене, со свистом захрапел. Разбудил его сильный голос.

— Ваше благородие...

Косачев приоткрыл левый глаз, увидел сросшиеся брови дворника Будаева.

— Прокламации обнаружены на Никольской площади, Песках, Крещенской,— перечислял запыхавшийся Будаев.

Свет от лампы слепил Косачева. Разъяренный, вскочил он с постели, и, тыча кулаком в морду дворнику, кричал:

— Прокараулили, вороны! Где глаза были?

Вывхватив листовку у Будаева, он притих, велел лучше светить.

— «Оружейникам Сестрорецкого завода от Союза рабочих в Петербурге»,— вполголоса прочитал Косачев и, глянув на дворника, вытягивающего шею, строго спросил:

— Кто обнаружил? Фамилия, чин?

— Служу царю, вере и отечеству,— громко сказал дворник и подтянулся.— Дворник с оружейного Будаев.

— Молодец! — похвалил Косачев.— Где какую подобрали?

— Эта найдена на Никольской у тополя с дуплом, а с оборванным уголком лично мной изъята у сельского обывателя Федора Евтюхова,— докладывал торжественным голосом Будаев.— Прошу представить к высочайшей награде за усердие.

Отобрав у дворника лампу, Косачев велел принести из прихожей одежду, сапоги и обождать на кухне. Никогда еще так тревожно не начинался у него служебный день. Что принесет ему преступная крамола на улице? Могут наказать за плохое несение службы, могут повысить в чине и наградить за ревностное усердие. Все могут! Важно суметь доложить исправнику, но прежде надо отвязаться от дворника: мерзавец почуял жареное.

По дороге в участок Косачев встретил городского из заводской полиции — тот нес пакет с прокламациями, отобранными в мастерских.

— Давай сюда пакет — и бегом назад, — сказал Косачев. — Передай старшому, чтобы докладывать нарочным каждый час, у кого взяты прокламации, кто читал, слушал. Знаю, в клозетах собираются на казенном, подпустились.

Вызвав по телефону уездного исправника, забыв извиниться за беспокойство в неурочный час, Косачев срывающимся голосом докладывал:

— В начале шестого утра в Сестрорецке на Никольской площади, Крещенской, Выборгской улицах и Песках обнаружены бунтовского характера прокламации. Лично мною приняты меры к изъятию и пресечению.

— Выезжаю к вам, — сказал исправник и ободрил: — Быстро найдете преступников, представлю к награде.

— Рад стараться, — сдавленным голосом произнес Косачев и тут обнаружил, что в кабинет пробрался дворник. У чужого костра всегда сыщутся охотники погреться.

— От меня лично за усердную службу, — Косачев вынул из кошелька серебряный рубль.

Будаев нехотя взял целковый и, подкидывая его на ладони и сверля хитрыми глазами Косачева, сказал:

— Не забудьте в список внести, кто первый добыл листовки.

«Началось, — сердился про себя Косачев. — Зазеваешься, и самому не останется места у наградного пирога». Вслух же он припугнул дворника:

— Милость царская кнутом не обернулась бы, нашли чем хвастаться: государевы преступники безнаказанно прокламации на улицах разбрасывают.

Зажав рубль в кулаке, Будаев попятился к двери.

6

В эту ночь полиции удалось перехватить далеко не все прокламации...

...Поликсенья Ивановна прихворнула. Поздно вечером Абрамов выбрался проведать сестру. Александр Николаевич, тихо насвистывая, развешивал на заборе сети. Он только что вернулся с залива, был еще в брезентовой куртке, от которой пахло свежей салакой, морем и соленым ветром.

— Ишь рассвистелся, жена из постели не вылазит,

а он концерты задает,— едва открыв калитку, заговорил Абрамов.

— От моих рулад Поликсенья на поправку идет.

Посидели они возле больной, затем перешли на кухню, сороковку раздавили, и Абрамов остался ночевать.

Раньше гостя проснулся Александр Николаевич, отправился за водой на самовар. Открыв колодец, обнаружил на сохнувшем ведре зеленоватый конверт. Ребячья забава: вчера младшие сыновья и мальчишки соседские затеяли на Никольской площади и на дворе шумную игру в казаки-разбойники.

Повертев конверт, он серьезнее отнесся к письму; не было почтового штампа, кто-то ночью подложил. Почерк — не ребячьи каракули. «Старшему Емельянову». «Кто же старший?» Николай еще действительную отбывает. Александр Николаевич решил, что письмо послано ему.

Потягиваясь, сбрасывая остатки сна, выбрался на крыльцо Абрамов.

— На баловство не смахивает,— Александр Николаевич показал шурину письмо.

— Образованный писал, есть у него причина почте не доверять,— сказал Абрамов, со всех сторон оглядев конверт.— От чужого глаза и нам следует уберечься.

Войдя в сарай, Александр Николаевич опустил мешковину, заменяющую занавеску, и, выкрутив фитиль, зажег фонарь. Вскрыв конверт, он сказал:

— Листовка, на множителе отпечатана.

— Царя и богачей, наверно, пощипывают. Время тяжкое настало. Жизнь — хуже и нельзя, мастерового все, кому не лень, притесняют,— сказал Абрамов.

— «Оружейникам Сестрорецкого завода от Союза рабочих в Петербурге»,— негромко начал Александр Николаевич.— «Товарищи! Хотя на вашем заводе идет спешная работа, однако, как слышно, зарабатываете вы мало. Причина, конечно, та, что расценки слишком низки и неправильны. Есть такие разработки, на которых, как ни старайся, а больше 7 руб. не получишь. Особенно скверно в ложевой и приборной мастерской, на минных станках. В других мастерских сделаны большие сбавки; инструментальной, например, за что недавно платили 5 руб. 60 коп., теперь дают 2 руб. 20 коп. (№ 6 коробки); за полировку зуба вместо 10 коп. платят 3, за резы вместо 10 коп.— 6, вместо 4 коп.— 3 и т. д. Жалуются на сбавки также в магазинной и ствольной мастерских.

Начальство ваше зазналось и не желает даже слушать справедливые жалобы рабочих. Особенным нахальством отличается помощник начальника, а негодяй Хартулари получил к пасхе награду (около 500 руб.) за то, что сделал новые сбавки и завел при заводе целый штаб дармоедов. Начальство не входит в нужды рабочих, оно старается только о том, как бы самому получить побольше. Когда же увидит, что рабочий хорошо заработал, сейчас сбавка. Всяк, мол, сверчок знай свой шесток.

Много еще безобразий творится на вашем заводе: целую зиму половина рабочих остается без обеда из-за того, что в полдень машины останавливаются только на полчаса. Ради экономии начальство заставляет вас вместо обеда довольствоваться закуской. У нас в Петербурге такого порядка нет ни на одном заводе и ни на одной фабрике. Видно, что начальство обращается с вами, как с рабочим скотом, и думает, что Сестрорецк — это такая деревня, где из рабочих можно хоть веревки вить...»

Еще не кончил Александр Николаевич читать листовку, а шурин попросил повторить то место, где говорилось, что рабочие фабрики Торнтон и папиросницы «Лаферма» забастовали и не дали снизить расценки.

— Не перебивай, а то про себя начну читать,— прогрозил Александр Николаевич и продолжал:

— «Оружейники! Смело подымайтесь за свои права!

Во-первых, не соглашайтесь на новые сбавки в расценках, и без того они слишком низки, если же будете уступать, то настанет время, когда вам придется работать даром. Необходимо дать отпор, и вы увидите, что начальство волей-неволей умерит свою жадность.

Во-вторых, потребуйте, чтобы начальство дало вам время на обед. Если оно не согласится на ваши требования, то бросайте работу: только стачка может посбавить спеси у ваших притеснителей и сделать их сговорчивее. До свидания, товарищи! Помните, что ваша сила в вас самих, и действуйте дружно. Присоединяйтесь к нашему союзу, и будем сообща выбиваться из горькой нужды. 5 апреля 1896 г.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

— И откуда в Петербурге все так дотошно вызнали,— удивлялся Абрамов,— прямо в подзорную трубу глядели. В магазинной едва до бунта не дошло, солдат

из караульной команды вызывали, страху нагоняли, в штыковой начальник издевается: «Нынче не крепостное право, недовольны — берите расчет, на ваше место возьмем от ворот, на полтинник меньше заплатим, и будут люди рады-радешеньки, что кусок постоянный имеют».

— Чего-чего, а произвола на ружейном всегда с избытком, — заговорил Александр Николаевич; листовка разбередила затухшую обиду. — И раньше обирали и притесняли, а кто доискивался справедливости — выставляли за ворота. Костерки бы в мастерских разложить, чтобы слились все огни, вот бы заполыхало.

— Листовка тому и учит, — догадался Абрамов, — умный человек действовал, не зря Емельяновым ее подкинули, чтобы она с Никольской по верным людям пошла.

— Отнеси на завод, не солить же мне ее, — сказал Александр Николаевич.

— Непокойно в мастерских, шарят по инструментальным ящикам. Землегляд и то велел своим народникам быть осторожнее, начались аресты, — заколебался Абрамов.

— Прихвостень этот проповедник, политикан. Мне Николай еще перед солдатчиной говорил. Боятся эти народники рабочих.

Отодвинув на фонаре стекло, Александр Николаевич сжег конверт.

— Так отнесешь листовку, аль кого побойчее искать? — спросил он.

— Не отказываюсь, но сегодня боязно, не одному тебе прокламации подкинули, городовые, поди, весь завод вверх тормашками поставят, отыщут, а так чего бы не отнести, — говорил Абрамов.

— В пекло дурак лезет. А кто тебе мешает хорошенько спрятать листовку? — настаивал Александр Николаевич.

Пока шурин завтракал, он взял с комода Евангелие, ножом разрезал в переплете нитки, отделил от блока корешок — образовалось отверстие, засунул туда листовку, сказал:

— Ленькова попросить?

— Была не была! Сам отнесу.

— С Евангелием можешь идти пить чай к господину исправнику...

Обстановка в поселке была тревожная. Повсюду сновали городовые и дворники.

Абрамова остановил вахтер.

— Чья? — он пальцем ткнул в Евангелие.

— Богова, — ответил Абрамов. — Новый завет Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

— Баклуши идешь бить, — отчитал вахтер, Евангелие же не посмел тронуть.

На дворе Абрамова догнал Леньков.

— Вахтеры будто с цепи сорвались, с чего бы?

— Не угодные царю прокламации вылавливают, — ответил Абрамов и загадочно усмехнулся.

— То-то густо городских в Новых местах, а на пустыре возле перепада конные спешили, видно, их по тревоге подняли.

— На огонь потянуло... Прикачут из столицы, — Абрамов понизил голос. — Союз рабочих Петербурга расписал художества Хартулари. У мошенника в голове опилки, но сподличать ума не требуется, опять сбавил расценки.

— Пропесочили и поделом, Хартулари прохвост из прохвостов. — Леньков оживился. — Все начальники хапают, да не так безбожно.

— В листовке Хартулари крепче обозвали: негодяем, прозвище как раз по мерке, в могилу с собой унесет.

— Эх, — сожалея, сказал Леньков, — почитать бы листовку про грабителя! У Ноговицына нет, до проходной вместе шли, не смолчал бы. Добудешь, считай, я на очереди первый.

— Листовка имеется у Абрамова, брата Поликсении Ивановны, знаешь такого?

— У тебя? — удивился Леньков. — Кто же тебе, коль не секрет, ее доставил?

— Емельяновым и мне, — с гордостью сказал Абрамов и отдал книгу Ленькову. — Набирайся ума.

— Евангелие, — Леньков вяло полистал страницы. — Разыгрываешь.

Не отвел глаза Абрамов, сказал строго:

— Зять мой большой выдумщик по части тайников, в укромном месте пальцем нажмешь переплет, в корешке листовка спрятана, почитаешь, затем подскажешь, кому передать Евангелие...

7

Отслужив действительную, Николай гулял недолго, привел в родительский дом Надю, дочь оружейника Ле-

онова. Месяцем раньше сватов посылал купец Грошиков, сына собрался женить, без приданого брал Надю и деньги в банк обещал положить на обзаведение. Отказала.

Отыграли свадьбу, отвели молодым комнату за ситцевой перегородкой. Тесно было в доме. Однажды Александр Николаевич сказал Николаю:

— Отделяйся, пора своим хозяйством обзаводиться. От кума слышал — нарезают семейным мастеровым землю в Новых местах.

Емельяновых не жаловало начальство. Николаю отвели положенные сто восемь сажен, но в трясины, по соседству с гнилой бочагой, хотя в Разливе и Сестрорецке вдоволь было удобной казенной земли.

Помогая забивать колышки на границе участка, землемер сказал Николаю:

— Старание приложишь, усадьба будет всем на зависть, не у каждого хозяина своя протока к озеру.

— Чему завидовать: болото, — Николай показал на свои сапоги — головки уже засосало в трясины.

— Перенеси — и болото сгинет, — землемер не договорил и перевел взгляд на высокие дюны, заросшие низким кустарником.

— Дюны? — спросил Николай, проследив за взглядом землемера, и неожиданно согласился: — А ведь и впрямь можно перенести их в топкую низину.

Год спустя — только сошел снег, но еще бежали веселые ручьи к протоке — в Новых местах появился тот же землемер. На высушенном участке стоял сарай с оконцем, у причала ветер качал на мелкой воде лодку. Слева от усадьбы Емельянова не было ни мелкого кустарника, ни дюн.

Строиться было тяжело: дорожал лес, каждый рубль в семье считанный. Лошадь нанимали редко. В прошлую субботу отец помог Николаю перевезти с лесопилки телегу леса. От усталости тут же у колес повалились на траву. Надежда Кондратьевна вынесла им на улицу ковш кваса, обошла телегу и накинулась на мужа.

— Нагрузил, битюгу без пристяжной не взять.

Наравне с мужчинами она сгружала доски. Александр Николаевич нет-нет и кинет взгляд на сноху, — работающая, за что ни возьмется, все у нее в руках горит. Экую песчаную гору с мужем свалила в трясины. Восторг сменила тревога — молода, скоро на мужицком

деле сработается, раньше времени увянет. Пожалел На-
дю, а на сына прикрикнул:

— Жена у тебя аль батрачка?

— Разве неволю, сама!

Позже от матери узнал Николай, за что так осерчал отец. После заутрени Грошиков остановил на паперти Надиного отца, съехидничал:

— Не вижу, Кондратий, что-то твою красавицу на туманных картинах. Хлеб даром у Емельяновых не поешь.

Кто-то из соседей Емельяновых это слышал.

— Гнал с дюн не раз, бровью не поведет, вперед меня за тачку и лопату берется,— оправдывался Николай.— Какие у нас капиталы, пойдут дожди, холода, во времянке не житье.

— Любит, вот и хочет быстрее отстроиться,— согласилась Поликсенья Ивановна, но посоветовала: — Батка тоже прав, не дай Наде раньше времени состариться, дом женой красен.

— Жаден до работы, забываю, что молод,— признался Николай и пообещал матери: — Отдыхать будем, как все люди.

В первое же воскресенье после этого разговора молодые собрались на представление в Летний театр, маленького Саньку привезли на Никольскую к бабушке.

— На часы не поглядывайте, за вашим мужиком присмотрю,— провожала Поликсенья Ивановна с крыльца невестку. Неволю залюбовалась: хороша Надя в темно-зеленом платье и бежевых сапожках, прямо барышня с картинки.

Александр Николаевич тем временем увел сына к сараю. Ночью в заливе он выловил бревна и не преминул похвастать:

— Корабельные.

— Красавцы,— похвалил Николай и поставил ногу на бревно.— На баню жалко, хороши на нижние венцы, сто лет простоят.

— Тебе виднее,— сказал Александр Николаевич,— так и распорядись, на венцы нижние.

Поликсенья Ивановна сбежала с крыльца, оттащила сына. Надежда Кондратьевна взяла мужа под руку.

— Давно бы так,— у Поликсеньи Ивановны потепле-
ли глаза. До калитки она проводила молодых, не переставая ворчать на неугомонный характер своего старика.

— Не шибко, мать, пили батьку. Подарок он нам с Надей припас. С месяц хожу на биржу Гутермана, заглядываю и к Смолкину, а на нижние венцы так и не отобрал бревен. И платить пришлось бы наличными. Добрый лес в кредит не отпускают.

Билеты на представление Надежда Кондратьевна купила сама, случайно. У входа на рынок собралась толпа, из любопытства подошла и она. Клоун в черной полумаске бойко торговал билетами.

— За двадцать копеек увидите живого человека с железными ногами,— выкрикивал он визгливым голосом.— Господин Парнасов феноменальное чудо века. Он прыгает с высоты полтора аршина на острые сабли и кинжалы.

В толпе произошла суматошная передвижка, Надежда Кондратьевна оказалась возле высокой рейки, на ней, как хоругвь, была укреплена афиша в красках. Молодой красавец в атласных шароварах и такой же рубашке босыми ногами прыгает на ошетилившиеся сабли и кинжалы.

Дешевые билеты хотела купить Надежда Кондратьевна, но ее рубль мгновенно исчез в глубине кармана клоуна. Не глядя, он вытащил из пачки два билета и сказал:

— Царские места. Считайте, повезло вам, сударыня. По полтиннику, это же даром.— Клоун отвернулся от Надежды Кондратьевны и, зазывая публику, отрывисто кричал: — Действие происходит без обмана и жульничества, кинжалы и сабли будут представлены уважаемым зрителям для осмотра.

В бродячей труппе действительно собрались хорошие фокусники и артисты. Певицу выкатили из-за кулис на большом барабане, она исполнила цыганский романс, а потом оказалось, что пел мужчина. Надежда Кондратьевна шумно хлопала и фокуснику. Положив под шляпу три яйца, он вынул живых цыплят. Затем фокусник сбегал в зал, ловил в воздухе монеты и бросал их в медную тарелку. Из густой бороды заезжего купца гребнем вычесал десятка полтора грошей. А Николая поразил человек, прыгающий на кинжалы и сабли.

— А кинжалы и сабли вправду стальные и заточены без обмана,— шепнул Николай жене, проверив кинжал по просьбе ассистента фокусника.

Клоун, что продавал билеты, выехал на колесных ходулях. Делая сальто, он весело распевал:

Ты у меня бонна,
Прачка и кухарка...

...После представления Николай отправился за сыном, а Надежда Кондратьевна поспешила домой приготовить еду на утро.

Она раскатывала скалкой тесто на лапшу, когда на пороге показался Саша Леонов, ее брат. Такой же круглолицый, и глаза с доброй усмешкой, а характер дедов — тот слова поперек не молвил, до того был уступчив.

Саша был встревожен: зять попал под негласный надзор полиции. Городовой выболтал это любовнице, та подруге...

— Сердись, ругайся, что влутываюсь, но ты мне не чужая. Упекут твоего на каторгу. С народниками еще до конца не порвал, остепениться бы, так нет, связался с высланным из Петербурга социал-демократом. В заводской полиции особую папку на него завели: устраивает беспорядки, власть, церковь и царя не почитает.

— А за что царя почитать? По чьему повелению ночью привозят на барже виселицу в Лисий Нос, тайно казнят и бросают в яму негашеной извести? Жил человек — и ни могилки, ни креста.

— По суду казнят, — возразил Саша, — не хватают же первого встречного.

— Дед Емельянов чудом от петли ушел. Что он, преступник?

Сестрорецк — полупоселок-полудеревня. Леонов знал и про солдатчину деда Емельянова, и как выгнали его за строптивость с казенного без права поступления.

— По чьему повелению и для чего создана заводская полиция? Восемь младших, — наступала на брата Надежда Кондратьевна, — два старших городских и начальник в чине какого-то советника. Каждому нахлебнику, кроме жалованья, обмундирования, положена казенная квартира с дровами и керосином. Заводская полиция узнала от поповского клязника, кто не говел, не исповедовался. Начали с моего, а он что, хуже тех, кто попу грехи каждый пост таскает? Сам генерал Мосин не однажды давал моему работу. Кто доводил контрольные кружала для Путиловского завода? Николай! А городские без стыда мажут — скандалист, пьяница. Не скрываю: с полочки в казенку пойдет за сороковкой. Так делают и те, кому мастерский кафтан жалуют и медаль на ленте.

— Ходит ее мужик по краю пропасти, а она довольна, — рассердился Саша. Он был в отчаянии. — Сошлиот твоего на каторгу, намытаришься, с сумой пойдешь. Околдовали тебя Емельяновы.

— Желаеть дальше быть мне братом, — перебила Надежда Кондратьевна. — тогда не мешай мне жить. Я ведь тоже Емельянова. За справедливость они стоят, честь человеческую не роняют. Мастеровому хоть живым в гроб ложись.

Леонов далек от политики, ему просто жаль сестру.

— Пойми, я не чужой. Страшно, на черный день у вас гроша не отложено. Мой совет — пока один малец за юбку держится, хозяйство покрепче склотите. Как дом поставите, второй начинайте. Чугунка Авенариуса поднимет цену на дачи. Припрет нужда — сдашь петербуржцам на лето оба дома, сами в сарай переберетесь.

— За совет спасибо, — сказала Надежда Кондратьевна, — усадьба большая, есть где второй дом поставить, но пока не на что. А дальше прошу — не каркай беду и не учи плохому. По совести мы живем. Не буду я мужа отговаривать, не буду разлучать с товарищами.

— Молчу, молчу, а то за метлу возьмешься, — грустно уступил Леонов. — А дом второй стройте, деньгами для начала ссужу: разбогатеете — отдадите по частям.

Попрошавшись с сестрой, он долго еще стоял на крыльце, надеялся — зять подойдет. Николай задержался на Никольской, там родителей застал в тревоге: городской увел Василия в участок. Оказывается, по мастерским ходит нелегальная газета.

Погрозив подержать недельку в холодной, Косачев после допроса отпустил Василия.

— Откуда полиция пронюхала? — удивился Николай.

— Догадаться не могу. Передал листовку Клопову с хлебом и обрезками колбасы, — говорил Василий. — В участке начисто отрекса: мол, бегал в лавку.

8

У кирки Николай почувствовал инстинктивно — догоняют. Оглянулся — Анисимов. Хороший товарищ, не остался на пикнике, затеянном супругой Землегляда.

— Сбежал ты с интересного представления, — заговорил Анисимов, посмеиваясь. — Профессорша в истери-

ке, требует от супруга начисто исключить тебя из кружка.

— Умная баба,— похвалил Николай, но его разби- рало любопытство: — С чего бы ей? Грубости не позво- дил, правду ведь сказал, что рабочему лучше подальше от таких друзей.

— И меня отрешат. Заступился за тебя, все, что на- кипело, выложил: носитесь со своей деревенской общи- ной, а крестьяне не все одинаковы. У одного земли на полдуши: корова ляжет, хвост — на меже, у другого — десятин сто и поболее, на него гнут спину батраки. И началось... Мадам обозвала: «Недобитый марксист». За словом в карман я не люблю лазать... Короче, на- звал ее служанкой мелкой буржуазии.

Не сговариваясь, они свернули на Крещенскую. В трактире Феропонтыча проще, не как в «Ростове». Еще у Николая и Анисимова не успели принять за- каз, как в дверях показался рыжеватый парень из шты- ковой.

Оглядевшись, он направился к их столику.

— Следом шел, ходок — не жалею, а не угнаться было,— сказал он и понизил голос: — Поручение имею.

— От профессора? — спросил без интереса Николай.

— От питерских рабочих,— сказал парень.

Половой принял заказ, ушел на кухню.

— Зовите меня Андрей,— продолжал парень.— На Никольской я незваным бывал, у твоего отца письмецо оставил.

— К оружейникам? — вырвалось у Николая.— Ска- зывал батька, получил.

— То самое, от Петербургского союза рабочих. Хар- тулари скандальной известностью мне премного обязан.

Посолив густо ломоть хлеба, Андрей крутил в руке стакан, то ли сбдумывая, что сказать, то ли ждал, когда мастеровые приготовят закуску.

— Кончайте с профессором, не пристало рабочим си- деть с ним в одном возке, это еще те «друзья», на кучер- ской должности они состоят у мелкой буржуазии,— ска- зал Андрей и добавил: — Сжигайте мосты. Ваши друзья — социал-демократы.

Наскоро съев щи, Николай встал из-за стола, ска- зал, что ему нужно навестить своих стариков. Поднялся и Андрей, Анисимов занял очередь на бильярд.

У трактира приезжий грек торговал семечками, са- харной ватой и халвой. Андрей купил стакан семечек;

бумаги не нашлось, тогда он вытащил из кармана брошюру.

— Семечки сестренкам отдай, а книжечку почитай и береги, чтобы в чужие руки не попала. За ней полиция охотится. От Ордына получил — скоро познакомлю, смелый человек, социал-демократ.

На Никольской Андрей откланялся. Опустив щеколду на калитке, Николай пересыпал семечки в карман, прошел к скамье, читая на ходу: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Удобно устроившись на скамье, Николай полистал брошюру и опять открыл на титульном листе: «Херсон. Типография К. Н. Субботина. Продается во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга...»

Легальная! Почему же Андрей передал ее с такими предосторожностями?

«Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали.— Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают.— Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем...»

Свободно такое в России не напечатают. Прав Андрей.

Поликсенья Ивановна вышла на двор вытрясти самовар, увидела сына, склонившегося над книжкой, обрадовалась, позвала, а он и головы не поднял.

Очнулся Николай: мать теребила за рукав и головой кивала.

— Зачитался, мать зовет-зовет — и бровью не пошевелит. О чем книжка-то?

— Про то, мама, как с рабочих незаконно штраф берут.

— Заждались, давно пора всю правду описать, может быть, твоего батьку и не выгнали бы с оружейного.— Поликсенья Ивановна взяла у Николая книжку.— Показать бы самому генералу: пусть знает — справедливость не убить.

— Запретная,— Николай мягко отобрал у матери брошюру,— а писал ее очень умный человек, такой и на каторгу пойдет за бедных и обездоленных.

Недели через три Андрей привел на протоку молодого человека, загорелого, с живыми глазами. Хотя он был в поношенной блузе, юфтовых сапогах, фуражке

с засаленным козырьком, Николай догадался, что это человек образованный.

— Тот самый Ордын,— представил его Николаю Андрей.— Он-то уж знает народников, их болото...

Дома ребятишки. Николай предложил Ордыну поехать на озеро.

— Чудесно,— обрадовался Ордын.— Просьба великая: погрести дайте, давно весла не держал...

Эта прогулка по озеру с Ордыном многое помогла уяснить Николаю. Он до конца понял, что либеральные народники заодно с мелкой буржуазией, они смертельно боятся, что рабочий класс создаст свою, революционную партию.

Ордын подарил ему книгу, напечатанную на гектографе.

— Здесь найдете ответы на все свои вопросы. Еще в 1894 году Ульянов в пух и прах разгромил либеральных народников.

— Ульянов,— задумчиво сказал Николай и спросил: — Это он написал и книгу о штрафах?..

— Он,— ответил Ордын.

Николай открыл обложку, прочитал: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов».

— Почитайте сами, дайте товарищам, что неясно — запишите. Из Петербурга пришлем знающего человека,— сказал Ордын и дал знак, что пора поворачивать лодку к берегу.

9

Новый век, а все осталось по-старому: те же притеснения, прибавились и еще беды — дороговизна, безработица.

В тот год не у всех оружейников рождественские праздники были веселыми. Опять сбавлены расценки. Из артиллерийского управления предписали еще сократить рабочую неделю. Итак, три дня с гудком на обед кончали смену. Это продолжалось до того дня, когда мастера согнали рабочих к зданию конторы и на балкон вышел начальник завода генерал Дмитриев-Байцуров.

— Господа офицеры и оружейники! — сказал он.— На нашу страну без объявления войны напала Япония. С божьей помощью Россия поставит вероломного врага

на колени. Война продолжится не более полугода. От нас с вами русская армия ждет винтовки.

— Составлено расписание... воевать не более полугода, — усмехнулся Николай и локтем задел Поваляева, своего приятеля. — Не помяли бы япощки нам бока.

— На турецкой сколько поубивало, еще не все калек перемерли, — Поваляев тяжело вздохнул, — и опять застучат в дома похоронки.

Официальные сводки с фронта не могли скрыть тяжелые потери на суше и море. Погибли крейсер «Варяг», броненосец «Петропавловск». Пала крепость Порт-Артур.

Дорожали продукты на рынке, с ночи выстраивались очереди у керосиновых лавок.

В «Биржевке» промелькнула заметка: под председательством государыни императрицы Александры Федоровны состоялось заседание комитета по присканию мест нижним воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией...

Приятель из Райволы пригласил Николая на охоту. Пороху был дома нетронутый пакет, а дробь забрал на той неделе Поваляев.

В Петербург ехать за одной дробью накладно — билеты в оба конца и чуть не день клади на дороге. Разжидся Николай дробью у тряпичника на рынке. Высыпая дробь в банку, обнаружил, что тряпичник пустил на кулек штабной циркуляр. Оказывается, на погребение нижних воинских чинов правительство отпускает на душу 4 рубля 32½ копейки и на постановку могильного креста — 2 рубля.

— Дешево, в шесть целковых с копейками обходится русскому царю солдатская жизнь, — сказал Николай. Он собрался бросить циркуляр в печку, но раздумал: отдал братьям Ивану и Василию, те бывают на батарее в Дюнах, покажут солдатам.

В сумерки на улицы вышли ряженные, они шутили, пели песни, поймали Соцкого на пешеходном мосту, запрятали в куль рогожный и пустили с крутой горы за перепадом.

Надежда Кондратьевна водила сыновей Саньку и Кондратика на детский праздник в Общество трезвости, звала Николая в Дубки на веселье. Он отказался: не до того. Непокойно в столице. Во время водосвятия на Неве помост царской семьи обстреляла пушка от Биржи.

Не унимается поп. В инструментальной местный гапоновец, собирая подписи под петицией, был навязчив и груб. Произошел скандал, пришлось гапоновцу уйти с работы, но его тут же взяли в механическую и полтниник на день прибавили.

Еще в конце декабря приехал рабочий из-за Нарвской заставы с письмом от самого Гапона к оружейникам. Привел его в инструментальную токарь Михеев.

— С Путиловского,— представлял Михеев приезжего,— прислали договориться, в воскресенье идут к царю, приглашают оружейников.

Отказался Николай своих товарищей подбивать.

— Прикидывали с Клоповым, Ноговицыным, Поваляевым и еще кое с кем,— говорил он гапоновцу,— считаем, что зряшная затея с шествием и петицией. Царю известно, как живут и бедствуют рабочие и мужики. У самой царской фамилии земли столько — за день на резвой кобыле не обскачешь.

В образцовой гайками закидали гапоновца и Михеева. Поповский посланец ни с чем отбыл в Петербург.

В субботу под вечер у бани Николай встретил Клопова с узелком, веником, поздоровались, постояли.

— Все-таки завтра в Петербурге поп поведет людей к царю. Под влиянием большевиков на рабочих собраниях подправили верноподданническую петицию, внесли требование о восьмичасовом рабочем дне, о передаче земли крестьянам, о свободе печати. Но до конца не удалось разбить веру людей в царя,— как бы продолжая прерванную беседу, заговорил Клопов.— Своих-то мы удержали от хождения к царю, а душа все равно места не находит, в полках увольнения в город отменены.

— Не японцы, свои,— возразил Николай,— идут мирно с петицией.

Из конторы вышел Мишка Слободской, хозяин бани. Он раздался в плечах, появилось брюшко, стал на отца смахивать.

— Ухо медведь банщику не придавил,— шепнул Николаю Клопов и громко сказал — для Слободского: — Попарюсь, простуду выгоню.

— Пар сегодня на славу, дух перехватывает,— бросил как бы невзначай Слободской. Он явно хотел заговорить с мастерами, а те будто его и не заметили. Клопов ушел в баню, а Николай сбежал по тропинке на озеро, ругая в душе банщика — помешал расспросить

Клопова, что еще предпринимают в столице социал-демократы.

В воскресенье утром Николай срубил лед у колодца, собрался поправить дверь на крыльце — скособочилась, — принес из чулана инструмент и передумал.

— Поправлю в другой раз, — сказал он жене, — схожу на вокзал: скоро поезд из столицы, может, кого и встречу. Как-то там шествие к царю...

Поезд пришел с опозданием, пассажиров было немного, все господа, из военных — отставной полковник с дамой, выделялся на платформе хмельной купец Грошиков в окружении шумных цыган.

На станции не знали, когда прибудет следующий поезд. Николай, хотя и был в полушубке, замерз, в окно увидел, что дежурный топит печку, зашел погреться.

У огонька разговорились, дежурный пожаловался:

— Суматошный день, с утра кувырком расписание, в столице не все ладно, а что? Допытывал, молчат.

Смеркалось, когда пришел поезд из Петербурга, на ходу соскочил красильщик Храмов и кинулся к мастеровым, стоявшим особняком от встречающей публики.

— Солдаты... Боже мой!.. Солдаты стреляли боевыми... в безоружных, — сбивчиво, потрясенный виденным, рассказывал Храмов. — Дети в Александровском саду забрались на деревья царя посмотреть... не пожалели и малых.

Плачущего Храмова увели домой. Опустела платформа, больше нечего ждать, а Николаю кажется, что ноги у него налиты свинцом, дико жарко, сбросить бы полушубок на снег. Вот он какой, русский царь...

Кто-то положил руку на плечо Николаю. Он тяжело повел головой — сзади стоял Клопов, среди встречающих его не было, видимо, только подошел.

— Отвечеряешь, приходи в Церковный переулок. Невинная кровь пролилась в Петербурге, стреляли на Дворцовой площади, за Нарвскими воротами, на Васильевском острове, — говорил он зло. — Нельзя дальше терпеть. И в нас, оружейников, царь-убийца стрелял.

Идти домой — за час-полтора не обернуться. Николай заглянул к родителям, там уже все знали — сосед повстречал кухарку генерала. Поликсенья Ивановна, всхлипывая, с табуретки зажигала лампы.

— По убиенным скорбит, — шепнул Александр Николаевич. — Пусть одна поплачет. Ребят надо поунять: ряжеными гуляют, забавляются, а в Питере что делается...

— Зря их костышь, рождественские праздники нынче затянулись,— заступился за братьев Николай.— Чудовищно представить, что произошло...

— Посерьезнее и Ваське пора быть. Абрамов перед тобой заглядывал, на его глазах Соцкого в рогожный куль упрятали, с горки сбросили,— пожаловался Александр Николаевич, пропуская Николая в маленькую комнату. Сам он сел на кровать, а сыну показал на табуретку. Помолчав, спросил:

— Собираетесь потолковать? Анисимов был, ищут тебя и Тимоху Поваляева.

— Клопова на вокзале встретил. Все отпишем, что наболело у оружейников. Темно у царя в глазах станет.

Александр Николаевич осуждающе покачал седеющей головой:

— Палачи без суда расправу чинят, а мастерские садятся в кружок еще одну петицию строчить.

— Молчать? Отсиживаться?— с вызовом спросил Николай.

— К петиции присовокупить трехлинейку,— Александр Николаевич приподнял с колен руки и будто поддерживал винтовку.— Вот тогда, верно, у царя-батюшки помутилось бы в глазах.

— У арсенала часовые,— сказал Николай.

— Вам что, непременно из приемной комиссии винтовки представить и сопроводилровку: пристреляны-де?..

10

В эту ночь в Сестрорецке и в Разливе долго светились окна в домах. В особняке начальника завода были опущены шторы. Тонкие полоски света робко пробивались из спальни и кабинета. Дмитриев-Байцуров разговаривал по телефону с комендантом Кронштадта, под утро побеспокоил великого князя Сергея Михайловича, просил прислать батальон солдат из надежного полка.

На рассвете правитель канцелярии разбудил настоятеля церкви Петра и Павла, передал просьбу генерала: коль рабочие потребуют, отслужить панихиду по расстрелянным в Петербурге. Узнав, что пехотному батальону приказано выступить в Сестрорецк, Клопов поручил Николаю, Матвееву, Анисимову и Поваляеву обойти своих людей и предупредить: забастовка начинается, как условились, по неурочному гудку.

В девять утра, когда генерал пил кофе и слушал доклад помощника, уверявшего, что, благодарение богу, тяжелый понедельник начался без эксцессов,— над крышей кочегарки клубами забился пар.

По генеральскому ходу в особняк пробрался правитель канцелярии, обмякший и полинявший. Тяжело дыша, он положил перед генералом листок с торопливой записью: «Оставили работу механическая, образцовая, замочная, инструментальная...»

— Чья-нибудь мастерская не бастует?—спросил раздраженно Дмитриев-Байцуров.

— Взгляните, господин генерал, бунт.— Правитель канцелярии показал на окно.— Оружейники слушаются социал-демократов, а не господ офицеров.

Расстегнув ворот кителя, Дмитриев-Байцуров приблизился к окну: из распахнутых настежь ворот выходили рабочие, на горушке взметнулся красный флаг.

— Пишите, и сейчас же вывесите на двери проходной,— приказал Дмитриев-Байцуров.

Правитель канцелярии присел у края стола, раскрыл записную книжку.

— «Строгое предупреждение»,— продиктовал Дмитриев-Байцуров и задумался; хотелось приказать немедленно вернуться на завод, но вряд ли бунтовщики послушаются.— Пишите, чего сидите истуканом,— сорвал он злость на чиновнике.— «В случае, если рабочие не явятся на работу в течение трех дней, то есть в четверг, 13 января, они будут считаться уволенными...»

Пока Дмитриев-Байцуров докладывал начальнику артиллерии о прекращении работы на заводе, в народной читальне составили петицию.

Холодно встретил генерал выборов, но петицию взял.

Оружейники гневно осуждали расстрел рабочих у Зимнего дворца, на площадях и улицах Петербурга 9 января 1905 года, требовали немедленного расследования, предания суду виновных.

Предупреждали, что забастовка на заводе будет прекращена, если администрация установит восьмичасовой рабочий день, не уменьшая поденной платы, отменит позорный обыск в проходных, будет выдавать мастеровым казенный инструмент и деньги за него не вычитать.

— Не мастеровые, а писаря. Двадцать одно требование накатали, а почему не пятьдесят?— обрушился гене-

рал на выборных.— Вернитесь в мастерские, а мы постараемся милостиво отнестись к изложенному в петиции.

— Нам не даны такие полномочия,— сказал от выборных Владимир Ахропотков.— Выполните требование, и мы вернемся на завод.

Генерал, обычно нетерпимый к чужим замечаниям, вдруг вроде и уступил.

— Обещаю доложить великому князю.

Так ни о чем и не договорились генерал и выборные. И оружейный забастовал. На дверях проходной висело грозное предупреждение о расчете. Редко кто подходил его читать.

Ночью из Кронштадта по льду перешла в Сестрорецк еще рота солдат.

Николая не было в числе выборных,— Клопов отправил его за Нарвскую заставу передать путиловцам, что Сестрорецкий оружейный бастует.

Из Петербурга Николай возвращался дневным поездом. На станции Раздельная в вагон третьего класса вошел правитель канцелярии. Он был в поношенном овчинном полушубке, финской шапке. Подсев к Николаю, заговорил:

— Вам-то, Емельянов, совестно быть со смутьянами: до трех рублей в день зарабатываете, а вместе с мастеровщиной и поденщиками бунтуете.

— Вместе бунтую,— согласился Николай,— а с кем же мне еще быть?

— Хуже людям, Емельянов, не сделайте, вам верят мастеровые. Не доводите людей до нищеты. Если в четверг по гудку они не выйдут, генерал отберет все, в чем уже уступку сделал, и прикажет всех расчитать.

Было о чем задуматься Николаю: обвиняют в подстрекательстве. На заводе верят Емельянову. Он и его товарищи по социал-демократической партии Ноговицын, Клопов, Ахропотков за все в ответе. В Сестрорецке безработица особенно страшна, здесь казенный — единственный завод. Но отступать, когда поземка еще не замела кровь на снегу и невском льду, когда дымятся трубы против Адмиралтейства и Медного всадника,— это же предательство!

Николая насторожили глаза чиновника — хитрые, выжидающие.

— Бастует не один оружейный,— сказал он,— басту-

ет весь трудовой Петербург... Жаль людей, но они не напрасно погибли, в России началась революция.

От неожиданности правитель канцелярии привстал.

— Революция в России?— недоверчиво переспросил он.

— Началась,— подтвердил Николай.

Буркнув: «Кончите в известковой яме, без отпевания»,— чиновник перешел на Горской в вагон первого класса.

Приближался четверг, артиллерийское ведомство пошло на уступки забастовщикам. Были введены сносные расценки, отменены унижительные обыски.

Прошло недели полторы. Николая разбудил отец, он вошел в комнату, как был, в пальто, шапке, плохо обив с валенок снег.

— Читай, ну и нравы!

Николай опустил глаза на заметку в газете, обведенную чернилами:

«Их Императорские величества Государь Император и Государыня Императрица, движимые чувством сердечного сострадания к семьям убитых и раненых во время беспорядков 9 сего января в г. Петербурге, всемилостивейше соизволили назначить из Собственных средств 50 000 рублей для оказания помощи нуждающимся членам этих семей».

— Фарисей!— крикнул Николай и зло скомкал газету.

11

Ворота и калитка в генеральской усадьбе были заперты, звонок сорван. Стук привлек бы внимание прохожих, кривотолки опасны в тревожно настроенном городе.

Полковник Залюбовский вернулся на завод и прошел в особняк по генеральскому ходу. Дверь открыла кухарка и провела его не на чистую половину, а в людскую. Генерал в темном халате сидел над чугуном и жадно вдыхал сладковатый пар вареной картошки.

— Лечусь, извините,— заговорил Дмитриев-Байцуров.— Из канцелярии барона Фредерикса прислали депешу, опять выразили недовольство за медлительность.

— Перебрали вторично личный состав по алфавиту и...— Залюбовский горестно развел руками.— Подходи-

щий кандидат Васильев, участвовал в изготовлении первой трехлинейной винтовки, трезвости похвальной, берет дни на говение — отказался.

— По глупости, наверное, обалдел от счастья, шутка ли, царь приглашает, — Дмитриев-Байцуров вдохнул поглубже пар.

Залюбовский показал генералу длинный список с перечеркнутыми фамилиями оружейников.

— И эти бойкотируют. Насилу откопали в образцовой одного.

— Фамилия, — потребовал Дмитриев-Байцуров.

— Леонтьев, по запросу канцелярии барона подходит, мастеровой, с двенадцати лет на заводе. Правда, есть минус: авторитета нет и еще, — Залюбовский запылся, — зашибает... в канаве находили.

— Посылайте, отвяжемся от Фредерикса и его канцелярии, а то замучают: дено и ночью идут депеши из Петербурга в Царское Село, — Дмитриев-Байцуров отвалился от чугуна. — Приставьте к пьянчуге правителя канцелярии.

— Социал-демократы узнают про конвой — сраму не оберешься, — позволил себе не согласиться с генералом Залюбовский.

— Живем на лобном месте, — поддакнул Дмитриев-Байцуров. — Пошлем в депутацию пьяницу — снимут голову, не пошлем — еще пуще разгневаются. Неужели ни один порядочный оружейник не согласится поехать к царю?

— К сожалению...

Утром Леонтьев не вышел на работу. Посыльному жена сказала: «Запил».

Соцкий нашел Леонтьева в трактире. Половые вывели его на улицу, посадили на извозчика.

Два дня заняли сборы депутата. Залюбовский с первым гудком приезжал на службу, затем исчезал. Наконец после бани и стрижки у модного парикмахера, привезенного из Курорта, Леонтьев принял вполне благообразный вид. Залюбовский остался доволен, велел только снять серебряную цепь от часов, выпущенную по-купечески на живот.

Смотрины депутации Трепов проводил в Зимнем дворце. Присутствовали товарищ министра внутренних дел Рыздзевский и помощник полицмейстера. Последний подчеркнуто держался поодаль, снимая тем самым с полиции ответственность за срам и неприятности, которые

могли произойти с этой сомнительной депутацией на приеме у царя.

На депутатах сюртучные пары будто с чужого плеча, неразношенные штиблеты скрипят на паркете. Как Рыдзевский ни вглядывался, не нашел ни одной мало-мальски приятной физиономии. «Какая, к черту, это депутация: наскоро вымытые и приодетые обитатели ночлежки,— злился Рыдзевский.— Вытолкать бы их взашей из Зимнего». А Трепов учтиво улыбается; неужели повезет всю шатию в Царское Село?

Рыдзевский шмыгнул в соседнюю комнату: пока еще не поздно, надо отложить позорнейший спектакль. По телефону он связался с князем Святополком-Мирским, министром внутренних дел.

— Умоляю, Петр Данилович, отговорите его величество, не депутация — сброд,— говорил в телефонную трубку, тяжело дыша, Рыдзевский.— Опозоримся на весь свет.

— Выпейте, милейший, сельтерской и придите в себя. Насколько мне известно, подставных в депутации нет. Церемониал приема одобрен его величеством и состоится сегодня в три часа пополудни, если даже произойдет землетрясение,— холодно отчитывал своего заместителя Святополк-Мирский.— Поймите, спектакли бывают хорошие и плохие.

Рыдзевскому стало ясно: князь — один из режиссеров затейного водевиля: единения царя-батюшки с верноподданными.

Задолго до прихода в Царское Село поезда с рабочей депутацией у царского павильона выстроились дворцовые экипажи и линейки. Городовые и тайные агенты притаились в близлежащих дачах, у царского павильона важно прохаживался только пристав. Он на редкость был похож на царствующего монарха — такой же низкий лоб, пустые глаза, ухоженная бородака старшего дворника.

Пристав не отпугивал обывателей, наоборот, был разговорчив, и скоро почти все Царское Село знало, что приезжает из Петербурга депутация рабочих к царю. Но зевак немного собралось: отставной солдат, подвыпивший купчишка, тучная барыня с собачкой и десятка четыре обывателей.

В отдельных каретах уехали во дворец Рыдзевский и важный чиновник из министерства иностранных дел. Депутатов рассаживали на линейки. Леонтьева оттисну-

ли от первой линейки, зато на второй ему досталось удобное место.

— Петербургские бунтовщики — к царю, — громко, неодобрительно сказала тучная барыня.

— Депутация рабочих с верноподданными чувствами едет к его величеству, — поправил штабс-капитан, подзывая к себе солдата с верховой лошадей. — В гости к царю приглашены.

— Ца-ре-вы гос-ти, — нараспев протянула барыня, недоверчиво покачала головой и повторила: — В гости. А почему их на линейки усадили? Так балерин на представление возят.

— Кому на чем положено, — заметил штабс-капитан и поскакал следом за линейками.

— Рабочие. Не все, значит, они бунтовщики, — скинув перчатку, барыня перекрестила удаляющиеся линейки.

12

На Никольской, у своего дома, Александр Николаевич широкой лопатой сгребал снег. Заметив разодетого Леонтьева, окликнул:

— Все празднуешь, царев крестник. Докатилось и до Сестры-реки: знатно пировал, — Александр Николаевич воткнул лопату в сугроб.

— Оружейников у императора представлял, — Леонтьев приложил два пальца к шапке. — Верить просил, печется о нас и денно и ночью.

— Уполномочили оружейники, выходит, очень упрасивали, — перебил Александр Николаевич и хитро подмигнул: — Хвастай, что русский император, царь польский, князь финляндский пожаловал за особые услуги: медаль аль произвел в столбовые дворяне?

Леонтьев уловил в голосе старого Емельянова издевку.

— Не за медалями ехали к царю, а выслушать милостивое слово, — ершился он.

— Оно и заметно, у царя милостивое слово, читал в «Биржевке», — Александр Николаевич отогнул полу старенького зипуна, похлопал по валенку, из которого торчала газета, и хмыкнул: — Отныне ты не мастеровой-оружейник, а сельский обыватель.

— Издеваешься, — вспылil Леонтьев.

— Оповестили, как государь обласкал депутацию. — Александр Николаевич вытащил из-за голенища газе-

ту.— Пропечатано: сельский обыватель, это чуточку ниже почетного гражданина, но все вперед, усердствуй, господин рабочий депутат, до титулованного выслужишься.

Леонтьев погрозил кулаком и, подняв каракулевый воротник, быстрым шагом пересек площадь. Купив «Виржевку», он забежал к портному, у которого кухаркой служила знакомая девица.

В комнатке за мастерской, не сняв пальто и шапку, Леонтьев развернул газету. И первое, что бросилось в глаза, был список депутации, себя он нашел в середине колонки: «от Сестрорецкого оружейного завода— сельский обыватель Николай Леонтьев».

Запершило в горле от обиды: оружейника обозвали сельским обывателем. А кому пожалуешься? Успокоившись, он снова развернул газету. Любопытно, что же пишут про прием у царя.

«В один час пополудни депутация в составе 34 человек прибыла в императорский павильон Царскосельской железной дороги и оттуда по царскому пути была доставлена в Царское Село.

Депутацию сопровождал С.-Петербургский генерал-губернатор свиты его величества генерал-майор Д. Ф. Трепов. У императорского павильона в Царском Селе ожидали придворные экипажи, а для рабочих— линейки, на которых они были доставлены в Александровский дворец и помещены в Портретном зале».

...С Нового года Дмитриева-Байцурова не покидает тревога. Служил он в глухой провинции, жил там припеваючи. Сестрорецк — под боком у столицы, а радости никакой. Только-только утихомирил забастовщиков. На неслыханные уступки пошел, отменил заниженные расценки. Пригрозил главному врачу: не будет человеческого отношения к мастерам — даст отставку. Вздохнуть бы! И вот затея двора — прием верноподданнической депутации.

Настроение Дмитриеву-Байцурову с утра испортил Залюбовский. Он вчера встретил в Главном штабе великого князя Сергея Михайловича. Тот посоветовал отслужить в заводской часовне молебен по случаю приема в Александровском дворце рабочей депутации. Притихнуть бы, а двор сам раздувает смуту.

Потому-то и хмуро встретил генерал правителя канцелярии. Тот просил безотлагательно принять Леонтьева.

— Проведите к моему помощнику.
— У царя человек обедал. Обласкан.
Генерал уступил.

— Прошу, предупредите от себя — без подробностей, сразу со встречи у государя, — настаивал Дмитриев-Байцуров.

Леонтьев пропустил мимо ушей наставление чиновника. Генерал кусал губы, но слушал рассказ про смотрины в Зимнем и как император в Царском Селе, обходя строй депутатов, остановился и милостиво с ним разговаривал.

— Знаю, царь простил бунтовщиков, — перебил Дмитриев-Байцуров и попросил показать листки с речью его величества.

Упершись локтями в стол, Дмитриев-Байцуров неторопливо читал:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение изменникам и врагам нашей родины.

Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Много надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоко-

лебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их.

Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет бог вам в помощь».

Перечитав всю речь, Дмитриев-Байцуров задумался. Милостивые слова государя вызовут новую смуту. Царь цинично признал, что с его ведома стреляли в людей 9 января. Много ли леонтьевых среди оружейников?

— В мастерских не советую показывать, мало ли, — Дмитриев-Байцуров осекся: нельзя быть откровенным с болваном, обласканным царем. — Залапают семейную реликвию.

— Государь император повелел, — возразил Леонтьев и неожиданно заговорил торжественным голосом, — без промедления довести его милостивые слова до рабочих.

В ответ Дмитриев-Байцуров улыбался, а про себя злился: редкого кретина Залюбовский выкопал. Воображает, что в бунтовских мастерских будут слушать его бред.

13

Наступил март. Из Петербурга через Ноговицына предупредили социал-демократов: «Охранка засылает агентов на Оружейный завод, в Сестрорецк и окрестности. В Разливе едва ушла от ареста Наташа, связная Петербургского комитета партии. Взят под надзор дом Емельяновых в Новых местах».

Сведения в Петербургском комитете были достоверны. По соседству с усадьбой Емельяновых снял комнату адвокат. Так он назвал себя хозяйке. Судя по одежде, это был человек с достатком. Водилась за ним странность — ездил в столицу и возвращался в Разлив в вагоне третьего класса.

В последнюю пятницу февраля адвокат утром получил телеграмму: «У Клавдии инфлуэнца тяжелой форме. Приезжай, Серафима».

Наскоро позавтракав, сложив бумаги в секретное отделение портфеля, он выбрался на улицу и торопливо зашагал на станцию, представляя себе, как любопытная хозяйка перечитывает телеграмму, нарочно оставленную на комод.

После изгнания из духовной семинарии приходилось этому «адвокату» чистить печные трубы, служить поло-

вым в трактире Сенного рынка, петь в хоре домашней церкви киягини Оболенской. Одно время он состоял при известном петербургском шулере. В этом доме его встретил полковник из жандармского корпуса и предложил перейти в осведомители. Была сочинена ему добropорядочная биография и выписаны документы. Так появились деньги, квартира и содержанка.

Адъютант, молодой офицер с желчным лицом, молча показал «адвокату» на высокую дверь. Полковник встретил его официально и холодно, руки не подал, едва голову наклонил. Недели две назад в этом же кабинете они пили коньяк, курили сигары.

— При всем своем расположении, — сухо выговаривал сейчас полковник, — вынужден огорчить, представление задержано. — Раздраженно постучав концом ручки по бронзовому попугаю на пресс-папье, он продолжил: — Награду получите. Но ставлю условие: не позже масленицы представьте списки социал-демократов на Сестрорецком оружьем от «А» до «Я». Замечу — ваши коллеги на «Лесснере» и «Айвазе» куда расторопнее.

— Сложно... как сложно... Заташил Фирфарова с Граничной в ренсковый погребок. Обрушился доверительно на полицию, поругал Куропаткина и Стесселя за Порт-Артур. От угощения захмелел оружейник, тут я ему дал потрогать браунинг и сказал, что хочу записаться в социал-демократы. Договорились, что он сведет меня к их главному, поплутали здорово в дюнах, привел мерзавец к березе со скворешней... — тяжкий вздох вырвался у агента. — Чертовская конспирация, в университете и у художников райская жизнь была.

— Оклад платим не за райскую жизнь, — поправил полковник, — вполне приличные деньги выдаем на рестораны и подарки. Можно жить преуспевая. Кто виноват, что безумно тратитесь на Фелицату, смазливую, но пустынькую, у нее нет таланта ни завязать знакомство с Емельяновыми, ни навязаться в любовницы загадочному Григорию Ивановичу.

— Существует ли на самом деле этот Григорий Иванович, — ершился агент. — Оружейники мастаки на выдумку.

— Живет себе и над вами насмехается, оружие и нелегальную литературу через финляндскую границу переправляет, а вы, наш лучший агент, не можете выйти на след. Прислали десять — вдумайтесь, — десять фото-

графий таинственного Григория Ивановича. А что показала проверка?..

— Осечки и в ружье бывают,— нисколько не смутился агент и высыпал из конверта на стол фотографии величиной в спичечный коробок.— Сфотографировал посетителей дома Емельяновых.

Полковник сложил фотографии в один ряд, спросил:

— Кто приезжал из Петербурга?

Агент отобрал снимок человека в купеческой шубе боярской шапке.

— Подкатил на рысаке,— рассказывал агент.— Держится независимо. При деньгах. В ближайшее воскресенье можно накрыть.

Полковник, взглядевшись в фотографию, воскликнул:

— Бог ты мой, это же Константин Павлович.

Агент, выпятив грудь, самодовольно ухмыльнулся.

— Признали? Из политических?

— Послушайте,— полковник рассердился.— Это Кузнецов, известный петербургский содержатель каретного двора, дальний родственник Леоновых. При тех расходах, которые несем, уверяю, можно иметь более сведущего агента.

Полковник хмуро посмотрел поверх его головы на заснеженное окно и замолчал.

У агента подкашивались ноги, но он не посмел сесть, а только оперся руками на спинку кресла.

— По их рекомендации,— тихо обронил он и уставил глаза в стену, за которой находился кабинет помощника полковника,— на Оружейный прошлой осенью поступил Шаков. Позвольте установить связь.

— Кретина просите в упряжку,— удивился полковник.— Трус, имею сведения, позорно бежал с озера — и в каком виде!

— Стреляли не холостыми.

— Попугали,— полковник озорно усмехнулся,— палили бумажными пулями. Зачем социал-демократам из-за дурака вызывать на себя репрессии?

— Шаков не трус, лезет в самое пекло. Недавно в трактире на Крещенской подсел к Емельянову, притворился выпившим, жаловался, что в мастерской недоверие ему выразили, а он из пострадавших, на прежнем месте угодил в черный список.

— Шаковых вывозят на тачке, меченый, а туда же... в революционеры, фискалил бы потихоньку,— полковник невесело усмехнулся.— Организация социал-демок-

ратов в Сестрорецке существует. Кажется, Николай Емельянов — не последняя в ней спица. Нам известно, что в случае восстания в Петербурге они хотят захватить арсенал. Мы точно не знаем — кто настоящие руководители организации.

Полковник был лучше информирован о положении в Сестрорецке, агент сделал вид, что это все ему известно.

— Пока у нас нет пофамильных списков, мы ничего не можем предпринять,— резко сказал полковник.— Не хватать же каждого пятого на заводе.

— Попытаюсь через Соцкого.

Физиономию полковника исказила болезненная гримаса.

— Лучше пошлите официальный запрос в боевую техническую группу социал-демократической партии,— ядовито посоветовал он и, посерьезнев, сказал: — В трактир с крепкими напитками почаще заходите, шары в бильярдной погоняйте, поволочитесь за какой-нибудь вдовушкой, вхожей в дом Ноговицына, Рябова, Поваляева, мало ли там подозрительной мастеровщины.

Агент, согнувшись, торопливо записывал указания.

— Не пророк, но боюсь,— говорил, прощаясь, полковник,— придется вам скоро наниматься в приказчики, шулер к себе не возьмет.

14

Почти час слушал Ордына Николай, а затем закрыл тетрадь с пометками, сказал:

— Увольте, трудновато складно пересказать, вопросы непременно будут, и товарищам лучше прослушать не Емельянова, а представителя Петербургского комитета.

Ордын не настаивал. Поручение, и верно, сложно для Емельянова. Третий съезд социал-демократической партии работал 15 дней, много принято важных решений. Подумав, Ордын сказал:

— В Сестрорецке и даже в Разливе на дому собрать десять — двенадцать человек опасно, можно провалить дружину. «Именины» разве справить?

— Безопаснее собраться на заводе,— ответил, не задумываясь, Николай.— У нас в мастерской кладовщик сочувствует социал-демократам,

— Придуманно хитро, дошлому полицейскому в голову не придет искать нас на заводе,— похвалил Ордын.— Остановка за небольшим: нет у меня шапки-невидимки и волшебного кресала.

— Это уж моя забота,— сказал Николай.

Ордын остался ночевать. Надежда Кондратьевна постелила ему в маленькой комнате.

Утром, разбудив Ордына, Николай принес ему косоворотку, штаны, блузу, юфтовые сапоги и фуражку с помятым козырьком.

На пешеходном мосту Николая и Ордына поджидали Паншин, Василий и Иван Емельяновы. Им было поручено провести Ордына через проходную.

К девяти часам кладовщик вывесил на двери записку: «Ушел на склад».

В кладовке собралось одиннадцать человек. Последними пришли Ноговицын и Матвеев. Устроились на табуретках, ящиках и прямо на полу.

Ордын рассказал о работе недавно закончившегося в Лондоне Третьего съезда РСДРП.

Резолюцию не было времени принять, мастеру полорзительным показалось, что так долго закрыта кладовая. Оружейники попросили Ордына передать Петербургскому комитету партии, что теперь им ясна цель — революция продолжается. Надо объединить всех боевиков в дружину. Каждому — винтовку.

Из завода Николай вывел Ордына через ворота на стрельбище. Прощаясь, сказал:

— Потребуется партия, добудем винтовки для боевых дружин Невской и Нарвской застав, Выборгской стороны, пошлем и в провинцию.

...Между тем отношения на заводе снова обострились. Без объявления опять ввели смены продолжительностью 11—12 часов. Охранка предупредила генерала, что в дружинах Петербурга появились винтовки Сестрорецкого завода. В проходной стало строже, на обыск ставили дворников, те старались выслужиться. Перестроились и дружинники: в карманах — табак, папиросы, спички, в узелках — пустые чугунки и куски хлеба, оставшиеся от обеда. Разобранные винтовочные затворы проносили за подкладкой фуражки. Сложнее — добывать стволы. Штаб поручил это дело рослым оружейникам. Василий Емельянов вшил в штанину брезент, прятал ствол, знакомый сторож выпускал его через запасные ворота.

Сборка винтовок шла в тайных мастерских. На Никольской у Емельянова, у деда Ахропоткова, в доме Матвеева. До десятка винтовок в неделю собирали в Новых местах в сарае Николая, приходили ему помогать Рябов, Шатрин. Но вскоре сборку пришлось приостановить — иссяк запас прикладов.

Шатрин подбивал Емельяновых и Анисимова выбрать ночь потемнее, напасть на сторожа ложевых сараев и вывезти сразу воза четыре болванок. Николай тоже был склонен к ночному налету — сдерживало, что сторож там Абрамов, его родной дядя.

Про затею с налетом узнал Рябов, зазвал Шатрина к себе, отругал:

— Устроить нападение на склад — ума не надо, а потом начнутся аресты. Так дружину можно погубить, не выполнить до конца поручение Центрального Комитета партии; ведь только наладили отправку винтовок в дружины Петербурга.

И он рассказал Шатрину, что старый Емельянов посоветовал ему — привязать приклад к горбылю и сбросить в реку Сестру. С таким же предложением приходили в штаб рабочие Васильев и Комаров.

...В условленный день Александр Николаевич привел лодку в устье реки, закинул удочку. Три горбыля с прикладами он без заминки выловил, осталось дожидаться четвертой посылки. В это время на правом берегу появилась молодая женщина с мольбертом, родственница главного врача сестрорецкого курорта. Ей нравился пейзаж: плакучая береза, рыболов на лодке, на воде соинный поплавок. Она установила мольберт, зонт и принялась рисовать.

Александр Николаевич проклинал про себя художницу, и тут, как назло, показался из-за поворота четвертый горбыль. Зацепить багром не составило бы ему большого труда, но чертова художница заметит привязанный приклад. Горбыль унесло в Финский залив. Теперь нужно успеть его выловить, а то волны выбросят на пляж...

Выезжали на лодке в устье сына Емельянова Василия, Иван, дед Ахропотков. По два-три приклада сдавали они в подпольные мастерские.

Пропажа была все же замечена. Деревянное ложе — не прицельная рамка и не затвор. На обыски ставили самых свирепых дворников — и ни одного задер-

жания. Никто из «рыболовов» не попался, но генерал велел перегородить реку на выходе ее с территории завода.

Помощь дружине пришла, откуда ее совсем не ждали. В тот день низкие тучи обложили Разлив: рано стемнело. Емельяновы ужинали со светом, когда Абрамов постучал в окно у крыльца.

— Заходи, на сковороде господин судак,— приглашал дядю в дом Николай.

— Наперед — дело. Щепы и сухой стружки на растопку хозяйке привез,— громко сказал Абрамов.

По тропинке следом за дядей Николай выбрался к протоке. У мостков стояла лодка, на дне — два мешка, Николай взялся сразу за оба — тяжело, не щепы и стружки, огладил мешки, себе не поверил — ложевые болванки. Ай да дядька!

— Годных с десятков, может и побольше, не считал,— говорил Абрамов,— остальные бракованные по прихоти приемщиков: то по глубокой царапине, то сучок товарный вид портит. Вам-то ведь винтовки не на всемирной выставке показывать.

Зарыв мешки в сухой мох, Николай бросил поверх несколько старых мереж и закрыл сарай на секретный замок.

Мальчишки, отужинав, исчезли, Надежда Кондратьевна отнесла грязную посуду на плиту, накрыла стол парадной клеенкой. Николай усадил дядю в красный угол, сказал:

— Пребольшущее спасибо от дружины, как хлеб нужны приклады.

— Батьке своему поклоны отбивай. Он надоумил. Встретил твоего родителя в бане, уселись дух перевести, пивка попить. Благостно так, ну и зацепились языками про всякие строгости на ружейном. Я-то знаю, у дружины свой арсенал, в чьем доме штаб квартирует, но молчу. Так сидим на полке, балакаем, батька твой без обиняков возьми и скажи: «Подсобил бы дружинникам, частей винтовочных они повиносили, затерло с прикладами. Сотню-две болванок унеси у тебя из сарая — сам не хватись». — «Что правда, то правда,— подумал я.— И сестру опять жалко. Попадешься ты, Васька, Иван, а Поликсенья сердце за вас, неугомонных, рвать».

Будто невзначай Абрамов сказал, что в комиссии накопились лишки винтовок.

— Взять не хитро эти винтовки, а как вынести? Дворникам награда обещана,— растерянно говорил Николай.

— Штук двадцать смело можете выкрасть,— убеждал Абрамов.— Попрячьте, скоро троица, пристанете к крестному ходу и вынесете винтовки с завода. С иконами обыскивать не станут.

Винтовки на стрельбище из приемной комиссии возил Петров. Было ему за тридцать, а за придурковатость звали Володькой. Водился за ним грех — любил выкурить дорогую папиросу и порассуждать о том, как бы всем хорошо жилось, если бы был в России добрый царь. Эти Володькины слабости и задумали использовать, решив выкрасть скопившиеся в комиссии лишние винтовки. Абрамов только слово взял с Николая сработать чисто, чтобы возчик не потерял места.

В день большой пристрелки винтовок Володькину вагонетку встречал в тихом углу то Василий Емельянов, а то Паншин. Угощали Володьку дорогими папиросами, отвлекали разговорами, другие молодые дружинники сбрасывали с вагонетки винтовки.

В троицу Сестрорецк проснулся поздно. Разодетые выходили на улицы мастеровые с женами, ребятами. Кланяясь налево и направо, направлялись в церковь Петра и Павла известные богачи — Кучумов, Грошиков, Леонтьев, Слободские.

Когда наступила торжественная минута начала крестного хода, то у икон и хоругвей раньше братьев Слободских и Кучумова оказались мастеровые. Рябов захватил хоругвь Христа, Василий Емельянов — святого Петра, Повалев — святого Павла...

Выбравшись из церкви, крестный ход направился на завод — в часовню. За воротами хоругвеносцев неожиданно сменили, а после молебна у них снова оказались хоругви. С завода возвращались через генеральский ход.

На улице Повалев уступил хоругвь Петру Слободскому, банщик сменил Василия, а у Рябова хоругвь взял Кучумов...

Полиция в троицын день благодушествовала: во время крестного хода не произойдет беспорядков. Косачев уже получил приглашение от Кучумова отобедать у него, а трактирщик Ферапонтыч обещал городовым после церковного шествия поднести по стопке водки и куску рыбного пирога.

Мастеровые, избавившись от хоругвей, икон, отстав от крестного хода, по одному пробирались в дом на Никольской. Вынесенные с завода винтовки Александр Николаевич прятал в тайниках.

15

Рано сготовила обед Надежда Кондратьевна. Выдался просвет, можно мало-мальски привести в порядок тройку мужа. Срезав бахрому с рукавов, она занялась штопкой и не слышала, как в комнату вошел свекор.

— Никак праздничный чинишь,— удивился Александр Николаевич, года сын не проносил дорогой костюм,— шерсть, поди, попала залежалая.

Посмотрел он брюки на свет — решето.

— И на каждый день не пустишь,— завздыхал Александр Николаевич,— развалятся. Экая напасть.

— Починю, поносит. К покрову, бог даст, новую тройку справим.

Туговато в семье с деньгами. Заработками Николай не обижен, но платит большие долги. В тяжелой кабале мужик — на двух биржах брал бревна и доски. Лишь недавно рассчитался за кровельное железо.

Помрачнел Александр Николаевич. Полную неделю сын не разгибает спины в мастерской, не отказывается от сверхурочных, только и отдушина, что в воскресенье посидит в трактире, погоняет шары на бильярде. Теперь и этого удовольствия лишился. Срам показываться мастерскому в заштопанных штанах, как какому-то подешнику.

— Справим до Казанской летней,— успокаивала свекра Надежда Кондратьевна.— Двадцать пять рублей моей сестре отложено, она при деньгах, подождет.

— За четвертную костюм на Александровском рынке купишь, а Николаю по положению нужно справить рублей за шестьдесят,— возразил Александр Николаевич.

Он очень гордился старшим сыном. Всем он вышел в свою фамилию. Полиция и начальник завода косо поглядывают на Николая, а оружейники уважают. В дружине он воинский порядок ввел, офицеру не каждому по плечу.

Со следующей получки, ясно, не отложить недостающую сумму, а Надежда Кондратьевна поддакивает, жаль ей огорчать свекра, но старого разве проведешь,

— В будний можно ходить в штопанных-перештопанных штанах, а в воскресенье срамота.

Александр Николаевич вытащил бумажник, отсчитал пятнадцать рублей.

— В Финляндии за сорок костюм можно купить богаче, чем в Петербурге за шестьдесят. Прошлой весной Ноговицын сшил тройку в Куоккале у портного, и по сей день, как новая. Адресок тогда записал.

Положив адрес портновской мастерской на деньги, Александр Николаевич не остался обедать, как ни уговаривала Надежда Кондратьевна. Хитер старый: от старшего сына всего можно ждать, забунтует, не возьмет деньги, а ему, и впрямь, не в чем выйти в город.

Николай привел с озера лодку, нагруженную камнем и дровами. Сосед, зацепив багром за борт, помог с берега подвести лодку по протоке до мостков.

Пар валил от Николая. Надежда Кондратьевна отравила его мыться, а сама осталась разгружать лодку. Калила она мужа на чем свет стоит: себя не жалеет. Дрова нужны на зиму, а зачем камень? Только отстроились...

Выгружая доски, Надежда Кондратьевна перепачкалась. Замывая подол юбки, она не заметила, как на мостки вышел Николай, спросил:

— Отец заходил?

— Навестил, я пиджак чинила, вволю поворчал, что фамилию позоришь. С ним не поспоришь, он прав, негоже так выряться. Надумала, сестра обождет долг, отец добавил из своих, велел ехать в Финляндию, адрес оставил хорошего портного.

— Дите я ему малое,—сердился Николай,— мало ему младших вырывать, девке бы какое платье справил, невесты в доме.

По всей вероятности, Николай отложил до получения поездку в Финляндию, да выпало срочное поручение Боевой технической группы. В Териоки прибыл тюк нелегальной литературы и ящик револьверов, нужно перевезти опасный груз в Питер.

У подпольщиков две тайные дороги через границу: по Финскому заливу на рыбацкой лодке и по тропинкам контрабандистов. Но недавно был провал при переправе через реку Сестру.

В этот раз Николай надумал переправить литературу и оружие... через пропускной пограничный пункт в Дюнах.

На вторник Николай отпра­сился у мастера. Рано утром был в Дюнах. На пропускном пункте угостил солдат куревом, разговорился, выяснил, что на этом участке границы несет службу взвод унтер-офицера Смирнова. Неожиданно повезло Николаю — взводный сочувствовал оружейникам-подпольщикам.

На подводе финского крестьянина Николай перебрался через границу.

В Куоккале у портного были и готовые костюмы на продажу. Всем хороша тройка английского тонкого сукна, да в плечах пиджак чуть великоват Николаю. Портной спросил недорого — сорок пять рублей.

Сторговал Николай костюм, договорился о подгонке пиджака, отсчитал задаток, обещал приехать в следующий вторник.

— Лишних два конца, терять мастеровому день, — портной мелком наметил на пиджаке, где убавить, сказал, что отпустит покупателя домой с обновой.

Хозяйка провела Николая в комнатку за мастерской, принесла чашечку кофе, рюмку коньяку, не поленилась, сходила в соседний дом за «Петербуржским листком».

Часа через полтора Николая позвали на примерку. Теперь костюм был шит как по заказу. Сверх договоренного Николай прибавил рубль, портной не взял, сказал, коль костюм понравится и будет хорош в носке, то пусть новый клиент даст своим знакомым его адрес в Куоккале.

Вечером, когда на пропускном пункте в Дюнах дежурил унтер-офицер Смирнов, Николай перешел границу и договорился о переправе териокского груза.

Спустя два дня на рассвете у контрольного пункта остановилась подвода с дровами. На вопрос унтер-офицера Смирнова: «Чьи дрова?», возчик — финский крестьянин ответил: «Везу дрова полковнику Юзикову».

Это был пароль.

В плохом настроении пришел к отцу Николай. Он несколько не причастен к тому, что произошло по ту сторону границы, но надо было что-то предпринять.

— Наш оружейник заболел, остался у знакомых в Райволе, — рассказывал Николай. — Он просил на день два задержаться и товарища с Нарвской заставы,

Тот ни в какую: «Дорогу знаю, границу не раз переходил, груз нетяжелый». В пути он сбился с дороги, оказался в болоте, утопил патроны, самого едва вытащил финский крестьянин, обсушил, обмыл и минувшей ночью переправил через границу.

— Спешить можно, но с умом,— вставил Александр Николаевич и спросил: — Отправили в Петербург сумасброда?

— Ко мне Клопов привел,— ответил Николай.— Трудно с этим парнем. Верно, сумасброд: денег взял в долг, намерен вернуться в Финляндию, найти охотника, который возьмется вытащить из трясины патроны.

— Пустое занятие,— пробурчал Александр Николаевич.— Сгоряча на беду напорется и патроны не достанет. Образумь человека.

— Пробовал и отступился,— признался Николай.— Попади в его шкуру: тошно ему налегке возвращаться в Петербург.

— Выручите, скиньтесь,— предложил Александр Николаевич.— Человек он настоящий, трус бы отсиделся в Новых местах, затем за героя себя выдал.

— Правильно,— согласился Николай,— наш долг — выручить... Прикидывал, сотню патронов соберем, но это же слезы. Матвееву солдаты принесли тысячу штук и через час обратно забрали: ревизия приехала.

Александр Николаевич сокрушенно покряхтел, прошел в соседнюю комнату, разбудил одного из сыновей, скоро вернулся.

— Справлялся у Ваньки: завтра на стрельбище большой день. На промывку винтовок дворник Будаев напросился.

— Жаль, что не тебя наняли.

— Жизнь — не расписание на чугушке,— заметил Александр Николаевич.— Не горюй, выкрутимся. Юзикова, начальника стрельбища, возьму на себя, потолкую и со старшим стрелком Чудовым. На мишени он поставит сына и нашего Ваньку. Питерца обнадежь.

Рано утром, отекий, в помятой пижаме, Юзиков пробирался вдоль забора к ягоднику. Возле куста смородины он встал на карачки, торопливо разгреб увядшие подорожники. Из потайной ямки исчезла сороковка. Опять кухарка выследила. У жены такса: платит ей целковый за обнаруженный тайник.

Домашнего шпиона Юзиков на этот раз ругал напрасно: в траве валялась пустая сороковка и посоленная корочка. Наступив на бутылку, он вспомнил: поздно вечером, не найдя ключей от буфета, прокрался в сад.

В голове у Юзикова стоял шум, во рту — дикая горечь. Он уже примирился, что сорвалась похмелька, мучился: собьют ли горячий компресс и крепкий чай мутное состояние. День жаркий — назначена пристрелка винтовок. С четвертой бойницы собирается опробовать полуавтоматическую винтовку приезжий изобретатель.

Юзиков поднялся на крыльцо черного хода, собираясь разбудить кухарку, и тут заметил степенно прохаживающегося напротив дачи Емельянова, компаньона по рыбалке.

— В поход за царь-рыбой лососем? — сострил Юзиков. — Дел невпроворот, не соблазнишь.

— Лосось верстах в семидесяти. Путь держу ближе, на Сестру-реку, а нет — махнем на Финский залив, там окуньки сами напрашиваются. Писарчук из участка полное ведро натаскал, — подзадорил Александр Николаевич и, расправив лямки заплечного мешка, показал на удочки, приставленные к забору. — Прошу в компанию. Лодка на плаву, поудите с утречка — как в раю побываете, уху поперчим, да еще кое-что припасено, — он похлопал по флаге, обшитой шинельным сукном.

Юзиков вышел за ворота, потрогал крученую нить удочки, сказал:

— Золотой дам.

— Не продается, берите, как принято у господ, в презент, — говорил располагаяще Александр Николаевич, — на выбор: слева — ореховая, справа — из молодого клена.

Удочки прямо из сказки, длина удилица — аршин пять. Юзиков попробовал на руке удочку из орешины: гибкая, прочная, такая не сломается, коль доведется вываживать и суматошную рыбину. Еще больше ему приглянулась кленовая, как по заказу литая. На удочке диковинка — самодельный крохотный бубенчик.

— На ночной рыбалке вздремнется — окунь налитой позвонит: «Ваше высокоблагородие, окажите милость, надоело висеть», — без улыбки говорил Александр Николаевич.

— Конфетка, — Юзиков колебался, какой удочке отдать предпочтение.

— А кто мешает в деле их опробовать? Какая себя лучше покажет — ту и забирайте.

Юзиков потер ладонями виски, сказал:

— Разламывается окаянная башка, у генерала перебрал.

— Огуречного рассолу кружечку пропустите — и все снимет, в молодости так сам лечился, — советовал Александр Николаевич, — а лучшее лекарство при переборе — лодка, удочка и речка.

— Пристрелка проклятая, черт бы ее побрал, — выдохнул Юзиков. — Эх, растравил, едем, побаламутим чашка два, к десяти доставишь на берег...

Клев был хороший, Юзиков чаще останавливал глаза не на поплавке, а на фляге. Наконец не выдержал пытки, попросил:

— Старче, глотка три.

Александр Николаевич будто с неохотой отдал флягу. Юзиков выпил, и его потянуло ко сну...

А на стрельбище начался большой день. Эхо выстрелов проносилось над Никольской площадью, куполами церкви, старым кладбищем и затихало на озере.

Пристреляв винтовку, Чудов брал следующую, привыкал к ней. Иван бежал через все поле к земляному валу, снимал мишень и скрывался в кустах. Веснушчатый парнишка обломком штыка старательно наносил на мишенях пробоины. Не израсходованные на пристрелке патроны поступят в дружину.

Под вечер увезли на вагонетке последнюю партию винтовок. Начальник караула снял охрану. На стрельбище остался только сын Чудова. Выждав еще минут пятнадцать, он пробрался кустами к забору, покаркал, подражая вороне. В зарослях акации раздался веселый свист малиновки. Через лаз в заборе парнишка передал несколько свертков. Похвалив мальчишку, Николай пригласил его в воскресенье кататься на лодке. Уложив патроны на дно корзины, он накрыл их листьями папоротника. Сверху лежало несколько грибов — белых и подберезовиков.

На кладбище Николай выбрался на среднюю дорожку, ведущую к часовне. За поворотом его окликнули. Под кронами берез прятался склеп-часовенка. Двое мужчин, заросших, в залатанных блузах и опорках, наждачной шкуркой очищали ржавчину с дверей склепа. Тот, что повыше, был Фирфаров — Николай едва его узнал, второй — спившийся босяк.

— Из леса? Хорошо там, сухо, легко дышать,— сказал Фирфаров, не скрывая зависти.— Видно, белых набрал. А мы вот подрядились: гостинодворская купчиха причастилась, переезжать собирается.

Босяк взглянул в корзину, намереваясь потрогать грибы, Николай закрыл их локтем.

— Не лапай, червь поест,— бросил он хмуро и направился к воротам кладбища. Сделав шагов двадцать, вспомнил, крикнул Фирфарову: — Приходи в воскресенье на пироги.

Возле перепада Николай прибавил шаг: заждался, поди, питерец. Вечерело. К станции Разлив подошел поезд, идущий в Петербург. В вагон третьего класса вошел уставший парень. Он облюбовал место в темном углу, зажал между ногами корзину с грибами.

Из переулка за перроном наблюдала Надежда Кондратьевна. Проводив взглядом поезд, она тихо побрела к дому.

17

По просьбе петербургского губернатора командиры Енисейского и Омского полков получили предписание быть готовыми в любой час ввести солдат в Сестрорецк «ввиду тревожного времени и замечаемого брожения среди местных рабочих».

7 июля на оружейном мастерские обнаружили в инструментальных ящиках прокламации Петербургского комитета партии «Ко всем рабочим». Спустя день местная организация социал-демократов распространила свою листовку «К сестрорецким оружейникам».

Обе листовки призывали 9 июля объявить днем памяти рабочих, расстрелянных 9 января на площадях и улицах Петербурга.

Ночью в Сестрорецк вошли солдаты. На казарменное положение перевели городских, утренним поездом приехал исправник.

9 июля...

Как и в январе, над колоннами бастующих оружейников плыли победные флаги. Анисимов нес на древке самодельный стяг в виде хоругви: «Долой самодержавие». Чуть подальше ветерок надувал траурное полотнище «Отомстим за невинно убиенных рабочих».

Шествие возобновилось после панихиды в церкви Петра и Павла. Над рядами опять появились флаги и траурное полотнище. Николай, Василий Емельяновы и

Ноговицын шли рядом. Не сговариваясь, они затанули «Марсельезу». И песня-гимн прокатилась по рядам, все нарастая.

На Выборгской улице цепочка городских пыталась остановить демонстрацию, но их отшвырнули. Тогда исправник Колобнев кинулся в колонну, чтобы вырвать красный флаг, который нес мастеровой Сафронов. В давке кто-то подставил исправнику ножку, образовалась куча мала. Колобневу намяли бока, вывалили в дорожной пыли, отобрали шашку и бросили в реку. Городовые разбежались, только один бросился на выручку своему начальнику, но парень из приборной отвесил службе хорошую затрещину.

Как и зимой, в январе, демонстранты прошли по улицам и собрались в читальне, послали за начальником завода. И получаса не прошло, дежуривший на улице мальчишка закричал:

— Генерал жалует, один, без стражников.

На хорах было нестерпимо душно. Дмитриев-Байцуров расстегнул китель и навалился грудью на перила.

— Бунтуете! Я разве не исполнил просьбу старост? — Дмитриев-Байцуров говорил повелительно. — Была заказана панихида. Отстояли службу и разошлись бы, так нет: устроили незаконное шествие по городу, напали на исправника и городских при исполнении служебных обязанностей.

— Бунтовщики, как вы нас называете, уже полгода ждут ответа на свои требования, — сказал Клопов, появившись у перил, — мы устали ждать, сталь, и то знает усталость.

«Вот кто главный зачинщик! Как фамилия, мастерская?» — не терпелось спросить Дмитриеву-Байцурову, но на привычном месте, справа, он не нашел ни помощника, ни правителя канцелярии. Сам виноват: явился один, желая показать, что не боится бунтовщиков.

Внизу запели: «Вы жертвою пали». В зале не пел только один генерал. Он молча кусал губы, ему казалось, что не в церкви, а здесь служили панихиду.

Тишина наступила неожиданно. И от этой тишины Дмитриеву-Байцурову стало не по себе.

— В январе часть ваших требований выполнили. Чем сейчас недовольны? — заговорил он снова, но голос дрогнул. — Составьте прошение через старост. Что законно — пойду навстречу. Поверьте, мне близки ваши интересы.

Из толпы Шатрин бросил фуражку в генерала, стукнувшись о балку, она упала. Упершись в плечи товарищей, Шатрин крикнул:

— Оно и видно, как близки наши интересы, поп и причт только что панихиду справили, а петербургские буржуи веселятся и пьянствуют с девицами в курзале.

Дмитриев-Байцуров чуть не переламывался на перилах. Подняв руку, он призывал к спокойствию, но никто его больше не слушал, в шуме тонул голос, казалось, генерал только шевелит губами. Тогда Клопов резко хлопнул в ладоши, оружейники замерли. Дмитриев-Байцуров подумал: «Все-таки это главный зачинщик, ему слепо повинуется толпа».

Заговорил Клопов теперь спокойно, словно в небольшом кругу знакомых:

— Курзал — заведение для веселья, но плясать мазурку и распевать шансонетки, когда рядом люди плачут, простите, генерал, это то же самое, что наплевать в наши души.

Голос у Клопова негромкий, а слышно в дальних углах читальни, хотя с улицы в открытые окна ворвался вороний гвалт.

— Танцы в день траура — оскорбление памяти погибших у Зимнего дворца и на улицах Петербурга, — у Клопова перехватило дыхание, он глотнул воздуха и замолчал.

Улетели вспугнутые кем-то вороны, в читальне снова наступила тревожная тишина.

— Это не петиция, — Клопов потряс листком, — когда администрация вольна жаловать или не жаловать. Мы требуем раз и навсегда установить восьмичасовой рабочий день, приказом отменить унижительные обыски, штрафы.

Клопов передал лист начальнику завода. Опять тишина, особая. Сотни глаз следили за руками генерала: «Разорвет!» Так бывало на казенном с жалобами и петициями рабочих, но Дмитриев-Байцуров сложил лист четверо и убрал в карман.

— Великому князю доложу. Требование — выше моих полномочий.

Медленно оружейники расходились по домам, парни держались особняком, о чем-то сговариваясь. «Громить курзал собираются — догадался Клопов. — Это может печально кончиться: в парке скрыта рота Енисейского полка, солдатам выданы боевые патроны». Понимая, что

отговорить молодых мастеровых от похода в курзал ему не удастся, он отозвал в сторону Василия Емельянова.

— Поучите богачей, только без крови. Курзал не громите, там и хорошие представления показывают, сколько наших по вечерам к ограде стекается музыку слушать. И еще помните, набуяните — пострадают серьезные люди, семейные. — наставлял Клопов. — Полиция в отместку выйдет по этапу в Сибирь.

— Не одни вечером идем в курзал, к нам присоединятся многие, уже вызвались Поваляев, Рябов, Анисимов и наш Николай, — сказал Василий. — Лишнего нам не позволят...

Все улицы, ведущие к Курорту, даже Пески, закрыли городовые, стражники и солдаты. И все-таки оружейники просочились в парк. Солдатская стена преграждала дорогу к курзалу. Парни не дрогнули, переглянулись. Неожиданно черноволосая худенькая девушка, дочь мастерового Федорова, решительно направилась к солдатам, развела винтовки, и цепь разомкнулась.

В курзале, распахнув дверь, парень из замочной мастерской гневно крикнул:

— Гуляете, господа? Просим честью не забывать, что у нас траур, день памяти расстрелянных 9 января...

Умолк оркестр, завсегдатаи кинулись к выходу. Так спешили покинуть курзал, что у дверей началась давка. На стоянке кучера частных экипажей кнутами отбивались от чужих господ, пытавшихся силой захватить коляски. Товарищ министра внутренних дел Дурново с дочерью сбежал на случайном извозчике.

Разогнав господ в курзале, рабочие мирно разошлись. Колобнев не поверил Косачеву и с младшим городовым объехал на извозчике парк. В этот день в Курорте пострадал только неизвестный фотограф, видимо, из тайной полиции. Он выскивал главных бунтовщиков и фотографировал. Недалеко от вокзала фотографа поймали мастеровые, отобрали и разбили о булыжник фотоаппарат, растоптали пластинки.

К отъезду исправника в Петербург были составлены списки зачинщиков траурного шествия и беспорядков в курзале.

Ноговицын и Николай предупредили товарищей, чтобы получше перепрятали оружие, патроны, нелегальные брошюры. Три дня полиция никого не трогала, казалось, — пронесет грозу, а в ночь на 13 июля начались

обыски. Первым привели в участок Сафронова: запомнил его исправник.

Утром в инструментальную мастерскую зашел Ноговицын, принес Николаю проверить штангенциркуль, но это был предлог.

— Многих товарищей за эту ночь недосчитались. Собираемся вечером, — сказал он. — Третий съезд РСДРП наметил путь к вооруженному восстанию народа. События показали: пора нам действовать решительнее. Из наших рук выходят винтовки...

Вечером на заседании штаба разбили дружину на десятки, наметили места для военных занятий — на Ггаррке, в карьере под Зеленой горкой и за Гнилым ручьем.

18

Лиза к обеду опоздала, пробираясь на свое место в красном углу рядом с отцом, шепнула что-то на ухо брату. Василий отложил ложку, вылез из-за стола.

— Все торопишься, похлебать шей некогда. Хоть лоб бы перекрестил, — разворчалась Поликсенья Ивановна и сердито глянула на дочь. — Сама с девчонками обед пробегала и брату не дала поесть.

Василий надел косоворотку, праздничный пиджак, бриллиантином напомадил волосы.

— К питерке, — Поликсенья Ивановна локтем сдвинула занавеску. — Вон у горбатого тополя крутится. Одета, как наша Параскева, а не из простых.

Она вышла в сени за сыном, будто ненароком сказала:

— Платок барышня не умеет завязывать, пусть приглядится к нашим девкам.

Заждалась Наташа, а может, и спугнул городской: обходя свой участок, он сделал остановку возле дома Емельяновых. Уселся на скамью, устало вытянул ноги, закурил.

Василия бесили полицейские «посиделки». На прошлой неделе он взялся за топор, собрался порушить скамью, да отец воспротивился: «Поставишь свой дом, хоть кольев три ряда набей, хоть репейник и крапиву разводи под окнами, не пикну, сам хозяин. А я живу, как мой дед и прадед, душа нараспашку. Из десяти — один нежеланный посидит на скамье». И старший брат высмеял затею с топором. Он-то знает, что на емелья-

новской скамье любит отдохнуть и дворник Будаев, тот самый, что листовку Петербургского союза рабочих доставил в полицию и выключил наградные.

Закурив «императорскую», городской окинул взглядом Василия, сказал назидательно:

— В трактир путь держишь? Шел бы к Михайлову в сад, там показывают представление, играет оркестр Кронштадтского полка. Степенности время набираться, а то пропадешь.

— Дэ мортуис аут бэнэ, аут нихиль,— сказал с широкой улыбкой Василий и кинулся напрямик к тополям, где по дорожке прогуливалась Наташа.

— Что ты фараону сказал? — спросила она. — Сидит ошарашенный, в себя прийти не может.

— Дэ мортуис аут бэнэ, аут нихиль,— бойко повторил Василий.

— А что это по-русски, знаешь? — спросила Наташа, пряча смеющиеся глаза.

— Нет,— признался Василий,— утром рыбу носил на Чухонскую провизору, тот был вдребезги пьян и напевал, как куплеты из песенки, а память у меня хорошая, с лета схватывает, может, ругательство какое?

Наташа улыбнулась, у Василия прошел испуг: питерка смеется, значит не брань.

— *De mortuis aut bene, aut nihil*,— сказала Наташа и перевела: — О мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить. К счастью, городской и в русском языке знает только девяносто шесть слов.

— Про покойников. А я-то думал! Шибко весело провизор напевал и ногой притопывал, как в курзале левица.

На крыльце бакалейной лавки старуха торговала жареными семечками. Василий купил на пятак, угостил Наташу. Лузгая, они переулками выбрались на Пески. Наташе идти было тяжело, песок набивался в туфли.

— У речки людей меньше,— Василий скосил глаза на туфли,— да обувка у вас не та, городская, испортим. Может, в Дубки?..

Он решительно свернул к узким деревянным мосткам.

— Порвутся—и хорошо, новые туфли в глаза бросаются,— Наташа взяла Василия под руку.

На берегу Сестры Василий подкатил к сосне сухой кряж,— скамейка Наташе, а сам сел у ее ног на сплетенные оголенных корней.

— Совсем как влюбленные,— с удовольствием подметила Наташа, разглаживая на коленях платье. Заговорила серьезно: — Пополнение прибыло в ваш гарнизон, два месяца не прошло, в третий раз меняют солдат. Из провинции, кажется, из-под Новгорода прислали. Это не главное, узнаем, сейчас важно солдатам открыть глаза: кто враг и кто друг, не то провалов на границе не оберешься.

Наташа выхватила из ридикюля горсть конфет в ярких бумажках.

— В каждой листовка,— пояснила она,— велено не просто рассовать в казарме, а раздать солдатам, чтобы ни одна не попала офицеру, а то опять сменят солдат в гарнизоне. Вашим дружинникам не раз и не два придется перейти границу.

Проводив Наташу до озера, Василий зашел на Чугунную за приятелем. Тот только что купил по случаю гармошку. По дороге в казарму они встретили Ивана, взяли и его с собой. Через кладбище и дюны выбрались к артиллеристам. Развалились на полянке недалеко от казармы, на траву бросили пустую сороковку, к березе прислонили начатую бутылку, а на холстинке закуска — требуха, хлеб, соль.

П приятель Василия с душой играл на гармошке, потянулись солдаты из казармы, но вели они себя робко, жались к соснам.

— Загни коленце поозорнее,— попросил приятеля Василий и вместе с Иваном задорно запел частушку:

Люблю я Марусю,
Но только не вас.
На ней я женюсь,
А вас под матрас...

Когда они кончили петь частушки, солдаты перебрались к березке, растущей одиноко на краю полянки. Коренастый, круглолицый солдат в ладно пригнанной гимнастерке, видимо, старослужащий, попросил:

— Погрустнее бы, зубоскалами своими в роте не обойдены.

Василий кивнул приятелю и запел:

Степь да степь кругом...

Подтягивали и солдаты. Спели песню, и пошло — от куда, чьи... завязывались новые знакомства.

С Наташей Василий встретился перед отходом поезда.

— Солдаты просили заходить,— рассказывал он,— скучают, строго их держат, не разрешают дальше чем на полверсты удаляться от казармы, с мастеровыми запрещено якшаться. Кого заметят — наряд вне очереди, а при повторении — на гауптвахту.

— А на кого из них можно рассчитывать?— спросила Наташа.

— За одного ручаюсь,— сказал Василий.— Он из-под Осташкова, до действительной батрачил, а старший брат с мальчишек в Питере, на Обуховском работал.

— Ну, что ж, знакомство нужное,— одобрила Наташа и остановилась у вагона.— Послезавтра приеду, хорошо бы тому солдату добыть увольнительную.

— С братом Николаем посоветуюсь,— нерешительно сказал Василий.— В гарнизоне у него есть знакомый унтер-офицер.

— Встречаемся у лодочной станции,— сказала Наташа. Она вошла в вагон, помахала с площадки.

Не пришлось Василию идти в Новые места,— Николай был у отца. На дворе они чинили сети.

— Нагулялся с питеркой,— пошутил Николай.

— Эх, мать, до всего-то ей дело,— обиделся Василий.

— Секрет,— усмехнулся Николай.— Ахропотков на Песках засек, говорит, красивая.

— Не зазноба то была, приезжает она по заданию Петербургской боевой технической группы,— оправдывался Василий.

— Наташа?— посерьезнел Николай.— Знаю ее.

Василий показал брату конфету.

— Ловко листовка спрятана. Три штуки Иван на батарею снес.

— Покажись Клопову. Кстати, он на днях про тебя спрашивал,— сказал Николай.— Коль встретишься с Наташей, то передай обиду: напрасно прождали дружинники за Гладким болотом, так и не приехал инструктор. Постреляли кто во что горазд. Не учение, а баловство, напрасно извели патроны.

Соснув часок в сарае на сеновале, Николай выбрался к протоке и замер от удивления. Старший сын переносил с берега мережи в лодку. И как шельма пронюхал, что он собирается выходить в Разлив?

— Надя,— крикнул Николай жене,— уведи малого. «Сын — помеха, рыбалка затеяна для отвода глаз»,— догадалась Надежда Кондратьевна. Вчера пол вечер к Николаю заходил дядя. О чем-то долго шушукались у поленницы, верно, ложевых болванок припас: в мешке-то много не унесешь, а на лодке долго ли переправить. Может, и в Финляндию уйдет, запасные весла положил в лодку. Недели три назад с отцом и Василием ходил в Териоки, привезли динамит в резиновых мешках. В таможенной полосе привязалась лодка пограничной стражи. Александр Николаевич и Василий приготовились уже динамит в залив опустить,— выручила находчивость Николая: отругиваясь, он увел лодку. Стражники, видимо, приняли их за местных рыбаков.

Выждав, пока за сыном закрылась дверь в доме, Надежда Кондратьевна сказала:

— Еды возьми, много ли места в лодке займет кошелка.

— К ночи вернемся, только не жди, ложись,— успокоил Николай и мягко оттолкнул лодку от берега.

Недавние дожди заболотили сход к протоке у дома Шатриных. От нижней ступеньки крыльца до воды лежали на кирпичах широкие доски. У самого края мостков стоял в ожидании Шатрин.

— Заждался, комарье до полусмерти заело,— буркнул он, прыгнув в лодку.

— Долго не смеркалось. Да еще, как назло, приехал к соседям дачник,— оправдывался Николай.

— Паскудный человек этот новый дачник, в воскресенье около моего забора шнырял и вынюхивал,— заговорил почему-то весело Шатрин.— Я мимо погреба — и через лаз на улицу, подкрался сзади, по заливку дал и тряхнул — соломенная шляпа отлетела в протоку. Забудет, где и дом мой стоит.

— Экий болван болваныч, остеречься бы, а он сам на рожон лезет.

Отошли саженой на сто от берега. Николай положил весла на воду. Пора свернуть к ложевым сараям, но на косе в двухэтажном доме светились все окна.

— Давай вернемся, предчувствие у меня плохое,— предложил Шатрин: теперь он сообразил, что его дом взят под наблюдение,— с десятков прикладов есть на складе.

Сердится Николай сейчас на Шатрина: глупость сотворил, выдал себя шпику, теперь переживает. Кто из

оружейников не на подозрении у полиции? Страх, что ли, ему в голову ударил? Надя — женщина, за подол ребята трясут, а когда требовалось штаб боевой дружины на квартиру поставить, сама предложила: «У нас безопаснее, в новом доме есть тайник».

— Дойдем до Тарховки, — развернемся, — уклончиво ответил Николай.

Когда на берегу показались темные силуэты тарховских дач, Николай бесшумно развернул лодку и поднял весла.

— Умаялся за день в мастерской, твой черед!

Шатрин делал несильные гребки, а лодка шла ходко. Мрачные мысли окончательно покинули Николая. Вольдодку он знает, как себя помнит, — не неволили, в своем доме устроил склад боевой дружины. Оружие и литературу у него прятал.

Не заметили, как оказались у Сестрорецка. Коса слилась с темнотой воды и неба, только справа, недалеко от Белоострова, буравил ночь костер.

— Дополнительный пост стражники выставили. Ожидают перехода с той стороны, — сказал Николай.

— Умники, костер до неба, — посмеивался Шатрин.

— Костер неглупый человек разложил, — возразил Николай, — унтер-офицер Смирнов, сочувствует большевикам. А может, и не он. Мои братаны Василий и Иван свели знакомство с одним солдатом: брат его родной, обуховец, на каторге. Кто бы там ни был у костра, но он предупреждает: опасно в эту ночь переходить границу.

— Хитро задумано. Огонь на маяке зажигают, чтобы люди не погибали, находили дорогу, — согласился Шатрин. — Пора начинать, первый сон у людей крепкий.

Бесшумно теперь он вел лодку, без всплесков стекла вода с весел.

— Не вижу огонька сигарки, — сказал Шатрин. — Прощай раз твой дядя так сигналил.

— Условились без огня, — сказал Николай. — С темноты и до света дополнительный пост выставили у ложевых сараев.

— Городового поставили, — Шатрин заколебался, — влопаемся в историю.

— Оставался бы под боком у жены, — буркнул Николай.

Шатрин подвел лодку к ложевым сараям, держась за стену, подтянул ее к среднему отсеку. Николай бесшумно оторвал подгнившую доску, но дыра была ма-

ла — не пролезть. Перепутали отсек, — видимо, в следующем сбиты доски.

— Рви и нижнюю, на ладан она дышит, — торопил Шатрин, придерживая лодку у берега. — Прибьет дядька, все будет шито-крыто.

Николай оторвал нижнюю доску. Шатрин первым проник в сарай, скоро вернулся, неся охапку ложей.

— Штук тридцать там, — шептал он, — заберем все, а вдруг они мастером отобраны, хватятся?

— Кучка в проходе? — спросил Николай и уточнил: — У столба.

— Дьявольски темно, по памяти пробирался, по-моему, у столба, мешковиной ложи прикрыты.

— Нам припасены, карауль, моя очередь, я ходы изучил в этом сарае, дядьку навещал.

Шатрин расстелил на дне лодки брезент. Перетаскав все отложенные болванки, они закрыли их мешковиной, сверху бросили мережи, ведра и мокрые поленья.

Разлив спал, ни один огонек не встречал возвращающуюся лодку. Хотя было темно, Николай заметил человека, прятавшегося за сосной у схода к усадьбе Шатрина, шепнул:

— Попали под слезку, завозить к тебе груз опасно, придется искать новый тайник.

— Мой дом еще послужит, — расхрабрился Шатрин, а разглядев человека у сосны, сник. — Веди лодку к своему причалу, — и, не дождавшись, когда она подойдет к берегу, положив на плечо мережу, взял в руку ведро, будто с рыбой, сошел прямо в воду.

Причалив к мосткам, Николай мучительно думал, что делать. Слежка за домом Шатрина, а там тайный склад. Оттуда переправляют в столицу оружие, литературу. Где-то до рассвета нужно припрятать ложевые болванки.

Тяжелые мысли Николая перебил собачий лай, кто-то, запыхавшись, бранясь, мчался к озеру. Затем в темноте послышались грузные шаги, к причалу вышел Шатрин. Он был возбужден и, казалось, доволен тем, что сейчас происходило на озере.

— Купанье ночное устроил, натравил соседского Лиходея, задаст он перцу, — говорил весело Шатрин.

Шатрин предложил ложевые болванки перенести к Поваляеву.

— Неудобно врваться без предупреждения, — засомневался Николай. — Ночь на дворе.

— Стыдись, Тимофей свой, поймет: не от хорошей жизни врывается,— уговаривал Шатрин.— Инна нам сочувствует, давно ли с твоей Надеждой переносила из Тарховки финский динамит.

Сложив болванки в мешки, они задами выбрались к линии Приморской железной дороги. Дом Поваляевых стоял у самого леса.

На условный стук в окно вышла на крыльцо Инна, сестра Поваляева. Оказалось, Тимофей заночевал у приятеля.

— Обыска ждать? — Инна решила, что мастеравые явились предупредить ее брата.

— Сюда вряд ли нагрянут, а у нас, возможно, потреплют матрасы,— сказал Николай.

— В сарай ложевые наведались, а на обратном пути шпик подстерегал,— объяснил Шатрин.— Укрыть мешки до завтра негде.

— Обождите,— попросила Инна,— за ключами схожу, тайник пустой, вчера с Невской заставы у брата связные были.

Спрятав болванки, Николай и Шатрин вернулись к протоке. На озере было тихо.

— Не утоп бы с перепугу шпик. Лиходей — отъявленный озорник, не дай бог, сыск пойдет,— встревожился Николай и послал Шатрина на озеро.

Выбросив мокрые дрова на берег, мережи повесив на колья, Николай разбросал горсти мелкой рыбешки по дну лодки. Шатрин тем временем по берегу протоки вышел к озеру. Спрятавшись за перевернутую лодку, он, тихонько посвистав Лиходея, отвел его на двор к соседу и посадил на цепь.

С той ночи этот шпик больше не появлялся в Разливе.

20

Военного инструктора Николай ожидал поездом из Петербурга, а тот прикатил на извозчике из Сестрорецка... с барашком.

Оказывается, он приехал утренним поездом, хотел осмотреться. Время у него было, зашел в бильярдную «Семирамиды».

Проиграв партию, купец Грошиков нехотя лез под бильярд. Кучумов, самодовольно улыбаясь, постукивал кием об пол.

— Сыграем в пирамидку,— неожиданно предложил он инструктору.

— Условия?

— Проиграешь — лезешь под бильярд и кукарекаешь.

— А выиграю?

— Твой приз,— Кучумов ткнул кием в корзину, где лежал связанный барашек...

Когда они вышли к лесистому оврагу, там собралось больше десятка оружейников. Кое-кто, увидев в корзине барашка, аппетитно зачмокал.

— Начнем с шашлыка или с наганом ознакомимся, постреляем? — спросил инструктор, хитро поглядывая на дружинников.

— У мастеровых золотая привычка начинать день с дела,— сказал за всех Анисимов.

— Костер минута-две разложить,— буркнул Поваляев. Он пешком пробирался на озеро, проголодался. Разожгли костер и расселись вокруг огня.

— Пока нажжем углей, пройдет час, не меньше,— сказал инструктор и предложил:— Займемся главным.

Он разрядил наган и начал занятие.

— Револьвер — удобное оружие для дружинников,— говорил инструктор.— Держать его можно в кармане, за голенищем, но хорошо спрятать оружие — это полдела. Наган, браунинг, смит-вессон — это не трехкопеечные пугачи, из револьвера нужно стрелять метко, а не палить в божий свет. Стрелять требуется с умом, разборчиво! Против нашей дружины, к примеру, выступит Омский пехотный, а там в первой роте действительную отбивают парни из вашей образцовой, так что же — и своих убивать?

— За-ко-вы-ка с пер-цем,— протянул Анисимов, стрелять в своих. Как это раньше в голову не приходило?

Инструктор пронизательным взглядом обвел дружинников.

— Коли действовать с умом — в своих не попадешь.

— Пуля — дура, Суворов так ее окрестил,— бросил Иван.

Николай нахмурился: попадет брат впросак, много тараторит, ему пока молчать бы и ума набираться.

— У настоящего стрелка пуля умная, она найдет офицера и жандарма,— наводил инструктор.

— Таких стрелков на ярмарке в балагане показывают,— сказал Анисимов.

— Ваш Соцкий не из цирка, а в муху на дуге попадет, когда телега катится,— сказал инструктор и зарядил револьвер.— Я в детстве пугача не держал, а потребовалось — из пулемета, винтовки, револьвера стреляю, бомбы бросаю. Научиться метко стрелять — хитрость небольшая, надо чувствовать револьвер и знать — промахнуться нельзя. В момент восстания рядом с офицером и жандармом может оказаться свой человек. А случится, что и он вскинет винтовку,— опереди, стреляй в правую руку, из строя его выведешь. Таким я представляю себе дружинника на баррикадах, в будущих уличных сражениях.

Над оврагом закружили вороны. Вороний галдеж мог привлечь чье-нибудь внимание к оврагу.

— В небе появились провокаторы, как поступить?— серьезно спросил инструктор. Вскинув руку, он несколько раз выстрелил. Тучная горластая ворона закувыркалась и упала в канаву, вторая камнем рухнула на полянку, третья чуть не угодила в костер.

— На шашлык просится,— посмеялся Анисимов и, взяв за крыло убитую птицу, швырнул в кусты.

Напуганные выстрелами, вороны, погалдев, улетели через лес к Дибунам.

— Если так стрелять, пуля непременно найдет жандарма,— восхищенно воскликнул Николай.

— Всем дружинникам так надо стрелять,— сказал инструктор и добавил:— На следующем занятии ознакомимся с самодельной бомбой и поучимся ее метать.

Шашлык ели в охотку, отстреляв, разъехались. Иван уехал с Паншиным. У Николая в лодке был инструктор. Незаметно разговор перешел на то, чем жила петербургская боевая техническая группа.

— Не спускайте глаз с лавочников и босяков,— говорил инструктор.— Никакая узда их не удержит, а полиция — если не зачинщица погромов, то открыто покровительствует расправе с социал-демократами.

— Наши лавочники и босяки от казенки не осмелятся выйти на улицу с ломом, кистенем, револьвером,— сказал убежденно Николай.— Оружейники им быстро намнут бока.

— Не зарекайся,— предупредил инструктор.— В стране сложная обстановка. В типографии — закон о

Булыгинской думе. Три курии, и все — для имущих. Недовольна куцыми правами думы и буржуазия, но помещики, купцы, заводчики сторгуются с царем.

— Сторгуются, — поддакнул Николай и спросил: — А с какого боку нам наваливаться на ряженую думу?

Инструктор вынул из-за голенища газету «Вперед».

— «Ряженая», метко сказано. Ленин называет Булыгинскую думу совещательной палатой без всяких прав. Царь дарует ее народу вместо конституции.

Николай опустил весла.

— «Конституционный базар», — прочитал он вслух название статьи. — Хлестко. Почитаю — и по кругу.

Спрятав газету за подкладку фуражки, Николай взялся за весла.

— А меньшевики в Петербурге вместо дела все раздор вносят, умничают? — спросил он.

Инструктор развел руками: зачем, мол, разговор вести, ясно, — но все же ответил:

— На запятках чужой кареты разъезжают; своей-то они не имели и не имеют. Играют по-прежнему в революцию, карточные домики строят. В коленках у них появляется дрожь, когда слышат о неизбежности народного восстания и вооруженного захвата власти.

В небе над Разливом всполыхнула праздничными огнями ракета. Стреляли с тарховской дачи Авенариуса.

— Семейное торжество у строителя Приморской чугушки, — объяснил причину неожиданного фейерверка Николай.

Выстрелы следовали один за другим, гроздя разноцветных огней рассыпались и гасли над озером.

21

Зима установилась за одну ночь. Вечером ветер гонял по улицам Разлива опавшие листья, а утром дома, сады, дороги были в рождественском снегу.

Николай накануне взял отгульный день. Через Рябова передали, что в полдень ему надо непременно быть в Питере на Приморском вокзале. Что за поручение? Кто передаст? Рябов не знал.

У буфета первого класса прохаживался Андрей, тот самый, что увел когда-то Николая из кружка народников. Он был сейчас похож на купца — в шубе, каракулевой шапке, важно переставлял дубовую трость.

— Едем к моим цыганам,— похохатывая, говорил он громко.— Жена никуда не сбежит, а цыганки — прелесть.

Состав на Озерки еще не подали. Пассажиров было немного, и они держались ближе к вокзалу. Прогуливаясь по платформе, можно было побеседовать, не навлекая подозрения.

— Слышал про милость царскую?— спросил уже серьезно Андрей, когда последний из пассажиров отстал от них шагов на десять.— Прибавка жалованья на сто двадцать рубликов старшему городовому. Привесок хороший — корову купить можно, сапоги справить и на черный день отложить.

— Казна — бездонная! — вяло отозвался Николай.— Прислужников во все времена задабривали.

Андрей опять о том же:

— И погуще станет в России полицейских, теперь на четыреста душ обоего пола в городе положен собственный городской.

Подали к платформе поезд. Николай подумал: «Наконец-то Андрей скажет про то важное дело, ради которого он приехал».

— И младший городской милостью царской не обойден,— продолжал Андрей все с той же непонятной Николаю заинтересованностью. И что ему далась прибавка жалованья полицейским?

— Поздравлять городских охоты не имею,— огрызнулся Николай.

— И зря,— Андрей остановился возле последнего вагона,— про царскую прибавку следует в соборный колокол бить. Затем и вызвал, и это, поверь, не только мое мнение. Прибавка городovým — тоже взрывчатка, рванет похлеще динамита.

— Рвануть — рванет, только не очень,— сказал Николай разочарованно.— Всем известно, что испокон веку полиция состоит у казны на обильном кормлении.

Помолчав, Андрей спросил:

— До Петербурга докатилось — в образцовой опять произвели сбавку расценок. Правда?

— И в ложевой скостили,— Николай незаметно для себя оживился.— В замочной начальник и мастер жмут на рабочих, выслуживают наградные к рождеству.

Николай хоть и случайно, но сам развил замысел партийного поручения.

— Листовку бы на заводе сочинить,— заговорил Андрей.— Факты хлесткие, царская милость: полиции — прибавки, а рабочим — опять сбавка расценок. Поденщики несемейные одну койку на двоих снимают, на завод ходят в разные смены.

— Толковая листовка встряхнет, растормошит и тех, кто ни во что не вмешивается,— согласился Николай.

Прав Андрей, давно ли зачислили на завод городских, положили хороший кошт: жалованье, квартирные, казенные дрова и освещение. И вот новое царское повеление о благах полиции. Прибавка в сто двадцать рублей — это не чарка водки и кусок пирога с капустой...

Самому Андрею не пришло в голову использовать в листовке о царском повелении и прежний указ о создании заводской полиции, а рабочий связал, и удачно.

— Только за квартиру, дрова, керосин и свечи нашим дармоедам положено: надзирателю — шестьсот рублей в год, городовым — полторы сотни на рыло,— разошелся Николай.

— Раз самому тошно, действуй, но запомни: факт в листовке это тебе не притча в Евангелии. Все досконально разузнай про сбавку расценок, затем садись и сочиняй.

— Уволь, отыскал сочинителя, письмо в кон веки вымучу,— отказался Николай.— Мне сподручнее в глухую ночь лодку с динамитом провести мимо пограничной стражи, чем листовку написать.

— Листовка — тот же динамит,— уже строже заговорил Андрей,— справишься, высокого слога не требуем, пиши как умеешь. Городовым жалованье прибавили — прибавили. Пиши и отвечай дальше: за что? Цареву службу с усердием несут. В тюрьмах тесно, на Владимирке оживленно, как на Невском проспекте. Написал, дальше сравнивай: где деньги на прибавку полиции взять? Министры и царь подсмотрели, что мастеровые скопили на праздничные штаны. Хватит им и одних порток из чертовой кожи. Вот так и рассуждай...

Дома весь вечер Николай молчал, сопел и хмурился. На вокзале Андрей вроде и убедил: просто написать листовку, а в поезде Николай уже расканивал — взялся не за свое дело. Не с кем и посоветоваться. Повалаяев с месяц в Ижевске, Анисимов в больнице. Надя во всем ему помощница, но какая из нее сочинительница? Требуется не письмо, где все просто: сперва поклоны родне,

а затем суть. Выждав, когда в доме все уgomонились, он прикрыл холстиной лампу, начал писать.

«Слово к товарищу оружейнику.

Вышла царская милость! Старшему городовому прибавлено жалованья 120 рублей и младшему 90.

Вышла царская милость! На оружейном сбавлены расценки в приборной, образцовой, магазинной, ложевой, замочной... По рублю-два недоберет в неделю рабочих. Сколько в год вынут из кошелька труженика. Считайте...

Вышла царская милость! К рождеству начальники и мастера получают наградные по 200—300 рублей на нос. Отменно они насобачились сбавлять расценки.

Городовые теперь гадают: а не подкинет ли государь император им на бедность земли в собственность, пенсии с мундиром и званием?

Царь не оставит в своих заботах ревностных слуг! За девятое января он еще не расплатился с полицией».

Листовку Николай подписал: «Сестрорецкая организация РСДРП», а подумав, зачеркнул: еще навлечет беду на дружину, почему он сам от себя не может обратиться к товарищам! Взял и поставил подпись: «Ваш брат оружейник».

Переписав начисто печатными буквами листовку, Николай устроил себе постель на диване. Поздно лег, а проснулся в начале шестого. Как раз Надежда Кондратьевна и внесла в комнату самовар. Озабоченное лицо выдало ее.

— Читала, — не таилась она. — С городовыми складно, а со сбавкой расценок — хуже нельзя. Нужно, чтобы проняло, чтобы каждый узнал, насколько его обирают. Припомни, как штабс-капитан Герлах рабочих рассчитывал.

Как же мог Николай такое забыть? В образцовой на отделке спусковой пружины и скобы рабочие поднажали, заработали по 42 рубля. Герлах вызвал их к себе, похвалил и говорит: «Тебе, Ванька, двадцать рублей приходится, Ваське двадцать, Акимке двадцать два и от меня 2 рубля за старание». Одним махом ужулил шестьдесят два рубля.

— Цену поставь, — наставляла Надежда Кондратьевна, — сколько платили рабочему до сбавки и сколько — после. На детонаторной втулке мастер форменный грабеж устроил, брат на днях жаловался. На щи без мяса, инструмент и квартиру только и заработает человек, а

на что купить штаны, рубаху, обувь? И на черный день что-то надо отложить.

Жаль Николаю портить листовку, — справно, без помарок переписал, но жена дельно советовала, невольно повторил вслух: «На детонаторной втулке мастер форменный грабеж устроил».

— Чай завари покрепче, а я тем временем добавлю и перепишу, — сказал Николай. — Герлаху по гроб не забудут оружейники обчета. Нет в штабе дружины гектографа, а то размножил бы и по мастерским расовал.

— И одна листовка кого нужно не обойдет, — Надежда Кондратьевна из жестяной коробки насыпала заварку в маленький чайник и сказала: — Опять в Зимнем что-то замышляют, неспроста так печется о городских царь...

К вечеру правитель канцелярии бомбой вылетел из кабинета Залюбовского, а вдогонку ему: «Найти листовку, сочинителя, доложить».

Отдышавшись у открытой форточки, правитель канцелярии послал рассыльного за Леонтьевым.

Несколько месяцев ждал этого вызова Леонтьев, наконец-то, наверное, вспомнили в Зимнем. Нетерпение так велико, что он, ополоснув руки, как был в промасленных штанах и куртке, явился в контору.

— Полковник обеспокоен, очень просил; — заискивающе заговорил правитель канцелярии, приглаживая ершистые волосы. — Крамольная листовка ходит в мастерских, царя мерзко хулит, мастеровых подстрекает. Разузнайте, в долгу не останемся.

— К сыскному делу Соцкий приставлен, — возразил Леонтьев, — ему и поручите листовку искать. Осведомителем не был и не буду.

После смены Рябов догнал Николая на дворе, шепнул:

— Шуму твоя листовка наделала, из Петербурга исправник примчался, собирал городских в караульне, топал ногами, орал, что не прибавку жалованья, а через строй их нужно прогнать.

— Забавно, — рассмеялся Николай, — городских — сквозь строй.

Он не чувствовал ног под собой. Одна страничка, а переполох в мастерских наделала. В замочной начальник испугался — велел мастеру платить по старым расценкам.

Сгоряча Николай в душе даже посмеялся над страхами Рябова. «Поостерегись сам, братьям скажи, чтобы действовали поосторожнее, исправник припомнит дружинникам эту листовку», — предупредил он.

22

Надежда Кондратьевна притушила лампу, закутавшись в шерстяной платок, прилегла: днем на ветру она полоскала белье. Сам больно хмурый вернулся с работы, без интереса похлебал кислых щей, а сковороду салаки отставил. Вышел из-за стола, снял с гвоздя старый тулуп.

— Недалече, к Шатрину, — бросил он на ходу, — потолковать надо, спи, может, и задержусь.

Надежда Кондратьевна обиделась на мужа, а подумав, успокоилась. Тревожно в Сестрорецке, понаехало тайных агентов из Петербурга. По лавкам, трактирам, на рынке они шныряют, ищут пути, по которым в московские дружины поступают винтовки.

Сквозь тяжелый сон она слышала, как за стеной муж будил старшего сына, затем оба ушли.

«Обыска ждет, литературу решил перепрятать, — думала Надежда Кондратьевна. — Непонятно только, зачем ему понадобился Санька? Брошюры почти все разосланы, а те, что остались в тайнике, уместятся в школьном ранце».

Надежда Кондратьевна сердилась на мужа: «Тайтается, а ведь в любом деле она ему помощница!» Однако скоро поняла: бережет. Когда подогревала ужин, ее сильно знобило, а он наблюдательный — приметил.

Не спалось. Накинув на плечи шаль, Надежда Кондратьевна выбралась на крыльцо. Пригляделась: новый дом заперт, двери сарая приоткрыты, муж и сын там, огня не зажигают, видимо, близка опасность. Приходилось и ей участвовать в рискованных операциях — не один пуд динамита с тарховского берега на себе перенесла. Сейчас ее пугала неизвестность: откуда грозит опасность мужу, семье, дружине? Надежда Кондратьевна терялась в догадках: неужели Николай настолько растерян, что собирается ночью перетаскивать винтовки к Шатрину? У того полон склад, вчера жаловался Рябову, что связные из Питера неделю не приезжают за оружием.

Без скрипа открылась дверь. Сперва из сарая протиснулся на улицу Санька, огляделся, тихо покашлял — это был его сигнал, сразу в дверях показался Николай. Он был в тулупе, ступал тяжело. «Обвешался винтовками», — догадалась Надежда Кондратьевна. Она немало удивилась, когда они свернули на тропинку к протоке.

Провалился склад у Шатрина? Плохи дела в дружине, коли муж решился побросать винтовки в прорубь — сколько риска было при выносе частей с завода, сколько труда положено на сборку. Николай и Санька сошли с тропинки. Надежда Кондратьевна спустилась с крыльца, смахнула рукой снежную шапку на столбе изгороди. Теперь ей был виден берег протоки. Сын полез на сосну, облюбовал сук, отец подал ему винтовку.

На сосне они повесили три винтовки, затем перебрались к елке. Здесь вешал винтовки Николай, а сын прикрывал их фальшивыми ветками.

«Как рождественскую елку наряжают», — одобряла Надежда Кондратьевна, а от сердца не отлегло. Муж горазд на выдумки, но ведь живут они не на хуторе. Утром прохожие заметят развешанные винтовки, кто-нибудь и донесет...

Надежда Кондратьевна была легко одета, озябла. Боясь совсем расхвораться, ушла в дом, сделала согревающий компресс, забралась под ватное одеяло, но дверь неплотно закрыла на кухню.

Муж и сын вернулись нескоро, оба запорошенные снегом.

Как камень с ее сердца сняли. Сейчас она хотела одного, чтобы снегопад продолжался подольше.

В начале пятого разбудил жену Николай.

— Накинь, Надя, платье, обыск, только не волнуйся, ничего не найдут, — успокоил он ее.

Теперь и Надежда Кондратьевна услышала негромкий стук. Николай открыл дверь. Всю кухню заняли городовые. Застучали еще чьи-то шаги на крыльце. Городовые молча расступились, пропустив исправника, Соцкого и шпика в штатском.

— Имеем ордер на обыск, — буркнул Колобнев.

Соцкий, городской и понятой отправились в малый дом и в сарай. Двух городских Колобнев послал на чердак, в ребячью, на кухню. Сам вместе со шпиком производил обыск в большой комнате. Они прощупали матрас, затем Колобнев выбросил белье из комода.

Шпик озабоченно стеком простукивал пол, стены, с табуретки проверил потолок, ничего не нашел подозрительного.

— Пошарь там,— приказал Колобнев, показывая на портреты Николая и Надежды Кондратьевны, висевшие рядом на стене.

Шпик резко дернул за портрет Надежды Кондратьевны, сорвал гвоздь, по обоям скользнул и упал на пол газетный сверток. Развернув его, шпик ахнул:

— Списки!..

Колобнев взял находку. «Наконец-то. Партийные взносы. Вся Сестрорецкая социал-демократическая организация,— радовался он про себя.— Долго полиции не везло, подсылали на оружейный занесенных в черный список с Патронного, Лесснера — и толку никакого, как клеймо было у них на лбу, дальше кооперативной лавки и похоронной кассы их не пускали».

Подпирая плечом шкаф, Николай с застывшей в глазах усмешкой наблюдал за полицейскими. Те разглаживали захватанные, в масляных пятнах листки, складывали на стол, придавливали чугунной подставкой.

— Батяка твой обучался грамоте у солдат инвалидной команды, а что выделяет. Слышали — сборища происходят в его доме на Никольской, догадываемся, чья лодка ходила в Финляндию, а с крючка все срывается, лис он настоящий, ты же — сущий карась — угодил прямо на горячую сковородку,— Колобнев, повелительно постучав по спискам, продолжал: — Доигрался с огнем, на себя пеняй.

— С подобным рвением, господин исправник, настоятеля и причт Петра и Павла в социал-демократы внесете,— сказал Николай и шагнул к столу.

Колобнев, выпятив живот, загородил ему проход.

— Жертвователей чохом в социал-демократы определили,— продолжал Николай.— Присовокупите и Александру Федоровну, императрицу! Следуя примеру величайшей отзывчивости и доброты августейшей попечительницы, принимали и мы, старосты, пожертвования. Деньги по спискам собраны на бедность и лекарство чахоточным мастеровым, инвалидам русско-японской войны. От подписей никто не откажется. За человеколюбие в России пока еще не сажают.

Колобнев растерянно уставился на листы: подписи и кресты неграмотных,— а если эти гривенники, дву-

гривенные и верно — пожертвования на бедность? Комитет царицы собирает деньги, вещи для бедных, семей убитых нижних чинов. Дойдет до канцелярии ее величества...

— Пушкаришь, — Колобнев повысил голос: — Крепость на долгие годы выхлопочу.

— В Евангелии сказано: делись чем можешь с ближним, — потешался уже открыто Николай над исправником.

Городовой вынес из маленькой комнаты связку книг:

— Под матрасом схоронено.

— «Настольная книга для народа», «Спасение души в трезвости», «Русское богатство», — называл Колобнев, перебирая книжки, погрозил кулаком: — В батьку и деда пошел.

— В свою фамилию, — дерзко уточнил Николай, — в оружейников Емельяновых.

— Будь моя воля, без деликатности упрятал бы в Сибирь по двенадцатое колено Емельяновых, дома сжег, пепелище отвел бы под чертополох, — разгорячился Колобнев.

— Дома Емельяновых не одну бурю и грозу выстояли, а палаты и гранитные колонны у врагов падают...

— Революции захотел, — перебил Колобнев. Он едва сдерживался: дать бы оплеуху, чтобы в стену врезался и язык прикусил.

— В книжке про палаты вычитал, — продолжал спокойно Николай. — В сказках цари справедливые и добрые, за мужика дочь выдают и полцарства отказывают.

«Этот Емельянов куда опаснее батьки: умен, хитер и дерзок, — злился про себя Колобнев, — ловко на сказку сослался. Обыск ничего не дал. Кто-то, видимо, предупредил...»

Ушли полицейские, Надежда Кондратьевна уложила спать малых сыновей. Санька сложил белье, расставил на комод безделушки, Николай молча прибил гвоздь, повесил портрет жены и поправил свою собственную фотографию.

— Можно, Надя, и спать...

Надежда Кондратьевна внезапно пробудилась — Николая не было рядом. Надвинулся страх: увели. Такое бывало, сколько людей втихомолку забрали. Она вскочила с постели и замерла: в щель под дверью пробивался свет из кухни. Открыла дверь, — муж хозяйничал, готовил пойло корове, сыпал муку.

Делал он это нескладно. Надежда Кондратьевна взяла у него кулек, ловко размешала подсыпку, сняла с гвоздя полушубок, Николай отобрал, повесил на место.

— Поваляйся в постели, скорей выгонишь хворь,— сказал он,— сено корове я задал.

— Придерживай ведро, а то опрокинет, утром наша корова с норовом,— советовала Надежда Кондратьевна. Только сейчас она почувствовала, что заболела. А в постель так и не легла: столько пережито за одну ночь.

Забрезжило на улице. Надежда Кондратьевна оделась тепло: шерстяное платье, полушубок. Вышла на крыльцо — ослепила нестерпимая белизна. За ночь снег засыпал следы полицейских сапог, тропинку к протокке, сараю. Заснеженные стояли сосны и ели.

В следующую ночь Николай снял с деревьев винтовки, перенес в сарай, вычистил, смазал. Завтракали, когда пришел связной с Выборгской стороны. Николай крепким узлом связал две винтовки, предупредил:

— Сидеть с ними неудобно, почаще курить выходи в тамбур.

В тот же вечер остальные винтовки были отправлены в Москву.

Недели через полторы Соцкий с младшим городовым навестили Емельяновых.

— Квартира, Емельянов, тебе приготовлена казенная с отоплением, освещением,— объявил Соцкий.— Можно взять смену белья, расческу, деньгами три рубля, а сухари баба принесет.

В участке было шумно, как в рекрутский день у воинского начальника. Кругом свои, среди них — и приятели Николая: Поваляев и Анисимов. Николай считал — двадцать девять оружейников, с ним — тридцать. Из каждой мастерской по два-три человека арестовали. Улик нет, в полиции состряпают. Самое малое, что их ждет,— высылка.

23

В полицейском участке Новгорода пристав долго читал сопроводительную, хотя там не было и десяти строк.

— Ссылный Анисимов. Кто? Сюда! — он поднял наконец голову.

Окинув недовольным взглядом широкого в плечах Анисимова, пристав снова опустил глаза на казенную бумагу.

— Емельянов! К перегородке.

Он искал, к чему бы придрататься, нагонял страху на ссыльных.

— Поваляев! Как стоишь? Веселая подобралась компания. У нас не Санкт-Петербург. Являться в участок на отметку день в день, в указанный час. Никаких подстрекательских книг и прокламаций не распространять, не то покажем кузькину мать.

Из участка Николай и Анисимов вышли подавленные. Поваляев же давился от смеха.

— «Ссылный Анисимов. Кто? Емельянов, к перегородке», — передразнивал Поваляев пристава. — Дай такому волю, он Евангелие и описания жития святых на костер побросает.

— Зря обижаешься, — заступился за пристава Николай. — Я предпочитаю иметь дело с полицейским — болваном и хамом, чем с тихим и хитрым.

В трактире, куда они зашли поесть, половой дал несколько адресов, где можно найти работу и по божеской цене снять комнату. Николай отправился в Заречье искать крышу, а Поваляев и Анисимов — заработков.

После полудня они встретились у Софийской звонницы.

— На постные щи в этом губернском еще заработаешь, а домой и трояк в получку не пошлешь, — уныло говорил Поваляев.

Анисимов был навеселе — на спиртоводочном угостили. Он нашел всем поденку. Наем рабочих на заводе вела сама хозяйка. Она клала семь гривен в день и сулила рубль, коли заметит старание.

— Хитрая лиса, — подметил Поваляев. — На ее поденщине сатана и то целковый не получит.

На тюремных харчах Поваляев заметно сдал. Верст пятнадцать прошагал он в это утро, — рубашка мокрая от пота, ноги ватные, скорее бы добраться до постели. Он и спросил про крышу.

— Не палаты каменные, — ответил Николай.

В старом барском доме снял он комнату. Подслеповатое окно смотрело на покосившийся сарай с зеленой крышей и выгребную яму. Пол крашенный, но половицы скрипели и плясали под ногами, в левом углу вбухли мокрые обои.

Поваляев у двери поставил сундучок, стащил с головы солдатскую папаху, переглянулся с Анисимовым: экая конюшня.

— За сей хлев разве что спяна и впотьмах можно отвалить рублей семь, а тут трезвый и при свете божьем швырнул десятку,— рассердился Поваляев. Пропало у него желание забраться в постель, покрытую стареньким лоскутным одеялом.

— За будущий наш ревматизм он приплатил хозяйке,— сказал насмешливо Анисимов, показывая на плесень под окном.

— Втридорога дал за комнату,— неожиданно легко согласился Николай и понизил голос,— поймите, дурни, домовладелец суший клад для нас. Господин Рогачевский, ее сын,— председатель Союза русского народа в Новгороде.

— Чудненько, политические ссыльные на квартире у матери черносотенца,— Анисимов расхохотался и, как был в пальто, брякнулся на кровать.

Поваляев с опаской покосился на дверь: есть кому за ними в этом доме шпионить.

— Благонадежнее дома в Новгороде не найти,— убеждал Николай,— начальник полиции сюда наезжает в день ангела хозяйки, в рождество и пасху. Все это я вызнал у соседей.

Анисимов перестал смеяться, смекнул: казначей артели, так они в шутку прозвали Емельянова еще в пересыльной тюрьме, что-то затевает.

В коридоре послышались шаркающие шаги. Анисимов вскочил с кровати, сбросил с себя пальто, кинулся разбирать дорожную корзину. В комнату важно вошла хозяйка, высокая, худощавая, в длинном капоте. Бросив с порога взгляд на правый угол, она заулыбалась. Полотенце с праздничной малиновой каймой, только что положенное Николаем на божницу, придавало торжественность потрескавшемуся закоптелому лику чудотворца.

— Зашла все обусловить. Кипяток даю три раза. Утром самовар кухарка ставит в семь, коли раньше будете уходить на работу, займетесь сами, пока умоетесь, он и закипит. Дрова хоть и подорожали, но как и прежним квартирантам, позволю брать из поленницы вязанку, а на воскресенье полторы.

Николай снял с табуретки свою котомку.

— Постою,— отказалась хозяйка,— весь день до темна вяжу варежки и чулки,— с достоинством сказала она и подчеркнула: — в попечительстве я состою, признание сирот и падших женщин.

Новые жильцы слушали почтительно. Хозяйка душой отдыхала. Тихих людей бог послал ей на квартиру! Особенно Емельянов — уважительный и к тому же хозяйственный: калитку с весны покосило, петли проржавели, хлябали, сам подметил непорядок, принес инструмент, починил.

— Пока не подрядимся, вставать будем, когда забрежит за окном, чего керосин-то зря жечь, — денег он стоит, все еще в цене по десять — двенадцать копеек за фунт дерут, а платили четыре. В одни руки по два фунта отпускают, а было... залейся, — говорил кротко Николай. — Печь стопить, огонь вздуть в самоваре сызмальства приучены.

— Хозяйствуйте с богом. В необусловленное время кипятку пожелаете, пейте. Угли непокупные, сама тушу, в картузах-то цены больно разорительные. Дрова березовые, жара в печке достаточно, выгребайте угли в жаровницу.

Придержав дверь в коридор, хозяйка вдвинула ногой в комнату прокоптелый чугунок на металлических ножках.

Особо оговорила, что лампадное масло жильцы должны покупать только в лавке Исидора Савельевича. Живет он в каменном доме, неподалеку от церкви Федора Стратилата. Затем, брезгливо поджав губы, хозяйка предупредила:

— Женщин с улицы не водить, замечу — сразу откажу в квартире и деньги назад не верну. У меня правило: плату беру за месяц вперед.

— Семейные мы, до женщин ли нам? Гадаем, как лишнюю полтину домой послать, капиталов родители не оставили, — поспешил успокоить ее Николай, опасаясь, не взорвался бы Поваляев. Тот и так уж чуть все не испортил, непочтительно хмыкнув. Ладно, хозяйка не слышала.

— Вот и ладненько, обо всем потолковали, живите себе с Христом-богом, — проговорила она и важно удалилась.

Поваляев погрозил кулаком вслед и зашипел на Николая:

— Знай, долго мытарить себя не буду, съеду.

— Сущий болван, — незлобиво ответил Николай, — по-твоему, хозяйка — ханжа, а по-моему — наша мать-спасительница. Ордын не велел долго задерживаться в ссылке. Бежать с Новгородчины — наука простая, не

из-под Минусинска. А искать-то все равно будут, объявят по России.— И, подражая полицейскому, он неторопливо стал выговаривать:— Разыскивается сельский обыватель, родом из Сестрорецка, фамилия Поваляев, звать Тимофей, по батюшке Иванович. Приметы— лицо продолговатое, лоб большой, открытый, волосы на голове и бровях темно-русые, усы короткие, густые, обличие интеллигентное, росту примерно два аршина, пять-шесть вершков, глаза неприветливые. Бежал с места поселения...

— У-у-у, дьявол, как заправский писарчук трубишь,— выругался Поваляев, но уступил:— Берусь тушить угли, топить печи, не пялить глаза на новгородских красавиц. Одна просьба за подвижничество: избавь раба божьего Тимофея от душеспасительных бесед с хозяйкой. Соври, скажи: застенчивый, нелюдим, тюкнутый—нисколько не обижусь.

— Освободим нашего сопутника Тимофея от общества хозяйки,—согласился Николай и, строго посмотрев на Анисимова, продолжал:— Сиречь и от чая с пирогами у хозяйки.

— От пирогов с капустой и сагой с яйцами не отказываюсь,—шутливо запротестовал Поваляев,—честно долю выделяйте.

— Дудки! Пироги и варенье прилагаются к святости,—сдерживая смех, говорил Николай.

— И долго нам ломать шапку перед святошей?—поинтересовался Анисимов.

— Завтра уговорим хозяйку отмечать нас в полиции, послезавтра откланяемся и пассажирским двинемся в Питер.

— С постромков сорвался,—Поваляев подскочил к Николаю.—Посвящать святошу в наши дела—все равно что самим на себя донести в полицию.

Увидев в прищуренных глазах емельяновскую хитрую усмешку, он отступил.

— Втянешь в историю,—сказал он.—Чую, вместо Питера очутимся в Сибири.

Николай, понизив голос, сказал:

— В ссылке мы, а не на побывке у тещи, а потому требуется снискать расположение хозяйки. Узнал я от человека одного, что наша спасительница зарок дала: спит и видит кого-нибудь подбить на богомолье в Соловецкий монастырь или в Новый Афон. Смекаете?

— А при чем тут мы? — возмутился Анисимов. — Не подрядишь ли нас в калики переходные?

— Топайте тогда раз в неделю в участок отмечаться, — сказал резко Николай. — Коли не хотите прослыть глубоко верующими. У хозяйки связи. Влиятельная она в Новгороде, но с пунктиком в башке.

За каких-нибудь полчаса ссыльные устроились домашнему, правда, не без споров. Пока Николай ходил за дровами, Анисимов развесил цветные иллюстрации из журналов.

— Бомбочку подкладываешь под наши отношения с хозяйкой. Настрог столько баб! — возмутился Николай.

Над кроватью Анисимова оставили «Бой крейсера «Варяг» и «Корабельную рощу».

Напившись кипятку с черными сухарями, Николай и Поваляев отправились на лесную биржу. Анисимов пошел в пекарню — хозяйка дала записку. Но всех их постигла неудача. Хозяйкина приятельница гостила в Петербурге и оттуда собиралась на кислые воды. Лесопильщик страдал белой горячкой. В огромной полутемной комнате с узкими церковными окнами на широкой кровати в исподнем валялся еще не старый человек с всклокоченной головой. Он принял Поваляева и Николая за леших, запустил в них подушкой. Подрядились они у трактирщика дрова сложить. Управились до темноты, хозяин остался доволен, дал по рублю и велел кислых щей налить, повариха тайком положила в миску каждому по куску мяса.

Дома едва отмылись, как кухарка позвала Николая пить чай к хозяйке.

— Из кухни сдобой тянет. Пекли пироги с капустой вроде, — позавидовал Поваляев.

— По куску пирога на нос схлопочу авось, — пообещал Николай.

Он начистил ваксой сапоги, надел чистую рубашку, праздничный пояс.

Столовая напоминала молельню: весь правый угол занимали иконы. В тусклом освещении чадивших лампад облупившиеся лики святых были мрачные, злые.

— Присаживайтесь, Николай, — хозяйка засмущалась, — как по батюшке, запомтовала.

— Александрович.

— В честь, значит, святого Невского имя у родителей, — уточнила она и, понижив опустив пузатую керосиновую лампу над столом и разливая чай, продолжала:

— Собралась с сыночком вас познакомить, да он не заехал, все хлопоты и хлопоты. Времечко, Россию нужно спасать, просветители объявились, требуют отдать церкви под балаганы и кабаки. Мой-то воюет смертно с окаянным вражьим племенем. Вот и сейчас где бы мать повидать, а он извозчика пригнал с запиской. В Петербург телеграммой вызвал Пуришкевич. За глаза и в глаза скажу, милейший это человек. На масленой гостил он у сына, познакомилась и я с Владимиром Митрофановичем, приглашал в Молдавию, в свое имение.

— Край солнечный,— в тон поддакивал Николай.— В землю там палку воткнешь — вымахает вишня, не вишня, так яблоня. У нас в Сестрорецке не то, земля — песок и чахоточный суглинок, и погода не балует, подсолнух редко до семечек созревает.

— Без молитвы сажаешь,— нравоучительно заговорила хозяйка.— Я в своем огороде каждую ямку перекашу, покроплю святой водой, бог и радуется. Забыла, когда на рынке покупала огурчики, картофель, лук. С троицына дня, почитай, своя редиска и укроп на столе.

— Молимся, да звать молитва не доходит,— степенно вел благочестивую беседу Николай.— Прошлой весной приснилось: хожу между грядками земляники, и три ангела со мной. Отгадать, к чему бы сон, да человека у нас такого не нашлось.

— Плохо святых чтить, тебе всевышний благодать ниспослал. В образе ангелов знаешь кто явился? — щури хитровато глаза, спросила хозяйка.

Николай отставил блюдо, задумался, как бы поскладнее ответить. Затруднение постояльца доставляло хозяйке удовольствие: приятно ей сознавать свое превосходство в религиозном толковании.

— Троицу в честь кого празднуем? — подсказала она.

Николай, нацелившийся было на кусок пирога с капустой, неловко отдернул руку.

— Бога...

— Троица, триединое божество — бог-отец, бог-сын, бог — дух святой,— поправила хозяйка и, подперев кулаком щеку, спросила: — А каких всемогущих удостоился святой Василий?

Случай помог Николаю.

Утром, разбирая тощую стопку брошюр религиозного содержания на этажерке, он из любопытства взгля-

нул в наставления о сонме признанных святых и лжепророков.

— Литургию служат десять раз в году,— уверенно ответил Николай.

Хозяйка умилительно закивала.

До глубокой ночи грозила затянуться тягучая беседа. Николай, потирая подбородок, скрывал зевоту. К счастью, заглянула к хозяйке соседка со сплетнями и новостями.

Хозяйка послала с Николаем по куску пирога постояльцам и затем взяла с комода тонкую книжку.

— Душу от ереси очищает,— сказала она и, открыв страницу на закладке, нараспев прочитала:— «Вражье племя добирается до царя и до церкви божией». Почитай своим вслух и растолкуй.

Анисимов спал, укрывшись с головой, Поваляев в постели читал газету, на табуретке стояла лампа с приглушенным огнем.

— Долгонько гостил у хозяйки, телеграмму Надежде отобью,— пальцем погрозил он.

— Ешь, вкусно печет пироги хозяйкина кухарка.

— Мать-ханжа могла бы и по два куса прислать на брата,— съев пирог, сказал Поваляев.— Раздразнила,

— Пирог на первое, а на второе...— Николай кинул ему на одеяло книжонку.

— Черносотенная брехня,— полистал Поваляев и швырнул ее к печке,— ох, и попали мы в ханжеское логово.

— С полицией желаешь вести знакомство,— рассердился Николай.— Меня тошнит, а я веду святые беседы.

— Так-то бы так,— Поваляев откинул одеяло, сел на кровати.— Соскучился я по Сестрорецку, Но крепко ли связана ханжа с полицией? Вдруг это старушечья блажь и враки.

Опешил Николай; не приходило ему в голову, что хозяйка обманывает.

— Скоро отметка в участке, старушеница наша не велела ходить, обещала с приставом все уладить,— только и нашелся он что ответить.

В пятницу пристав обедал у хозяйки. Проводив его до извозчика, она зашла к постояльцам.

— На шесть недель вперед отметку сделал,— сказала она,— только предупредил, чтобы смиренно вели себя в церковь посещали, постные дни соблюдали.

Хозяйка нахваливала постояльцев своим знакомым, и теперь им чаще перепадала поденная работа: дрова распилить и расколоть, повалившийся забор поставить, снег с крыши поскидать, вырыть помойную яму.

Попытались они устроиться по специальности. В депо на железной дороге мастер, узнав, что пришли наняться ссыльные, сказал: «В Сестрорецке плохо жилось — горчичный ситный с изюмом жрали, а у нас для смутьянов черный сухарь припасен». Владелец кузнечно-механической мастерской спросил: «За политику изпод Петербурга выдворили?» Он не указал им на порог, вроде был рад, что нанимает рабочих «с подмоченной репутацией».

— Книжонки не те почитываете — это меня не касается, — предупредил он, — на то царь сыщиков и городских на жалованье держит. Интересуюсь, на что годны, стоит ли нанимать.

В швейной машине «Зингер» Николай исправил ножной привод, отладил челночный узел. Поваляев и Анисимов за половину смены полный ящик зубил и молотков наковали.

— Беру, пробу выдержали, — сказал хозяин. — Уговор такой: харчи ваши, спать разрешу в мастерской и деньгами положу по шесть гривен в день.

Кабалу каторжную он предлагал. Отказались. На поденщине все-таки выходило на круг по рублю. Уставали смертельно, больше всех страдал от непривычной работы Поваляев. Дома, скинув ватную куртку, он едва добирался до кровати. Николай был выносливее товарищей, ставил самовар, топил печку, успевал кое-что и по дому сделать, в воскресенье плиту переложил.

Очередная поденка — погрузка в перевалочном амбаре привела Поваляева в ярость:

— Сбегу, оружейника подряжают кули таскать.

— Отыщут, прибавят срок, — заметил будто равнодушно Николай, а ему самому стала невыносима ссылка. Но он верил — недолго осталось им здесь маяться. Хозяйка все чаще заводит разговор про оскудение веры, недавно костила монахов, что нет среди них подвижников подобно Серафиму Саровскому. Николай тут ей и открыл, что давно не выходит из головы дума о далеком богомолье в Новом Афоне. Можно и товарищей на богоугодное дело подбить.

Месяц уже в ссылке. Через верного человека Андрей прислал записку: «...коли божья старушка согласится и

дальше отмечать в полиции, действуйте. Новгород не Якутск, можно в случае чего на день-два приехать показаться. Дружина в Сестрорецке поредела, много оружейников в Тобольской ссылке, а дела невпроворот...»

— Согласен идти ко гробу господиню и даже в Мекку,— заявил Повалаяев. Ему смертельно опротивел щемящий душу скулеж хозяйки и унижительная поденщина.

Вчера утром очередь ставить самовар была Николая. Выйдя на кухню, он застал там кухарку. Она весело раздувала угли в самоваре. От нее он узнал, что в Новгород приехала богомольная княгиня.

Неделю извозчик часам к восьми подкатывал к крыльцу коляску. Возвращалась хозяйка затемно, еле волоча ноги от хождений с княгиней по церквям; петербургская гостья замаливала какой-то тайный грех молодости.

После ее отъезда хозяйка трое суток отсыпалась, еду ей носили в постель. Каждое утро кухарка передавала, чтобы Николай не отлучался из дома, томительно проходил день в ожидании, а вызова все не было.

— Пошлем ко всем чертям набожную ведьму,— сердился Повалаяев, когда кухарка в очередной раз передала Николаю приказание не отлучаться из дома.

— Поденки все равно нет,— равнодушно сказал Николай и добавил: — С хозяйкой невыгодно нам ссориться, столько терпели, потрафляли и лезть сейчас на рожон нет смысла.

В этот день хозяйка позвала наконец Николая. В столовой у икон немилосердно чадили лампы. Она сидела у окна в жестком кресле, укутав ноги пледом.

— Княгиня благословляет вас на далекое богомолье, словечко я замолвила, в деньгах не откажет, адрес петербургский оставила,— медленно выговаривала хозяйка.

— Не забавляться отправляемся. Где по слову Христову накормят, где какую копейку заработаем, инструмент с собой берем,— говорил Николай, робко теребя полу рубахи.— С полицией у нас затруднение, а то бы за час собрались.

— Отправляйтесь на богомолье, в полицию я сама буду вас отмечать, не посмеют худо сделать.— В голосе хозяйки звучали повелительные нотки.— Не грабить идете — в Новый Афон. Я, слава богу, не подотчетна приставу. В случае чего и цыкну.

Накануне ухода из Новгорода, ночью, в комнату жильцов постучали. Первым проснулся Поваляев, но голоса не подал. Может, с обыском, пускай шум разбудит хозяйку. Прислушался: нет, не полиция, так тихо, но повелительно стучит только ханжа. Сейчас ночь, что за нужда тревожить постояльцев?

Николай торопливо натянул штаны, выскочил из комнаты. В коридоре к стене жалась хозяйка в длинном теплом халате, держа перед собой ночник.

— Сама испекла.— Хозяйка подняла к свету холщовый мешочек.— Обет дала: в каждом монастыре, куда зайдете помолиться, первому встречному нищему дадите просвиру, второму — копеечку, третьему — грош.

Запах свежей печеной булки шел из мешка. У Николая слюнки потекли — на ужин были пустые щи без хлеба.

— Христову молитву в каждую просвиру запекла,— говорила хозяйка,— умаялась.

На рассвете ее постояльцы, выпив по кружке чаю и поев просвирки, выбрались из дома. Едва они перешли Волхов, как их окликнул городской. Он заскучал в ночном обходе и был настроен миролюбиво, принял ссыльных за крестьян-отходников,— много их шло через Новгород.

— Подряд выгодный отхватили?

— Кто знает,— бурчал Николай,— контора фарфорового завода Кузнецова наняла лес валить.

— Сулят золотые горы, сытые харчи,— отозвался Поваляев,— а возьмут и обманут.

— Приказчики люди дошлые,— сказал городской. Он ни на шаг не отставал от ссыльных.

«Не хитрит ли страж, могла выболтать хозяйка про богомолье,— забеспокоился Николай.— Как отвязаться от неприятного попутчика? Придется зайти в трактир».

Миновали звонницу Софин, городской юркнул в низкую дверь в стене, помахал с порога.

Поваляев поправил пилу, соскользнувшую с плеча, весело острил:

— Из ссылки бежим, хозяйка просвирок с молитвами напекла, городской ручкой машет.

— И кандалы он при случае наденет, не опечалится,— хмуро бросил Николай.

За полтинник и пачку махорки проводник довез ссыльных в товарной теплушке до Чудова, а там они

пересели на почтово-пассажирский поезд, следовавший в столицу.

Ордын не пустил их в Сестрорецк.

— Жить будете в Финляндии. Домой навевывайтесь по одному,— сказал он.— Приехали в горячее время, литературу и кое-какое оружие требуется переправить через границу.

Прямо с явочной квартиры Николай, Анисимов и Поваляев проехали на Финляндский вокзал.

24

Над весенним Разливом плыла мелодия басистого колокола. Александр Николаевич прислушался.

— Наш Петр и Павел,— сказал он с гордостью.

В густой бас степенно вплели мелодии средние колокола, зашпешили, затараторили малые.

— И Николай Чудотворец...

— Пасхальное представление,— отозвался Николай, правя бритву на солдатском ремне.

— Перезвон благостный, согревает душу,— убеждал Александр Николаевич.

В церковь он ходил редко, обряды же соблюдал строго, в великий пост не ел скоромного, говел, а детей не приневоливал.

— В Новгороде музыка так музыка, заслушаешься,— заспорил Николай.— Из Парижа, Лондона приезжают слушать. На граммофонную пластинку звон записали.

— Чего же сбежал с новгородских харчей?

— По сведениям уездного исправника, сестрорецкие обыватели Емельянов, Анисимов и Поваляев до сих пор отбывают ссылку и ни в чем предосудительном не замечены.

— Артисты,— похвалил сына и его товарищей Александр Николаевич, но предупредил: — Смотри городovým на глаза не показывайся. В суровской лавке Андрея встретил, просил быть поосторожнее.

Побрившись, Николай вышел на кухню, мать полила ему из ковша над бадьей. Причесавшись, он надел темно-синнюю отцовскую рубашку.

— Обождал бы дотемна, нарвешься, праздник, а Соцкий чего-то крутится у задней проходной, с нашей Параскевой полез христосоваться. И в дом приплетется

за угощением, ни стыда у этого полицейского, ни совести.

— Встретимся на узкой тропинке, ребер не досчитает,— погрозил Николай.— Скольких наших переселил в тюрьму, отправил на каторгу и в ссылку.

— В масленую и твоего батьку в участке держал, люди блины со сметаной ели, а я хлебал баланду,— сердито заметил Александр Николаевич.

— А полицейскую ишейку в дом пускаешь,— Николай в сердцах ударил кулаком по столу.— Шкодит он, а ему даровое угощение ставят. Эх, люди! Царской водки его милости Соцкому бы поднести в ковше.

— Не заходишь. Угощение подношу с хитростью. Ноговицын за это хвалил. Хмельной дурашлеп Соцкий кое-что и выболтает. К Матвеевым собралась полиция нагрянуть с обыском, я их опередил, винтовки, казну партийную припрятали. А кто разузнал, что черносотенцы собираются спалить Лафера у перепада и на Задней улице Чертиса? Наши едва подоспели, оба дома уже были облиты керосином, оставалось спичку бросить. Вам-то, дружинникам, худо, что я полицейского прохвоста в доме привечаю? — повысил голос Александр Николаевич.— Я спрашиваю, худо?

Из кухни выглянула испуганная Поликсенья Ивановна.

— В светлый Христов день перебранку затеяли,— сказала она,— будня не дождетесь.

— Иди, мама, к себе, черт попутал, брякнул батька про Соцкого, я и сорвался,— успокоил мать Николай.

— И как земля носит такого Искарнота,— Поликсенья Ивановна поднесла к глазам край передника.— Тебя упек, Наденьку с ребятами обездолил, и все сатане нейдется. Ваську под глазом держит, к старому подбирает ключи, а он с ним тары-бары-растабары. Специально на рябине водку настаивает.

Александр Николаевич сощурил глаза и сделал из пальцев озорную фигу.

— Не той пробы ум у Соцкого, чтоб сермягу с бубновым тузом на меня напаялить.

Николаю предостеречь бы отца — хитер Соцкий, да побоялся — опять заспорит, мать расстроится. Перевязав пояс, он взял из лукошка крашеное яйцо.

— Бери на всю ораву, с Наденькой за меня похристосуйся: чую, не выбратся мне на пасхе в Новые места,— сказала Поликсенья Ивановна.

— Все лукошко забрать не могу, день только начинается, сколько гостей еще к вам нагрянет, считай одних Быков семеро,— отказывался Николай.

— Брось ломаться, поболее сотни крашено, выбирай самые красивые,— уговаривал Александр Николаевич. Придвинув к себе лукошко, он случайно выглянул в окно, выругался: — Несет нелегкая Артема-лавочника.

Артемий Григорьевич, пятась в раскрытую калитку, тащил за собой Лизу. Во дворе он трижды поцеловал девочку, подарил шоколадное яйцо и вдобавок бросил ей в подол горсть пестрой карамели.

Лавочник вырядился в новую тройку, неразношенные сапоги скрипели на весь двор.

— В полиции Артемий не служит, а от греха сгорнись,— Александр Николаевич вытолкал сына в маленькую комнату.

Похристосовался Артемий Григорьевич с хозяином в сенях, шумно ввалился в комнату, под восемью пудами тяжело скрипели половицы.

— С праздником,— глыбой он надвинулся на хозяйку,— Христос воскрес.

Поликсенья молча выставила из буфета графин и закуску.

— Уговор, одну рюмку выпью по случаю воскресения Христова, хотя в Невско-Александровское общество трезвости и не скоро подписку отнесу. Гости любезные не выдерживают еще со мной компании, а сегодня, признаюсь, страшусь, начну прикладываться — не обойду родных и знакомых, а ведь в обиде никого не должен оставить.

От угощения быстро захмелел Артемий Григорьевич, заговорил строже:

— Как другу сердешному говорю — дом твой, Николай, крамольным называют.

— На чужой роток не накинешь платок. Но я никого не убил, не ограбил,— рассудительно защищался Александр Николаевич.— Живу на виду, люднее Никольской площади у нас и места не сыскать. А злых людей поразвелось, болтают всякое и про вас,— будто безразлично заговорил Александр Николаевич,— барышня, мол, Наташа, что живет у жены статского советника, никакая-де не племянница... Банщик Слободской плетет несуряницу: умыкнул, мол, Артемий Григорьевич из женского монастыря сию девицу.

— Ах, люди-люди,— бабым голосом запричитал Артемий Григорьевич, но быстро опомнился, заговорил вызывающе: — Метрическую Натальи напоказ Слободским не вынесу. К чистому грязь не пристанет. Язык паршивый у банщика, дай срок, прижму его,— погрозил Артемий Григорьевич.— За молоденькую монашку кто грехи замаливал и куш отвалил на приютских детей?

— Напраслину возвели. Эх, люди! — сочувствовал Александр Николаевич.— Банщик, выходит, сам фигли-мигли девице строил?

Артемий Григорьевич радостно закивал головой.

— Вот ты молодец, не веришь рассказям про меня, потому я и хочу как брата родного тебя предостеречь,— Артемий Григорьевич отстегнул пуговицу на рубашке, вытащил большой серебряный крест на цепочке.— Христом заклинаю, порви с царевыми супротивниками, прислушайся, люди состоятельные дом твой красным зовут, срам.

— Святая церковь красный цвет славит. Какого цвета яйцо Мария Магдалина поднесла царю Тивернию? — спросил Александр Николаевич, и сам ответил: — Красное — символ гроба господня и пролитой Христом крови. Так в священном писании сказано.

Начитанность собеседника привела в замешательство Артемия Григорьевича, но купеческая спесь не позволила ему признаться, что он впервые слышит про этого Тиверния.

— На Руси свои цари, твой Тиверий мне не указ,— заспорил он.— Красный цвет бывает от бога и нечистого.

— Нескладно больно получается,— добродушно возразил Александр Николаевич.— Нечистый что, другого цвета не мог выбрать?

— Твой красный цвет от нечистого,— настаивал Артемий Григорьевич.— Не себя, так девок хоть бы пожалел. Завидные парни избегают емельяновских невест, зажиточные родители не хотят родниться,— на примете ты у полиции. Хорохориться тебе не пристало, в сундуках любезной Поликсеньюшки вместо приданого лоскут и трехкопеечное тряпье. Известно, с какими мучениями спихнули старшую. Не якшались бы с отступниками этими, демократами, бога бы почитали, и все бы было, как у людей. Скоро Лизанька заневестится, в богатый дом бы взяли, всем девка хороша. Время-то, Николаич,

не дрыхнет барином, оглянуться не успеешь — младшая на выданье.

— Выйдут дочки и без приданого. Купоны с капитала не стригу, мережи и сети кормят. Сам забыл, когда и рассчитали с казенного.

— Позаросло то былем, бог простит,— Артемий Григорьевич взглянул на горевшую лампаду, перекрестился.— Можно и похлопотать, чтобы взяли обратно на ружейный, аттестацию дадим от общества. Кучумов, Ферапонт, я...

— Избавь,— твердо сказал Александр Николаевич. Артемий Григорьевич понял: не убедить Емельянова с рекомендацией купцов вернуться на завод.

— Желания не имеешь, неволить не люблю, человек сам себе хозяин. А относительно девок не пренебреги душевным советом.

Проводив лавочника за ворота, Александр Николаевич снял веревочку со шеколды. Свои тонким прутиком легко открывали калитку, чужому же маета.

Николай уже находился в большой комнате, задумчиво вертел на столе крашенные яйца.

— Слесивый гусак, а туда же, в спасители. Надумал Емельяновых в свою веру обратить, на путь истинный направить,— посмеиваясь, говорил Александр Николаевич.— Живем не так, ходим не так, девок замуж порядочные не возьмут,— из красного дома они и старший брат ссыльный.

— Дом Емельяновых давно полиции глаза мозолит,— задумчиво сказал Николай.— Что ж, отец, кому-то нужно начинать. А то, что красным зовут,— даже хорошо. Это цвет жизни.

Поликсенье Ивановне не сиделось на кухне, принесла Николаю узелок.

— Поугощаетесь дома, пасха не из покупного творога, студень — за уши не оттащишь,— нахваливала она.

Дома своя пасха, а мать нельзя обидеть. Николай положил руку на узелок, сказал отцу:

— Лодка разохлась, в моем положении не постоярничаеть.

— И не отдохнешь? Опять в Финляндию пойдешь? — спросил Александр Николаевич.— Соскучилась Надя, ребятишки.

— Боевики торопили нас бежать из ссылки. Не все ведь на себе через границу пронесешь,— сказал Николай.

— Когда надо, бери лодку, не спрашивай, чели просмолил, на нем похожу,— сказал Александр Николаевич.— В случае чего меня позовешь, залив и берега лучше тебя знаю. Можно и Василия прихватить, без тебя зимой ездил он с Иваном в Финляндию, вывезли тюк литературы.

25

За неделю до троицы Александр Николаевич купил никелированный самовар, велел жене вымыть и поставить на комод, сам отправился за озеро нажечь отменного угля.

В воскресенье Поликсенья Ивановна проснулась раньше всех в доме, напекла сдобных пирожков с рыбой, саго, яйцами и зеленым луком. Александр Николаевич уложил еду и посуду в прутьяные корзины, затем разбудил девчонок, сыновей и строго предупредил:

— В Дубках не разбегаться, по-семейному празднуем троицу, а после чая — кто куда горазд.

Он заранее облюбовал лужок за часовенкой. С Никольской в Дубки можно добраться по тропинке, обогнув завод, но Александр Николаевич повел семью по центральным улицам.

Собирались на гулянье и местные богачи. Издали Александр Николаевич заметил коляску у подъезда ресторана «Семирамида». Кухонный работник вынес ведерный самовар. Следом с широкого крыльца важно сошел Кучумов, повернувшись в сторону церкви Петра и Павла, перекрестился.

Александр Николаевич подозревал Ивана, который плелся сзади, велел взять скатерть у матери и — бегом в Дубки, а то Кучумов займет лужок за часовенкой. По соседству с Емельяновыми раскинули скатерти родственники — Абрамов, Атамановы и Надежда Кондратьевна. Она привела в Дубки сыновей.

Почаевничали, Александр Николаевич поднялся с травы поразмяться. Тут он заметил, что Матвеев обходит стороной емельяновское застолье.

— Зазнаешься, никак в гильдию записался,— окликнул его Александр Николаевич.

— Моя очередь после Емельяновых,— шутиливо отозвался Матвеев. Он был в темно-синей сатиновой рубашке, пояс броский — белый с пышными кистями.— А ты, смотрю, уже не зеваешь, отхватил самую завидную в Дубках землю.

Пригласил Александр Николаевич Матвеева пирогами полакомиться. Не ускользнуло, что веселье у заводского казначея партийной кассы напускное, чем-то он озабочен.

— Филипповская слоба и то в горло не полезет,— отказывался Матвеев.— Необязательный человек Петька из образцовой: поручили с листом обойти, а он подвел. Нельзя это гулянье нам упустить, денег нужно подсобрать, у ссыльных оружейников в Архангельской губернии не всегда бывает гривенник на хлеб и соль. Твоему старшему помогать не надо, слышал, в Новгороде след простыл. Свиделись?

— В пасхальную ночь приснилось,— заговорил Александр Николаевич,— будто зашел Николай в родительский дом, разговелся. Бывают приятные сны.

Понял намек Матвеев: на пасху Николай был у отца, жаль, не дал о себе знать, давно не виделись. Но не показал огорчения, сказал в тон старшему Емельянову:

— Наши под Архангельском и во сне не разговелись, а тут еще Петька-прохвост подвел.

— Не горюй, раз дело благородное,— сказал Александр Николаевич,— двух своих парней дам, ребята исполнительные.

— Были и сплыли,— сказал Матвеев, взглянув на правый угол скатерти, где рядом стояли две недопитые чашки.— Ищи ветра в поле.

— Найду,— похвалился Александр Николаевич, одернул рубашку и сделал знак Матвееву, чтобы следовал за ним.

К аттракциону «Рыжий бык» было не подступиться, оставался лишь узкий проход к билетеру. Мастеровой Лукьян, уплатив пятак, отказывался от молота.

Лукьян верил в сокрушительную силу своего кулака, но все же боялся оскандальиться: не любят оружейники бахвалов, засмеют. Он примерился, размахнулся, ударил «быка» в лоб, и тот словно от боли и обиды поднялся на дыбы, заревел на всю округу.

Василий тоже собирался помериться силой, достал из кошелька пятак, но увидел отца.

— Пройди с листом, ссыльные оружейники голодают,— сказал Александр Николаевич и спросил: — А куда Ивана занесло?

— На качели.

— Второго потом подошлешь,— сказал Матвеев.

Он отправил Василия на берег залива, где расположились семьями рабочие инструментальной и ложевой мастерских. Василий знал, к кому можно подойти с листом, а к кому нельзя.

Меньше двугривенного не жертвовали. Рублей пять серебром собрал он быстро. Остался дядя Леша из ложевой, да Василий откладывал разговор с ним напоследок, туговат этот мастеровой на ухо. Василий говорил и объяснял на пальцах, на что социал-демократы собирают деньги, а тот только плечами пожимал. Ноговицын подошел к Василию, и дядя Леша сообразил — на серьезное дело лист пущен, полез в карман за кошельком.

Как очутился возле Кучумов, Василий и Ноговицын проглядели. Купец, наверно, заметил, что Васька Емельянов занимается поборами: к кому бы ни подошел — не отказывают. Странно, что богатеи он обходит, будто они не православные люди.

— На какую беду, парень, собираешь? — спросил Кучумов.

Василий замялся, но тут Ноговицын выручил, сказал равнодушно:

— Известно, на погорельцев.

Кучумов вытащил красненькую, потряс ею в воздухе, чтобы все видели его щедрость, но неожиданно потребовал от Василия пятак сдачи.

— Примета есть, на Валааме мне один монах поведал. Мало, много ли жертвуешь, а сдачу, хоть грош, а непременно стребуй.

Подкинув и поймав на лету пятак, Кучумов вперевалку направился к своей скатерти-самобранке.

— Неудобно,— Василий смущенно мямл десятку,— купец на ссыльных оружейников жертвует.

— Спрячь деньги, не выманивали, сам напросился, наши ссыльные хуже погорельцев живут.

Пятнадцать рублей с гривенником сдал Василий Матвееву, заводскому казначею социал-демократов.

...Третий переход границы после побега из ссылки едва не закончился арестом. В ту ночь на заливе шныряли лодки морской стражи. На дамбе сновали объездчики, Николай и его товарищи попробовали проско-

чить — не вышло, вернулись в финские воды. Они спрятали лодку в заброшенном сеном сарае, часть груза сложили в глухом овраге верстах в двух от Оллилы и двинулись пешком, захватив все, что могли на себе унести.

Но беспокойно было и на сухопутной границе. От Финского залива до Белоострова службу несли незнакомые стражники. Эти сведения принес из разведки Николай.

— В Новгороде хватились? — сказал Поваляев. — Донесли небось?

— Мерещатся тебе розыск и Владимирка, — поддел Николай. — Беда приключилась ближе, на вокзале в Новой Деревне. Связной взял на складе Шатрина две винтовки, подвязал их старой веревкой. В дороге она перетерлась, на платформе Приморского вокзала винтовки выпали из-под пальто.

— Осатанеют, теперь держись, — заговорил Анисимов. — Жаль парня, виселицы не миновать.

С минуту помолчали, затем Николай рассказал, что взвод унтер-офицера Смирнова раньше срока отвели на отдых. Рискованно было пробираться с грузом по тайной тропе.

— Напролом идти — все сгубить, — согласился и Поваляев. — Переждем — успокоится граница, поклажу зароем.

— Просто рассудил, как на первый-второй рассчитайся, — возмутился Анисимов. — Андрей о чем предупреждал? Нас ждут, из глубины России приехали дружинники за динамитом.

— Уймитесь, чего спорите? — перебил Николай. — Оба правы, но обстоятельства требуют найти третье решение.

— На голодный желудок путного не придумаешь, — сказал примиряюще Поваляев.

Нарезав мясо, он посолил куски по своему вкусу. Анисимов ел и морщился — крепко посолено. Из озорства он отломил половину калача у зазевавшегося Поваляева и участливо предупредил:

— Ешь, а то и остатки калача унесет ворона.

Перекусив, снова стали думать, что же дальше предпринять.

Николай изложил свой план переброски опасного груза: динамит и патроны они спрячут в овраге, попросят Смирнова переправить груз через границу. А сами

перейдут налегке, возьмут только каравай, в котором запечен револьвер.

Поправку внес Поваляев: распить «говорунчика», если задержат — с хмельных меньше спроса. Под вечер они перешли границу. Только возле кирки их остановил конный стражник.

— Откуда и куда? — спросил он.

— За хлебом к обеду послала супруга, кума с приятелем встретил, потолковали о том о сем, — притворяясь совсем пьяным, длинно объяснял Николай. — По дороге зашли в трактир, затем к куму, в Ермоловке у полковника он дворником служит.

— Довстречались, люди хорошие, отвечеряли, — перебил стражник, — скалка погуляет по твоей спине.

Незлобивое брюзжание не предвещало неприятностей, — казалось, конный пугает и отпустит, а он засвистел. Из-за сарая бойни выскочили трое конных.

— Документы, — приказал старший, хотя нисколько не сомневался, что задержаны мастера. На казенном выдали получку. Сколько непутевых с полудня шатаются по улицам.

У Поваляева был выпущен пропуск на чужую фамилию для проезда в Райволу, Анисимов предъявил заводской жетон, Николай — квитанцию рабочего лесопильной биржи Севастьянова об уплате поземельного налога. Помятый хлеб не вызвал подозрения у стражников.

Дома Николая ожидал Андрей. Он обрадовался, что дружинники не попали в ловушку.

— Прискакал выручать, в Петербургском комитете беспокоятся, — объяснял он. — Провал в Новой Деревне переполошил жандармерию.

На рассвете Николая разбудил Василий.

— Динамит и патроны Смирнов с верным солдатом перенес через границу, — сказал Василий. — Теперь наш черед, но он не советует никому из тройки показываться в пограничной полосе.

Но динамит и патроны надолго не оставишь в лесу, местность дачная.

— Пойти разве на безрассудство, — говорил сам с собой Николай, — послать к заставе подводу?

— Аннушку? — спросил Василий. — Это было бы здорово, примелькалась она там.

С весны Надежда Кондратьевна покупала молоко у чухонки Аннушки. Своя корова мало давала молока.

У чухонки были клиенты в Дюнах. Петербургскому адвокату, дача которого находилась в версте от заставы, она возила молоко и картошку.

— А кого с Аннушкой послать? — Николай задумался. Братья на заметке у полиции.

— Попроси Васильева, — предложила Надежда Кондратьевна, — зимой с лошадыю на саях он пристал в Оллиле к финскому обозу и дошел с ними до Петербурга. Финны так и не догадались, что с ними идет русский.

Аннушка охотно согласилась заработать рубль.

У железнодорожного переезда отдыхали спешившиеся кожные стражники. Васильев нарочно громко обругал Аннушку, вожжи отобрал, сам стал править.

Оставив чухонку на даче адвоката, он погнал лошадь к станции. На лесной дороге подводу остановил Смирнов, велел свернуть на просеку. В куче хвороста были спрятаны динамит и патроны.

Миновав переезд, Васильев кинул вожжи Аннушке, соскочил с подводы и от огонька стражника раскурил трубку.

27

Отдернув занавеску, Надежда Кондратьевна позвала мужа. Шатрин шел по середине улицы, качаясь маятником, трудно переставляя ноги.

— Без праздника набрался, — осудил Николай. — Никак в казенку.

Поравнявшись с домом Емельяновых, Шатрин свернул. Грузно навалившись на калитку, он долго шарил, ища щеколду. В комнате, плюхнувшись на табуретку, Шатрин кивал своим думам.

— Чайку заварить? — предложил Николай. — Целый фунт купил Высоцкого, в железных коробках.

— Водка — и та дурманит только ноги, а он чаем потчует, — сказал совершенно трезвым голосом Шатрин.

— С какой печали распечатал бутылку в одиночестве, чай, не пропойца? — сказал Николай.

— С ней чокнулся, — Шатрин взглянул исподлобья, и тут Николай заметил в его голове россыпь седины. — С виселицей...

— Выспись, — Николай старался говорить спокойно. — Занимай диван. Потом потолкуем.

— Прав, нужно потолковать, чтобы ночью под головой не вертелась подушка. — Шатрин хмыкнул и, помол-

чав, заговорил неожиданно резко: — Забирай винтовки! Забирай... до последней. И книжки...

— Ждешь обыска? — встревожился Николай.

— Накатят, как того связного.. привезут на барже в Лисий Нос... Перекладину... В яму с известью...

Сдали нервы у Шатрина, главного хранителя тайного склада дружины

— Забирай, не то стемнеет — выведу на лодке весь склад в Разлив и утоплю, — погрозил Шатрин.

— Рехнулся, топить винтовки, — Николай пытался его разговорить. — Комик ты, Володька, из заезжего балагана.

Надежда Кондратьевна принесла самовар, расставила чашки. Беспокойство мужа ей передалось: что-то случилось в дружине. Шатрин не с радости набрался, сыч сычом, может, и ее совет пригодится, выручала, не раз отводила угрозу от подполья, но Николай сделал знак — оставь нас одних.

Чай из самовара — кипяток, Шатрин обжегся, чертыхнулся, налил на блюдец. Остудив, выпил, к сахару и варенью не притронулся. Упершись локтями в стол, он угрюмо уставился в темный квадрат клеенки. Не верилось Николаю, что из дружины дезертирует Шатрин. Конспиратор, каких в петербургском подполье раз-два и обчелся. В его доме арсенал, перевалочная база нелегальной литературы из Финляндии и Швеции. Но Николай знал характер приятеля. Шатрин и в детские годы не принимал скорых решений.

— Клятву служить революции, значит, побоку?

— Из монахов, когда невмоготу, и то отпускают в мир, — сказал Шатрин. Голос у него усталый, надломленный. — Верись, сплю час-полтора, просыпаюсь от стука топора, потный — мою виселицу возводят.

— Чую, угодишь на Пряжку, — рассердился Николай, — выкинь мусор из башки. Провала у нас ни с одним тайником не было. Живая стена товарищей тебя оберегает. Задержанный в Новой Деревне себя не назвал, никого не выдал.

— Хочу жить без веревки на шее.

— В приятели к соседу Ромке ладишь, он праведно живет: мастеру угодит, обедню в воскресенье не пропустит.

Шатрин весь затрясся.

— Каждый бы сотую часть моего сделал, давно бы-ла бы в России революция.

— На простых весах твои заслуги перед революцией, вижу, не взвесить, затребуем из лабаза десятичные,— с иронией заговорил Николай. Больно было терять близкого товарища, а к тому шло.— Нашел чем хвастаться. Ты-то дрыхнешь в постели, а сколько большевиков и сочувствующих нашему делу на каторге! Арсентия в кандалы заковали. Письмо недавно получил: об одном жалеет, что мало сделал для революции. У тебя другой счет — революция в долгу, с нее еще приходится Володьке Шатрину.

Тоскливым взглядом обвел Шатрин комнату. Николаю не по себе: прощается человек с его домом.

— Раз на одну половицу с Ромкой поставил, здесь мне больше не бывать,— сказал Шатрин.

Вся жизнь бок о бок у них шла. И вот трещина. Жалко Николаю приятеля, а язык больше не поворачивается ни возразить, ни успокоить. Уход из дружины — дезертирство. Знал ведь Шатрин, на что шел, на канате не тянули. Предупреждали: трудная жизнь в России у того, кто за свободу борется.

Молчание было для обоих тяжело. Шатрин одернул рубашку, перевязал шелковый пояс.

— Мне пора, не суди строго, спать ложусь, спички на табуретку кладу.— Шатрин подбоченился, потом вдруг обмяк и, кивнув, вышел из комнаты. Николай спохватился, когда он уже был за калиткой. Разошлись, толком не решили, что делать со складом: «С перепугу, верно, утопит винтовки, литературу». Николай догнал Шатрина у протоки.

— Боишься— сдавай склад, еще один тайник у себя устрою, только не рви с товарищами.— Николай делал последнюю попытку удержать Шатрина от страшного шага.— Обещаю скрыть твою слабость. Наде — и то слова не пророню.

— Помочь перенести винтовки? — отрешенно спросил Шатрин.

— Сколько винтовок на складе? — спросил Николай.

— Шесть.

— Обожди, жену кликну, в один заход унесем.

— И книжонки забирай,— напомнил Шатрин,— ночью едва не сжег, в печку сунул, спичку уже было чиркнул, одумался.

Четыре винтовки навесил на себя Николай, громоздкий брезентовый дождевик удачно скрывал, Две спрята-

да под пальто Надежда Кондратьевна. Брошюры рассовали по карманам.

В боевой технической группе были серьезно обеспокоены происшествием в сестрорецкой дружине. Хотя часто меняли пароль и явочные квартиры, но Шатрин знал слишком много. Трусость и предательство разделены весьма тонкой перегородкой.

На вызов в Петербург поехал Николай. В штабе дружины ожидали его до девяти вечера, разошлись подавленные. Не сиделось дома Анисимову, пришел на станцию.

На последнем поезде вернулся Николай. Спрыгнув с подножки вагона, он незаметно огляделся. На платформе было двое: выпивоха-приказчик из суровской лавки, дремавший на скамейке, и Анисимов.

— Притащился тебя встретить,— сказал Анисимов и понизил голос:— Тоска гложет, как там, не строго?

— Без лиха возвратился — и тому радуйся,— заговорил Николай.— Опасаются провалов, боятся лишиться перевалочного пункта. Сестрорецк — арсенал партии, и с Финляндией стенка в стенку живем. Эх, Володька, наделал переполоха, кто бы мог предполагать...

— Заступился, надеюсь? В голове винтик у Шатрина какой-то важный ослаб. Судить строго товарища нельзя... Больной, и очень, душой болен...

— Поручился, что Шатрин не предаст, всю ответственность на себя принял.

— В Питере как к этому отнеслись?

— Велели у себя в дружине решать.

— Коль твоего поручительства мало, считай и мое. Володька поработал на революцию. Добывать больного согласия не дам. Я и в большевики вступил потому, что это самая человечная партия.

У протоки Николай и Анисимов распрощались, еще не зная, что защищать Шатрина придется им из новгородской тюрьмы.

Ночью постучали в окно большой комнаты. Николай, не зажигая лампы, приоткрыл край занавески. Под окном стоял Андрей.

Влутив его в дом, Николай засуетился возле самовара.

— Чаю в Петербурге напьемся,— отказался Андрей.— В Новгороде шум: сбежали ссыльные оружейники.

— Растрезвонила старушенция, крепкого я дал ма-

ху, прав был Поваляев — предостерегал, — с досадой сказал Николай.

В лампе вспыхнуло пламя, закоптило узкий верх пузатого стекла. Андрей оказался проворнее хозяина, убавил фитиль.

— И как она догадалась, что не в монастыри мы спешили? — сетовал Николай.

— Кто-то из ваших богатеев накатал в жандармское. Анисимова засекли на кладбище.

— Вот сволочи, — обозлился Николай.

— Сволочи, — поддакнул Андрей. — Полицейское колесо раскручено, розыск объявлен, возвращайтесь в Новгород.

На вокзале перед самым отходом поезда появился Андрей с узелком, передал в окно вагона.

— Посылка не обременит, фунта три всего-то. Вещички тут святые из Тихоновой пустыни, Соловецкого и Новоафонского монастырей. Хозяйку одарите, от ее показаний много зависит.

В Новгороде из участка ссыльных не выпустили. Знакомый пристав, потирая руки, говорил:

— У нас, господа, не Санкт-Петербург, предупреждал, допрыгались.

На суде хозяйка показала, что жильцы держали за собой комнату, исправно платили, отлучались только на заработки и богомолье. Бегство из ссылки Емельянова, Анисимова и Поваляева полиция не доказала, посадили их на шесть недель в тюрьму за бродяжничество.

Спустя два месяца они снова бежали в Петербург, встретились на явочной квартире.

28

После успеха своей листовки Николай все чаще задумывался, что неплохо бы дружине иметь свою типографию, на первое время можно обойтись и гектографом.

В штабе сочувственно к этому отнеслись. Прикопили денег, осталось подыскать человека, который бы приобрел гектограф, чтобы следы не вели в дружину. И тут Василий рассказал брату, что у штаба есть возможность заполучить в свое ведение подпольную типографию в Петербурге.

Житель Сестрорецка Федоров происходил из семьи священнослужителя, но сочувствовал социал-демократам. В келье монастыря Иоанна Кронштадтского на

Карповке у него был ручной тискальный станок, в кассе шрифта было достаточно для набора двух-трех прокламаций. Хорошо отзывались дружинники о Федорове — те, кто близко его знал. Николай же встречу с ним откладывал: предложение было заманчиво, но подозрительно.

— Сперва ваш Федоров пусть покажет, на что способна типография, — передал Николай через Василия.

Материалы для первого номера заводского подпольного журнала собрали Емельяновы, Василий и Иван, Паншин, Ноговицын.

Вскоре Паншин принес из типографии четырехстраничный журнал «Муха». В нем были сатирические заметки про дела на оружейном заводе. Федоров поместил в журнале список начальников мастерских — сколько кому причитается получить наградных за ревностную службу, а рядом — список оштрафованных рабочих. Хотя официально штрафы на заводе отменены, поборы из кошелька рабочего продолжают.

— В следующем номере напишите похлеще про богадельню. На жалкие подаяния она существует, а там живут престарелые одинокие оружейники, — попросил Паншина Николай.

В субботу Паншин и Василий отправились за следующим номером «Мухи». Из предосторожности — два молодых рабочих очень заметны в монастыре — решили по очереди зайти в типографию. Василий остался наблюдать за набережной, Паншин перекрестился, опустил монету на благолепие монастыря, вошел во двор.

В келье, где находилась подпольная типография, он был дважды, первый раз его провел Федоров. Главное — не прозевать кладовую восковых свечей, затем подняться по узкой лестнице и шмыгнуть в полутемный коридор.

Паншин благополучно миновал кладовую. Невесть откуда навстречу вышла женщина, вся в черном, платок повязан так, что только хрящеватый нос торчит. Прижался Паншин к стене, женщина сунула ему плоский сверток, шепнула:

— Уходи, в келье полиция, предупреди товарища.

Паншин сунул сверток под рубашку, потуже затянул пояс и ходко — назад, во дворе перевел дух и превратился в богомольца. Выбравшись из монастыря, он сделал знак Василию: не признавайся.

Не сговариваясь, они решили дожидаться конца обыска, может, и выкрутится Федоров, главную улику — обличительные номера «Мухи» — унесли, в типографии Федоров для отвода глаз печатал проповеди.

Долгое было ожидание, наконец на набережную будто вывалился тучный пристав, за ним шагах в пяти шел Федоров, понуриив голову, дальше городской, двое штатских и дворник с коричневым чемоданом. Федоров не подымал головы: боялся неосторожным взглядом выдать товарищей.

К монастырским воротам подкатили два извозчика. На одну коляску сели пристав и Федоров, другую заняли штатские, поставив себе в ноги чемодан. Дворник и городской проводили коляски, постояли и ушли обратно в монастырь.

— Типографии лишились, — пожалел Василий. — Только начали — и провал. Федоров был убежден, что полиции в голову не придет искать типографию в монастырской келье.

— Судя по эскорту, Федорову не миновать крепости, — мрачно сказал Паншин.

Первым поездом Василий и Паншин уехали в Сестрорецк. В свертке оказалось три экземпляра «Мухи». Паншин отдал по экземпляру Николаю и Ноговицыну, один оставил себе на вечер.

Недолго просуществовал подпольный сатирический журнал, но успел поднять на ноги заводскую полицию и администрацию. В первом номере «Мухи» была напечатана заметка «Африка на реке Сестре». Случайно заглянув в полировочную мастерскую, генерал у себя в кабинете устроил разнос правителю канцелярии.

— Набрали негров, — негодовал генерал, — русских людей полно за воротами, рады-радешеньки самой низкой поденщине.

— Обознались, ваше превосходительство, нет негров в полировочной, — оправдывался правитель канцелярии.

— Не дурачьте, сам там был, чуть в крошечном чаду не отдал душу, а черномазым хоть бы что, лишь скалят белые зубы.

Со страниц «Мухи» пошла в мастерские и песня про беспросветную долю оружейников:

Ложевая — горепая,
Да приборная такая,
Нашу силушку взяла,
Хлеба вволю не дала...

Утром Косачев доносил исправнику, что в трактирах и чайных Сестрорецка распевают крамольную песню, сочинил ее некий Муха, к розыску коего полицией принимаются надлежащие меры.

Соцкий забрался в красный угол под образа, важно раскрыл поеденную молью голубую плюшевую папку с бронзовыми застежками.

— Пальто не снял, так хоть шапку стащил бы с дурной башки и перекрестил бы лоб,— заругалась Поликсенья Ивановна.

Буркнув себе под нос, что бабе не резон быть с мужчинами при серьезном разговоре, Соцкий нехотя снял палаху, положил на табуретку.

А Поликсенья Ивановна ему назло начала прибираться комнату.

— Кон-фи-ден-циально,— заплетающимся языком выговаривал Соцкий трудное слово, услышанное от жандармского полковника.

— Кон-фи-фи,— передразнил Александр Николаевич,— это что — новое ругательство?

— Пень необтесанный,— сердился Соцкий,— допустим, начальник пожелает с подчиненным или посетителем остаться один на один, то он и говорит: кон-фи-ден-циально-но.

— Так тебе моя Поликсенья помешала? — спросил сердито Александр Николаевич.

— В голове кое-что в твоей шевелится, аль мокрые опилки там? — прикрикнул Соцкий.— Раз полиция требует, значит нужно, выгони бабу.

— Обожди, холера, морозы грянут, зайдешь обогреться, ухват на полотенце поднесу,— расшумелась Поликсенья Ивановна, однако, махнув тряпкой по столу, вышла из комнаты, сама себе не рада: сорвет полицейская собака злость на старике и сыновьях.

— Постановление велено довести до домовладельца,— приподнято заговорил Соцкий.

— Царское?

— Санкт-Петербургского губернатора,— Соцкий выпятил грудь.

— А я-то подумал, коль через полицию извещают, то высочайшее повеление, не иначе,— сказал Александр Николаевич.

Соцкий не понял скрытую иронию, разгладил помятые уголки постановления, напечатанного на желтой шероховатой бумаге, и, водя толстым пальцем по строкам, бубнил:

— «Домовладельцам предписывается оказать личным участием или нарядом людей содействие в прекращении уличных беспорядков и по поимке и задержанию всякого рода злоумышленников, подозрительных личностей».

— На лбу клейма-то нет, угадай, государев преступник аль порядочный,— перебил Александр Николаевич, отлично понимая, куда клонит Соцкий.

— Государевых преступников должен распознавать,— навязчиво требовал Соцкий,— это те, что оружие и винтовки в тайниках прячут, это те, что распространяют прокламации и прочие подстрекательские сочинения.

— Дошло,— Александр Николаевич постучал пальцем по голове Соцкого.

— До моей-то дошло,— огрызнулся Соцкий, не отрывая от бумаги пальца, и продолжал: — «Виновные в неисполнении сего обязательного постановления подвергаются в административном порядке штрафу до трех тысяч рублей или заключению в тюрьме до трех месяцев».

— По тысяче в месяц,— Александр Николаевич радостно потирает руки,— прямой расчет отсидеть. Тысяча — это же капитал!

— Бестолочь! — прикрикнул Соцкий, а сам покосился на пузатый графин в буфете.

— И не пяль буркалы, держу настой кишки полоскать. Водка-водочка милая в доме не водится. Отца Дмитрия ругай, взял подписку на трезвость до покровы,— соврал Александр Николаевич. Да и выпивал он редко: в праздник, когда на заливе продрогнет.

Недовольный ушел от Емельяновых Соцкий, в сенях дверью хлопнул.

Поликсенья Ивановна погрозила вслед ухватом и накинулась на своего старика:

— Поднес бы супостату стакан зелья, хоть малую поблажку когда даст. Сам по краю пропасти ходишь и ребят учишь бунту. Бедный человек на свете — кто? Тростинка! Такой вот Соцкий надломит и каблуком растопчет.

— Иди, мать, иди по хозяйству,— сказал Александр Николаевич. В голове одна дума: что-то затевает полиция. Может, прознал Соцкий, что Василий и Иван уехали на своей лошади в Финляндию к старшему брату?

Тревожную ночь провел Александр Николаевич. На рассвете явился домой Василий — без лошади.

— Где Ваня? — встревожился Александр Николаевич.

— Недалеко,— ответил Василий.— Стоплю баньку, к пару и брат подоспеет. Ужасно глупый случай приключился...

Пристав за Оллилой к финскому обозу, везущему салаку в Петербург, Василий и Иван благополучно миновали заставу, а у бойни подсел на соседние сани городской. При въезде в город Василий незаметно сошел с саней, а Ивану, чтобы не вызвать подозрений у городского, пришлось ехать с обозом на постоянный двор.

— А я было перепугался,— признался Александр Николаевич,— без вас ввалился к нам Соцкий.

30

Месяц, как самовольно Николай вернулся домой из Финляндии. Много дыр в хозяйстве: дров запаста, отопить рамы, мальчишкам починить валенки. Полиция его не трогала, думала — разрешили семью навестить, есть на то бумага, хотя никто ее не видел.

Вчера в сумерках мальчишка принес от Андрея записку.

«В понедельник,— писал тот,— приедет Григорий Иванович. Имеет намерение снять дачу на лето в Новых местах...»

В прошлом году Григорий Иванович не раз посылал своих связных в сестрорецкую дружину за оружием. Много было вывезено винтовок в Москву в ноябре и декабре — в канун Московского вооруженного восстания.

В назначенный день часов в одиннадцать у калитки осадил горячую лошадь извозчик. Откинув медвежью полость, вылез из саней барин в шубе. Потеребив русую бородку и разминая затекшие ноги, он оценивающе окинул дом Емельяновых.

Жена мастера Куркова, женщина весьма любопытная, увидев, что к соседу подкатили на рысаке, накину-

ла на плечи меховой жакет, выскочила на крыльцо. Барин из столицы приехал снимать дачу, а курковский дом наряднее емельяновского и стоит на горке, прогретой солнцем. Заговорить с барином ей не удалось: из калитки показался Емельянов. Будний день, а он в праздничной тройке, в штиблетах. Похоже, ждал гостя.

Показав извозчику, где привязать лошадь, Николай провел гостя в дом. Григорий Иванович держался просто. Мальчишкам подарил конфет, шубу не снял, только отстегнул крючок. Та дрянная баба, что глазела с крыльца, могла запросто зайти за спичками, солью.

Надежда Кондратьевна достала из комода скатерть.

— Тороплюсь, да и нельзя расслаживаться, — предупредил Григорий Иванович. — Извозчика угостите.

Извозчик выпил стопку водки, ушел кормить лошадь. Николай вернулся в комнату. Григорий Иванович стоял, склонившись над грифельной доской, рисовал. Заглянув через его плечо, Николай увидел на доске будку путевого обходчика, штабель бревен и дорогу, уходящую в лес.

— Поручение, — тихо говорил Григорий Иванович, постукивая грифелем, — весьма важное: предстоит переправить литературу и револьверы в Петербург. На явке намечается встреча.

— С кем? — живо заинтересовался Николай. Он слышал от Андрея, что в Финляндии, недалеко от границы, скрывается Ленин.

Григорий Иванович будто не услышал вопроса.

— В Куоккалу отправляются десять человек, оружейный посылает пять. Отбор строгий, задание куда сложнее, чем пройти на лодке мимо морской стражи.

Осторожность конспиратора не позволила гостю подробнее рассказать о предстоящей встрече в Финляндии, но ему нужно было, чтобы Емельянов осознал меру ответственности.

— В Куоккале явка Центрального Комитета партии. Берите с собой тех, на кого можно вполне положиться, — предупредил он.

— Возьму Емельяновых — Василия, Константина, Михаила, Ивана, — перечислял своих родных братьев Николай. — За них ручаюсь.

— Емельяновы — пятерка надежная, возражение чисто человеческое, — заговорил полушутливо и полустрого Григорий Иванович. — Что же, другим оружейникам в доверии отказываем?

— Поваляев, Анисимов на заводе с мальчишек, вместе из ссылки бежали,— Николай назвал еще кандидата: — Васильев полезен, знает в Финляндии дороги, тропинки.

— Васильев? — Григорий Иванович заинтересовался.— Это у него лошадь Плетень?

— Корзина,— поправил Николай и невольно рассмеялся,— одна на всем белом свете с такой кличкой.

— Берем Васильева, трех Емельяновых, с оружейниками и я пойду,— быстро составил пятерку Григорий Иванович.— Кто из братьев — хоть жребий бросайте.

— У Ивана и Василия есть знакомые на заставе и батарее, листовки и брошюры носят солдатам,— сказал Николай,— и я третий.

— Первый, ответственный за пятерку,— поправил Григорий Иванович и быстро нарисовал на грифельной доске дом в лесу.— Это дача «Ваза». Добираемся сюда поездом, билеты выправлять до Райвола. У путиловцев свой маршрут. Запомните, в Куоккале сходите с поезда, идете к Териокам, ориентир: будка путевого обходчика, сворачиваете на лесную дорогу.

Григорий Иванович вытер кулаком грифельную доску.

— Собираемся в сумерки,— напомнил он.

Извозчик тронул вожжи, застоявшаяся лошадь взяла порывисто, сани круто отбросило к забору.

— Не балуй, вывалишь барина! — прикрикнул Николай.

Утром, до первого гудка, он зашел на Никольскую. Братья и отец завтракали. Молча таскали из чугуна картошку, макали в блюде с постным маслом и, густо посолив, ели с хлебом.

— Раненько заглянул. Как Наденька? Все здорово? — выспрашивала Поликсенья Ивановна. Обмахнув полотенцем табуретку, она усадила Николая за стол.— Картошка рассыпчатая, из Каменки чухонка привезла мешок.

Николай достал из чугуна картофелину, обжигая пальцы, очистил, макнул в блюде.

— Вкусная, давно не ел такой,— признался он,— земля в Каменке добрая.

Поликсенья Ивановна подлила в блюде масла.

Вместе с братьями вышел Николай из дому, сказал про партийное поручение, предупредив, чтобы отпроси-

лись у мастера и пробирались в Куоккалу каждый по отдельности.

В Белоострове Николай купил билет до Райволы, а сошел в Куоккале. Недалеко от путевой будки его окликнул Григорий Иванович. В обветшалой меховой куртке, надетой поверх казенной фуфайки, и в финской шапке, надвинутой на лоб, он несколько не был похож на того важного барина, что приезжал в Разлив.

— Все в сборе, путиловцы поворот было спутали, Васильев их вывел, — сказал Григорий Иванович.

Шел он уверенно, чувствовалось, что все ему здесь знакомо. Скоро тропинка в глубоком снегу вывела их к высоким соснам, среди которых стояла вытянутая прямоугольником коричневая дача с неправдоподобно белыми рамами и наличниками.

Григорий Иванович проскочил дорожку, посыпанную песком, и по свежей лыжне направился к сараю. Николай шел за ним следом, проваливался и чертыхался. Спрятавшись за поленницей, их поджидали Васильев и два незнакомых человека.

— С Нарвской заставы товарищи, — сказал Григорий Иванович, а знакомить не стал, объяснил: — Мы пройдем на дачу, остальные несут охрану.

В дом Григорий Иванович вошел последним, а разделся раньше всех. Причесываясь, он посмеивался над замешкавшимися спутниками: те никак не ожидали, что их пригласят в дом, отправились на явку в рабочих блузах.

— Здравствуйте, товарищи! — в прихожую стремительно вышел Ленин. — Раздевайтесь, проходите.

Николай замешкался. Владимир Ильич взял у него шапку и, приоткрыв дверь на кухню, сказал:

— Встречай, Надя, гостей.

В прихожую вышла женщина средних лет, скромно одетая. Это была Надежда Константиновна, жена Ленина.

— Где же, Григорий, остальные? — спросила она.

— Боялись наследить, — ответил Григорий Иванович. Заметив, что Надежда Константиновна нахмурилась, поправился: — Службу несут.

— На холоде, с дороги, голодные, — забеспокоилась Надежда Константиновна.

— Пожалуй, наш Григорий прав, — сказал Владимир Ильич, — службу нужно нести. Приглашай, Надя,

товарищей по очереди в дом, угощай чаем. А мы займемся.

В небольшой продолговатой комнате у стен стояли две узкие кровати, покрытые старенькими одеялами, небольшой стол, два стула с необычно высокими спинками. Много было книг — на столе, табуретке, подоконнике, — чувствовалось, что они положены в строгом порядке, как нужно для работы.

Из другой комнаты принесли табуретки. Рассадив гостей, Владимир Ильич сказал Николаю:

— Кажется, Емельянов с Сестрорецкого оружейного, в Териоках встречались.

— В Доме финских профсоюзов, — напомнил Николай.

В Териоках он был с Поваляевым и Анисимовым. Владимира Ильича ни на минуту не оставляли товарищи из Петербурга, провинции, но он беседовал тогда и с оружейниками.

Там, на межрайонной конференции Петербургской организации РСДРП, Николай прослушал доклады Владимира Ильича «О тактике партии по отношению к Государственной думе» и «О единстве партии».

Николая обрадовало, что Ленин его не забыл, — сколько людей было на конференции. Новой встречи с Владимиром Ильичем он давно ждал, о многом хотелось расспросить, особенно о причинах поражения московского вооруженного восстания, а нужные слова словно кто-то вспугнул, — вылетели из головы.

Ленин помог Николаю побороть смущение, спросил:

— В дозоре Емельянов Василий — ваш брат, тоже оружейник?

— И Иван, младший, — ответил Николай. — У нас в семье все оружейники.

— В дружине состоят и Константин и Михаил, — дополнил Григорий Иванович.

— Пятеро Емельяновых в дружине — это хорошо, — сказал Владимир Ильич. — Рабочая династия.

— Шестеро, — поправил Николай, — отца присчитайте, подпольная оружейная мастерская была в его доме.

— Побольше бы Емельяновых участвовало в революции, — сказал Владимир Ильич и спросил у Николая, как ему удалось бежать из новгородской ссылки.

— Вызвали возить оружие, динамит и литературу из Финляндии, — оживился Николай, — а новгородская полиция считает, что мы отбываем ссылку.

Владимир Ильич похвалил Николая за умелую организацию побега, а у Васильева спросил:

— Тоже с оружейного?

— У нас в Сестрорецке один завод, все начинаем там с мальчиков, а уходим дедами и прадедами,— ответил Васильев.

— С традициями завод, арсенал партии,— сказал Владимир Ильич.— Винтовки с Сестрорецкого были у восставших в Москве.

— Помогали вооружать дружины и в провинции,— напомнил Николай.— Потребуется Центральный Комитет — вновь откроем тайные сборочные мастерские.

— Винтовки нужны народной армии. Недостаточно их еще у рабочих, а у крестьян и того меньше,— говорил Владимир Ильич.— Но важно не только иметь оружие, но и уметь им пользоваться: метко стрелять из винтовки, револьвера, метко бросать бомбы. На подавление народного восстания царь пошлет жандармерию, полицию, воинские части.

Владимир Ильич интересовался настроениями рабочих на «Путиловце», Сестрорецком. Спросил, как восприняли поражение вооруженного восстания в Москве.

Николай сказал: жалеют, что не довелось им быть на баррикадах Пресни. В дружине не хотят верить, что революция идет на убыль.

— Винтовка и патроны у каждого дружинника наготове.

— Придет время, ждите,— сказал Владимир Ильич.

Рабочий с «Путиловца» искренне признался, что ему трудно ответить и сейчас на вопросы своих товарищей о причинах разгрома вооруженного восстания в Москве.

Ленин обстоятельно рассказал, почему восстание в Москве потерпело поражение.

Отвечая на вопросы, Владимир Ильич оживился, жесты стали резче. Он убедил своих слушателей, что революция в России продолжается. Непокойно в армии, на флоте, поступают телеграммы о вооруженных выступлениях рабочих и крестьян в провинции. Революция победит...

Надежда Константиновна принесла пачку брошюр и корзину, накрытую холстиной.

— Необходимо срочно переправить литературу и браунинги в Петербург,— сказал Владимир Ильич и предупредил: — Ни одна книжка, ни один револьвер не должны попасть в чужие руки.

Спустя недели две Андрей послал Николая в Выборг.

— Пальто наденьте новое. Шапку боярскую, тросточку и саквояж я привез, будете человеком при деньгах.

Поезд из Гельсингфорса придет через три часа, есть время съездить на Сайменский канал, в парк «Монрепо». Николай же боялся пропустить поезд, позволил себе отлучиться лишь в крепость.

В первом купе третьего вагона поезда Гельсингфорс — Петербург ехали две молодые дамы. Едва переступив порог, Николай почувствовал горьковатый запах миндаля. Крепкие духи не могли его сбить.

«Динамит перевозят», — с уважением подумал Николай о своих смелых спутниках. Как только поезд миновал пригород, он открыл окно, проветрил купе.

В Териоках женщины сошли, Николай видел из окна вагона, что их встретил Григорий Иванович.

Это было последнее поручение Николаю в Финляндии.

Революция шла на убыль. Боевая техническая группа приступила к роспуску дружин в Петербурге, Москве, в провинции. Важно было избежать напрасных жертв и сохранить тайные склады оружия.

31

В ночь на 3 июня 1907 года правительство арестовало депутатов социал-демократов, а утром царь разогнал Вторую Государственную думу.

Оживились темные силы. За каждый десяток завербованных в черную сотню давали деньги, награждали значком Георгия Победоносца.

Неведомо откуда в буфетах и трактирах Сестрорецка опять появились приезжие босяки. Местные черносотенцы спаивали их, натравливали на рабочих. На кладбище одного мастерового избили до полусмерти.

Опасно стало Николаю появляться в Разливе. Но разве мог он безвыездно жить в Финляндии? В хозяйстве кое-что требовалось сделать, мальчишкам отцовская рука нужна. Пришел он домой на денек и застрял.

Днем Николай перекладывал плиту в сарае, а вечером, отужинав, выдвигал из чулана сапожницкий ящик. Сегодня он только поставил сапог Кондратия на железную ногу, как в дверь постучали. «Началось», — поду-

мал Николай. Дверь пошла открывать Надежда Кондратьевна. Если полиция — надо будет дать возможность мужу уйти. Спросила, кто стучит. Ожидала в ответ знакомое — «телеграмма», а услышала голос Фирфарова.

— Капиталы большие, знать, завели, отпирайте.

— Заходи, давненько не виделась, — сказал Николай, приглашая Фирфарова в комнату.

Тот, опираясь на палку, отказался.

— Наслежу, да я и ненадолго. Пришел предупредить. За лекарством ходил. Слышу — стрельба, городского у трактира «Ростов» застрелили. Поунял бы молодых, не тем они занимаются, — Фирфаров закашлял в большой пестрый платок.

Никакой власти теперь нет у Николая: штаб дружины распущен, сам на нелегальном положении, а люди всё к нему обращаются. Дядя Костя, слесарь из инструментальной, вчера увел его к себе посидеть у самовара, тоже просил приструнить анархистов.

— В пятом и шестом такого безрассудства дружина бы не допустила, — жаловался дядя Костя, — тогда оружейники против царя шли, за правое дело революции. Мне под шестьдесят, а тоже в десятке Ноговицына состоял. Нельзя допустить, чтобы анархисты, эта мразь, выдавали себя за революционеров.

Из-за чухотки Фирфаров не входил в дружину, но стоял за ее интересы. Вот и теперь он волнуется, предупреждает о серьезной опасности.

Как отвести беду? Действуй сейчас штаб дружины, все было бы проще. Одним мозги вправили бы, других приструнили, а третьим сказали бы, что им вреден воздух на реке Сестре.

С кем посоветоваться? Андрей не пришел на явку.

Ближе и доступнее был сейчас Григорий Иванович. Николай, долго не раздумывая, поехал в Финляндию. В Райволе с подводой ему не повезло. Он пешком добрался до Ахи-Ярви. На усадьбе была только домоправительница Марья. По заведенному здесь порядку, она ни о чем не расспрашивала, сказала, что барин в лесу. Она отвела Николая на старую дачу, принесла кринку холодного молока, картофельных котлет и, чтобы не скучал, — жареных семечек.

Из леса Григорий Иванович привез телегу хворосту. Едва мимо окна старой дачи Микко, сын Марьи, провел

лошадь на озеро, на крыльце послышались тяжелые шаги Григория Ивановича.

— Пожалуйте, отшельник, на свет божий,— сказал он, а узнав Емельянова, присел на крыльце, заговорил душевней.— С новостями?

— За советом приехал,— начал сразу с дела Николай.— Бесшабашного бунтарства много у наших ребят, пришедшие и доморощенные анархисты террор проповедуют. Из-за этой нечисти страдают рабочие. Полиции только бы повод.

— Да-а, и к оружейникам проникла анархистская зараза. Индивидуальный террор — акт безрассудства и отчаяния. За ним следуют аресты, разгром подпольных организаций социал-демократов.

— Положение у нас на казенном весьма осложнилось. Больше двухсот человек выбыло — один в тобольской ссылке, другие на каторге, кого уволили с завода, кто сам ушел.— Николай говорил о том, что происходит в его родном городе.— Леваки палят в городских и воображают себя героями.

Еще недавно Григорий Иванович считал дружину на Сестре крепостью. Какие бесстрашные люди, настоящие солдаты партии! Выходит, крепость ослабела, потеряв лучших бойцов.

— Главное — отмежеваться,— советовал Григорий Иванович.— Не исподтишка, а открыто. Эсеры, меньшевики и анархисты — не революционеры, это отребье. Надо отбить от них заблудившихся.

С этим и вернулся Николай обратно в Сестрорецк.

На просьбу старшего брата пригласить молодежь на разговор Василий сначала невразумительно отнекивался, а потом признался:

— Не любят молодые вас, старых дружинников, чересчур осторожничают, притихли, попрятались по углам.

— Пригласи, потолкуем,— настаивал Николай,— а там уж кто кому дорожку закажет.

— Попробуем с Иваном,— нетвердо пообещал Василий.— Приходи послезавтра на Никольскую.

Время было выбрано удачно: отец уехал рыбачить, мать отправилась ко всеобщей, девчонкам Василий купил билеты — в Ермоловке показывали туманные картины.

В большую комнату набились молодые мастера — не пошевелиться. Стульев и табуреток в доме не

хватило, сидели на полу. Николай немного опоздал, на пешеходном мосту кого-то подкарауливал Соцкий, пришлось перебираться по железнодорожному.

Не попадись по дороге полицейский, Николай с каждым молодым оружейником познакомился бы, а теперь только сказал «здравствуйте».

— Слышал я,— Николай надумал сразу вызвать мастеровых на откровенность,— недовольны нами, старыми дружинниками. Это, конечно, горько, но ведь и мы недовольны вами. Дурную удачу показываете.

— Не хотим, чтобы виселицу с Лисьего Носа перенесли на дубковский берег,— крикнул чернявый парень. Он был одет франтовато: тройка небесного цвета, лакированные сапоги, фуражка с козырьком.

«Кто чернявенький — заводила или подпевала?» — гадал Николай и довольно громко спросил у Василия:

— Откуда соловей?

— С покрова на заводе, поступил дворником в замочную, с месяц поработал, поставили кладовщиком,— тихо ответил Василий.

— Сворачиваете шею революции, пятитесь,— продолжал чернявенький,— пролежни нажили.

— И еще называют себя революционерами! — подержал кто-то в углу у печки.

Неуютно сейчас было Николаю в отцовском доме. В этих стенах часто собирались оружейники. По-разному они относились к народникам, по-разному приняли Манифест Российской социал-демократической рабочей партии. Много здесь было крутых разговоров о завоевании пролетариатом политической власти, его союзниках в борьбе с самодержавием и буржуазией. Были и ошибающиеся, их убеждали. Спорили жарко, но уважительно, все были союзниками, все ненавидели самодержавие. Не пугала виселица в Лисьем Носу. Выносили с завода винтовки. Переправляли из Финляндии через границу динамит. И никому в голову не приходило бахвалиться. Об этом и сказал Николай.

Чернявенький явно дирижировал, подал кому-то знак. Из-за печи выдвинулся худощавый парень. Николай узнал младшего Мокрова. Он с вызовом крикнул:

— Ждать, когда старые дружинники залечат пролежни, мы не будем, соберемся и разнесем участок.

— Погром и дурак устроит,— насмешливо сказал Николай, а закончил строго: — Запомните, за арест

анархиста, стрелявшего в городского на вокзале, Косачев получил наградных сто рублей. Исправник Колобнев тоже использовал этот выстрел, хлопочет, чтобы Сестро-рецьк посчитали пятьдесят восьмым городом, где политическим запрещено проживать. Так-то вы помогаете революции! Уяснили, что к чему? Теперь валяйте, громите полицейский участок.

Щупленький парнишка с поповской гривой, сидевший рядом с Николаем, крикнул:

— И разгромим!

Это был новый возчик в приемной комиссии.

— Погромов, убийств под марку дружинников рабочие не потерпят, выгонят с завода,— погрозил Николай.

Чернявенький вскочил с табуретки, презрительно скривил губы.

— Убедились? — спросил он и ухмыльнулся.— Человек, в доме которого штаб дружины находился, подает нам команду — руки по швам, забивайтесь в углы и помалкивайте. Нам с отступниками не по дороге.

За чернявеньким ушло человек двенадцать, осталось девять, из них свои — Иван, Василий и Паншин, друживший с младшими Емельяновыми.

— Присаживайтесь ближе, есть о чем потолковать,— сказал Николай и открыл форточку. Под потолком сизый табачный дым водил хоровод.

32

Ночью Никольскую площадь и кладбище оценили. Городовые и сыщики ворвались в дом Емельяновых.

— Ищите, бог даст — брильянт найдете, разбогатеете,— посмеивался Александр Николаевич. На ордер он даже не взглянул, но предупредил Соцкого: — Без понятия обыск производишь, а закон...

— Требуй генерала,— издевался Соцкий.

— Мне генерал аль дворник, но чтобы непременно беспристрастный свидетель был,— настаивал Александр Николаевич,— закон...

Соцкий послал городского на улицу за понятыми. Тот привел двух запоздавших прохожих.

— Вот понятые,— буркнул Соцкий и дал знак продолжать обыск.

Привыкла к обыскам в доме Поликсеня Ивановча, обычно отругивалась, а тут навалилось на нее тяжелое предчувствие — больно дерзко ведет себя Соцкий.

Все перерыли в доме городовые: на чердаке, в сарае. В предбаннике они пол разобрали. Не нашли ни оружия, ни литературы запретной. И все же Соцкий велел одеваться Ивану и Василию.

Иван обнял мать, Василий подошел к отцу.

— Манирлих с цирлихом мне не устраивай,— прикрикнул Соцкий. Он злился: ничего запретного не обнаружили, хотя по доносу за Емельяновыми числились и прокламации Петербургского комитета, и два револьвера системы «наган», и пять трехлинейных винтовок.— Напрасно прощаешься с дорогим родителем, он тоже досыта отведаёт баланды.

Арестованных увели. Замыкал шествие Соцкий. Он не опустил на калитке щеколду. Налетел ветер с озера, закрутил на площади, застучал калиткой.

— Христопродавцы, как мать-земля окаянных носят.— Поликсенья Ивановна выскочила следом, но силы ей изменили — рухнула на дворе. Варя увела мать в дом, Лиза выбежала за ворота. Арестованные пересекли Никольскую площадь. Шли гуськом, вперемежку с городовыми и дворником, а сзади понуро плелись поняты.

Через три недели Александра Николаевича вызвали в канцелярию тюрьмы, объявили, что свободен.

— А сыновья? — спросил он.— При обыске ничего не изъяли запретного.

В ответ писарь пробурчал:

— С воли наведешь справки.

Едва открыв калитку, Александр Николаевич почувствовал — дома неладно. Бойка радостно визжит, рвется с цепи, но никто не вышел на крыльцо.

Дверь в большую комнату была открыта, Поликсенья Ивановна сидела на кровати в подушках, без кровинки в лице.

— Один явился — парни разве не с тобой сидели? — первое, что спросила она, уронив исхудалые руки на подушку.

— Скоро и ребят выпустят,— успокаивал жену Александр Николаевич.— Отмоюсь в бане и начну хлопотать. Плохонький, а все-таки есть закон в России.

— Лихо, ой и лихо у нас! Позавчера возле постоялого двора еще городского прикончили,— шептала Поликсенья Ивановна сухими губами.

— Самосудничают анархисты проклятые,— Александр Николаевич сел на постель, погладил ее руку.—

Убийство — дело уголовное, наши ребята взяты по статье политической.

— Параскева слышала, что наш пристав говорил трактирщику Ферапонтычу — позволит губернатор, так он наведет на реке Сестре порядок, каждого третьего мастерового упрячет в тюрьму.

Отмыв тюремную грязь, Александр Николаевич напился крепкого чаю и, как ни просила Поликсенья Ивановна повременить, поехал в уездное полицейское управление. День был присутственный, но исправник его не принял.

— Велено восвояси отправляться, — сказал писарь.

— Напраслину на моих парней возвели. Младший еще и вида на жительство не выправил, — жаловался Александр Николаевич.

Очки у писаря чудом держались на кончике бульдожьего носа.

— Виновных не сажают, — сказал он серьезно и поверх стекол посмотрел на Емельянова.

Александр Николаевич оторопел, а писарь деловито сменил перо «уточку» на «рондо», продолжая философствовать:

— В тюрьмах сидят одни праведники. И твои сыновья тоже ни за что угодили за решетку. Недолго ждать осталось, скоро суд определит: в крепость или по Владимирке им шагать?

— Наказывают, а за что? — возмутился Александр Николаевич. — С чем пришли сыщики и городовые, с тем и убрались. На то и бумага в присутствии понятых составлена. Горшок сметаны опоганили, девкам моим на день уборки оставили.

Писарь, макнув перо, красивым почерком вывел на чистом листе: «Милостивый государь».

— К исправнику надобно попасть, — уже мягче заговорил Александр Николаевич. — Крест есть? Подсоби.

Писарь несколькими штрихами под строкой «Милостивый государь» нарисовал вход в ресторан и выпуклыми буквами вывел название: «Медведь». Это была божеская цена за протекцию.

В следующее присутствие Александра Николаевича первым пропустили к исправнику. Колобнев знал в лицо Емельянова, но руки не подал и сесть не предложил, сказал холодно:

— Предупреждал: живите, как все православные, — нет, к бунтовщикам потянуло.

Александр Николаевич промолчал, боялся повредить сыновьям. Писарь тогда у «Медведя» выболтал: самое малое, что получают Василий и Иван — высылку в северную губернию, не подфартит — отправят на каторжные работы, статьи суровые: привлекаются за подстрекательные действия против государя императора.

— Сыновья мои, ваше высокоблагородие, сызмальства приучены к ремеслу, — защищал детей своих с достоинством Александр Николаевич. — Ваши люди все перерыли, все перещупали, дом и усадебные постройки чуть по бревнышку не раскатали — ничего противозаконного не нашли. Да и откуда, мастерские мы.

Колобнев был недоволен результатами обыска, подвел тайный агент. Прохвост чуть не на Евангелии клялся, что в доме Емельяновых — подпольная мастерская. Если почему-либо нельзя выехать в лес на пристрелку, то бой винтовки проверяют в колодце. Может, и правда, но с поличным не поймали.

— Плохо искали, нам известно, — Колобнев долго переключивал бумаги, пока нашел нужную, а по тому, как он ее торопливо накрыл рукой, Александр Николаевич догадался: исправник берет на пушку.

— Сами, ваше высокоблагородие, приходите с обыском, Соцкого прихватите, он в моем доме не заблудится.

— Коль потребуется, разрешения испрашивать не стану, — Колобнев провел рукой по напояженным волосам. — Прощение накатал... Губернатор про Емельяновых и слышать не хочет, уши затыкает, — продолжал он, но уже покровительственно. — Дешево отделался твой старший. Богомольную старуху одурачил со своими приятелями-каторжниками, та нужные им показания на суде дала, а то бы крепости не миновать за побег из новгородской ссылки.

Помолчав, Колобнев спросил:

— Желаете помочь сыновьям? Подайте прошение. Государь милостив.

Колобнев взял со стула запечатанный конверт.

— Дома своей рукой переписешь, ничего, что коряво. Где пробелы — вставишь фамилии, — Колобнев замялся и заговорил участливо: — Завтра неприсутственный день, приходи, приму.

Писарь у дверей встретил Александра Николаевича, увел на лестницу.

— Судьба парней в твоих руках. От ведения дел сестрорецких мастеровых полиция отставлена, — писарь понизил голос до шепота. — Исправник берется похлопотать, радуйся. Тошно ему сейчас, другие в его хозяйстве копошатся. Как губернатору преподнесут? Обстановка в столице — не дай боже: Шпалерка забита, Дерябинские казармы превращены во временную тюрьму, там поместили и восемнадцать оружейников.

— И на том спасибо, — Александр Николаевич сказал искренне: наконец-то узнал, где томятся сыновья.

Дома была только жена, она крепко спала. На плите в кастрюле лениво булькала мыльная вода. Лиза, наверно, затевает постирушку, выскочила за чем-нибудь в лавку. Александр Николаевич был рад, что никто не мешает ему переписать прошение. Постелив чистую скатерть, вычистив тряпкой перо, он достал из конверта прошение.

«Ваше Величество, Великий и милостивый самодержец.

Припадает к ногам Вашим убитый горем сестрорецкий обыватель Емельянов.

Веря в Ваше великодушие, осмеливаюсь просить вернуть в родительский дом моих сыновей Василия и Ивана, которых подозревают в том, что в подпольных мастерских производили сборку винтовок из частей, вынесенных из завода, что вели разлагающую пропаганду среди стражников, объездчиков и на батарее, расквартированной невдалеке от Сестрорецка.

Коли потребуется, без принуждения, по доброй воле принесу клятву на Евангелии, что мои чада непричастны к тайной преступной организации социал-демократов. Ни в чем предосудительном не были замечены, брали дни на говение, каждое воскресенье выстаивали обедню. Не враги они августейшей фамилии и отечества.

Враги на оружейном есть, они сами прячутся, подбивают неразумных мастеровых. Мне известно, что в образцовой этим делом занимается некий социал-демократ в замочной штыковой приборной приемной комиссии»

— Гаденькую цену запросил господин исправник, — вслух сказал Александр Николаевич, дочитав до конца бумагу. — На что, ироды, толкают. За бесчестье купить сыновьям свободу. Лучше уж крепость.

Перегретый щелок выплескивался на плиту. Александр Николаевич сдвинул кастрюлю, из конфорки вы-

билось пламя. Он швырнул в огонь полицейскую шпиргалку.

Братьям Емельяновым грозили каторжные работы или заключение в крепость. Андрей нашел умного, недорогого присяжного поверенного. Ивана и Василия выслали на пять лет в город Яринск Вологодской губернии.

33

Минули годы ссылки. Наконец-то Николай дома. Он приехал дневным поездом, не прячась, сошел в Разливе.

Отмылся, отоспался, надел воскресный костюм, сходил на завод, но вернулся мрачный. Надежда Кондратьевна ни о чем не расспрашивала, догадалась — плохо приняли. И к друзьям Николай не пошел — какой уж гость без улыбки.

Вторую неделю не выходит из дома Николай. На душе камень. Таким застал его Ноговицын.

— Засел в берлоге и носа не кажешь на казенный.

— Овраг не перешагнуть, в тот список занесли, где дед и отец.

И с чистыми документами Николая с порога конторы отправили восвояси. Об этом, к сожалению, не знал Ноговицын.

— Напрасно с нами совет не держал, — выговаривал нестрого он. — Спектакль мог подпортить. Дорожку тебе мосгим в инструментальную мастерскую. Протекцию хитрую сообща тебе составляем.

Оказывается, еще месяц назад Андрей предупредил, что у старшего Емельянова кончается срок ссылки, на завод назад его не возьмут, а нужно, чтобы господа офицеры сами попросили.

Из неторопливого рассказа Ноговицына Николай узнал все о «протекции». Из главного артиллерийского управления должен поступить заказ: изготовить кружала для Путиловского завода. Ставить на эту работу без опаски можно двух мастеровых. Один из них, дядя Костя, на расчет подал — с глазами плохо, а Нефедову уже намекали — на кружалах не братья за старшего.

— Как волки, генерала обкладываете. Только вряд ли он за мной пошлет, — засомневался Николай. — Фамилии боятся.

— Пошлет, — убеждал Ноговицын. — Кружала особые для проверки артиллерийских снарядов. Генералу

напомнили, что ты морской прибор без чертежа по рисунку сделал. Кучу денег кому отвалил изобретатель из своего бумажника?

— Когда было...— Николаю и самому приятно вспомнить про ту свою удачу.— Изобретатель человек широкий, при офицерах отсчитал триста рублей и сказал, что работа дороже стоит, но большими средствами он не располагает.

— Не у нас этот изобретатель служит, и в Питере его нет, а то бы лучшей протекции и не надо,— сказал с сожалением Ноговицын.

Ноговицыну не составило труда склонить Нефедова поступиться честью классного мастерового. К тому же были и счеты с начальником мастерской. Год назад для разметки капризных отверстий в пулеметной машинке Нефедов придумал кондуктор. За одиннадцать часов стал обрабатывать не два, а четыре узла. Начальник выругал его за излишнюю самостоятельность, оштрафовал на три рубля. Позже офицеры разобрались, что к чему, признали кондуктор, но стали называть его захаровским, будто мастер идею подал.

Узнав, что он может помочь Николаю вернуться на завод, Нефедов сказал:

— Озолотят — откажусь, канатом привяжут — расчет возьму. Не стану поперек дороги человеку. Знаю, за справедливость он пострадал.

Начальник мастерской струхнул, вызвал дядю Костю. Тот мужик тертый, сказал: «Вам снарядные кружала нужны или справка от пристава о благонадежности Емельянова? Нанимайте, а то он в столице устроится».

Спустя несколько дней Ноговицын прислал Николаю записку: «Приходи наниматься, не откажут. На ссору в конторе не иди. Мало в организации осталось крепких людей».

Правитель канцелярии, выдавая Николаю пропуск, не удержался, пригрозил:

— Не образумишься,— пеняй на себя, будешь и шестигривенной поденке рад.

Промолчал Николай — не напрасно, выходит, предупреждал Ноговицын. Обстановка на казенном заводе такова, что ему надо вернуться на прежнее место. Это мнение партийной организации. Надеются на него товарищи.

Замешательство произошло в этот день в участке.

Без справки о благонадежности приняли на казенный самого главного смутьяна из семейки Емельяновых. Косачев примчался в контору. Только-только поразогнали большевиков на заводе...

— Не ходи к генералу,— уговаривал полицейского правитель канцелярии,— нарвешься на неприятности, выгонит. Он без тебя знает, что Емельянов бунтарь первейший, а кого ему поставить на кружала?

Попетушился в канцелярии Косачев, а зайти к генералу не посмел, оставил крутой разговор до следующего раза. И этот случай скоро представился. Бывшего ссыльного Емельянова выбрали старостой старост. Косачева было не удержать.

Дмитриеву-Байцурову недолго осталось до пенсии. Он хотел дослужить без забастовки и был страшно недоволен, что полиция вмешивается в его дела. Не дослушав до конца помощника пристава, он раздраженно сказал:

— Емельянов — образной староста старост. Он ведет сбором лампадных денег. Это богоугодное дело.

Косачев осмелел:

— По статуту к Емельянову могут обращаться рабочие с жалобами.

— Статут старост, сударь, не только мной утвержден.

От генерала Косачев ушел злой. В этот день он завел новую папку на неблагонадежного Николая Емельянова, вновь принятого на оружейный завод.

34

Дверь не заперта, Соцкий вошел без стука. В большой комнате было сумрачно — завешено окно, пахло лекарствами. Александр Николаевич лежал на кровати под двумя ватными одеялами.

— Никак всерьез помирать собрался? — спросил незлобиво Соцкий.

— Пора,— заговорил ослабевшим голосом Александр Николаевич.— И тебе, Сенька, пора на покой, погрешил много на земле, пообижал людей.

Соцкого передернуло как на морозе. Он панически боялся смерти, избегал похорон, хоть и любил даровые угощения, а на поминки смолоду не ходил.

— Задержался ты на земле. Одногодок ведь холодному сапожнику Бугаю, а тот лет семь назад преставился.

— Покаркай, не посмотрю на хворь, из постели выну, — погрозил Соцкий, а собирался обрадовать Емельяновых. В участок доставили бумагу, что из ссылки возвращаются Иван и Василий Емельяновы. Над обоими надлежит установить негласный надзор.

Первую часть бумаги — про возвращение сыновей и решил запродать Соцкий. За принесенную радость поднесут стаканчик, спасибо скажут.

Напрасно пыжился Соцкий. Из канцелярии уездного полицейского управления на днях Александру Николаевичу ответили: «Ссылным Ивану и Василию Емельяновым разрешено вернуться на постоянное жительство...»

— Скоро, Сенька, со своими крестниками увидишься. Дело прошлое, ты упек моих ребят в ссылку. Недели не пройдет, прикатят, деньги на дорогу выслал, — говорил неторопливо Александр Николаевич.

— Бумагу получил? — спросил Соцкий.

— Под сургучом, в собственные руки.

Соцкий ушел разобиженный. Водки не поднесли и настроение испортили.

Вернулись из ссылки Василий и Иван. Это было чудейственное лекарство для старого Емельянова, проболевшего весь великий пост. С радостью пришли в дом заботы и печали. Василию отказали на оружейном. «Черт с вами, не пропаду. Лодка есть, прокормлюсь», — сказал он. Иван обивал пороги конторы, наконец велел выходить.

С первым гудком — в половине седьмого — выбрался он из дома, шел веселый, прижимая к ноге ящик с инструментами.

Казалось, все черное позади — тюрьма, допросы. Жандармский полковник навязчиво допытывался, как попали сестрорецкие винтовки в московские дружины...

— Не велено, — услышал Иван грубый окрик.

— В механическую поступил, — растерянно бормотал Иван, — подполковник велел выходить.

— Полковник чином выше, — вахтер вытолкнул Ивана из проходной. — Велено не пускать на порог.

Отец нисколько не удивился, когда с третьим гудком Иван ввалился в дом.

— Быстро отстоял смену, утомился, сосни, — встретил сына горькой иронией Александр Николаевич, хлопнув по плечу, заговорил серьезно. — Отдышишься,

приходи в сарай, лодка ходкая и знает рыбные места в заливе.

Без охоты ходил Иван с отцом и братом в Финский залив ловить салаку, ставить мережи на реке Сестре. Случалось, привозили по бельевой корзине окуней и судаков.

В субботу была получка на заводе. Поликсенья Ивановна собрала долги за рыбу, Александр Николаевич съездил в Петербург на Александровский рынок, купил костюмы сыновьям — пооборвались в ссылке. Василий вырядился — и ходу из дома, Иван примерил обнову — и в шкаф. Не ускользало от отца его настроение. Последние дни Иван особенно подавлен, молчаливый, в глазах пустота.

— На заводе душа? — завел разговор Александр Николаевич.

— Тянет, тоскливо рыбачить, — признался Иван, — в своем Сестрорецке — и оторвыш, в пересыльной и то было с кем душу отвести.

«Ишь, в тюрьме ему поваднее», — подумал Александр Николаевич, но не прикрикнул на сына. Спустя два дня, сдав улов жене, велел собрать белье. Помылся, попарился, затем заглянул в парикмахерскую, постригся, подправил бородку. Дома надел тройку, хромовые сапоги и отправился в «Ростов».

Вернулся он поздно, усталый и навеселе. Иван спал. Разбудил, сел на кровать.

— В штыковую берут. Депутация ходила к Храброву. Велел утром тебе заступать, жалованье положат не ахти — семь гривен в день, в списке неблагонадежных значисься.

Снова с первым гудком Иван выбрался из дома. Шаггал не так ходко и радостно: могут туринуть. В проходной дежурил тот же сторож, но он не задержал. У Храброва, начальника мастерской, твердый характер.

Поставили Ивана к прессу давить надульники, грязнее не было работы. После смены дома в керосине и мыльной щелочи едва отмыл руки от вьезшейся окалины. Александр Николаевич нагляделся, как сын мается над деревянной шайкой, пожалел:

— Эх, Иван, Иван, на что променял лодку и чистый воздух? Взяли бы мастеровым, полслова не сказал бы против, а то к пришлому поденщику оружейника приравняли. Возвращайся, за веслами так не устанешь и сам себе хозяин.

— От пресса ближе до токарного станка, чем от ме-
режи,— возразил Иван.

Всей семьей в этот вечер играли в «Акулину». Нежданно пришел Николай. Поликсенья Ивановна карты бросила, засуетилась.

— Забежал на минутку, Ивана повидать,— отговаривался Николай,— не хозяйничай.

Николай и Иван вышли на крыльцо.

— Поручение принес? — спросил Иван.— Андрей говорил, что через тебя будет связь держать.

— Остынуть Василию и тебе от высылки велено, чуть что — и на каторгу упрячут,— Храброва ждут крутые неприятности, пошел поперек. В контору скоро тебя вызовут, подписку встребуют, иначе — расчет. Так вот — дай кабалу: порвал под корень с политикой.

— Совесть загнать под каблук,— оскорбился Иван.

— Болван, сейчас не пятый год,— обрезал Николай.— Винтовки для чего держат в арсенале? У партии большевиков и оружие, и люди до определенного часа должны быть в потайном арсенале. Вот и соображай: подписку кому даешь? Жандармам — разве это люди? Враги! Не кричим же мы на каждом перекрестке «долой монархию!» Ждем обыска, перепрытываем винтовки, револьверы, брошюры. И учти — это не мое решение.

— Велят хорониться, послушаюсь,— неохотно согласился Иван.

Весь следующий день Иван напрасно ждал вызова в контору. Прошла неделя. Он уже подумывал — забыли, но в понедельник, сразу после гудка, пришел посыльный.

За столом правителя канцелярии сидел Соцкий. Щуря глаза, покручивая ус, он выложил из папки лист, исписанный высоким, разборчивым почерком.

— Вымой руки с мылом и перепиши сие собственноручно.

Когда Иван вернулся из умывальной, Соцкий уступил ему стул, предупредил:

— Семь потов сгоню и еще столько, а бумагу получу без клякс и помарок.

Взглянув на подsunутую бумагу, Иван украдкой усмехнулся:

«Подписка.

Я, Иван Александрович Емельянов, без принуждения, по собственной воле, даю подписку в том, что обя-

зуюсь не состоять в тайных революционных обществах, не читать и не распространять преступные прокламации, не выступать против государя императора и членов царской фамилии...»

Медлительность, с которой выбирал Иван в бокальчике вставочку, обозлила Соцкого.

— Пиши, уговаривать с земными поклонами не собираемся,— торопил он,— подписки не дашь — отправляйся прямо из конторы за ворота, на маткины пироги с молитвой.

Правитель канцелярии раскатисто захохотал. Соцкий же, наоборот, подтянулся и заговорил строго официально:

— Мотай, Иван Емельянов, на ус. Жандармский полковник все допытывается, каким путем винтовки из Сестрорецка попали к бунтовщикам в Москву. Не замешаны ли в этом преступном деянии Николай и Василий Емельяновы? Свидетелься с полковником желаешь?

«Винтовки для чего лежат в арсенале?» — слышался Ивану тихий голос старшего брата.

Иван вздохнул, макнул перо и на чистом листе вывел:

«Подписка.

Я, Иван Александрович Емельянов, без принуждения, по собственной воле, даю подписку, что обязуюсь быть сознательным рабочим и никогда не давать спуска врагам отечества...»

Взглянув на подписку, правитель канцелярии поморщился: «Ох, уж эти Емельяновы». Зная степень грамотности полицейского, прочитал вслух.

— Не по форме,— сказал Соцкий.

— Моя подписка, все сказано,— возразил Иван,— спуску не давать...

— Насчет врагов сказано верно,— заговорил Соцкий и спохватился: — А кто, по-твоему, враги отечества?

— Известно, кто враги отечества,— уклончиво ответил Иван.— Малого дитятю спроси.

Вечером на горушке за проходной Ивана встретил Андрей.

— Отобрали подписку?

— По-своему написал,— ответил Иван и усмехнулся.— Обещал не давать потачки врагам отечества.

— Ловко провел,— похвалил Андрей.— У золотопогонников и прислужников свои враги, а у рабочих — свои.

И полгода не прошло — взяли Ивана у проходной. Вскоре арестовали и Василия. Следователь быстро составил обвинение: подстрекали рабочих и солдат к неповиновению законным властям, государю императору, занимались экспроприацией оружия... Ивана заключили в Шлиссельбургскую крепость. Василия — на каторжные работы в Нижнюю Туру. Глухой край, далеко от железной дороги.

35

Неожиданно в проходной вахтеров заменили дворники. С девятьсот шестого этого не было. Плохой признак. «Опять собираются ввести обыски», — только подумал Николай, как сзади послышался шум, оглянулся: дворник, притиснув Ноговицына к стене, запустил руку в узелок с едой.

На дворе Ноговицын догнал Николая, сказал:

— Дожили, норвил в котелок со щами лапу запустить.

— Бомба почудилась? — съязвил Николай.

— Есть и пострашнее бомбы, — ответил Ноговицын. — Из типографии пропало несколько номеров «Звезды».

По дороге на завод Николай видел, как у фурштата стражников приезжий газетчик открыто продавал «Звезду». Об этом Николай и сказал Ноговицыну.

— Не ту «Звезду», — поправил Ноговицын, — ищут двадцать седьмой и двадцать восьмой номера газеты, — полиция конфисковала. Ищут — с богом. В тех газетах сказано про Сибирь, как на Ленских приисках солдаты стреляли в рабочих.

Страшно было поверить в то, о чем дня два поговаривали в Сестрорецке, — на далекой Лене расстреляли золотонскателей.

— В этих газетах все описано честно, — Ноговицын хлопнул себя по голенищу: — Заходи, дам почитать. Андрей прислал.

Не пришлось Николаю идти в механическую, Ноговицын сам принес оба номера «Звезды».

— Понабежало в мастерскую начальство, читайте.

Заперся Николай в чуланчике, где дворники хранили тряпки, метлы, снял с незастекленного окошечка фанерку. Света было достаточно, прочитал телеграммы. На краю русской земли — на берегах Лены, ее притоков Витима и Олекмы, существует особое государство, цар-

ские законы, и те меркнут в сравнении с местными порядками, читал Николай. За вывеской «Лензолото» скрывается английская фирма «Лена — Голдфилдс», русский банкир Вышнеградский, небезызвестные Путилов, Ратьков-Рожнов. Крупные пакеты акций у членов императорской фамилии. За два года здесь удваивался каждый вложенный рубль...

— И тут Романовы хапают,— возмутился Николай, смял газету и сразу опомнился: сам не дочитал и товарищам нужно передать.

«В государстве золота 13—14-часовой рабочий день,— читал про себя Николай.— Здесь все — местное управление, полиция, солдаты и то в подчинении директории. На приисках в обращении лензолотовские деньги — боны».

Номера «Звезды» передавали из мастерской в мастерскую. Газеты читали в кладовках, за поленицами.

В мастерских вхолостую крутилась трансмиссия. Обстановка накалялась, все ждали — что-то должно произойти.

Неурочный гудок — кончай работу, выходи на улицу — снял нервное напряжение и нерешительность. Социал-демократы оповестили, что митинг протеста состоится после шествия на Гагарке. Теперь все знали, что делать, как помочь пострадавшим золотоискателям.

Сбили замок на воротах. На ходу строились в колонну, на рейке подняли красную косынку. Слышались гневные призывы: «Судить палачей!», «Повесить на фонарном столбе ротмистра Трещенкова!»

В рядах образцовой затянули песню 1905 года:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

Революционная песня катилась по Выборгской — центральной улице.

...Царит нагайка всюду,
Сильна в стране родной,
Но ей царя-Иуду
Спасти не суждено.

Попрытались городовые, закрылись лавки. В богатых домах опустили шторы на окнах.

Казалось, что мирно закончится демонстрация. Вдруг мальчишка, сидевший на дереве, закричал:

— Стражники! Спасайтесь! Стражники!

На конях с шашками наголо неслись по Выборгской стражники.

Соппротивление бесполезно, напрасно прольется кровь. Отход прикрывали молодые рабочие — прячась за заборами, они осыпали камнями стражников.

Через кладбище Николай пробрался на усадьбу родителей. Закрыв за сыном дверь на засов, Александр Николаевич сказал, чтобы он вымылся и переоделся.

— Пошевеливайся: нагрянут искать зачинщиков — полиция хорошо знает дом Емельяновых на Никольской.

— Пронесет, твой дом в стороне, — возразил Николай, но сменил перепачканные брюки и куртку. Он собрался на митинг. Отец не отпускал.

— Пережди, нарвешься на стражников: раз на рысях с шашками наголо, — получили, значит, приказ рубить головы.

Только Николай привел себя в порядок, как на крыльце послышались шаги.

— Вот и не пронесло, — сказал Александр Николаевич.

А к ним, спасаясь от нагайки стражника, заскочил Ноговицын.

— Не выгоните, у вас пережду, — переводя дух, сказал он.

— Выгоню, — серьезно сказал Александр Николаевич и провел Ноговицына в маленькую комнату к Николаю.

— Судьба свела, — обрадовался Ноговицын, — собрался в Новые места к тебе зайти, потолковать. Печальное событие... Столько людей палачи уложили. Не можем же мы собраться и ни с чем разойтись. Что-то надо серьезное сказать, потребовать кончить с произволом и беззаконием.

— От царя или Государственной думы? — спросил Николай и пересел на кровать, уступив табуретку Ноговицыну.

— Лучше к думе обратиться, — сказал Ноговицын, — там все-таки депутаты от рабочей курии.

Николай предложил потребовать от правительства срочно провести следствие, виновных расстрелять на приисках арестовать и судить, обеспечить пенсиями семьи погибших и увечных.

— И все? — спросил Ноговицын.

— По-моему, хватит,— смутился Николай.

— А главного виновника обходишь? — спросил Ноговицын.— Царю что — заздравную?

— Лучше... «Со святыми упокой»,— зло пропел Николай.

Уговаривал Александр Николаевич сына и Ноговицына переждать, не спешить на Гагарку,— не послушались. Ноговицын через кладбище выбрался на станцию Курорт и поездом доехал до Разлива. Николай надумал идти прямо: меньше вызовет подозрений — навещал родителей.

Выборгская вымерла, у входа в ресторан прохаживался Соцкий. Напротив церкви Петра и Павла спешили стражники. Полицейские посты были выставлены у мостов — пешеходного, железнодорожного и плотины. Подходы к Гагарке были перекрыты.

Возле пешеходного моста городской окликнул Николая:

— Эй ты, нашел время разгуливать.

— Кто разгуливает, а кто со смены,— соврал Николай: нужно спешить на Гагарку.

Городской узнал Емельянова, пропустил. Мастеровой в Новых местах живет, идет домой.

36

С весны Соцкий стороной обходил дом Емельяновых на Никольской, побаивался старого оружейника...

В то злополучное воскресенье он, как и обычно, был на службе в церкви, стоял коленопреклоненно возле иконы великомученицы Варвары. Вдруг слышит сзади приглушенные голоса:

— Много панихид заказано?

— Первым у попа Соцкого поминовение: наша панихида — третья.

Соцкому стало дурно: несут вздор. И вдруг слышит — отец Сергей, новый поп, как грянет на всю церковь за упокоевание души раба грешного Семена и о даровании ему милости божьей и царства небесного.

«...И царства небесного...» — возвышенно, как на литургии в честь августейшей фамилии, пел хор.

Соцкий похолодел: поминовение по нем служили. То-то ухмылялась на паперти Лизка емельяновская, а ее батька поставил рублевую свечу. Не пожалел, значит, целкового.

Тяжело передвигая одеревеневшие ноги, Соцкий выbralся на паперть. Солнце заливало площадь, тополя сбросили на землю свои кружева, но его теперь ничего не радовало. Он высыпал из кошелька на ладонь припрятанные медные монеты, роздал нищим. Взялся было за монетницу с серебром, откуда ни возьмись — Петруха Слободской.

— Наследство неслыханное отхватил, в благотворительную лотерею выиграл? — басил он. — Серебром мы, Слободские, и то нищую шатию не одеяем. Отец по грошу давал в субботу.

— Отпели, живого отпели, — бормотал Соцкий. — С певчими.

— Занятно отчебучили, Соцкого живого в рай отравили. — Слободскому в душе понравилась проделка с панихидой, известный озорник Кучумов и то до такого не додумался.

Не до шуток было Соцкому, панихида его напугала, он живо представлял, что стоит у собственного гроба, в нос ударяет дым ладана.

Прямо с паперти Слободской увел к себе загоревашего полицейского. С черного хода, отомкнув секретные затворы, впустил его в лавку.

— Плюнь и разотри, — уговаривал он, выставляя на прилавке водку и соленые огурцы. — Живым зарыли, то была бы печаль.

Соцкий, тяжело вздыхая, молчал.

— Не ты в прогаде, — продолжал Слободской, силком усаживая Соцкого на табуретку. — В церкви — не в лавке, заборную книжку не откроют, за требы берут наличными.

— Кто подстроил, знаю: Емельянов за своих каторжников платит, — сорвался голос у Соцкого. Перекрестив стакан, попросил: — Корочку заваливающую.

За отцом Сергием Слободской послал дворника. Поп, не в пример настоятелю, был покладистый, веселый. Он без ханжества выпил, выслушал про Сенькино поминовение, до слез хохотал, несколько успокоившись, всхлипывая, говорил:

— Жив-живехонек, коленопреклоненно стоит, а мы его...

Поп взмахнул воображаемым кадиллом, запел густым баритоном:

— «И царства небесного...».

На Соцкого не подействовала водка, только глаза

стали отрешенными, будто нарисованные блеклой краской.

— И впрямь в собственную могилу смотришь,— благодушно говорил Слободской.— Изволь сию секунду выбросить из башки заумь. Эко диво, тепели. Пожелай, закажу с хором молебен. Помнишь, как молились за здоровье царевича Алексея.

Обещанного молебна Слободской не заказал, поспешил, в следующее воскресенье отец Сергей, таратора по списку, упомянул за здравие и раба божьего Семена.

Соцкий оскорбился, отправился к лавочнику посчитаться. Кю его спасал от штрафа, когда тот сбывал порченую краску?

Лавочника Соцкий прокараулил: видел ведь, как к дому подкатила коляска, Слободской вышел в сюртучной паре, в петлице белый цветок,— а кинуться к нему не посмел. У раскрашенной афиши кинематографа, где стоял извозчик, кого-то ожидал старший сын Емельянова.

— На представление собрался не раньше, не позже,— буркнул Соцкий. С каким наслаждением стащил бы его в холодную! А как докажешь, что панихиду заказали Емельяновы? Пока он припоминал карающие статьи, лавочник сел в коляску и уехал. Соцкий свернул в переулок и попятился: навстречу шла Надежда Кондратьевна, нарядная, в темно-голубом платье. Шагу в Сестрорецке не сделаешь — всюду Емельяновы.

— «Глупышкин продает шкaп»,—громко воскликнула Надежда Кондратьевна.— Коля-Николай, бери билеты, посмеемся.— В туфлях на высоком каблуке она казалась чуть выше мужа.

— До смеха ли, владельцу лишь бы монеты в кассу сыпались,— Николай ткнул кулаком в низ афиши.— Горе людское в деньги превращает. Дьявол, как расписал.

— «Сверх программы. Гибель «Титаника». Величайшего в мире парохода-города, в ночь со 2 на 3 апреля столкнувшегося с ледяною громадною горою в Атлантическом океане...» — читала Надежда Кондратьевна.

— Не раздумала?— Николай вынул из кошелька рубль.

— Смеяться и плакать на одном сеансе — много людей погибло,— заколебалась Надежда Кондратьевна, но ей хотелось в живых картинах посмотреть самый большой на свете пароход.

— Комедию пропустим,— нашел выход Николай.— Гибель «Титаника» и видовые посмотрим.

Он купил билеты, взял жену под руку, и они пересекли улицу. Соцкий выбрался к афише, кулаком погрозил им вслед.

— Стариков побежали навестить. Ох уж эта семейка!

С месяц прошло — Соцкий осунулся, лицо землисто, глубоко запали остекленевшие глаза. На вокзале в Курорте встретил его Артемий Григорьевич, горестно покачал головой:

— Краше, Сенька, в гроб кладут. С лица судить — чахотка. С чего бы так согнуло? Не голодал, опять же казенная квартира сухая, без плесени.

Оттолкнув лавочника, Соцкий, передвигая негнущиеся ноги, прошел в каморку дежурного городского и закрылся на крючок.

Последний раз Соцкого видели в Белоострове. В зале ожидания лавки были свободны, а он сидел на козлом сундуке, держа на коленях бочкообразный чемодан из некрашеной фанеры.

Об этом в трактире услышал Александр Николаевич.

— То-то на Сестре стал чище воздух,— сказал он и перекрестился.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В первый день масленицы Александр Николаевич провалился в полынью на заливе. Думал — конец; до берега с версту. Последнее время он рыбачил один: Иван — в Шлиссельбургской государственной тюрьме, Василий — на каторжном прииске в тайге, а Николай дома, и то появляется к ночи: порастаскала охранка партийную организацию оружейников.

Полынья оказалась на неглубоком месте, вода Александру Николаевичу по грудь. Выбравшись на скалистый берег, он разжег костер, обсушился. От домашних скрыл ледяное купанье, но с того дня стало чаще поясницу ломить, судорога сводила левую руку, одолевал сухой кашель, особенно по ночам.

— Повидать бы горемычных — и на покой, — сказал как-то старшему сыну Александр Николаевич, когда тот привез из петербургской лечебницы редкое натирание.

— Походишь с ними не один год на залив, — сказал ободряюще Николай, а самому страшно: болезнь не обманешь, отец угасал.

— Умру, — как о решенном деле, продолжал Александр Николаевич, — мое место займешь. За правду и справедливость и дальше стой твердо.

— В твои годы — и на тот свет. У Фирфарова переиял, тому еще простительно, чахотка замучила. — Николай расстроился, ушел на кухню к матери.

Хорошо отблагодарив земского врача, Александр Николаевич получил нужную справку под сургучной печатью. Заводской бухгалтер составил прошение о свидании с сыновьями, но предупредил: «Неразумное затеял, посмеются в душе».

Недель через пять из департамента полиции ответили: «...Иван и Василий Емельяновы осуждены за государственные преступления, лишены всех прав и состояния...»

Прошел ледоход, а открытие пароходного сообщения откладывалось. Александр Николаевич загоревал, всем, кто ехал в Петербург, наказывал: глянуть — не пошли ли пароходы вверх по Неве.

День собирался Александр Николаевич в дорогу, сам отпарил и отгладил костюм: родные и знакомые отговаривали, никого он не послушался, в сердцах сказал Поликсенья:

— Перед смертью хоть с берега посмотрю на тюрьму, где страдает Ваня.

Печальный вернулся из Шлиссельбурга Александр Николаевич. Родные сбежались узнать: повидался ли с Ваней, а он прошел в маленькую комнату, закрылся на крючок, чтобы не досаждали, только сутки спустя сказал жене:

— Строгости каторжные в этой тюрьме. На волю отсюда редко выходят, широкая дорога на погост.

Умер Александр Николаевич тихо, попросил жену заварить чайку покрепче и меду сотового достать, а когда Поликсенья Ивановна принесла все это...

Будто выразить соболезнование, явился Косачев, а сам, скосив глаза на гроб, выпытывал у вдовы:

— Как хоронить-то собираетесь? Был кто с оружейного?

— По-православному,— прошептала сквозь рыдания Поликсенья Ивановна.

— Тихо, без мастеровщины-то оно спокойнее, бог милостив,— Косачев взглянул на покойного, перекрестился и вышел.

За час до выноса на Никольской появился старший городской. Он прохаживался по противоположной стороне, но глаз не сводил с распахнутых ворот усадьбы Емельяновых. И покойного Александра Николаевича боялась полиция.

На поминках Николай сказал матери, чтобы перебралась в Новые места, с Надеждой и внуками не так будет ей тоскливо. Поликсенья Ивановна отказалась: многое ее удерживает в старом доме на Никольской.

2

По чьему-то недосмотру в департаменте полиции в список городов Российской империи, в которых политическим запрещено жительство, не был внесен Сестрорецк, находящийся всего в 28 верстах от столицы. Этот

промах полиции использовал Петербургский комитет партии.

В 1912 году в Сестрорецке поселился отбывший ссылку брянский рабочий Николай Афанасьевич Кубяк. По завидной протекции поступил он на оружейный. За него хлопотали благонадежные мастеровые, в числе поручителей был и токарь, только что награжденный малой золотой медалью.

На казенном к пришлым долго приемотривались, а Кубяка признали своим чуть ли не с первого дня. Он и в самом деле был похож на местного оружейника с достатком, в мастерскую являлся в темно-синей блузе, брюки из чертовой кожи носил на подтяжках. В тройке видели его в курзале на представлении, в народной читальне. Он следил за собой, всегда были подравнены пышные усы, у него хорошо, без брильянтина, лежали густые волосы, открывая высокий лоб.

Никто в местной организации не слышал от Кубяка, что на завод его направил Петербургский комитет партии, но все догадывались, что именно он и есть тот таинственный уполномоченный из центра, которого ищут осведомители и заезжие шпики.

В субботу на заводе была получка. Около ста рублей собрали для отправки ссыльным оружейникам. Но и под боком, в самом Сестрорецке, живут пострадавшие от полицейского произвола семьи, в которых завтрак — тюря, обед — тюря на посоленном кипятке, а на ужин — молитва. Из собранных же денег и рубля нельзя взять.

Казалось, что не миновать нового захода по мастерским с подписным листом. Так предлагал Ноговицын.

— Не богачи наши,— возразил Кубяк,— двугривенный сюда, туда пятиалтынный — глядишь, и сгорел целковый в получку. Что-нибудь другое надо придумать.

На оружейном с давних времен существовал обычай: каждая мастерская чтит своего святого, в его день — иконный праздник — накрывали столы. Перед иконой горела неугасимая лампада, пятаки на масле вносили рабочие. Лампадную кубышку и надумал потрясти Кубяк. Он попросил Ноговицына завтра после первого гудка подослать Николая в часовню, а утром они неожиданно встретились на дороге.

— Обойдемся и без бога-свидетеля,— шутливо заметил Кубяк и заговорил серьезно: — Слышал, поди, от Ноговицына: почти сто рублей собрали ссыльным, а для

тех, кто под боком мается, гроша не выкроили. Нужно подкинуть хотя бы на хлеб, крупу и сахар.

— На лампадные зарисься,— строго сказал Николай, а у самого смеются глаза.

— Зарюсь,— признался Кубяк,— покупайте сортом хуже деревянное масло, святым-то идолам все равно, а наши люди хоть каши досыта поедят и чаю вприкуску попьют.

— Опоздали с советом, сам удивляюсь, что бог и святые еще не разгневались, лампы-то старосты заправляют машинным маслом.

— То-то чадит лампада и у нашего покровителя,— сказал Кубяк и, довольный, улыбнулся. Старший церковных старост опередил его.

Лампадные деньги были розданы бедствующим семьям мастеровых.

Спустя неделю Кубяк утром подкараулил Николая на сходе с пешеходного моста.

— Понравились лампадные,— пошутил Николай.— Обожди хоть до полочки.

— Совесть еще не потерял,— сказал Кубяк,— прикопишь, вот тогда и найшу казначея. А сейчас в другом помощи...

Петербургский комитет партии направил в Сестрорецк рабочего Василия Творогова, которому также запрещалось проживание в крупных городах. Без весомой протекции ему не поступить на оружейный, а еще нужно поставить на квартиру.

— Протекцию устроим, похлопочем,— обещал Николай,— посоветуюсь с Ноговицыным и Матвеевым.

Поиски весомой протекции временно пришлось отложить,— забастовала магазинная мастерская. В полочку вычли за металл. Брак на втулках произошел из-за неисправности станков и инструмента. Кто работал на детонаторной втулке, пострадал от двух рублей сорока копеек до восьми рублей, а на доневой — от восьмидесяти копеек до пяти рублей, на резьбе — до семи рублей двадцати копеек.

Мастер Мориц отказался от встречи с выборными, сманивая высоким заработком рабочих из других мастерских. Тогда большевики призвали оружейников бойкотировать магазинную мастерскую.

Штрейкбрехеры трусили, не помогли Морицу и щедрые посулы — платить поденку два-три рубля.

Кислые щи в чугуне были еще горячие, — Кондратий подгадал к гудку. Постелив на верстак холстину, в которую были завернуты хлеб, ложка и соль, Николай ел с аппетитом. Мягкий душистый ржаной хлеб таял во рту. Отобедав, он собрал в ладонь крошки, выбрался на двор, покормил воробьев.

До гудка еще оставалось полчаса, можно было отдохнуть. Николай, положив руку под голову, улегся на траву под пышной ветлой на берегу речки. Заснуть помешала букашка: ползает за правым ухом, неприятно щекочет. Кажется, смахнул, а она опять за свое, на редкость назойливая. Открыв глаза, Николай увидел, что на корточках возле него сидит Андреев с травинкой в руке.

День жаркий, все распаренные, еле ноги переставляют, а он тщательно выбрит, волосы гладко зачесаны, одет опрятно, брюки отглажены, под темно-коричневой курткой — белая рубашка с отложным воротником, черный галстук.

— Потревожил, Николай Александрович, прости, — заговорил неожиданно серьезно Андреев. Невозможно было представить, что секунду назад он по-мальчишески подшучивал. — Важное кое-что разузнал.

Илья Андреев связан с петербургским подпольем. «На ходулях спешит наш самодержец к войне с Германией, — сказал на той неделе он Николаю, — кряхтит, охает, что подводных лодок и самолетов у него мало-вато».

3 июля Николай купил на вокзале «Биржевку», развернул; первое, что бросилось в глаза, — заметка о закладке в Ревеле подводных лодок «Тигр», «Львица», «Леопард», «Пантера».

Николай поднялся с травы, смахнул со штанов соринки.

— Президент Франции Раймон Пуанкаре везет в Россию войну. В конторе затевают не то телеграмму, не то депутацию послать приветствовать царского гостя. Рабочим же ни к чему славить торговца смертью. Твой авторитет ой как нужен сейчас организации. Есть и у нас в мастерской задобренные, заласканные верноподданнические кликуши. Затевается страшная война за передел мира, захват колоний и рынков. Большевики срывают парадную маску с Пуанкаре. В Петербурге уже

бастуют сто шестьдесят тысяч рабочих, остановился трамвай на Новодеревенской и Финляндской линиях, на Выборгской стороне — баррикады. На фабрике «Жорж Борман» городовые стреляли из револьверов в рабочих...

Конца не видно насилию, Николай остро ощущает, что четырнадцатый год — это еще не пятый и шестой, в ту пору рабочие были гораздо сильнее, но и не восьмой — десятый.

— С булыжника опять начинать, а были винтовки, бомбы, — от обиды вырвалось у Николая.

— Стрельба на конфетной фабрике, — Андреев презрительно скривил губы, — с отчаяния и страха перед неминуемыми революционными выступлениями.

— Так что же, стиснуть зубы и молчать? — спросил Николай.

— Молчать? — Андреев откинул чуть назад голову. — Молчат трусы. Оружейники должны знать, что происходит в Петербурге.

— Понял, — хмуро бросил Николай, — беру на себя инструментальную, по неурочному гудку все наши выйдут на улицу.

Андреев не скрывал, что решение Емельянова его обрадовало, сказал весело:

— Расклад хороший получается: ложевую Кубяк взял, замочную — Творогов, Ноговицын — механическую... Начнем!

10 июля жандармский полковник сообщил в департамент полиции:

«Имею честь уведомить, что по донесению помощника моего в С.-Петербургском уезде подполковника Палькевича рабочие Сестрорецкого оружейного завода сего числа пришли на завод, но, не приступая к работе, около 7 часов утра вышли из завода, причем толпа рабочих запела революционную песню, выбросила красный флаг. Подоспевшей полицией толпа была немедленно рассеяна, и рабочие мирно разошлись. При этом никто из рабочих задержан полицией не был. Причиной означенной забастовки является выражение солидарности с забастовкой петербургских рабочих.

Меры к выяснению зачинщиков забастовки приняты».

Еще не отбыл Пуанкаре во Францию, как те, кто громче всех ликовал — сыновья деревенских богачей, лавочники, — повалили на оружейный, заранее попра-

лись от надвигающейся мобилизации. Проходимцы и нестойкие людишки могли проникнуть в заводскую социал-демократическую организацию. Оружейники-большевики приходили домой только спать.

Николай запустил хозяйство. Надежда Кондратьевна долго крепилась, а остался в кошельке целковый до полочки, упрекнула:

— Прикажешь еще одну заборную книжку в лавке у Колесникова открывать?

Без денег ораву не оставишь. В тот же вечер поехал Николай в город к морскому капитану получить деньги за проданную лодку, думал быстро обернуться, а его усадили за стол, еле-еле успел на «веселый» поезд. Вскочил он на ходу в вагон первого класса, огляделся — напротив на диване купецGroшиков. Сухо поздоровался и отвернулся к окну.

Gрошиков покряхтывал, постукивал измятой газетой по коленке, чувствовалось, что ему не терпится заговорить.

Проехали Лахту, Ольгино, купец сильнее заерзал на лавке.

— С ума сойти,— проговорил он, ни к кому не обращаясь,— австрияки грозят двинуть на маленькую Сербию два с половиной миллиона солдат, две тысячи двести шестьдесят пушек.

За окнами вагона бежали по низинке к лесу огоньки, горело пересохшее в жару торфяное болото.

— И никто не вызовет пожарников,— возмутился Николай.

— До гнилушек ли сейчас людям,— сказал и горестно вздохнул Groшиков,— бедняжка Сербия выставит только триста тысяч солдат, только триста орудий.

Навязывал он разговор, а промолчать Николаю нельзя. Люди, еще недавно осуждавшие царствующий дом, теперь в патриотическом угаре теряют рассудок, заказывают в церквях и соборах молебны за здравие царя. Вчера в курзале толпа запретила симфоническому оркестру исполнять увертюру к опере «Парсифаль» — музыку написал немец Рихард Вагнер.

— Людей жалко,— уклончиво ответил Николай.

Gрошиков был доволен: Емельянов, и то за войну, жалеет бедных сербов.

— Мокренько от австрияков и германцев останется.— Groшиков от избытка чувств сжал кулаки, повторил: — Мокренько.

— Как объявят мобилизацию, так на фронт?— спросил Николай.

— Отечество всюду можно защищать,— сказал нерешительно Грошиков и спохватился:— Годы... староват, но я готов надеть шинель,— и он с упоением принялся пережевывать подробности убийства престолонаследника Австро-Венгрии эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги в Сараеве.

Николаю было тошно его слушать, и он вышел на площадку...

По высочайшему повелению в пятницу, 18 июля, русская армия и флот переведены на военное положение.

Спустя несколько часов в Петербурге и пригородах были расклеены царские повеления о мобилизации ратников.

А следом на заборах появилось объявление... Мобилизации подлежали лошади верхового сорта, первого разряда, годные в орудийную упряжку и обоз.

Лиза принесла брату сорванное ветром с забора объявление.

— Лошадь у царя дороже человека, по три сотни положил на голову, а за верховую еще накинул тридцатку,— сказал горько Николай.

У Николая был отгульный день, он спрятал в фуражку объявление и поспешил на завод.

В Сестрорецкую районную исполнительную комиссию РСДРП вошли шесть оружейников, среди них был и Николай. Нужно быть начеку. Царское правительство уже жестоко расправилось с революционно настроенными рабочими — противниками войны. Запрещен выход газеты «Правда». Брошены в тюрьмы видные большевики.

Буржуазия, черносотенцы в день объявления войны стояли на коленях у Зимнего дворца, пели «Боже, царя храни!».

4

На карте Сестрорецк в тылу, но здесь тоже был фронт — продолжительность смены одиннадцать-двенадцать часов, на сто винтовок больше стали выпускать в день.

В артиллерийском ведомстве считали, что на оружейном скрыты резервы, обвиняли в этом местную социал-демократическую организацию: большевики, мол, открыто объявили, что они против войны.

Вчера возле заводской часовни Николая остановил Зоф. Как всегда, на нем была темная, хорошо отглаженная блуза, светлая рубашка, со вкусом повязан голубоватый галстук.

Никто, кроме Кубяка, Николая и Андреева, не знал, что новый слесарь-инструментальщик сотрудничал в «Звезде», «Правде». Начальник мастерской в нем души не чаял, не подозревал, что молодой жизнерадостный рабочий и неуловимый секретарь нелегальной заводской организации большевиков — одно и то же лицо...

Вячеслав Иванович был хмур и озабочен: на завод проник ловкий осведомитель. Полиция не прибегает к арестам. Неблагонадежного вызывают к воинскому начальнику, а оттуда — в маршевую роту.

Узнав, что Зоф подозревает Севалина, Николай заступился.

— От фронта, верно, он спасается, парень не промах, не хочет без башки остаться.

— Приглядишься сам и товарищам накажи, — сказал Зоф, — у этого человека змеиное жало.

...Осенью 1915 года в инструментальную поступил парень из Олонецкой губернии. Евграф Севалин — так он себя назвал — простодушный добряк, в кисете не переводилась махорка. Он с улыбкой давал взаймы, не сердился, если долг задерживали. Получив из деревни самогон, копченый окорок, он угощал мастеровых.

Набивался Севалин на знакомство к Емельянову, а у того не лежала к нему душа, хотя ничего предосудительного за ним и не замечал.

Незадолго до рождества у Емельяновых приключилась беда. Сережка, катаясь на санках в дюнах, заблудился, попал под мокрый снег, вымок, простудился. Севалин принес на завод стакан отборной сухой малины и с фунт меду.

— Даром не возьму, — предупредил Николай.

— На Олонецшине не принято за снадобье деньги брать, — отрезал Севалин. — Не поможет, примета есть такая.

Надежда Кондратьевна напоила Сережку чаем, закутала в шерстяной платок, ночью без счета меняла ему белье. Мальчишка пошел на поправку.

— Легкая рука у человека, — обрадованно говорила Надежда Кондратьевна, — передай спасибо и приглашай на пироги.

Поблагодарил Николай Севалина, а на пироги не позвал. Почему — и себе не мог объяснить.

Стал Николай присматриваться к Севалину, ничего подозрительного не заметил: заходят к нему рабочие из замочной, ложевой. С папиросами плохо, а у Севалина махорки всегда полный кисет.

Вскоре Зоф подгадал, чтобы вместе с Николаем выйти с завода.

— Просьбу не забыл? — спросил он.

— Врать не буду, в плохом парень не замечен. Черносотенцы подбивали в свою шатию, отказался. Значок «Георгия Победоносца», что погромщик доктор ему оставил, нацепил на белую ленту и коту Фантику повязал. Потеха была в мастерской, понадрывали животы.

— Осторожная лиса, ловко подлаживается, — Зоф достал из кармана помятый конверт. — Взгляни.

«Вследствие сокращения работ в инструментальной мастерской, — читал Николай, — нижепоименованным предлагается приискивать себе место. С 1 января 1916 года они будут рассчитаны...»

— Со старосты список обычно открывают, — заговорил Николай. — Ворота — излюбленная плетка администрации. Не вижу вины Севалина.

Зоф спокойно возразил:

— По-приятельски кто-то ему выболтал, что собираются писать жалобу на каторжные условия в мастерской. На антресолях, сам знаешь, к концу смены люди находятся в полуобморочном состоянии.

Припомнил Николай: баловался табаком у Севалина староста. Может, и обмолвился о жалобе. Дорого обойдется ему самокрутка. А вдруг напраслину на человека возвели?

— Почерк Севалина знаешь? — не дал долго раздумывать Николаю Зоф. — Сверь. Из папки помощника начальника вынули эту записку.

Совпадение настораживало: в записке и в предупреждении об увольнении одни и те же фамилии рабочих: социал-демократы и сочувствующие им.

Нелегкое поручение дал Зоф — Севалин не в канцелярии служит. А все решилось просто — давно не собирали на подарки раненым.

Взяв в конторе лист бумаги, Николай попросил Севалина обойти рабочих на антресолях, собрать пожертвования раненым на папиросы, мыло и конверты. Когда Севалин принес деньги и список жертвователей, Ни-

колай сравнил почерк — самое худшее подтвердилось. Но как выгнать доносчика с оружейного?

Навел Николая на хитроумную затею приказ коменданта крепостного района.

— Заманчиво... подлец сам себя наказывает,— одобрил Зоф,— а уж о том, чтобы военный патруль оказался на Крещенской улице, я позабочусь.

В первую же получку староста мастерской Кондрашов позвал Севалина выпить: прислали и ему из деревни первача. По дороге «встретили» Николая, схватили его под руки. Особенно усердствовал Севалин,— так хотелось быть накоротке с Емельяновым.

В трактире втихомолку распили бутылку, начали новую, Севалин потерял контроль над собой, а ему все подливали. Когда Севалина развезло, Николай и Кондрашов, бережно его поддерживая, вывели на улицу.

— Споем,— предложил Николай и сам запел:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает!

Севалин подхватил пьяным голосом:

Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают...

Собралась толпа. У трактира Николая и Кондрашова отеснили трезвые Никитин и Ахропотков.

Севалин повалился, Ахропотков успел подхватить и поставить его на ноги.

Приближался конный патруль... Больше Севалина не видели в Сестрорецке.

В конце января Зоф показал Николаю отпечатанное на курительной бумаге постановление от 17 января 1916 года.

«...Я, вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости Генерального штаба генерал-майор Данилов, рассмотрел представленную мне начальником Сестрорецкого гарнизона при надписи от 10 января сего года переписку и, усматривая, что означенный в ней крестьянин Олонецкой губернии, Вытегорского уезда, Ухорской волости, хутор Козулино, Севалин Евграф Иванович позволил себе появиться в пьяном виде в общественном месте, а именно Сестрорецке на Крещенской улице, чем нарушил приказ по крепости и крепостному району от 19 сентября 1914 года за № 76, постановил: на основании п. 2 ст. 19 прилож. к ст. 23 тома II свод. зак. Рос.

империи подвергнуть упомянутого Севалина заключению в тюрьме сроком на три месяца».

— Хитро сработано,— сказал Зоф и похвалил Николая.— Хороша твоя затея, без хлопот упрятали осведомителя за решетку.

— Догадался, поди, Севалин, что нарочно напоили.

— Это не такая уж существенная деталь,— засмеялся Зоф,— сам напился. Крепостной комендант строг, не милует пьяных.

5

Все хуже и хуже с продуктами. Цены на рынке меняются несколько раз в день.

С начала войны на заводе одиннадцатичасовой рабочий день, а фактически он больше. На десять — пятнадцать минут укорачивается обеденный перерыв. Редкий месяц проходит без конфликта, забастовки.

Рядом с экономическими требованиями рабочие выставляют и политические. На собраниях оружейники заговорили, что пора кончать войну, называли ее открыто грабительской, империалистической.

Начальники мастерской не идут на уступки, применяют власть, подавляя недовольство рабочих. У генерала для наведения порядка на заводе есть свое «войско». В роте охраны двести солдатских штыков, дворникам розданы револьверы и патроны. В одну из «заварушек» на оружейном из Петрограда прибыло три вагона солдат.

Собственное «войско» позволяет генералу чинить скорый суд. Девять руководителей забастовки рабочих взрывательной, замочной и коробочной мастерских были арестованы, сто десять отправлены к воинскому начальнику: после причастия погрузили в теплушки — на фронт.

Неспокойно и в столице. Первым утренним поездом Зоф уехал за листовками. Накануне он обошел товарищей, предупредил, чтобы были начеку, из дома не отлучались. Петербургский комитет выпустил листовку, призывающую к вооруженному восстанию.

С Николаем Зоф был еще откровеннее.

— Доцарствовался последний Романов.

— Панихиду по первому разряду заказывать? — спросил Николай.— Скорее бы вбить осиновый!

— Требы окупятся с лихвой,— ответил тоже шуткой Зоф.

Николая оставляли на сверхурочные,— отговорился, что мучает прострел, боль в пояснице такая — хоть благим матом кричи.

Дома он застал мать. Давно она не выбиралась в Новые места. Поликсенья Ивановна сидела в большой комнате за столом, подперев кулаком подбородок.

— «...Описывать про свое житье душа не лежит,— негромко читала Надежда Кондратьевна, водя пальцем по письму,— хуже некуда. Пишу не слезу у вас выбить, а чтобы на казенном знали.

Нахожусь сейчас в каторжной таежной тюрьме Нижняя Тура. От нее до железной дороги верст двести. Несчастных здесь видимо-невидимо. Убийц, грабителей с большой дороги в нашем бараке на пальцах перечесть, разуваться не нужно. Больше всего царевых «преступников»: наш брат рабочий, крестьянин, солдаты и матросы.

Мои соседи по нарам: слева— мужик из-под Костромы, помещика в поlyingю бросил,— поделом, тот его дочь в прислуги взял и обесчестил; справа— матрос, мухи не обидит, за справедливость страдает, не давал в обиду товарищей. Избавились от него мерзко: подбросили в тумбочку нелегальных брошюр. Десять лет каторги дали матросу за злоумышление против императорской фамилии.

Фотография своей не могу прислать, а выгляжу так — одет во все арестантское, шаровары с разрезом для кандалов, халат с тузом на спине, вместо сапог «коты» — попросту драные опорки.

На прииске всяк тюремный чин — начальник. Покажется иному, что лениво махаешь киркой,— и огребешь зуботычину. Здесь бьют молча, зло, а за что... сам разбирайся.

Случается, поем песни, только больше грустные. У одного студента из Казани хороший голос, как за поет:

Скрывается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль...»

У Надежды Кондратьевны голос дрогнул. Поликсенья Ивановна зажала платком рот. Письмо от брата, только от какого? Ивана или Василия? Николай на цыпочках вошел в комнату и подсел к столу. По морщинистым щекам матери катились крупные слезы.

— «Счет дням потерял,— продолжала Надежда Кондратьевна,— человеком чувствую себя лишь во сне... Тужу, что не довелось попрощаться с батюшкой. Письмо и справку земского доктора надзиратель в мусорную яму кинул и рывкнул: «У каторжника не должно быть никаких просьб».

Передайте кому следует на казенном: я ни в чем не раскаивюсь, товарищи могут на меня рассчитывать. О себе еще дам знать.

Переживаю сильно за брата Ивана, не знаю, как сложилась его судьба. Слышал от одного политического, что в Шлиссельбурге в соседней камере сидел Иван Емельянов, осужденный петербургской судебной палатой за участие в революционном движении на каторжные работы. Не наш ли это Иван?

Кланяюсь низко братьям Константину, Михаилу, Александру, Николаю, супруге его Надежде Кондратьевне, сестрам Параскеве, Елизавете, Варваре.

Остаюсь любящий вас сын Василий».

Николай взял у жены письмо — оно было измято, на сгибах карандаш вытерся: не по почте, по рукам шло,— спросил у матери:

— Принесли на Никольскую?

Поликсенья Ивановна кивнула.

— Вечерело, вышла ворота запереть,— рассказывала она,— выглянула на Никольскую, только перекрестилась на Николая Чудотворца, тут ко мне и подходит барышня из господ, спрашивает: «Это дом Емельяновых?» Кивнула я головой. «Мне Поликсенью Ивановну повидать»,— спрашивает она. Оторопь меня взяла: знамо, беда, подумала — с тобой что случилось, черносотенцы убить и «петуха» напустить грозились, а барышня ласково: «Не волнуйтесь, привезла письмо от вашего сына Василия». Мне бы в ноги ей, а я стою — и пальцем шевельнуть не могу. Помахала она на прощанье — и будто ее и не было.

— Из каторжан кто-то на волю выбрался,— сказал Николай,— а письмо Васино я с собой возьму, еще помнят его у нас в мастерской.

Надежда Кондратьевна унесла на кухню подогреть самовар,— чувствовала, до ночи затянется разговор.

Садись за стол, когда на дорожке к дому послышались быстрые шаги. Вошел Зоф.

— К чаю угодил, садись,— пригласил Николай.

— Можно к чаю,— сказал Зоф,— можно сегодня и

рюмку. Прямо с поезда. Царя отставили от престола. Запасай, Поликсенья Ивановна, крупчатки на пироги. Скоро сыновья вернутся с каторги домой.

У Надежды Кондратьевны была припрятана сороковка спирта — на случай простуды. Разбавила водой, подала на стол. Выпила рюмку Поликсенья Ивановна и заплакала, — дождется она сыновей, а старик преставился не попрощавшись.

Зоф и Николай сразу ушли. По дороге на завод кое-кого оповестили. В эту ночь красногвардейцы взяли под свою охрану мастерские, арсенал, почту, телеграф, вокзал, железнодорожные мосты, разоружили солдат Вологодской дружины и местную команду. Из арсенала вывезли пятнадцать тысяч винтовок, сто девяносто тысяч патронов. Большую часть отправили в Петроград.

К вечеру на Выборгской улице появились первые рабочие милиционеры, в штатском, с нарукавными повязками.

Арестовав жандармов на станции Белоостров, оружейники выставили своих людей на пропускном пункте финляндско-русской границы. Одновременно были заняты посты Редуголь и Дюны, чтобы помешать богачам вывезти золото, драгоценности, картины в Финляндию.

В штабе Петроградского военного округа действия оружейников называли возмутительным беззаконием. Генерал Алексеев потребовал, чтобы рабочие ушли из таможни. Зоф на это только посмеивался: гневается генерал, значит, хорошо закрыли границу.

6

Из церковных празднеств Николай недолюбливал пасху. На улицу не выходит — лезут христосоваться. Но жене перечить не стал, когда она опустила четыре десятка яиц в коричневый настой луковых перьев. Зайдет же мать христосоваться с Надеждой, ребятами. Творогу и крупчатки прислала старая на пасху и куличи. Голодное время, а где-то выменяла: как не побаловать внучат в праздник.

По улице прошла к Разливу веселая компания. Стройно подтягивали в такт гармошке звонкие голоса:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.

— Учительница пуше всех заливается,— сказала Надежда Кондратьевна. Николая потянуло к окну. За штакетником он увидел Зофа.

— Вячеслав пришел, Надя,— сказал неуверенно Николай. Как в гости звать — хозяйка еще не управилась.

— Зоф? — переспросила Надежда Кондратьевна, взглянула в окно.— Верно, Вячеслав Иванович. Зови, найду и без пирогов чем угостить.

Вышел Николай на крыльцо, приглашает в дом, а Зоф к себе манит.

— Надевай праздничную тройку,— сказал он.— В депутацию тебя и твоего брата Василия выделили.

Зоф рассказал, что поздно вечером из Финляндии через Белоостров в Петроград проследует поезд, на котором возвращается из эмиграции Ленин.

— Поможешь нам,— просил Зоф,— ты же встречался с Владимиром Ильичем.

Первый день пасхи, завод не работал, а люди стекались к главной проходной. Приходили справляться — по расписанию ли идет поезд, как долго стоянка в Белоострове.

Первоначально партийный комитет думал послать делегацию человек в пятьдесят — семьдесят, а составили список — получилось много больше, на том и остановились. Ленину будет приятно на первой русской станции встретить столько единомышленников.

Николай договорился с чиновником из дирекции Финляндской железной дороги. На заводскую ветку было подано несколько платформ. Разместились просторно, все в праздничном, у многих в петлицах красные банты. У Василия и Ивана Степанова, молодого токаря, подснежники.

Машинист дал свисток — и застучали колеса. На первой платформе запели:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Николай, казалось, ничего не видел и не слышал. Он, задумавшись, стоял у борта платформы. Одиннадцать лет минуло после встречи с Владимиром Ильичем на даче «Ваза». И вот сбылись его пророческие слова. В России пало ненавистное самодержавие.

— Подпевай,— задорно крикнул Ноговицын, тронул Николая за плечо. Он громко подхватил:

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут...

В Белоострове было необычно оживленно. Особняком на платформе держались местные жители и небольшая группа крестьян,— четверо были в пальто, а один в полушубке, в валенках, подшитых красной резиной,— ходоки крестьянские из Петроградского уезда, вконец потерявшие надежду обзавестись собственным наделом земли.

Приехали встречать Ленина делегация рабочих Петрограда, представители Центрального и Петербургского комитетов РСДРП Сталин, Коллонтай. Была здесь и Людмила Сталь, давний друг семьи Ульяновых. Среди встречающих Зоф узнал Марию Ильиничну, сестру Ленина. Она волновалась, теребила перчатку, нетерпеливо вглядываясь в нескончаемую железнодорожную просеку на финской стороне.

До прихода скорого поезда из Торнео оставалось около часа. Оружейники не разбрелись, держались вместе, только Василий нет-нет и выбежит на рельсы посмотреть, не идет ли поезд.

Украдкой поглядывал на часы Николай, хотя и скрывал волнение. Из всей делегации оружейников только он и брат Василий знакомы с Лениным. Может быть, Владимир Ильич забыл их? Жаль, что среди встречающих нет Григория Ивановича. Где-то под Луцком командует он батареей.

Наступили сумерки, заморосил дождь. Оружейники остались на месте, боясь упустить минуту, когда через мост пограничной реки Сестры проскочит паровоз.

Наконец вдали показались огни паровоза. Вот поезд миновал последнюю финскую станцию...

Торжественно звучали слова «Марсельезы». Их не заглушал шум подходившего из Финляндии поезда. Владимир Ильич стоял в тамбуре. Он был в новом демисезонном пальто, с непокрытой головой.

Встречающие всколыхнулись, потеряли строгие очертания и шеренги оружейников, все сбились в празднично ликующую толпу. Под разноголосое «ура!» в воздух взлетели кепки, шапки, фуражки, солдатские папахи.

Владимир Ильич был обрадован, чуточку смущен и растерян. Он, видимо, ждал на границе только родных и товарищей из «Правды».

Поезд из Финляндии — обычный, по расписанию стоит он здесь минут сорок, ровно столько, чтобы паровозной бригаде набрать воды, а таможенникам произвести досмотр и проверить у пассажиров документы.

Несколько человек с Сестрорецкого завода раньше других оказались у вагона. Владимир Ильич узнал старшего Емельянова, поздоровался.

Николай растерянно смотрел и молчал, Ноговицын незаметно подтолкнул его.

— Владимир Ильич, сестрорецкие оружейники приглашают перекусить с дороги, — нашелся Николай.

Хороший русский обычай — хлеб-соль. Владимир Ильич улыбнулся, рабочие это приняли за согласие. Николай, Василий, Ахропотков, Ноговицын и еще кто-то двинулись вместе с Лениным к вокзалу.

Многих рабочих интересовало, как за границей встретили весть о Февральской революции. Ноговицын спросил об этом у Ленина. Владимир Ильич рассказал о значении революции в России для международного пролетариата.

От ужина Владимир Ильич отказался, но с удовольствием выпил стакан чаю, затем он прошел в комнату, где проверяли паспорта.

Быстротечны минуты встречи в Белоострове. После первого удара станционного колокола Владимир Ильич направился к платформе.

В вагоне, в котором ехал Ленин, запели «Интернационал». Провожающие, скинув шапки, шляпы, кепки, папахи, подхватили гимн.

Поезд уходил в Петроград. Владимир Ильич стоял на площадке, приветствовал тех, кто первыми радостно встретили его на русской земле.

Борьба пролетариата в России за свои права еще не окончена: продолжается мировая империалистическая война, земля по-прежнему у помещиков, заводы, фабрики и банки — у капиталистов.

7

На первомайской демонстрации Кубяк простудился. Утро было весеннее, теплое, он надел летнее пальто. Едва начался митинг, солнце спряталось за тучкой и больше не показалось. Стало ветрено, небо потемнело, повалил густой мокрый снег.

Зоф звал к себе обедать, Кубяк отказался, тянуло домой — отлежаться. Последние дни он провел среди солдат гарнизона, вчера допоздна был в читальне, где разучивали «Интернационал».

Ночью поднялся жар, на рассвете Кубяк кое-как

оделся, а выйти из дома не смог: болело все тело, кружилась голова.

Зоф ждал Кубяка у фурштата. Прошли приехавшие на поезде из Петрограда. Проковылял на деревянной ноге однорукый инвалид в солдатской шинели. В пятнадцатом году мастер образцовой отправил его в маршевую роту. Полчаса он воевал, а калекой остался на всю жизнь, теперь ездит в столицу побираться. А Кубяка все нет: человек он обязательный. Что-то случилось?

Обрадовался Зоф, заметив, что с вокзальной стороны показался Николай.

— Из град-столицы? — спросил Зоф.

— Ближе, — отозвался Николай, — в Курорте у кондитера на даче замок менял.

— Кубяка, случаем, не встретил? Условились, уже четверть часа лишних прождал. Не хочу каркать, наверно, приболел. Вчера легко был одет.

У Зофа было неотложное дело в Белоострове, Николай вызвался проведать больного. Кубяк недавно сменил квартиру, теперь жил в Лисьем Носу. Комната там стоила дешевле, да и удобнее было ему держать связь с Петербургским и Центральным комитетами партии.

Адреса точного Николай не знал, но первый же встретившийся рыбак показал ему дом Кубяка.

В небольшой комнатке, оклеенной дешевыми обоями, стояла узкая железная кровать, громоздкий комод и табуретка. Кубяк лежал, накрывшись ватным одеялом.

— Зоф прислал? Подвел я его, — заговорил хрипло Кубяк. — Не повезло, время жаркое, а я слег.

Зоф просил Николая узнать у Кубяка, как проходит закупка картошки под Ямбургом, а он недослушал, горячо заговорил:

— У Временного правительства оружейники вот тут сидят, — Кубяк откинул одеяло, шлепнул себя по затылку. — Попали мы в категорию неугодных заводов.

— Тюрем у них хватает, по наследству получили, — сказал Николай.

— Напрасно ты так, во Временном правительстве не дураки собрались, коварства им не занимать. Используя перебои с продовольствием и углем, решили разгрузить Петроград — эвакуировать наиболее революционные воинские части и заводы. Намечен к высылке и наш оружейный.

Ошеломила новость Николая. При Романовых — и то, разряжая революционную обстановку, высылали из

Сестрорецка партиями по двадцать — пятьдесят человек. А тут сразу весь завод — свыше четырех тысяч рабочих, да еще и семьи...

— Одним ударом,— продолжал Кубяк,— «временные» хотят развалить революционный коллектив, закрыть арсенал. Им хорошо известно, откуда поступают винтовки в отряды Красной гвардии. Вот, дорогой Николай Александрович, какова ситуация, а я некстати заболел.

Квартирная хозяйка принесла в стеклянной банке клюквенный морс. Кубяк жадно выпил и заговорил энергичнее:

— Нельзя позволить правительству закрыть завод. В Сестрорецке не только винтовки, но и преданные люди. Такие делают революцию.

— Не позволить закрыть завод, но как? — недоумевал Николай.— Завод казенный: рассчитают, станки погрузят на платформы — и вся песня.

— Сколько штыков могут выставить оружейники? — спросил Кубяк.

— Семьсот, не меньше,— Николай задумался,— коли сочувствующих присчитать, то еще сотня наберется.

— Это сила,— Кубяк ободрился,— и слесарями не обижены, стоит в нескольких местах разобрать рельсы на Финляндской дороге — и вагонам не пройти на заводскую ветку.

— Хитро придумано! — воскликнул Николай.

С час пробыл он у больного. Старался ничего не упустить, все запомнить.

...Вечером в Сестрорецке от дома к дому шли Зоф, Андреев, Ноговицын. Разлив и Тарховку взялся обойти Николай. Здесь лучше него никто не знал, в какой дом можно войти, в какой — нельзя.

Начальник завода был взбешен. Откуда рабочим стало известно секретное распоряжение Временного правительства об эвакуации завода?

— Хозяин завода — казна! Прикажет — и рассчитаем,— ответил делегации рабочих генерал,— прикажет — и съедем с квартиры. Правительство больше нас знает.

Спорить с генералом было бесполезно: он не замечал перемен на заводе. Раболепно служил царю, теперь так же служит Временному правительству.

Спустя несколько дней оружейники на собрании заявили генералу, что не позволят закрыть завод, что по-

пытка разгрузить Петроград от значительной части петроградского революционного пролетариата носит контрреволюционный характер. Предложили разгрузить столицу за счет людей, не занятых в промышленности: выслать биржевых дельцов, фабрикантов, заводчиков, спекулянтов.

8

Еще с вечера на заводских улочках была чистота, как в первый день пасхи. На оружейном готовились к встрече высокого гостя: социалиста — министра по делам снабжения французской армии Альбера Тома. С утра на кухне в генеральском особняке хозяйничал повар из ресторана «Семирамида». В оранжерее садовник наметил к срезке лучшие розы: возможно, что гостя привезет посол Морис Палеолог.

Генерал явился на завод в парадном мундире, при регалиях. Его ждали офицеры.

— Господа,— начал он торжественно,— не посралим традиций, примем гостя из дружественной Франции с присущим русским хлебосольством.

Офицеры, мрачно насупившись, покидали контору. Не утихло в мастерских возмущение от ноты Милюкова о верности союзникам и тайным договорам царского правительства.

В тот час, когда генерал инструктировал офицеров, как принимать высоких гостей, в кладовой инструментальной мастерской тесным кружком на перевернутых ящиках сидели рабочие социал-демократы: Кубяк, Зоф, Андреев, Ноговицын, Творогов и Николай Емельянов.

— Можно, конечно, бойкотировать встречу француза, большего генерал и не желает. Начальник охраны сгонит на двор служащих конторы, сами подойдут мастеровые оборонцы, эсеры и меньшевики. Этой шушеры наберется сотни четыре-пять,— знакомил товарищей с обстановкой Зоф.— Местные проповедники войны лоб расшибут в усердии. По команде газеты забьют во все колокола: мятежный Сестрорецкий оружейный — и то высказался за войну до полной победы. Это аукнется не только в России, но и в Париже, в Лондоне.

— Котелок у нашего генерала варит,— заметил Николай.

— Провокация задумана повыше, Керенским,— поправил Зоф.— Невероятно, но мы заинтересованы, что-

бы больше собралось рабочих на патриотический митинг. Там-то и поднесем французскому «другу» пиллюлю.

Остроумный ход наметил Зоф. Сразу же Ноговицын, Андреев и Творогов ушли в мастерские. Зоф задержал Кубяка и Николая.

— В пику георгиям победоносцам неплохо бы свою резолюцию сочинить.

— Не скромничай, уже набросал? — спросил Кубяк. — Читай, что не так — поправим.

У Зофа проекта резолюции не было. Он знал про приезд Альбера Тома, знал, как в ночной час трогательно его лобызали в парадных комнатах Финляндского вокзала первые министры Милюков, Коновалов и Терещенко, но желание француза встретиться с сестрорезчиками оружейниками и для Зофа было неожиданным.

— Давай, пиши. Начни с оценки войны: грабительская, империалистическая. Во имя чьих интересов умирают на фронте русские, англичане, французы, немцы...

Зоф молча записывал.

— В резолюции непременно надавать оплеух проповедникам трогательного единения рабочих с буржуазией, — продолжал Кубяк.

Записав предложения Кубяка, Зоф уставился на Емельянова.

— Гадаю, к месту ли, — Николай запнулся.

— Все к месту, лишь бы хребет свернуть войне и министрам-капиталистам, — ободрил Кубяк.

— Потребовать немедленно опубликовать тайные царские договоры, — добавил Николай.

...Альбера Тома сопровождали генерал, полковник и офицеры в форме французской армии, были в свите и штатские из посольства.

Площадь у конторы не вместила мастеровых, чуть не до часовни запрудили главный проход. Начальник завода и французский министр, человек средних лет, неброский, похожий на чиновника из попечительства, вышли на балкон.

— Имею честь, — заговорил генерал, — представить вам министра дружественной Франции, верного союзника России Альбера Тома.

Учтиво поклонившись на три стороны, Тома, призывно вскинув руку, заговорил. И сразу он преобразился — живой, энергичный. Французского языка никто из рабочих не знал, но слушали молча и напряженно,

— Позвольте мне высказать свою радость: с падением монархии сметены преграды на пути к еще более тесному объединению России и Франции. Но наша общая радость омрачена. Почти три года сильный и злобный враг топчет русскую и французскую землю. Замыслы кайзера известны: он намерен подмять Францию, отторгнуть ее богатейшие владения, в России он намерен восстановить монархию, строй мертвый, отживший.

Не сбудется коварство кайзера. Многострадальная Россия постоит за свою землю и свободу. В этом ей поможет Франция.

Сейчас все мы — солдаты. Нужно, чтобы каждый русский и француз чувствовали свою ответственность за нашу победу над жестокой Германией. Весь мир знает, что вы изготовляете замечательные, безотказные трехлинейные винтовки, — делайте их больше, армия, народ, потомки скажут спасибо...

Но переводчика мастеровые слушали плохо.

Генерал, сладенько улыбаясь, что-то доверительно сказал Альберу Тома, видимо выдав гнев и шум за патриотические чувства.

Альбер Тома, широко вскинув руки, воскликнул:

— Будем верны тройственному согласию — России, Франции и Англии, будем воевать с Германией до полного ее разгрома.

Теперь оружейники и без переводчика поняли — министр-социалист за продолжение войны. В огне страшной войны сгорят еще миллионы французов, русских, англичан, немцев.

— В окопы всю министерскую шатню! — крикнул Николай.

— На передний край всю шайку-лейку тройственного согласия!

Кто это крикнул, Николай не заметил, но он увидел, что генерал подозвал к балкону начальника охраны.

Три резолюции. Одну, желательную военным союзникам, зачитал офицер. Оборонческую, с уговорами поддерживать Временное правительство и всеми силами защищать отечество, проз читал с надрывом эсер из замочной мастерской.

Больше всего голосов собрала резолюция социал-демократической организации завода. Она потребовала поставить на обсуждение Петроградского Совета вопрос о немедленном окончании мировой войны.

Огорченный Альбер Тома поспешил во французское посольство, куда вот-вот должен приехать на свидание с ним Вандервельде, лидер II Интернационала.

9

В минувшее воскресенье Николай навестил в лазарете на Крестовском острове приятеля, еще недавно работавшего в аэропланых мастерских. Тот лежал, осунувшийся и похудевший, в палате у раскрытого окна, выходящего в старинный сад. Всего три шага сделал по «ничейной земле» — и остался без ног.

Калека... Сколько их в России — безногих, безруких, слепых? Миллионы!.. Когда же конец? В России раздавлена монархия, а бойня продолжается.

Выйдя из лазарета, Николай не спешил на конку. Побродив в сосняке, выбрался на остановку. Он был так задумчив, что не заметил, как подошла конка.

— Оттуда, браток? — окликнул его кучер и кнутовищем показал на проглядывающее среди зелени кирпичное казарменное здание. — Как с кладбища люди возвращаются.

Вчера мать отмечала третью годовщину смерти мужа. Надежда Кондратьевна проканителелась с ребятами, едва-едва успели к началу службы. На паперти и в церкви было много военных. Отпевали подпоручика, погибшего на Молодечно-Виленском направлении. Девятнадцатилетнюю вдову вынесли без памяти из церкви.

До конца службы не выстояла Надежда Кондратьевна. Жара, запах ладана, приглушенные рыдания — ей стало дурно. Следом выбрался на паперть Николай.

— Пройдемся к заливу, — предложил он, — там по свежее.

В Дубках, на тенистой аллее, они встретили пышнотелую девицу, затянутую в корсет, в компании Грошикова. Они весело собирали пожертвования раненым Кронштадтского лазарета. Девушка, одаривая дежурной улыбкой, прикалывала трехцветные флажки прохожим, а купец с поклоном подставлял кружку.

— Кто воюет, а кто представляется патриотом, — разозлился Николай. Он вспомнил разговор в вагоне в канун мобилизации.

И вот снова эта девушка, вырядившаяся под гимназистку: на ней была соломенная шляпа с вычурно вы-

гнутыми полями, а в тощие косы вплетены белые банты. Распахнула калитку, взбежала на крыльцо. Под мышкой держала папку, в вытянутой руке — непроливайку и вставочку.

Надежда Кондратьевна не пустила девицу дальше кухни. Та брезгливо оглядела обеденный стол, дотронулась кончиками пальцев до клеенки.

— Фуляровым платком, барышня, проведите по столу, не запачкаетесь, — с вызовом сказала Надежда Кондратьевна.

— Это прошение, а не счет прачки, — девица вспыхнула. — Надеюсь, мадам, вам дорогá Россия?

Девица обмакнула вставочку в чернильницу, ткнула пальцем в низ прошения, где уже было десятка полтора подписей.

— Здесь распишитесь.

Медлительность Надежды Кондратьевны девица приняла по-своему.

— Неграмотная — поставьте три креста, — снисходительно разрешила она.

— В гимназию не бегала, а грамоте насколько нужно обучена, — сказала Надежда Кондратьевна и положила вставочку на угол стола. — Позвольте уж прочитать прошение, своей головой живу, сама решу, стоит ли прикладывать руку.

Перепудренное лицо девицы вспыхнуло.

— Промение подписали госпожа Смолкина, племянница командира крепостного района, балерина Мариинского театра, — перечисляла она раздраженно.

— Барыни свои и чужие мне не указ, — Надежда Кондратьевна положила перед собой прошение, отдернула занавеску — на кухне посветлело.

— «Девыцы и женщины, проживающие в Сестрорецке и поселках, — читала медленно вслух Надежда Кондратьевна, — спрашивают вас, военный министр Керенский, по какому праву противитесь составлению закона о привлечении к воинской повинности женщин и девиц. Разве мы не свободные гражданки, разве мы не патриотки, разве мы не способны на отважные подвиги?»

— Мокрохвостки бесстыжие, ума нет, чтобы вытребовать с фронта солдат, — сами просятся на войну. Мало германцы мужиков поубивали и покалечили, — заругалась Надежда Кондратьевна. — Кофточки, лифчики прачкам отдают стирать, а туда же... В Козьмы Крючковы. Моду взяли по домам шляться: то на заем свобо-

ды, то еще с каким побором, а теперь совсем свихнулись...

— Боятесь поставить подпись? — проскрипела девица. — Уверяю, вам не грозит мобилизация. Просим брать на войну женщин и девиц от восемнадцати лет до двадцати одного года.

Надежда Кондратьевна кинула взгляд на девицу.

— И ты, голубушка, давно не невеста. Себя тешишь, а парней не проведешь.

— Грубиянка, пожалуюсь!

— Беги, жалуйся самому Керенскому! — Надежда Кондратьевна распахнула дверь.

Девица опрометью кинулась из кухни, Надежда Кондратьевна — за ней на крыльцо, крикнула вдогонку:

— Побеспокойшь еще — крапивы нарву и под подол запыхаю.

На улице в тот час не было прохожих, но кто-то, видимо, наблюдал со двора за бегством девицы. Николай узнал об этом от Анисимова, когда встретился на заводском дворе.

— Знатно твоя супружница турнула девку, посулила крапивы напихать, — говорил Анисимов. — У Смолкиных отпаввали дуру валерьянкой.

— С крапивой хорошо, — похвалил Николай.

— Следовало эту потаскуху поучить, чтобы не шастала по чужим дворам, но беда — доктор Соловьев ей благоволит, — сказал Анисимов, — натравит свою черную сотню, счета сведут, как с оружейником Хлебовичем. Помнишь ведь, черносотенцы подстерегли его на кладбищенской тропинке, били смертно, затем бросили в яму, завалили хворостом и осиновый кол воткнули.

— Не из пугливых, — сказал Николай.

С гудком вышел из проходной Николай, а Зоф уже его поджидал на горушке.

— Попутчик, в твои края, — сказал он.

Николай догадался: о чем-то серьезном потолковать Зофу нужно. Неожиданно три брата Федоровы-Быки вынырнули из толпы — и к ним. Братья подрались откидать горбыли у пилорамы на лесной бирже.

Зоф не знал, как от них избавиться, насупившись, молчал. Быки этого не заметили, наперебой рассказывали, как Кучумов нанял тапера из курзала и разучивал «Марсельезу». Забавно, но у Зофа были дела поважнее.

У пешеходного моста Быки свернули в проулок, Зоф заговорил сразу и откровенно:

— Та потаскуха, которую твоя Надя турнула, не из простых, отец у нее в генеральном штабе служит. Случай в Разливе представим, как ссору — схлестнулись две бабенки. Супругу предупреди, организации нужно, чтобы Емельяновы поменьше внимания к себе привлекали. В 1905 году у тебя в доме был штаб дружины, и ни один шпик не догадался. Сейчас события грозные надвигаются, в запасе нужно иметь надежную явку. И еще Кубяк просил передать: Кондратий твой чудит, связался с анархистом из Кронштадта. Странная у этого матроса фамилия — Веник. Похоже, что это прозвище. Прохвост собьет парня с пути.

— Втолковывал, Кондратию кажется, что справедливость в России просто установить, царя-то нет. Дурень, мал еще, а душа хорошая, весь в деда, свободолюбивый. Выберу времечко, возьмусь за него.

— Не откладывай, Веник опасный прохвост, — предупредил Зоф и, распрощавшись, направился к лодочному причалу — там его поджидал связной Петербургского комитета партии.

10

Под утро Надежду Кондратьевну разбудили приглушенные стоны за стеной. Она потолкала мужа, он перевернулся на бок и засопел. Николай припелся домой ночью, голенища сапог до верха заляпаны глиной, рубашка засолонела от пота. Винтовки и патроны прятывали. В Ермоловке у лавочника сын поступил в Михайловское юнкерское, в субботу наезжает с приятелями. Из окна его комнаты виден погреб — тайный арсенал.

Стон за стеной затих, — кто-то из ребят во сне кричал. Надежда Кондратьевна задремала, разбудил ее возглас: «Мама!» Чей это голос — спросонья она не разобрала, вскочила с постели, трясушимися руками зажгла лампу. В постели метался Гоша, подушка и простыни валялись на полу.

— Захворал, малыш? — Надежда Кондратьевна поправила постель — жара нет, а ребенок корчится. — Где болит?

— Еж в животе, — Гоша всхлипнул.

Надежда Кондратьевна давно уже ничему не удивлялась, в доме росла орава мальчишек.

— Вкусный еж? — спросила она.

— Не е-е-л, сам заполз,— Гоша еще громче всхлипнул.

— И висколючко не попробовал? — массируя ребенку живот, Надежда Кондратьевна допытывалась: — Волчьими ягодами угощался?

— Крепость на косе строили, там нет волчьих ягод. Массаж подействовал, боль несколько утихла. Гоша положил голову на колени матери.

— Пил грибной квас,— Надежда Кондратьевна видела, как кухарка Смолкиных вынесла мальчишкам огромный медный ковш.

— Анисимовские пили, а мы с Колюхой по воблине смолотили,— пробормотал Гоша.

Напоив теплым молоком сына, Надежда Кондратьевна перенесла его в большую комнату на диван, прилегла рядом.

Проснулась она поздно. Николай сам разогрел еду, ушел на завод. Приходила чухонка, оставила кринку молока на крыльце.

Собрав завтрак, Надежда Кондратьевна заметила неладное с ребятами: Сергей очень угрюм, глаза воспалены. Коля скрюченный и за стол не сел. Кондратий, вечно куда-то спешивший, ел вяло жареную картошку. Лишь Толя съел свою порцию и попросил добавку. Всяко бывало в большой семье. Коля зимой на ногах перенес инфлуэнцу,— но чтобы сразу заболели четверо...

Кондратий хмурый — понятно: была крепкая взбучка от отца за приятельство с анархистом.

— Соскучился по Венику окаянному? — прикрикнула она на Кондратия, ожидая, что тот вспылит. Тогда будет ясно, болен сын или хмур — с отцом нелады.

Кондратий с отцом жарко схватывался, а матери не перечил, хотя она нередко грозила обломать грязную швабру о бесстыжую голову анархиста, только бы попался ей под горячую руку.

— Животом маюсь,— признался Кондратий.— И Серрежке было муторно, подушку грыз. Когда Гошу уносила, мы не спали, притихли, боялись напугать, думали, до ветру побегаем — пройдет.

«Животы у четверых разболелись, с чего бы?» — недоумевала Надежда Кондратьевна. Обед готовила не на особицу. Все ели грибной суп и жареного окуня. Грибы чистые, рыба ночного улова. Строила она дальше догадки: наелись мальчишки вредных ягод в лесу. Набегавшись, пили воду на болоте. Разве сознаются? Причи-

на словно и найдена, но сомнение ее не покидало — Гоша не товарищ старшим братьям.

Она напоила ребят молоком и больше не докучала им расспросами: придет отец со сменой — дознается.

У плиты Надежда Кондратьевна перебрелась, захотела пить, кипяченой воды в доме не было. После завтрака Кондратий выбил угли из самовара, празднично начистил и положил на траву проветриться. Зачерпнув ковшом из ведра, она жадно глотнула и отпрянула: горьковата, затошнило, едва добежала до лохани.

Кондратий божился, что ведро ополоснул и воду брал не с протоки, а из колодца. Не связана ли внезапная болезнь сыновей... Предположение страшно, Надежду Кондратьевну схватил озноб. За неделю до пасхи черносотенцы отравили у них корову.

Выплеснув воду из ведра, Надежда Кондратьевна подняла из колодца свежей, попробовала и выплюнула: что-то подмешано. Отравлен колодец?

Мальчишки таинственно исчезли из усадьбы. Дома был только Санька. Он отсыпался после ночной смены. Надежда Кондратьевна растолкала его, наказала разыскать братьев и вычистить колодец.

Коля, Сергей, Толя и Лева были на озере. Сынишка смолкинской кухарки видел Кондратия и матроса, они пробирались задами к вокзалу.

— Паскуда, больного — и то выманил из дома, — ругалась Надежда Кондратьевна, — не я буду, если не вылью ушат помоев на отпетую голову анархиста.

Сергей и Коля косились на старшего брата, были недовольны, что он их позвал домой: они камнями подбивали к берегу шальное бревно.

— Вычерпайте затхлую воду, очистите колодец и отправляйтесь на все четыре стороны, — прикрикнула Надежда Кондратьевна на бунтовавших сыновей.

Ведер тридцать ребят подняли из колодца, прежде чем вода потемнела.

— Скоро и дно покажется, вода с песком пошла, — определил Санька; он был за старшего — устанавливал очередь, разбирал на ходу возникающие конфликты.

Опустив ведро во взбаламученную воду, пошарив по дну колодца, Коля радостно крикнул:

— Нашел!

Ребята облепили колодец, мутная вода то прятала, то показывала бок жестяной банки. Как Коля ни приотраивался, а не удалось ее зацепить ведром,

Санька разулся, закатывал штанину, Коля с досады, что отберут находку, изловчился, и банка очутилась в ведре.

Вытащив ведро, он не донес до желоба, вылил у колодца. В грязной луже, как большая рыбина, блеснула острыми прорезями прямоугольная банка, Сергей схватил, понюхал.

— В сортире на станции так воняет!

Через прорези банки проглядывался смыленный желтоватый брусок.

На шум выскочила из дома Надежда Кондратьевна. В глазах у нее потемнело, прислонилась к забору. Изверги — отравили колодец. Придя в себя, она отобрала у сыновей банку, заперла в чулан и велела молчать: отец решит, как дальше поступить.

Как назло, Николая оставили на сверхурочные, дома появился близко к ночи. Неярко на кухне светила лампа, но от него не ускользнуло, что жена сама не своя, самовар разжигала будто впервые в жизни.

— Набезобразничали? — Николай кивнул на комнату, где спали старшие сыновья: — Забрэжит — подыму, заставлю чертей сажень дров порезать, расколоть и сложить в поленницу.

— Чудится, весь день при доме были, — заступилась Надежда Кондратьевна. — Подогреть рыбу? В плите дрова, лучинки положены.

Мальчишки, выходит, не провинились. А что-то в доме случилось. Неужели наведалься каретник? Так он прозвал богатого свояка, хотевшего увести Емельяновых от социал-демократов.

Коротким ухватом Николай достал из духовки скоророду, взял рукой рыбину.

Надежда Кондратьевна ушла в комнату, разобрала постель, но знала — не уснет; днем она не успела пришить кружева к новым наволочкам, выложила на стол шитье.

Наскоро отужинав, подсел и Николай, выкрутил фитиль в лампе, развернул газету; было не до чтения.

— Давай, Надя, начистоту, а то проворочаешься до утра и мне ночь испортишь.

Надежда Кондратьевна принесла из чулана банку.

— Гостинец подбросили в колодец, вода порченая. Помучились мальчишки, животы расстроились.

Николай понюхал обмылок.

— Дешево отделались. Руку, видимо, приложили те,

кто весной корову прикончил. Вкусная вода в колоде, а придется засыпать, близко он стоит от забора. Есть ведь яды — ни на вкус, ни на цвет не распознаешь. Покажу Зофу, — сказал Николай. — Колодец замкну, воду берите у соседей.

Он открыл банку клешами, вытащил остро, тошнотворно пахнувший обмылок.

11

Накануне Свердлов был на явке за Невской заставой, искал надежную квартиру Левину. Нашел было у старого обуховца, но придется отказаться. Неприятная парочка — кукольная блондинка и юнкер — вязались за ним от самой церкви «Кулич и Пасха». У фарфорового завода Свердлов сел в паровую конку — как только она тронулась, успели прыгнуть юнкер и девица.

Широко раскрыв свежий номер «Биржевки», Свердлов украдкой изучал «ряженных»: топорная маскировка. На девице — платье из темно-вишневого шелка, отделанное дорогими брюссельскими кружевами. Оно долго лежало в сундуке, острые духи не убили, а только приглушили запах нафталина. У юнкеров считалось особым шиком за стенами казармы лихо заломить фуражку, а у этого сидит, как на манекене в полковой швальне.

Где они его засекали? На явочной квартире? Со старым обуховцем? Свердлов тщательно анализировал каждый шаг, как только вышел из дома.

У самого Свердлова была легальная квартира, но зачем тащить за собой шпигов, открываться? Пока он был в выигрыше, но один неверный шаг — и можно очутиться в худшем положении. Как ему провести ряженных? Надумал он поехать до Знаменской площади и скрыться в толпе Николаевского вокзала. Там-то он хорошо знал переходы и выходы.

Конка подъезжала к Семянниковскому заводу. Неожиданно небо потемнело, в открытые окна вагона хлестнул косой дождь. Вода попала девице за воротник, она вскрикнула, юнкер вскочил и закрыл окно. Свердлов, держа газету, пересел ближе к выходу. И тут родился план: прыгнуть с конки за мельницей. В случае погони можно спрятаться в каком-нибудь склепе Александровской лавры.

Проехали мельницу. За окнами конки надвигались приземистые хлебные амбары, ломовые подводы вытя-

нулись до набережной Обводного канала. Свердлов быстро выбрался на площадку, прыгнул и шмыгнул за телегу. Когда конка свернула к Старо-Невскому, он нанял мальчишку, рыболова на лодке, перевезти его через Неву на Малую Охту. От ряженных Свердлов скрылся, но вымок до нитки. На ночь принял двойную дозу аспирина, в ноги положил горячую грелку, а проснулся разбитый, охрипший, с тупой головной болью.

В постели перелистал газеты, внимательно прочитывал заметки, в которых писали про ушедшего после июльских событий в подполье Ленина. Репортер «Копейки» взахлеб расписывал похождения ишейки Треф. Знаменитую розыскную собаку водили в дом на Широкой улице, где снимала квартиру семья сестры Владимира Ильича. Обыск проводили оголтелые юнкера. Они прокалывали штыком матрацы, подушки. Писаки восхваляли старшего дворника дома, тот сожалел — не знал-де раньше, что у Елизаровой жил ее брат, Ленин, а то бы сам, своим судом расправился.

— Травля, травля, травля, — повторял удрученно Свердлов, проглядывая «Живое слово». Ленина и большевистскую партию обвиняют в организации вооруженного восстания в Петрограде. Сфабриковано обвинение в измене России.

В Центральный Комитет поступили достоверные сведения, что генерал Половцев, командующий Петроградским военным округом, приказал командиру карательного отряда арестовать Ленина, расстрелять и объявить, что был убит при попытке к бегству.

Объявлена крупная награда за поимку Ленина. В охране Керенского служат и ловкие сыщики. Неосторожный шаг, полшага... Свердлов так реально представил себе опасность, подстерегающую Ильича!

Сложив газеты, он принял порошок и запил чаем. Головная боль немного поутихла. Свердлов оделся, а на улице опять почувствовал слабость. До Знаменской, где извозчичья биржа, далеко. Он вспомнил — в переулке возле лютеранской церкви частенько караулили седоков петербургские «ваньки».

Под дряхлой липой на козлах дремал извозчик в поношенном кафтане, цилиндре с помятыми полями. Голос у Свердлова громкий и густой, «ванька» встрепенулся, махнул кнутом и подкатил.

Свердлов велел везти на Петроградскую сторону, сказал адрес и больше не замечал ни свежей заплаты

на кафтане извозчика, ни улиц, по которым проезжали. Откинувшись на сиденье, он думал о предстоящей встрече. Прошлый раз в Таврическом дворце понравился ему приятный, ладно сложенный парень с Сестрорецкого оружейного. Удивительные у него глаза — серо-голубые, лучистые. Хотя Зоф молод, но уже сидел в тюрьме, знает законы конспирации. Кубяка на мякине не проведешь, обстрелянный подпольщик, а завидную дал рекомендацию: «Вячеславу Ивановичу Зофу можно доверить большую и малую тайну. На каторгу и виселицу пойдет во имя революции».

— Приехали, барин-гражданин-товарищ, прикажете ждать? — Извозчик приспособивался к сложной обстановке в столице. Позавчера он назвал седока товарищем — тот вместо платы за проезд дал оплеуху.

Свердлов отпустил извозчика. Бросив хозяйский взгляд на зеркальные окна второго этажа, он энергично, как к себе домой, вошел в парадную. Убедившись, что за ним нет слежки, выбрался через проходной двор на соседнюю улицу и юркнул на лестницу низкого трехэтажного дома.

Зоф на явку пришел точно. На нем была желтая нанковая блуза, черные брюки, заправленные в пропыленные сапоги. Кепку он не оставил в прихожей, — она бы очень выделялась на вешалке. Он не знал, что парадную фуражку старшего морского офицера, котелок и мягкую шляпу с широкими полями и пучком страусовых перьев купила квартирная хозяйка на Александровском рынке. Важно было любопытным соседям, домовладельцу показать, что здесь проживает семья с достатком и положением.

Взяв Зофа за локоть, Свердлов провел его к окну, усадил в жесткое кресло, себе придвинул венский стул и спросил:

— Нашли?

— На квартиру к мастеровому Емельянову Николаю Александровичу предлагаю поставить. Живет он в Разливе, в Новых местах, вроде и на отшибе, а до станции рукой подать. К усадьбе выходит протока, на лодке можно перемахнуть через озеро, а там безлюдные места.

— Знакомая фамилия, припоминаю. Игнатьев когда-то рассказывал. Это тот Емельянов, что оружие переправлял из Финляндии? Кажется, у него брат Иван сидел в Шлиссельбурге?

— У Емельяновых два брата были на каторге. Василий недавно возвратился из Нижней Туры. Сидел в тюрьме и находился в ссылке и сам Николай. На Шпалерную забирали их отца. Дом старого Емельянова на Никольской красным прозвали.

— Значит, подполье у Емельяновых надежное.

— Убежища надежнее сейчас не знаю,— сказал Зоф.— Это мнение партийной организации завода. В доме Николая в девятьсот пятом был штаб боевой дружины, в сарае — подпольная мастерская, где собирали винтовки. Надежда Кондратьевна, его жена, динамит переносила с берега Финского залива домой. Виселицы не боялась, а у нее в ту пору были сыновья мал мала меньше.

— Детей у Емельяновых много? — насторожился Свердлов.

— Бог не обидел, семеро, и все парни.

— Семеро! — воскликнул Свердлов.— У каждого по закадычному приятелю, а то и по два... Это же не дом, Вячеслав Иванович, простите, проходной двор.

— Несовершеннолетних шесть,— уточнил Зоф.— Александр, старший сын, в Красную гвардию записался. Остальные тоже в емельяновскую породу — в родителей, деда и прадеда.

Большая семья Емельяновых пугала Свердлова. «Нашли подполье», — скажут в Центральном Комитете. И обижаться нельзя, правы товарищи. В то же время он сознавал, что надежнее убежища, чем Разлив, сейчас у партии нет. Сестрорецк — это то же, что и Выборгская сторона.

— Доложу, что товарищ Зоф ручается за надежность подполья,— сказал Свердлов.

— И не только я,— поправил Зоф.— Поручительство дает партийная организация оружейного.

Подполье требуется найти поблизости от Питера и границы. Ленину надо не только скрываться от преследования Временного правительства, но и много работать, руководить партией, готовить вооруженное восстание.

— Не скидывайте со счета соседство подполья, кругом живут оружейники,— отстаивал свое предложение Зоф.— Чуть ли не в каждом доме красногвардеец, а если подсчитать сочувствующих большевикам...

Последний довод — окружение подполья — подействовал на Свердлова.

— У Емельяновых что за хозяйство? Как расположено? — поинтересовался он. — Нарисуйте дом, подходы с озера, от протоки, железной дороги.

— Рисую — хуже нельзя, — отказывался Зоф.

— В передвижки не прочу, не упускайте мелочи, они важны, — требовал Свердлов. — В подполье все нужно предусмотреть. В случае опасности — как незаметно скрыться.

— Надел у Емельяновых от казны — сто восемь сажень. На участке два дома, сарай с удобным чердаком — он может служить и жилой комнатой. На чердак вход — по внутренней лестнице. С улицы усадьбу прикрывают березы, со стороны протоки — ели. На участке много сирени. Можно скрытно пробраться к воде и на лодке выйти в озеро. Близко и приморская дорога, недалеко от станции — дом командира сотни Красной гвардии Паншина, а у самого леса живут Повалыевы, у них можно укрыться.

— Убедили, — сказал Свердлов, — жизнь торопит, Ленину в Петрограде дольше оставаться нельзя. Подполье в Разливе пока лучшее из того, чем располагаем. Но очень велика ответственность, учитите!

Свердлов постучал кулаком по острой коленке, помолчал, проверил, какое впечатление произвели его слова на собеседника, а тот был спокоен.

— Понимаете, Ленину нужно безопасное и близкое к столице подполье, — опять заговорил Свердлов. — Страна накануне важных событий.

— От Сестрорецка до Петрограда и до Центрального Комитета двадцать восемь верст, — заговорил Зоф, — по-моему, это близко. От охранки до подполья в Новых местах — тысяч тридцать верст, пожалуй, с гаком наберется. Я бы вот так считал версты.

— Буду голосовать за подполье в Разливе, — надеюсь, в Центральном Комитете одобрят арифметику товарища Зофа.

Свердлов тут же набросал план связи Петрограда с подпольем у Емельяновых и спросил Зофа:

— Где тонко? Опасно? Ругайте, не обижусь, лучше сейчас поправить.

— Есть одно обязательное условие, — сказал Зоф и замаялся. — Тайна остается тайной, когда меньше людей ее знают.

— Разумно, — похвалил Свердлов, — требуется еще и невидимая охрана.

— Посторожим,— заверил Зоф.

Провожая Зофа в прихожую, Свердлов сказал, что, возможно, в подполье уйдет вместе с Лениным еще кто-нибудь из Центрального Комитета, скорее всего Зиновьев.

12

На дворе емельяновской усадьбы Зоф построил мальчишек в шеренгу, велел рассчитаться на первый, второй. Первые номера получили жестяную коробку с леденцами, вторые — картуз пряников.

— Чужих балуешь, своими пора обзаводиться,— встретил Зофа на крыльце Николай.— В твои годы у нас с Надей была семья, один пешком под стол ходил, другой за подол держался, третий в люльке качался.

— Не мешает и мне занять мальчишку, похожего на Кондратия,— сказал задумчиво Зоф.

— Сразу в штанах навывпуск, минуя пеленки,— поддел Николай, но его поразила грусть в глазах Зофа, и он заговорил сердечнее: — За чем дело стало? Королеву сосватаем.

— Ни свата, ни свахи мне не потребуется, нашел бы, что сказать суженой, а жениться повременю,— сказал Зоф,— в моем положении долго ли угодить в тюрьму.

— Примеряйся я на Шпалерную и Александровский централ, остался бы бобылем,— возразил Николай.— Моя Надя тоже не подвержена страхам тюремным, у нас наследников целое отделение. Растут, поверь, не царевы слуги.

Тепло взглянув на сыновей, шумно деливших монпасе и пряники, Николай увел Зофа в дом.

Надежда Кондратьевна догадалась, что Зоф зашел не у самовара посидеть. Чтобы соседи не шмыгали туда и сюда, она налила ведро горячей воды, подоткнула подол юбки и принялась скрести и мыть крыльцо.

— Выставлен караул,— похвалил жену Николай.— Надя умеет без затей отваживать любопытных, полюбуйся, как отгородилась,— он кивнул на подоконник, заставленный цветами.

— На том и я строил у Свердлова защиту подполья в Разливе,— сразу заговорил о деле Зоф.

— Спрячем Ленина надежно. Как Яков Михайлович отнесся?

— Что скрывать, колебался.

— Не доверяет? — насупился Николай,

— Вот уж чего не было в нашей беседе, так это недоверия,— перебил Зоф.— Свердлову известно, что Емельяновы были на плохом счету у полиции. В доверии тебе не отказывают, но в Центральном Комитете думают, прикидывают, более конспиративного подполья еще не требовалось партии. Свердлов за Разлив, тревожит его: мальчишек в доме многовато, а коли присчитать их приятелей...

— Не бобыли с Надей и живем не на острове,— обидчиво сказал Николай.— Неужели в Центральном Комитете не поймут такой житейской истины — большая семья не помеха для подполья. Ребята мои не болтливые, на дню раз-другой на дворе в казаки-разбойники сыграют, «чижика» погоняют, так это снимет малейшее подозрение. Кто же в здравом уме станет устраивать тайную квартиру в таком содоме?

— Те же доводы и я выставлял.

— Колеблются...

— Торопиться, все правильно решат в Центральном Комитете, но не доведись беды, а то твоя и моя голова...— предупредил Зоф.

— И третью присчитай.

— Третью?— удивился Зоф.— Чью?

— Надину,— сказал Николай и с хитринкой посмотрел на Зофа.— Не волнуйся, будут целы наши головы. В моей семье умеют хранить партийные тайны. Два большевика. Надя еще при Клопове вступила.

— А Санька не в счет? — Зоф прищурил глаза, поправился: — Александр Николаевич.

— Вступил? — спросил Николай.

— Будто и не знал,— сказал Зоф и перевел разговор.— Коли с нами согласятся в Петрограде, прикинь, где поместить квартирантов. Рассчитывай, двоих к тебе поставят. И что это ты ремонт затеял не ко времени?

Николай подошел к окну и подозвал Зофа.

— Ремонт с весны затеял, не отменишь, а подполье есть где устроить,— он показал на сарай.— Два этажа.

Зоф взглянул через его плечо. Сарай стоял у самой калитки. Сыщикам и карателям вряд ли придет в голову искать здесь Ленина.

— Подполье на чердаке? — Зоф улыбнулся.— Ну, жди команды!

Прошло два дня, Зоф подстерег Николая в тихом проходе мастерской.

— Встретишь квартирантов в Новой Деревне и на «веселом» поезде привезешь к себе,— сказал Зоф.

— Поздно, ночь,— возразил Николай.

— Так решил Свердлов,— перебил Зоф,— он делает все обдуманно.

На «веселом» поезде возвращались в часть солдаты, офицеры, кутилы-дачники, загулявшие в столице приказчики и мелкие чиновники.

Надежда Кондратьевна подготовила брюки, куртки: придется переодеть Ленина. Она надеялась, что муж поможет ей по росту отобрать одежду: в апреле в Белострове он встречал Ленина.

— Прикинь, не надо ли укоротить брюки? — спросила Надежда Кондратьевна.

Николай махнул рукой: успеется.

На Приморский вокзал Николай приехал заранее, купил билеты, присмотрелся. В зале ожидания слонялись и спали на лавках солдаты, похоже — без увольнительных, здесь ожидать поезда Ленину опасно — можно угодить в облаву. Выбрался Николай на улицу, побродил по товарному двору. Нашел, как, минуя вокзал, провести Ленина прямо к платформе.

Подозрительных из охраны не заметил Николай на сонном вокзале, а волнение нарастало; только здесь, на привокзальном дворе, он почувствовал ответственность, о которой так настойчиво напоминал Зоф.

К платформе подали «веселый» поезд, началась посадка. Ленина все не было. Николай заволновался — не опоздали бы. Наконец на Новодеревенской набережной, неподалеку от Строгановского моста, он увидел несколько человек.

Хотя Владимир Ильич очень изменился — без усов и бороды, и одежда необычная: недорогое рыжеватое пальто, какие носили финские крестьяне, и темно-серая кепка,— Николай узнал его издали.

Ленин шел с человеком повыше ростом, одетым тоже скромно. Несколько поодаль — двое штатских и матрос. Их обогнала запыхавшаяся женщина, она спешила к ночному поезду.

Кто же из четверых — второй квартирант? Недалеко от вокзала от второй группы отделился человек, прибавил шаг. Николай догадался, что это был Зиновьев. Сопровождающие и матрос пошли несколько медленнее, издали наблюдая за Лениным. Пока ему не угрожала опасность.

Через товарные ворота Николай вывел своих квартирантов прямо к последнему вагону, поезд тронулся. Ленин сел на подножку — так поступали мастеровые, когда хотелось выкурить папиросу.

Поезд набирал скорость, вагон покачивало, пугливо билось о стекло фонаря робкое пламя свечи. Николай выбрал скамью у входа, сел так, что загородил проход. Он видел, как Ленин, надвинув кепку на уши, поеживался от встречного ветра, но позвать не решился: на площадке безопаснее, если появится юнкерский патруль, можно незаметно спрыгнуть. В вагоне на соседней скамье дремал калека-солдат, чуть дальше сидели два пожилых офицера, трезвые, негромко беседовали. У одного на коленях лежала газета.

Миновали Лахту. Никто не сел в последний вагон и на Раздельной. Вряд ли будет посадка в Горской. Когда «веселый» вышел из Тарховки, Николай ободрился: теперь, считай, уже дома.

Осмотрев большой дом, баньку, сарай, навес, кусты сирени, пройдя по дорожке к протоке, Владимир Ильич попросил устроить жилье ему и Зиновьеву в чердачной комнате, заметив при этом, что он любит спать на свежем сене.

Николай перенес наверх стол, стулья. Надежда Кондратьевна накрыла простыней сено, положила одеяла легкие и потеплее — ночи в июле бывают холодные.

Владимир Ильич остался доволен:

— Убедился, схорониться у вас можно. Уживемся и с ребятами. Умеют молчать?

— Надя постаралась, сорванцы ее слушаются, меня — меньше, — сказал Николай.

— Управляемая ватага — плюс, — Владимир Ильич поклонился Надежде Кондратьевне, — остается договориться, как людей ко мне пропускать; будут наведываться товарищи из Петрограда.

— По паролю, — сказал Николай. — Надежные слова придумает Яков Михайлович.

— Так, так, — повторял Владимир Ильич, в чем-то он сомневался. — Пропуском служит пароль, а надежно ли?

— Впросак не попадем, кое-чему научились в пятом и шестом у Григория Ивановича из Ахи-Ярви и Андрея.

Владимир Ильич снова пронизательным взглядом окинул двор, молодые березы, кусты сирени, сарай, сказал твердо:

— Обстановка не позволит пользоваться только паролем: Свердлов не всегда успеет оперативно его менять, а, возможно, события потребуют неотложных решений. «Правде» срочно потребуется статья.

— В подполье собираетесь работать? — удивился Николай.

— И много, — не задумываясь ответил Владимир Ильич, — революция, Николай Александрович, продолжается, важно не упустить...

Он не договорил, но Николай догадался, что Ленин имеет в виду. Таким неутомимым, нацеленным на вооруженное восстание он был и одиннадцать лет назад на даче «Ваза» и в Териоках. Жизнь у человека на волоске, а он готовится, выбирает месяц и день, когда лучше восставшему народу свергнуть Временное правительство и захватить власть в стране.

— Пройдите к тому кусту, — услышал Николай будто издали голос Ленина.

Куст сирени, на который он показывал, навис над дорожкой, ведущей к протоке.

— Поговорите с женой, — попросил Владимир Ильич и скрылся в сарае.

— Надя, — начал негромко Николай, — гусеница лист пожирает.

Он перевернул чистый, в каплях росы лист.

— Ах, господи, увядает, — воскликнула Надежда Кондратьевна, сокрушенно покачивая головой. — У Смолкина попроси порошка, он из Швеции выписывает.

— В хозяйственной лавке найдется отравы, а нет — так на Пески схожу, там запасливые мужики живут, — ответил Николай.

В проеме чердака показался улыбающийся Владимир Ильич. Сбежав вниз, он позвал в сарай обоих супругов.

— Чудесно придумали, это надежнее пароля, — оживленно заговорил Владимир Ильич, — кто бы ни приехал из Петрограда, приглашайте во двор, подводите к этому кусту сирени и начинайте расспросы про погоду, дороговизну. А я тем временем скрытно разгляжу — щелей в сарае предостаточно, — свой ли человек приехал. Дам знак — пропустите.

— Голос мой слышен? Может, нужно погромче? — спросила Надежда Кондратьевна. — К дому-то я представлена,

— Слышно. Есть просьба, старайтесь, чтобы приезжий стоял лицом к сараю.

Ленин попросил покупать ему каждое утро газеты. Семь названий записала Надежда Кондратьевна, а он добавил еще «Копейку» и «Маленькую газету».

— Я затворник, а знать должен, что происходит в столице и на фронте, какая ситуация в деревне, на заводах и фабриках, чем заняты министерства Керенского. Что происходит у эсеров, меньшевиков, октябристов, кадетов. Что происходит и по ту сторону границы.

И часа Владимир Ильич не потратил на устройство в сарае. Позавтракав, сел за стол. В первый же день он написал статью «Политическое положение», в которой поставил вопрос о всемерной подготовке к вооруженному восстанию в России.

Чтобы не бросалось в глаза, Николай велел сыновьям газеты покупать в Разливе, Тарховке, Сестрорецке, Курорте, а иногда ездить и на Раздельную. Все было учтено — так казалось Надежде Кондратьевне. Но первая же вылазка за газетами не обошлась без происшествия.

В Сестрорецке на станции Сергей купил «Биржевку», стоявший неподалеку рабочий схватил его за шиворот, отвел за товарные вагоны, — оружейники бойкотировали буржуазные газеты, — учинил допрос, кто у Емельяновых читает продажный листок. Сергей соврал, что гость Смолкиных подрядил за «Биржевкой».

Отругав Сергея, рабочий проследил, чтобы он выбросил газету в уборную, пообещал: если еще раз поймает у газетчика, надерет уши и стащит к отцу. С пустыми руками вернулся Сергей домой. Надежда Кондратьевна сама на поезде съездила в Раздельную и там купила «Биржевку».

Вечером она составила новый маршрут. Сергей в Курорте купит «Новое время». Там живут богатые дачники. Коля сбегает в Сестрорецк за «Речью», «Биржевку» и «Маленькую газету» взялся доставить старший сын. Кондратию поручили в Ермоловке купить «День»...

Пожилой солдат выбрался последним из вагона. Скатка была надета через плечо, к ремню прицеплена фляга в шинельном сукне. Видимо, он возвращался из лазарета,

Сойдя с платформы, солдат постоял, в задумчивости достал кисет, скрутил сигарку, выкурил и не спеша направился к центру. Пройдя церковь Петра и Павла, свернул к рынку. На Никольской он постучался в дом Емельяновых, попросил напиток.

Варя подняла из колодца ведро. Прильнув к ковшу, солдат косил глаза на девушку; чувствовалось, что ему надо о чем-то спросить — и колеблется.

— Кого благодарить? — решил он наконец, не выпуская ковша.

— В колодце воды не ubyло.

— Чья будешь-то? — спросил солдат. — Батка на оружейном?

— Помер отец, брат там старший Николай, а недавно и Ваню назад взяли.

— Рассчитан был. За что?

— С каторги вернулся.

— По какой статье судили?

— И не знаю, — смутилась Варя. — И Вася был забран. В Нижней Туре на каторжном приiske.

— За какую провинность братья каторгу отбывали? — солдат наводящими вопросами помогал Варе. — За грабеж — то уголовные, литературу запрещенную распространяли, бастовали — то политические.

— Про книги ничего не скажу, а винтовки тайно с отцом они собирали. Соцкий про наш дом и брата Николая, что в Новых местах, приставу доносил. При царе обыски были, со счета сбились, — разговорилась Варя.

— Политические твои братья, — сказал одобрительно солдат и спросил: — Фамилию-то какую носишь?

— Емельяновы мы.

— Справедливая фамилия. Емельяном самого Пугачева звали.

Солдат вытащил из-за голенища воблину, протянул Варе.

— Бери, красавица, гостинец, не обижай. В деревне у самого две невесты растут.

Варя взяла воблину, солдат помолчал, спросил:

— Новые места далече отсюда?

— В Разливе, через пеший мост перейти, влево взять.

— Временем таким не располагаю, Ивана и Василия вызови на двор.

Солдат повесил ковш на ведро и сел на траву. Василия не было дома, Ивана еле растормошила Варя. Наки-

нув на плечи парусиновую куртку, босой, выбрался он на двор. Солдат кивнул: садись. Иван пригласил его на скамью под рябиной. Затем Иван переоделся и ушел с солдатом.

Задами Иван привел солдата к дому, где жил Восков.

— Тут, как на духу,— предупредил он солдата.— Восков недавно у нас, но кремень. Зофу, партийному секретарю, первый помощник.

Восков был дома, разжигал плиту. Глянув в тайный глазок, он увидел Ивана, провел его и солдата в небольшую, скромно меблированную комнату. Две трети обеденного стола занимали книги и газеты.

— Откуда товарищ? — спросил Восков у Ивана.

Солдат снял скатку, приставил к стене, сам представился:

— Рядовой запасного батальона Финляндского полка, фамилия секретная, к их благородиям в полевой суд не имею никакого желанья угодить.

— Моя фамилия не секретная,— засмеялся Восков и назвал себя.— Должность моя всегда на людях.

— Слышал от Емельянова, председателем завкома на ружейном,— солдат в чем-то сомневался. Помолчав, спросил: — Властью от мира наделен?

— Мандат представить? — пошутил Восков.

— Не первому же встречному передать, что здесь храню,— солдат постучал большим покалеченным пальцем по голове.

— Обществом избран товарищ Восков,— подтвердил Иван, крайне удивленный: солдат просил проводить к кому-нибудь из ответственных Красной гвардии. Чем же вызвано недоверие?

— Проверочки достаточно устроил, теперь слушайте. Пришел я не от социал-демократов, и к большевикам не причастен, сам по себе,— заговорил солдат вдруг мягко, душевно: — С брусиловского прорыва воюю... Как и крестьянствовать — позабыл, кобылу не запрягу.

Ивану не терпелось поправить солдата: путаница у него в голове,— заметив же в глазах Воскова не удивление, а улыбку, промолчал.

— Ненароком узнать довелось: из нашего батальона карателей назначают,— продолжал солдат.— Велено разоружить вашу Красную гвардию. Велено не церемониться.

— Патронов не жалеть, так? — спросил Иван.

— Приказ не читал, врать не буду, а слышал: коль забунтуете — велено не щадить ни правых, ни виновных, — говорил солдат.

— Кого у нас усмирять? — прощупывал солдата Восков, хотя и верил ему. — Живем мирно, буржуям в курзале немножко нервы пощекотали — сами виноваты. На даче, где кондитерская, граммофон завели, пластинку поставили: «Боже, царя храни», а Грошиков, купец, додумался: когда погибшего артиллериста хоронили, вывел на террасу шансонетку и цыгана с гитарой, — Восков женским жестом оттянул штанину, насмешливо пропел: — «Смотрите здесь, смотрите там...» Парень из замочной надавал по роже купчишке, смазал и птичке певчей, а цыгана в лягушачий пруд загнал.

— Эка вина, — вставил Иван, — припугнули буржуев, и вот уже карателей шлют. Не при царе живем.

— У Сашки четвертого тоже есть подневольные, — сказал с горечью солдат. — Прикажут — и пошли, ослушаешься — под свою или германскую пулю поставят. Вот и погонят у вас винтовки отбирать.

— Винтовок много в арсенале, — хитрил Восков.

— Про те, что под замком, Керенский не печется, велит изъять те... на чердаках, в сараях, что под полом спрятаны.

— И много припрятано? — Восков не спускал глаз с солдата: не подослан ли? Нет, свой, обстрелянный, обмундирование поистерлось, руки мужицкие, натруженные.

— Около тысячи винтовок насчитали, коль не будете дураками, фигу на постном масле увезет штабс-капитан Гвоздев.

Солдат принес важные сведения. Петербургский комитет партии большевиков своевременно предупредил Кубяка, Зофа и Воскова, что июльские события сорвали маску с Временного правительства. Керенский ни перед чем не остановится, чтобы разоружить Красную гвардию Сестрорецка.

— Ждите, в ночь на одиннадцатое нагрянем. Дорога автомобильная облюбована, идем на Белоостров. Приданы бронемшины. Больше ни о чем не спрашивайте, не знаю, а выдумками не страдаю, — солдат вытащил из-за голенища кисет, сделал самокрутку в палец толщиной, прикурнул от зажигалки и попросил Ивана задержаться у Воскова. — Доберусь до станции. Патруль задержит — отбрешусь.

Выпустив из квартиры солдата, Восков вернулся.

— Взаправду потянуло порохом,— сказал он и озабоченно повторил слова солдата: — Около тысячи винтовок...

— Накостыляем,— сказал Иван и погрозил кулаком. Восков тоже поднял кулак и сразу опустил.

— Драку не резон затевать. Кровь прольют — слышал от солдата, броневики приданы, как на германца идут.

— Людей жаль терять,— согласился Иван и тут же возразил: — Сложь руки сидеть оружейникам?

— Керенский на коне, верят ему еще, он ведь призывает русскую землю и отечество защищать. Чтобы выиграть у карателей,— тихо говорил Восков,— придется нам чем-то поступиться.

— Сдать винтовки?— перебил Иван.— Это же предательство!

— Кутузов, сдавая Москву Наполеону, сохранил армию и Россию,— назидательно начал Восков и расхохотался, самому смешным и глупым показалось сравнение: Наполеон и Керенский. Полководец и брехун-адвокатик. Успокоившись, он заговорил серьезно: — Кутузовская мудрость нужна и в малом деле...

— В штабе карателей известно, сколько у нас винтовок,— разволновался Иван.— Кто-то донес.

— Возможно, и списки завели,— задумчиво сказал Восков.— Не сладим винтовки — возьмут заложников, с обыском по домам пойдут. Надо перехитрить карателей.

Восков вынул из буфета чай в железной коробке, похвастал:

— Настоящий китайский, составишь компанию?

— Да нет. В половине шестого вставать. Понадобится с братом Василием — мальчишку соседского пришлите.

— Глупо бежать, человеке, от чая с деревенскими колобками, из Райвола посылочку привезли.

— Тороплюсь, мамаша переполошится, ей все мерещится, что сыновья опять в ссылку и на каторгу угодят.

— На то Поликсенья Ивановна и мать, много горя хлебнула, но она не трусиха,— заступился Восков и продолжал: — Спать сегодня придется на тычке. Посоветуюсь с Зофом, зайдем вместе к Грядинскому. Он у нас главный в Красной гвардии. Пока суд да дело, винтовки емельяновского десятка спрячьте в Тарховском

лесу, подальше от дома, порченые и берданки оставьте, сдадим карателям.

— Нашего Николая предупредить?

— Зоф просил в тени его оставить.

Ушел Иван, Восков наскоро выпил стакан чаю и задворками пробрался к Киршанским. На квартире у них стоял Зоф.

...В эту ночь в оврагах близ Финского залива, под Тарховкой, на Гагарке, Угольном острове были спрятаны сотни винтовок, ящики патронов спустили в склепы на старом кладбище, зарыли в дюнах.

14

Одиннадцатого июля ночью к станции Белоостров подошли броневики и военные грузовики. Без шума и шуток слезли солдаты с машин. Курили молча, словно в зале ожидания лежал покойник. Коменданту станции, человеку трусливому, померещилось, что Сестрорецк опоясан окопами. И Гвоздев не наделен был храбростью. Он отложил вступление в город оружейников до утра и связался со штабом Петроградского военного округа, попросил прислать подкрепление — роту броневиков.

В пять десять к Белоострову подошли еще четыре броневика. Гвоздев вызвал по телефону командира батальона Финляндского полка и доложил:

— Выступаем на мятежный город. Внезапность, к сожалению, утеряна, у бойни и кирки баррикады. Иду в головной машине.

Каратели держали винтовки наготове. Заросшие дюны таинственно молчали, только лось испуганно метнулся с болотной низины через дорогу и пропал в кустарнике.

Сонной была Выборгская — главная улица. Где же засады? Гвоздеву было муторно: прознают в штабе, сраму не оберешься — выпросил подкрепление.

В эту теплую белую ночь Сестрорецк не спал, он только притаился. Чуть приоткрыв занавески, жители наблюдали за карателями.

Гвоздев тишину в городе приписывал страху. В доносениях он усложнял обстановку. «Захватили телеграф и почту», «Штаб Красной гвардии в наших руках», «Большевики подавлены и растеряны», — докладывал он по телефону в Петроград.

Ровно в шесть утра броневики взяли под прицелы пулеметов главную проходную завода. Гвоздев предъявил ультиматум: немедленно сдать спрятанные винтовки, револьверы, гранаты и патроны. Он пригрозил: «За укрывательство оружия виновные будут осуждены по закону военного времени».

Завком принял ультиматум с условием, чтобы каратели не проводили обыски в домах. Было оговорено, что никто из оружейников не будет арестован.

Гвоздев скрепил эти условия словом офицера. В семь утра он вызвал к телефону командира батальона, похвастал:

— Среди здешних головорезов началось брожение. В конторе обыватель, пожелавший остаться неизвестным, передал мне списки зачинщиков. На листе из бухгалтерской книги выписаны десятка три фамилий мастеровых, которые, по мнению заявителя, припрятали винтовки. В списке Грядинский, Андреев, Зоф, Восков, Афанасьев, Никитин, Киршанский, братья Емельяновы...

По команде завкома рабочие приносили на площадку к проходной винтовки, но мало было годных, больше неисправных — то без магазинной коробки, то со сбитой прицельной рамкой, то с треснутым прикладом. Несли берданки и ржавые дедовы ружья, завалившиеся на чердаках. Не обошлось и без курьеза. Богатая домовладелица с Третьей Тарховской привезла на извозчике новенькую винтовку и уйму патронов. Зоф от досады кулаки сжимал:

— Эка шляпа-растяпа.

Киршанский шепнул:

— Не пори горячку, это офицерша, мадам перестаралась.

Оказалось, что она сдала винтовку и патроны, припрятанные мужем, офицером Преображенского полка.

В два часа дня был получен приказ из штаба военного округа: доставить отобранное оружие и главных большевиков в Петроград. Гвоздев даже не заикнулся о принятом им условии.

Зофа предупредил Киршанский, а сам не успел скрыться. Два солдата схватили его за руки и бросили в грузовик, там уже были Восков и Никитин, потиравший ушибленное плечо. Рабочие окружили машину с арестованными. Послышались гневные крики: «К позорному столбу Керенского!», «Вон, каратели!» Гвоздев дал знак водителю броневика оттеснить толпу. Долго ли

последовать команде: «Огонь!» Воск оттолкнул от борта конвоира, быстро заговорил:

— Товарищи, сейчас важно спокойствие и благоразумие. Нас скоро отпустят, штабс-капитан поручился словом офицера.

В просьбе Воскова был приказ — не поддаваться на провокацию, главное сделано: винтовки и патроны отряда Красной гвардии надежно перепрятаны.

В штабе округа разглядели хитрость оружейников, Гвоздева выругали, приказали продолжать поиски.

Официально не было объявлено, но в Сестрорецке ввели осадное положение. Ночью и днем патрули карателей не покидали улицы, вокзал. У почты, телеграфа, арсенала и заводской проходной дежурили броневики. Патрули прочесывали близлежащие леса.

15

Громоздкий мужчина в табачного цвета тройке, постукивая тростью, прошел в старый дом Емельяновых. Вскоре он оказался на крыльце, постоял в раздумье, затем направился к протоке. Приподняв тростью веревку с мокрыми простынями, он, однако, не отважился пролезть: просвет между бельем и землей был мал для его тучной фигуры. Встав на носки, он негромко крикнул:

— Ау! Кондратьевна, ау! Зятя желанного принимай!

С протоки доносились шумные всплески воды, мужчина, вложив пальцы в рот, посвистел. Белье на веревке чуть колыхнулось, придерживая край простыни, показалась Надежда Кондратьевна — руки по локоть в мыльной пене.

— Девчонку б родила — помощница была бы в доме, а то натаскала одних сорванцов и маешься, — сказал он.

Надежда Кондратьевна недолюбливала мужа своей сестры Полины, владельца каретного двора в Петрограде. Константин Павлович по взглядам и делам — монархист, хотя и не состоял в партии октябристов. После трагедии у Зимнего дворца он вроде полевел, почитывал листовки, прокламации, брошюры, в которых поносили царя и двор, в своих же «реформах» переустройства России он не шел дальше конституционной монархии. Случалось, придя в гости к Емельяновым, он навязывал спор и уходил рассерженный, хлопнув дверью.

— Мальчишки баклуши не бьют,— заступилась за сыновей Надежда Кондратьевна,— отцу помощники, камня повезли из Лахты, лавочник купил на фундамент. Зиму без покупных дров прожили,— в заливе ребята наловили. По весне Кондрат и Толя протоку от дома до озера вычистили.

— Небалованные они у вас, не то что городские,— уступил Константин Павлович.— А где твой-то горюх?

— Мережи на Сестру поехал проверять. В лавке и лабазе нынче не больно-то глаза разбегутся, пустые полки. У мародеров к пайку прикупить — не по нашим капиталам.

Константин Павлович согласно кивнул, а думал совсем о другом.

— Повлияй, пока не поздно, на муженька,— не удержался, сказал он,— обольшевичился от головы до пят. Без тебя тут заезжал к Поленьке и ко мне пить чай, тихо беседуем, я толкую, что германца нужно вышвырнуть с русской земли, гнать до окаянного Берлина и дальше, а твой затвердил: кончать войну — и баста, словно у Вильгельма на жалованье. Я возьми это и скажи, а он взял за грудки. Поля из ведра на нас плеснула.

— И не подумаю отговаривать: год-два протянется проклятая война, у нас старшего заберут в солдаты, а там постригут Кондратия. Спрашиваю: нам-то, Емельяновым, чего с германцами делить?

— В погибель затягиваешь семью,— Константин Павлович вскинул руку, перекрестил Надежду Кондратьевну.— Хочу по-родственному предостеречь. Разброд у них и шатанье. С меньшевиками раньше цапались, а теперь между собой схватились.

— Никудышная, Константин Павлович, из тебя гадалка.

— Ума и капиталов ни у кого не занимал, от Поли знаешь — мой каретный двор преуспевает,— Константин Павлович огладил наметившееся брюшко.— И твоему хозяину пора собственное заведение открыть, начать, может, с мастерской ремонта механической утвари. Дальше, бог даст, скопит денег, при займет, по-родственному и я ссужу без процента, помогу открыть фирму — охотничьи ружья Емельяновых. На рубль вложенный — верных пятнадцать прибыли возьмет. Приказчиков и мастеровых вам не надо брать и мучиться с ними,

своей семьей управитесь. Вот чем ему надобно заняться, а он в политику лезет. И чего твой нашел в Ленине? Не пойму! Конторщиком этот большевик придет наниматься в каретный — не возьму.

— Ленин... кон-тор-щиком,— возмущенно протянула Надежда Кондратьевна. Она сейчас боялась, как бы не бросить невольный взгляд на сарай. Ей неприятно: Владимир Ильич, конечно, слышит разговор, поскорее бы выпроводить с усадьбы ошалевшего дураля.

— На коленях пусть просится, за половину жалованья не возьму,— Константин Павлович самодовольно качнулся на каблуках.— Знаком, видел Ленина,— неожиданно он показал тростью на сарай.

Надежда Кондратьевна побледнела, но зять не заметил, он пыжился, важничал, теперь его было не остановить.

— Ближе видел, чем тот куст сирени. Вчера в трактире на Песках засиделся мой кучер. Захожу поторопить, а за столом Ленин с толку служивых сбивает: штык, мол, в землю и расходись по домам. Разглагольствует так и сяк, наделяет солдат деньгами. Не из своего, знамо, кармана. На двадцать кайзеровских миллионов можно пошиковать.

— Сбавили до двадцати тысяч,— перебила Надежда Кондратьевна.— Мой читал белиберду в каком-то грязном листке, ох и повеселился, соврать-то складно не умеют.

У Надежды Кондратьевны отлегло от сердца. Незваный гость не знает, что Ленин от него в нескольких шагах.

— Не считал, пусть и не двадцать миллионов, но деньги-то явно немецкого происхождения, а твой правдолюбец в петлю лезет за Ленина. У истинно русского человека от его разглагольствований уши вянут.

— Заяви в охранку Керенского, хорошие наградные получишь,— серьезно предложила Надежда Кондратьевна,— вложишь сребреники в свое заведение, затмишь каретный двор Грачева.

Сквозь загар проступила краска на щеках Константина Павловича. Занкаясь, чего раньше за ним не замечалось, он обиженно выговаривал:

— Доно-о-осчиком, суда-рыня, не бы-ыл, не... буду... Я челове-ек порядочный.

Гостеприимная Надежда Кондратьевна и чаю не предложила. Выпроводив зятя с усадьбы, она опустила

щеколду на калитке. И только тут почувствовала, что у нее стучит сердце. Чем бы ей заняться, чтобы прийти в себя? Она оглядела двор: веревка с бельем провисла, простыни касались земли. Шагнула раз-два, и навалилась страшная усталость.

Надежда Кондратьевна присела на ступеньку крыльца, уронила голову на руки, забылась на несколько секунд, успокоилась, обругала себя: ей из-за паршивого каретника сердце рвать. Она открыла глаза и обомлела. На чердаке, приоткрыв дверь, стоит Владимир Ильич, улыбается и машет рукой, к себе зовет.

— Откуда сей ископаемый? — поинтересовался он.

— Вроде свой, сестры муж. Каретный двор в Петрограде держит, слышали, наверно, про Кузнецова. Это крест наш... — Надежда Кондратьевна тяжело вздохнула. — Сущий идиот, как маятник качается, октябристов лобызает и эсерам руки жмет, живет человек без собственного царя в голове.

— Родственник ваш — ходячая копилка сплетен, — сказал Владимир Ильич. — Он на библии присягнет, что видел меня на Песках в трактире.

— В газетах почище отмачивают, — невольно заступилась Надежда Кондратьевна за своего зятя. — Иной раз хочется всю мерзопакость сунуть в плиту.

— Только этого, пожалуйста, не делайте, запрещаю, — живо заговорил Владимир Ильич. — Разномастные газетенки иногда выбалтывают секреты. И еще просьба: не заступайтесь за меня. Зачем навлекать подозрение?

Послышался плеск весел: по протоке подымалась лодка. Владимир Ильич отступил в глубь чердака, оставив в дверях щелку. Надежда Кондратьевна нахмурилась, сошлись брови, но ненадолго: разгладились, лицо посветлело.

— Мой: знаю шаги, стук в окно, взмах весел.

К берегу пристала лодка, как из-под земли появились мальчишки, выгрузили дрова, мережи надели на колья, весла отнесли в сарай.

Незаметно ответив на приветствие Ленина, Николай поспешил за женой в дом. Странно она себя вела: мокрые простыни касались земли — не в ее характере пройти мимо и не поправить.

— Выследили?

— Нет, а страху натерпелась, — заговорила Надежда Кондратьевна. — Заявился таким фертом муж Поли-

ны, надумал спасти тебя от большевиков. Всякое брехал про Ленина.

— Послал бог сродственничка,— протянул Николай.— Попить бы холодненького, ух и жарко.

— Сулил тебе деньги на обзаведение,— продолжала Надежда Кондратьевна, наливая из глиняного кувшина в кружку хлебного кваса.— К Лизавете, ирод, отправился, еще нелегкая принесет.

«Извозчик» — так Николай обозвал содержателя каретного двора — мог выкинуть коленце: заявится на усадьбу и какого-нибудь дачника притащит в гости.

Николай надел праздничный костюм.

— Накормишь постояльцев,— наказал он,— заходи к Лизавете, спровадим «извозчика» в Питер.

16

Пошатываясь, грузно опираясь на суковатую палку, по Граничной улице брел незнакомый человек. Чужие редко заходят сюда. Не соглядатай ли? Николай прибавил шаг, обогнав прохожего, оторопел: Фирфаров.

— Егорыч, ты ли это?

— Извиняю, жена родная не узнает,— без горечи, обреченно ответил Фирфаров.

— Хвораешь, а я от земского слышал, на поправку пошел.

— Чахотку можно горным воздухом, лекарствами и сытными харчами малость уgomонить, а новую болезнь...— Фирфаров не договорил, повернулся к обочине и долго не мог остановить отрывистый кашель.

Вытерев мокрые губы, он торопливо убрал платок. Николай и вида не подал, что заметил свежую кровь на платке.

— Новая болезнь доконает... сужусь! Еду к присяжному,— голос у Фирфарова хриплый, больной.— Пенсии от казны, положенной добровольно, на лекарства и докторов не хватает, дороговизна еще мучает, а пить и есть... Сколько уж лет хвор, а хожу в кормильцах. Дочки немощные, свою болезнь передал, липучая она.

— Так и не прибавили? — возмутился Николай.

— Те же восемнадцать целковых с пятаком,— Фирфаров усмехнулся,— надворный советник представлял казну, обманул суд; болезнь-де моя наследственная, ну и объявили приговор: иск не заслуживает уважения. Так-то, наследственная! Отец кочергу вязал, я, когда в

красилку — на детскую каторгу — попал, каким крепышом был...

— Помню, всех ребят с Ермоловки и Угольного острова клал на обе лопатки, — сказал Николай.

— Самому не верится, что было время — песни пел и смеялся.

На развилке они распрощались. Фирфаров свернул к станции, а Николай — к протоке. Только у калитки он пришел в себя: посочувствовал — и все, а он ведь может помочь товарищу выиграть в суде. Как-никак — староста. Фирфарова помнит едва не с пеленок, в бабки играли, по очереди катались на одном коньке «снегурочке». Скажет на суде и про адскую температуру в красилке.

До прихода поезда оставалось полчаса. Николай так спешил застать Фирфарова на станции, что рубашка намочла.

— И у тебя дело в Питере, — нисколько не удивился Фирфаров, хотя они только что расстались, — купить мальчишкам одежонку?

— Покупки справляет моя хозяйка, — сказал Николай. Отдышавшись, продолжал: — Коли от казны на повторном выступает надворный советник, выставляй и сам свидетеля.

— В судебном присутствии — не в трактире языком мять, — сказал вяло Фирфаров, а пораздумав, встрепенулся: — Не убыток — попытать, с присяжным потолкую. За науку спасибо.

Фирфаров снял фуражку и низко поклонился.

— Не дури, — смутился Николай. — Присяжному скажи, пускай меня выставляет свидетелем. Язык не так подвешен, как у титулованных, но и не занка, сумею за правду постоять. Я-то докажу, где ты чахотку подцепил.

Держа обеими руками фуражку, Фирфаров снова поклонился:

— Прислушаются, бог даст, судьи. На дороговизну бы несколько рублей прибавили, было время — керосин четыре копейки фунт стоил, а теперь... хоть с лучиной сиди.

В составе поезда из Курорта почему-то не было вагона третьего класса. Фирфаров замешкался.

— Денег едва наскреб на пролетарский, от Новой Деревни на Кировскую пешком хожу, — виновато оправдывался он.

— А чем, Егорыч, ты хуже именитых, в классе первом просторнее и воздух чище,— Николай подсадил Фирфарова на ступеньку, сунул ему в руку деньги.

Поезд тронулся, Фирфаров остался на площадке, по щекам катились слезы.

— Присяжный пусть вышлет повестку,— крикнул Николай.— Прибавят пенсию, люди же они — судьи.

17

Зоф утром не застал Крупскую на службе, наведалься в Выборгскую управу в конце дня. На этот раз ему повезло, без помех передал записку Ленина. Надежда Константиновна обрадовалась оказии, тут же написала ответ и собрала посылочку.

В Разлив Зоф приехал на вечернем поезде. Ни один человек не сошел на станции. От радости, что не привез за собой «хвост», он весело стал насвистывать марш.

А было так. Зоф возвращался из Таврического дворца от Свердлова. На Шпалерной его остановила молодая женщина в черном платье с кружевным воротником. Она держала за резнику соломенную шляпу, как провизионную сумку, подмигнув, спросила, где поблизости сдаются меблированные комнаты. Женщина не производила впечатления уличной потаскухи. Зофу показалось, что она заинтересованно его разглядывала, словно запоминала черты лица и одежду. Возвращаясь домой, он заметил ее у Приморского вокзала, на частной пролетке. На этой загадочной женщине было то же платье, только плечи прикрывал белый платок. Она сидела со скучающим видом, держа под наблюдением вход на вокзал. Зоф вернулся к вилле Роде и через сад выбрался на Черную речку. Посетив место дуэли Пушкина, он вернулся на вокзал — пролетки уже не было.

...К станции Разлив приближалась компания гуляк. Под гитару сиплый баритон выводил:

Все мы любим кабачок —
Сладко в нем живется.
Тот, наверно, дурачок,
Кто в нем не напьется.

Подгулявшая компания скрылась в лесу. Зоф огляделся: широкая улица, ведущая от станции к озеру, погружилась в сон, только старуха в шерстяной кофте, ночном чепце прогуливалась четырех лохматых шотландских

терьеров. Собаки шли на длинном поводке, цугом, как ходят ученые лошади на манеже.

Свернув на 5-ю Тарховскую улицу, Зоф услышал, что кто-то на берегу протоки отбивал косу.

«У Емельяновых»,— определил Зоф; теперь можно и не спешить — сам дома и не спит.

Раздвинув в изгороди жерди, Зоф пробрался к протоке. На крыже, широко расставив ноги, сидел Николай, мелодично постукивая молотком. Отодвинувшись на край, он освободил место, но Зоф переступал с ноги на ногу.

— Не набегался, постой,— сказал Николай и опустил молоток.

— Из Петрограда Свердлов вызывал в Таврический, дал новую явку. В столице полно слухов, в желтых газетах все настойчивее пишут: Ленин скрывается возле финской границы. Имеются сведения, репортеришко из бульварного листка «Новое время» шнырял возле дачи Смолкина. До емельяновского сарая и ста шагов не считаешь.

Николай медленно повел головой к даче Смолкина, затем к своему сараю, будто вымерял глазами расстояние.

— Сколько шагов насчитал? — спросил Зоф.

— Шагов, верно, немного,— согласился Николай,— но, кто ко мне пойдет, заблудится.

— Не пугайся, у тебя подполье Центрального Комитета партии,— оборвал Зоф.— Репортеришки — это еще полбеда, кружат в Тарховке и Сестрорецке монархисты, юнкера. У них скорый суд и приговор — пуля в револьвере. Половцев к награде представит и в чине повысит.

— Головой отвечаю, мои ни при чем,— встревожился Николай.— У малых слова не вырвешь, а старшие ребята, обрати внимание, игры затевают на улице и за протокой.

— В пузырь зря лезешь. В Центральном Комитете партии — никаких претензий к Емельяновым. Для тревоги есть серьезные основания. Реакция требует объявить Ленина вне закона. Прокурор Петроградской судебной палаты собирается привлечь его по самым тяжелым статьям Уголовного уложения: пятьдесят первой, сотой и сто восьмой — государственная измена, приговор — смертная казнь. Вот как складывается обстановка, малейший неверный шаг...

Помолчав, чтобы Николай прочувствовал, Зоф продолжал:

— Велено сменить подполье. За поиски нового места на тебя вся ответственность возложена. Помни, ты не одинок, наша партийная организация и я всегда с тобой локоть в локоть.

По мнению Николая, безопаснее подполья, чем сарай в Разливе, трудно найти. Семья живет — двери настежь, а посторонний и шага лишнего на усадьбе не сделает. С весны генеральный ремонт затеял. Сам, Надя и ребята ютятся на кухне. Впоелку спать уложить — и то кто-нибудь на крыльце окажется. Где уж тут постороннего прятать.

Свои соображения Николай не навязывал Зофу. Смена подполья — решение Центрального Комитета партии. Раз так, большевику надлежит выполнять. Но он думал, что это дело не горит. Утром в инструментальной кладовой встретились, Зоф не спросил о поисках, а вечером пришел с запеленутой пилой, прислонил ее к крыльцу.

Николай позвал Зофа на кухню; больше некуда пригласить: в комнатах разобраны полы. Надежда Кондратьевна сдвинула котелок с конфорки, вышла.

— Читай, — Зоф передал газету, захватанную, в масляных пятнах. — В штыковой по рукам ходила.

Николай читал про себя: «Вчера в три часа дня арестован вождь большевиков Ленин».

Видя, что затеянная им авантюра потерпела полный крах и опасаясь народной мести, Ленин вместе с большевиками, своими соучастниками, решил скрыться.

В то время как из Петропавловской крепости выходили большевики вместе с преданными им пулеметчиками, Ленин с семьей своими соучастниками сел на пришедший из Кронштадта крейсер. Но уехать в Кронштадт им не удалось — они были арестованы».

Николай захохотал.

— Хорошо, у них Ленин за решеткой, нашего не будут искать.

— Ложь тоже стреляет, — возразил Зоф, — те, кому надо, не верят подобным измышлениям. Полезно тебе знать о том, что произошло в Разливе на Малой Петроградской.

Вот что рассказал Зоф.

В начале лета Паншин подрядился сторожить дачу художника Майкова, который уехал на кислые воды,

Позавчера два господина средних лет, военной выправки явились на дачу. Бледнолицый, рыжеватый, с короткими усиками, назвался племянником Майкова и потребовал у Паншина ключи. Его компаньон, брюнет в полосатых брюках и светлом пиджаке, посмеивался над растерявшимся сторожем.

— Похожи на грабителей? — спросил рыжеватый. — Утащим в саквояже двуспальную кровать моей бабушки.

Господа, конечно, не воры. Они остроумно подтрунивают: у владельца дачи, и верно, была причуда. Он навязчиво показывал гостям кровать работы крепостных мастеров. Но Паншина смущало: господа собираются пожить в Разливе, а приехали без вещей, на двоих — пляжный саквояжик. По виду они при деньгах — чего же маяться им без кухарки? Могли снять комнаты в Курорте у вдовы крымского помещика. Повар у нее — из английского клуба. Она сумела сохранить погреб. К обеду ставит мужчинам шустровский коньяк, дамам — легкое вино.

Пустил Паншин господ на дачу с опаской, а понаблюдать — не чужие они Майкову, знали расположение комнат, без труда рыжеватый открыл в кабинете потайной шкаф, нашел там вино.

Когда Паншин вошел с кипящим самоваром, то стол был накрыт: бутылки вина, на тарелках — ситный, ветчина, сыр. Бросив взгляд в кабинет, он увидел через раскрытую настежь дверь, что брюнет целится из браунинга в горящую свечу на камине. Заметив Паншина, он несколько не смутился, опустил револьвер, спросил:

— Знаешь, у кого здесь под видом большевика скрывается немецкий шпион?

Паншину неприятно: где глаза были, кого пускал? В штабе предупреждали, что охранка засылает шпиков. С такими «гостями» надо держаться настороже.

— Дачники живут по многу лет у одних и тех же хозяев. Новых словно в этом году и нет, голодно. Что касается шпиона, только от вас слышу, — ответил Паншин, начиная понимать, зачем господа приехали в Разлив. Ленина ищут. В газетах пишут и слухов полно, что он скрывается возле финляндской границы.

— Не проболтайся, что мы здесь, а то... — брюнет многозначительно помахал револьвером.

— Он у нас шутник, — рыжеватый старался расположить к себе Паншина.

— Не из пугливых,— Паншин прикинулся протачком себе на уме.— Если бы в нашей округе Ленин прятался! Про награду в двести тысяч рублей всяк знает. Кто на свой карман сердит?

— К ворожее не обращались, а знаем: у Ленина две дороги — Сестрорецк и Финляндия. Поразузнай — получишь награду и от нас: дюжину бутылок смирновской водки.

Весь вечер Паншин мучительно обдумывал, как предупредить товарищей в штабе Красной гвардии. Кто-то из видных большевиков скрывается в Разливе, не зря переодетые офицеры приехали.

Ночью Паншин выскользнул из дома, будто до ветра, и — бегом в штаб. Попросил дежурного дать револьвер и двух-трех красногвардейцев. Одному не разоружить офицеров, брюнет выстрелом тушит свечу.

Дежурный — человек нерасторопный; прошло не меньше часа, пока он разыскал Грядинского и послал патруль на дачу Майкова. Переодетые офицеры сбежали.

В кабинете на камине стояла оплывшая свеча, за ней пулями пощипанный кирпич. В столовой пепельница была до краев полна окурков, на полу валялись бутылки. Красногвардеец, чертежник, прочитал этикетку на бутылке.

— Итальянское вино распивали, лакрима кристи,— заметил он.

...Рассказав Николаю о происшествии на Малой Петроградской, Зоф постучал кулаком по заметке об аресте Ленина.

— Пишут, а сами с револьверами рыскают у финской границы,— сказал он.— Ох, как надо смотреть и смотреть.

— Нам повезло, на Паншина нарвались. Это наш человек...

После этого случая Николай понял, насколько дальновидны товарищи в Центральном Комитете партии, приказавшие срочно сменить подполье.

За озером Разлив у рабочих и оружейников были покосы. Под видом батраков-финнов решили поселить на покосе Ленина и Зиновьева. Это надежное и безопасное убежище.

Но дело осложнялось — у Емельяновых не было покоса за озером. Николай сказал Зофу, что возьмет надел в аренду. Был у него на примете покос рабочего

Игнатьева, расположенный среди молодого густого леса. С этого покоса удобны пути отхода к Белоострову и Дибунам, по скрытым тропинкам можно выбраться к Тарховке. Там легко затеряться среди дачников, сойти за приезжих грибников. Соломенная шляпа, корзина, суковатая палка — вот и весь маскарад.

У Игнатьева было три дня отгула. Николай отпра- сился на работе. Дома его не застал. С весны на Литей- ной улице состязались городошники. Туда и направился Николай. Игнатьев был завзятым игроком.

— С утра ищу,— Николай отвел Игнатьева к старо- му огороженному колодцу,— покос твой гибнет, еще неделя — и перестоят трава, на подстилку негожа.

— Все недосуг,— виновато оправдывался Игнатъ- ев.— Косят по росе, а я с первым гудком глаза проти- раю. Натяну портки, воды плесну на лицо, схвачу луко- вицу, ломоть посолою — и за ворота.

— Хозяйствуй с умом, твой батька, когда оставался на зиму без коровы, сдавал покос.

— Упустил время,— пожалел Игнатьев.— До трои- цы по рукам бьют и спрыскивают. Закрутился, а охотники были. Покос обихоженный, камни и сучья вы- браны.

— И обихоженный под снег уйдет, уступи, заплачу по-божески,— предложил Николай.— Корову в Нижних Никулясах сторговал, в покров привожу.

Игнатьеву участок за озером был обузой, сбыть бы его с рук.

— Насовсем, в крайнем — на долгую аренду, а на сезон сдашь, выгода в кармане затеряется,— начал неожиданный торг Игнатьев.

— Не в отца. жилкой хозяйской обделен,— упрекнул Николай.— Ассигнации и процентные бумаги тощат, хоть квартиру ими оклеивай, а земля при любом прави- тельстве тех же денег стоит.

— Навечно забирай,— навязывал покос Игнатьев,— с твоей оравой без коровы не прожить.

Денег на покупку покоса и за полцены у Николая не было, на ремонт дома занимал, в ломбарде ценные вещи заложены.

— Оговорим, беру покос на сезон,— сказал Нико- лай,— собью деньжат к рождеству, вот и потолкуем серьезно.

— Пригоняй лодку, покажу надел,— уступил Иг- натьев, ему явно не хотелось прерывать игру,— и без

моей указки разберешься, на меже заметные камни положены.

— Не заблужусь, с твоим батькой не раз на меже косы отбивали,— согласился Николай,— деньги обождешь до полочки.

18

В коммерческое училище, где учился Кондратий часто наезжал из Кронштадта некто Веник, матрос-анархист. Вид он имел театрально воинственный — грудь перекрещена пулеметными лентами, по ноге бил маузер в деревянной кобуре, слева на ремне покачивались гранаты-лимонки.

Матрос не верил ни в бога, ни в черта. Он поносил Советы и большевиков. Меньшевиков и эсеров обзывал паралитиками, либералов — слюнями и мелкими недобитками и прихвостнями Керенского, министров грозился вздернуть на фонарях Троицкого моста.

Николай пытался образумить Кондратия, но парень многого не знал о своем отце — ну большевик, ну был дружинником, ну записался в Красную гвардию — сколько таких на оружейном, а Веник — личность, настоящий революционер. Побольше было бы их в России, Керенский давно полетел бы в тартарары.

Очень занят Владимир Ильич, а придется попросить поговорить с Кондратием, иначе пропадет парень, не без колебаний решил Николай, но все откладывал...

Вечерело. Владимир Ильич устал, пора передохнуть. Он зазвал к себе Николая, разговорились, Надежда Кондратьевна принесла со двора самовар.

— Угощайтесь, чай хорош, свежей заварки,— предложила она.

— Хозяйка, надеюсь, составит компанию,— сказал Владимир Ильич,— а то от скуки закиснем.

Надежда Кондратьевна улыбнулась. С утра и до обеда Ленин писал, со связной Токаревой отправил пакеты в «Правду» и к Аллилуеву, затем принял приезжего, тот был в блузе, ситцевой косоворотке, брюки из чертовой кожи, из-за голенища торчал деревянный складной метр. Надежда Кондратьевна как глянула на его походку, выправку — догадалась: военный, видимо, с фронта. Больше часа беседовали. Когда он ушел, Владимир Ильич спустился вниз, сжег бумаги в плите.

Плотно занавесив окно, Николай зажег лампу. Надежда Кондратьевна разлила чай, выставила постный

сахар, солдатские галеты. Владимир Ильич был оживлен, макая галету в чай, расспрашивал, что за люди сейчас нанимаются на оружейный.

— Берут с разбором, патриотически настроенных и равнодушных,— рассказывал Николай,— без протекции кума, свата лучше и не суйся.

Спасаящиеся от мобилизации, пришлые могли проникнуть в местную партийную организацию, наделать бед, об этом Владимир Ильич и сказал Николаю.

— Без малого два столетия назад осели оружейники на реке Сестре, притерлись, щель и хитрому чужому не найти к нам в организацию,— сказал Николай.— Арсенал у партии был, есть и будет. Потребуется — мастерские в домах откроем, потребуется — замки с арсенала собьем. Восставших против орд Керенского без винтовок не оставим.

Незаметно разговор перешел на житейские дела, Владимир Ильич поинтересовался, как Надежда Кондратьевна управляется с хозяйством и такой оравой мальчишек.

— Иной день и на минуту не присядешь, а на судьбу не жалуюсь. В дедов внуки идут,— Надежда Кондратьевна стрельнула глазами,— и чуточку в отца. Помогают, дров наколют, воды натаскают и в главном успевают, грамота всем дается. И Кондратий хорошо учится, а с весны нас печалит.

— Выбью дурь,— Николай сердито покосился на жену.

Из сыновей Емельяновых Кондратий показался Владимиру Ильичу самым серьезным. Странно, что он-то больше всего беспокойства вызывает у родителей.

— Характер ломать нельзя,— заступился Владимир Ильич.— Покладистость порою — та же ржавчина.

— Ровного-то ничего в жизни нет, вот сирень в одночасье сажали, а растут кусты по-разному,— возразила мужу и Надежда Кондратьевна. Она очень переживала за Кондратия, боялась, что Николай круто возьмет.

— Оберегаешь, слепая, не по той дороге идет Кондратий,— заговорил Николай.— Мои братья — Василий и Иван — много ли были его старше, когда первый раз очутились в тюрьме? Твой брат Александр от политики за версту держится, а винтовки в этом сарае помогал собирать. Кондратий умом не обижен, а по пятам ходит

за Веником, во всем анархисту подражает, клинья вшил в штаны. Ветер подует — смех, парень в юбке.

Владимир Ильич слушал сосредоточенно, подперев кулаком подбородок.

Разошелся Николай, вскочил со стула, Надежда Кондратьевна поправила занавеску.

— В коммерческом кое-кто из учителей насаждает дух эсеров и анархизма, наслушался Кондратий, а башка еще не в состоянии разобраться что к чему. У анархистов речи медовые, яд-то взрывной глубоко запрятан. Прямо хоть забирай парня из училища.

— Не удивительно, что молодой человек заблуждается, — Владимир Ильич старался разрядить обстановку. — Сложная сейчас жизнь в России. В голове у шестнадцатилетнего от дум, вопросов карусель. Была революция в России или не была? Царь подписал отречение или не подписал? «Марсельезу» на улицах распевали или не распевали? Изменений-то почти нет в стране. Люди верят в Учредительное собрание. Патриотические чувства еще властвуют над умами людей. Немцы топчут русскую землю, а большевики предлагают кончать войну. На митингах много трескотни: зыбкая земля под ногами Керенского, Рябушинского, Церетели. Это верно, и не совсем. У Временного правительства — власть, армия и полиция. Да и мало захватить власть, надо ее удержать, нужно сломать прогнившую государственную машину и создать новую. Будущее народное правительство ожидают невероятные трудности. Сельское хозяйство и промышленность в России на грани катастрофы. Анархистующим Веникам, отпетым головорезам, терять нечего, у них нет совести, ни малейшего чувства ответственности за судьбу революции. Они подбивают на бунт ради бунта людей с непробудившимся сознанием и молодых, вроде Кондратия, которым трудно во всем самим разобраться, трудно без колебаний принять верное решение. Но на то мы и партия революционного пролетариата, чтобы все трезво оценить и сказать людям правду, суровую, но правду. Никто большевиком не родится, им можно стать.

Николай только теперь понял, в чем беда сына. Кондратий мало повинен в своих заблуждениях — время сложное, вот если бы Владимир Ильич поговорил с парнем, наставил на ум...

И то, о чем Николай так и не осмелился просить, случилось буквально на другой день. Солнце перекали-

ло крышу, в сарае — дух парильни. Владимир Ильич едва дождался прогулки. Он очень устал. Приезжал товарищ из Центрального Комитета посоветоваться. На VI съезде партии могут возникнуть разногласия относительно лозунга «Вся власть Советам!». Ленин предлагал его временно снять. После июльских событий обстановка в стране изменилась. Меньшевики и эсеры, имевшие большинство в Советах, предали революцию. Кончилось двоевластие. Власть, всю полноту власти захватила буржуазия и начала открыто расправу с рабочими, крестьянами, с революционно настроенными солдатами и матросами.

После отъезда товарища Владимир Ильич немножко отдохнул на свежем сене, приоткрыв дверь на чердаке, затем написал статью в «Правду». Просмотрел газеты. Обрастает все «новыми подробностями» клевета провокатора Алексинского. Прокуратура заканчивает «следствие» об измене Ленина и его ответственности за июльские события, которые теперь подаются уже как заговор большевиков...

Было на редкость тихо в усадьбах, что выходили к озеру. Владимир Ильич с удовольствием размялся на дорожке. Неожиданно скрипнула калитка. Вернулся Кондратий.

— Издалека, Кондратий? — тихо окликнул Владимир Ильич. — Как Веник поживает?

Кондратий замер. Мать успела пожаловаться.

— Веника в Кронштадте хорошо знают. Только известность известности рознь, — заговорил Владимир Ильич. — Плохо кончит ваш знакомый. Этот анархист мастер громить, грабить, избивать инакомыслящих.

— Веник — честный человек, храбрый, отчаянный в своей правде, — заступился Кондратий.

— Посидим, — предложил Владимир Ильич и первый опустился на ступеньку крыльца.

Кондратий не решился сесть, Владимир Ильич привстал, усадил его рядом и спросил:

— В чем же проявляется храбрость Веника? Это он кинулся на монархиста, который из окна квартиры на Владимирском проспекте стрелял из пулемета в рабочих и матросов?

Кондратий от Зофа слышал, что произошло третьего июля в Петрограде. Люди вышли на улицу, требуя передать всю власть Советам, кончить с войной, кончить с дороговизной...

— На Владимирском не был Веник, но он не трус, — обронил Кондратий. — Веник в этот день в Тарховке реквизирует яхту у сына статского советника.

— Мандат Венику заменили гранаты и револьвер, а у владельца яхты не было при себе и пугача. До чего же храбр Веник, — Владимир Ильич тихо засмеялся.

— Яхта не нажита советником, это был подкуп, взятка, — защищался Кондратий.

— Реквизировать яхту и пойти на пулемет — не одно и то же, согласитесь?

Кондратий, низко опустив голову, выбивал каблуком землю.

— Хорошо, я за вас отвечу, — заговорил Владимир Ильич. — Большевики и в Кронштадте знали, что Временное правительство замышляет преступление против мирной демонстрации, но рабочих было не удержать, велика ненависть к министрам-капиталистам. Матросы-большевики и сочувствующие не остались в казармах. Вот это храбрость и благородство. Веник знал, что ждет тех, кто отправится в Петроград.

Снова промолчал Кондратий.

— Обвешаться пулеметными лентами, пристегнуть к ремню лимонки, — продолжал Владимир Ильич, — храбрости не требуется. Кронштадтский матрос, который ради спасения людей шел на пулемет, так и остался неизвестным. Вот это скромность и храбрость.

— Реквизировал Веник яхту не для себя, — неуверенно обронил Кондратий.

— Придет час — яхту, и не только ее, отберут у советника, но сделает это законная власть, а не анархист Веник, которого нужно судить, и строго: анархисты страшные люди.

На кухне затеплился огонек, видимо, Надежда Кондратьевна поджидала сына.

— Покойной ночи, Кондратий, заходите чай пить. Не стесняйтесь, побеседуем, поспорим, — предложил Владимир Ильич. Он поднялся со ступеньки и бесшумно, будто не касаясь земли, направился в сарай.

У самовара им не удалось посидеть. Ночным поездом к Зофу приехал связной от Свердлова.

Утром Зоф подкараулил Николая у пешеходного моста.

— Приезжал нарочный...

— Привез синюю тетрадь? Владимир Ильич опять спрашивал, беспокоится.

— Никакого пакета нарочный не привез, велено закрыть подполье в сарае.

— Шалаш за Разливом поставлен, найден родник, одежда финских батраков подобрана. Косы, грабли и кухонная утварь — в лодке. В узлах — подушки, одеяла, — перебил Николай, догадавшись, зачем приезжал нарочный в ночной час. — Стемнеет, уснет поселок, и двинемся на озеро, возьму Саньку, Кондратия и тезку — серьезный, ту сторону хорошо знает, и Владимир Ильич привязался к мальчишке.

19

От жены Николай узнал, что Слободской прячет в дровянике крупу, муку, сахар, бочку постного масла закопал во дворе. Привез окорока и не пустил в продажу. Отец Слободского разбогател на заборных книжках. Лежалую муку и крупу за первый сорт ставил, отпускал льняное масло, а цену брал за подсолнечное, вчерашний хлеб считал за свежий.

— Шура, выждет — цену взвинтит. Дайте красногвардейца и мандат от завкома, потрясу лавочника, — предложил свои услуги Зофу Николай, как только пришел на завод.

— Лавочник — мародер, — согласился Зоф и, что-то взвесив, продолжал: — Найдется у нас кому вытрясти из него душу. Злы хозяйки, с пустыми провизионными сумками с базара возвращаются.

Отповедь Зофа отрезвила Николая. С мародерами и без него посчитаются. Зоф прав, нужно ему больше думать о своем партийном поручении, надежнее укрыть шалаш за Разливом.

Зоф не застал врасплох Кубяка.

— Прячут, знаю, — бурчал Кубяк, — подписку дали, а мародерничают всюю. Людей разослал поразузнать.

— Распустил лавочников, третью неделю нет в магазинах сахара, попрятали, — возмутился Зоф.

Уполномоченный и две бойкие хозяйки отправились сперва на Дубковское шоссе в магазин Кучумова. Там торговали подсолнечной дурандой и сушеным картофелем. В кладовых и под прилавком пусто.

В лавке Слободского — запустение, на двери замок, с витрины убраны сыр и колбаса. Хозяин прикинулся больным, выслал жену с ключами. На требование показать окорока она ответила смехом.

— Мандат имеее, — певуче высмеивала контролеров Слободская, — а прислушиваетесь к наговорам. С неба, что ли, свалились копчености. На бойне — шаром пока-ти, свиных ножек себе на студень не привезли.

Слободская повела уполномоченного с хозяйками в кладовую, а они свернули в дровяник. Нашли там несколько мешков крупы и муки, заваленных пустыми ящиками.

Пока уполномоченный внушал Слободской, что торговать нужно честно, жены мастеровых привели во двор милиционера, за сараями откопали бочку подсолнечного масла, в маленькой кладовой, за мешками с дурандой, нашли окорока, уже попорченные червями.

Из соседних домов сбежались женщины, выволокли перепуганную Слободскую на улицу, повесили на шею два протухших окорока, прикрепили обрывок картонки: «Это я их сгноила». Напрасно милиционер и уполномоченный пытались отбить ее у женщин. Они провели лавочницу со срамом по центральным улицам. Никто пальцем ее не тронул, но всюду встречали презрением.

Отпустили Слободскую у ее дома. Открыв калитку, она рухнула на землю — не было уже силы ни подняться, ни сбросить с шеи окорока, ни сорвать обличительную картонку. Приказчик и дворник отнесли хозяйку в квартиру.

20

До закрытия оставалось еще часа два, а рынок был пустой, притихший. В мясном ряду чухонец продавал метлы. Дряхлая барыня, зябнувшая и в зимней жакетке, разложила на прилавке бусы, пряжки, позолоченные броши, табакерки.

У лавки Артемия Григорьевича на вынесенном столе полно мяса — тут и на щи, на суп, на жаркое, и никого покупателей. «Конина, — догадалась Надежда Кондратьевна. — Навезли, а татар в поселке наизусть перечесть».

С утра ей не везло. Выстояла большую очередь за творогом. Он кончился, когда перед ней оставалось три человека. Возвращаться домой с пустой кошелкой нельзя. Своих едоков орава и два за озером. Вся надежда была на свекровь, та не живет без запасов.

Открывая калитку, Надежда Кондратьевна почувствовала, что кто-то свой положил ей руку на плечо, огля-

нулась — Василий. Осунулся. Как выбрали председателем, днюет и ночует в рыбацкой артели.

— У церкви приметил, скучная, с чего бы? — он взглянул в провизионную сумку. — Понятно, кукиш купила на рынке.

— В мясном ряду барахлом торгуют, — пожаловалась Надежда Кондратьевна.

— На рынке и часа не торгуют зеленью, свежей картошкой, дуранду — и то расхватывают, — посочувствовал Василий. — Чем ноги сбивать — к матери бы зашла, вяленой рыбы даст, крупы перловой, хоть у самой половина лукошка, но поделится. Николая твоего не пойму, позавчера заходил — и ни гу-гу, что животы подтянули. Могу я подкинуть конопляного масла, пшена, картошки. Рыбаки из-под Осташкова всей артелью укатили на родину хлеб косить, их пайки я про запас держу.

Усадив Надежду Кондратьевну на скамью, Василий раскрыл офицерскую полевую сумку. Куда-то запропастились отложенные карточки. Перебирая бумаги, он говорил:

— Живем, как не родственники. Зоф за брата хлопочет, вчера заглянул в артель, просил рыбацкий паек выдать.

Поликсенья Ивановна заметила в окно сына и невестку на скамье, вышла на крыльцо, пристыдила:

— И не совестно: как сироты, приютились на тычке.

— Секреты у нас с Надей, — отшутился Василий.

— Жизнь, у всех секреты, — вздохнула Поликсенья Ивановна. — Заканчивайте тары-бары-растобары, медком угощу.

Продуктовые карточки отыскились в записной книжке.

— Два пайка — маловато, думал, больше припрятал, — потужил Василий. — В понедельник буду в управе, к вечеру подошли мальчишку.

Мать полезла в погреб, Василий ушел. Поликсенья Ивановна на сына не обиделась, пожаловалась больше по привычке:

— Чистые супостаты сыновья. Твой тоже хорош, стороной обходит родительский дом, а приведется — снимет кепку с башки, про здоровье спрашивает, а сам на дверь смотрит. Тебе, сердешная, не завидую, не дом — казарма, одни мужики, ума не приложу, как ты с ними управляешься.

— На самых раскрасавиц не променяю,— радостно сказала Надежда Кондратьевна.

— Мальчишки в отца,— сказала польщенная Поликсенья Ивановна и заулыбалась своим мыслям,— сердись, Наденька, обижайся, а от правды, как и от себя, не уйдешь: все они в емельяновскую породу.

Надежда Кондратьевна опустила смеющиеся глаза: на той неделе у нее гостила сестра, нашла, что Кондратий, Сергей и Гоша — вылитые Леоновы; остальные ребята в это время были на озере.

Без чая и угощенья Поликсенья Ивановна не отпустила невестку.

— И удержишься — обождут, скажешь, где была.

— Муж и не пикнет, опоздаю с обедом — твои внуки голодный концерт устроят. Базар отошал, а у них волчий аппетит. Верись, мама, утром большой чугунок картошки варю; усядутся за стол — начисто срубят.

— Уж и объели,— заступилась Поликсенья Ивановна,— растут, все мужики. Помучаешься, зато скоро барыней заживешь. Саньку хвалят на ружейном, глядишь, отец определит к делу и Кондратия, а там Сергей. В получку, доченька, успевай только деньги считать и прятать в сундук.

Варя увела Надежду Кондратьевну в маленькую комнату посекретничать. Поликсенья Ивановна тем временем сунула в невесткину кошелку связку вяленой рыбы, нитку сушеных грибов, картуз перловой крупы и ковригу льняной дуранды...

Сготовив обед, Надежда Кондратьевна распахнула окно. Ворвался ветер, некстати расшумелся Разлив. Она разобрала упакованную провизионную сумку, суп перелила из чугуна в молочный бидон, кисель из кастрюли — в бутылки. Картошку с рыбой оставила в латке, плотно завязав платком. Поставив обед в корзину, прошла на берег взглянуть на озеро — там решит, с кем переправить еду на тот берег.

Солнце щедро заливало озеро, а волны шумно набегали, сталкивались, закипали. Коля храбрится, но ему не совладать с лодкой, мужские руки едва удержат ее на беспокойной волне. Муж не скоро вернется, приятная у него встреча: приехал с фронта ненадолго Григорий Иванович, теперь у него настоящее имя, отчество и фамилия — Александр Михайлович Игнатьев, а Николай называет его, как и одиннадцать лет назад. Какой-то важный прицел для стрельбы по вражеским аэропла-

нам изобрел Игнатьев. Он приехал в Сестрорецк узнать, нельзя ли на заводе сделать опытные образцы. Санька обещал прийти к ужину, не раньше, Кондратий сбежал в коммерческое — Веник пригнал из Кронштадта катер. Придется, видимо, самой переправлять обед через озеро.

Она только собралась просить кухарку Смолкиных присмотреть за домом и Гошей, как появился Санька. Занятия красногвардейцев отменили, каратели прочесывали лес и берег Финского залива.

Узнав, чем расстроена мать, он вызвался свезти в шалаш обед. Все будто устроилось у Надежды Кондратьевны: перевозчика нашла, а оказалось не совсем ладно — Коля обидится, он хоть младший, но держится самостоятельно, ревниво встречает и старших братьев, приезжающих за озеро, считая себя там комендантом. И виноват в том Владимир Ильич, ему нравится живой, преданный мальчик. Он всерьез нахваливал Колю, называя его связным, дозорным, а то и комендантом. Дозорный он, и верно, старательный, все тропинки и подходы к шалашу не один раз обойдет за день. Никто незамеченным не вышел еще к шалашу. В прошлую среду, предупрежденный свистом синицы — Колины позывные, — отец встретил у канавы владельца сенокосного надела, разговорились о том, о сем. Николай отдал деньги за покос и увел от шалаша подальше, на грибные места, затем проводил до лодки.

Недавно Владимир Ильич дал Коле поручение встретить Дзержинского, помочь ему перебраться через топь гнилого ручья и провести в шалаш...

— Мужчина с мужчиной поладят, — успокоил мать Санька, посмеиваясь про себя над ее нерешительностью.

Взяв корзину с едой, сверток с бельем, газеты, он отправился на протоку. Коля готовил лодку в обратную дорогу, консервной банкой вычерпывал воду.

— Капитан, — уважительно обратился Санька, — возьмишь матросом?

— Без жалованья, за похлебку, — сказал Коля.

Хотя он выполнял серьезное поручение, но остался, как и был, мальчишкой.

Раздвинув кусты, Надежда Кондратьевна тайком провожала лодку. За веслами сидел старший сын. Коля стоял на носу и держал наготове багор: мало ли — мелькнет в волнах полено, доска,

Чехарда министерская продолжалась. Прочитав в газете о составе коалиционного Временного правительства, Владимир Ильич назвал Николая в шалаш.

— Керенского все круче заносит вправо, теперь у него опора — наихудшая военщина: юнкера, казаки, ударники-добровольцы. Это, Николай Александрович, начало бонапартизма в России. Контрреволюционная крупная буржуазия стремится установить свою диктатуру. «Новое» правительство Керенского — Авксентьева жалкая ширма для контрреволюционеров. Это правительство за войну до победы, оно не даст крестьянам землю.

Владимир Ильич попросил Емельянова узнать, как на оружейном и в местном гарнизоне восприняли коалиционный министерский кабинет...

...Кондратий накидал в лодку хворосту, позвал отца. За старшего караульного остался Коля. Обходя участок, он заметил, что от Сестрорецка, держа курс на лесистый берег Разлива, шла незнакомая лодка. Коля забрался на ветлу, чтобы получше разглядеть, что за люди в лодке. На корме была корзина с провизией, жбан, гитара, мандолина — едут на пикник. Коля заподозрил неладное: больно рано собрались гулять, солнце не прогрело землю, не высохла роса. Он пожалел, что с отцом уехал Кондратий. С братом вспугнули бы господ гимназистов и девицу в солдатской форме.

Оставалось сажень восемь до берега, когда лодка неожиданно развернулась и направилась к Тарховке.

— Три фута под килем, — прошептал Коля.

Он строго соблюдал инструкцию Зофа. Тот уверял, что в секрете и дышать следует осторожно, шепотом.

Скрылась подозрительная лодка, Коля спрыгнул на землю. Выбравшись на лесной пригорок, он глазам не поверил: темно-коричневые шляпки выступали из невысокой травы.

И полчаса Коля не походил по лесу, а набрал десяток белых, три подберезовика; вместо ржавой селедки будет грибной суп.

...Еще накануне Зоф предупредил Надежду Кондратьевну, что придет товарищ из Центрального Комитета повидаться с Лениным. К ночи, как свой, без стука вошел в дом Орджоникидзе. Все будто сошлось, а она

держит его на кухне, расспрашивает про питерские новости.

Зофу дома не сиделось, зашел к Емельяновым узнать, нет ли поручения от Ленина. Орджоникидзе обрадовался; кинулся к Зофу.

— Свой это — Орджоникидзе. Смело отправляй через озеро, — сказал Зоф. — Чей черед?

— Коль свой, переправим, грести у нас только Лева и Гоша не научились, — сказала Надежда Кондратьевна.

После полудня в Разлив всяких подозрительных понаехало. За протокой, на лужке, китаец продавал скатерти и широкое полотно на простыни. К Анисимовым на усадьбу проник монах, на ночлег просился. Вот и разберись: случайно зашли или подосланы?

Зоф приподнял занавеску, за окном густая темень.

— Снаряжай гребца, удобное время для переправы.

— Распорядилась, Кондратия черед, — спокойно ответила Надежда Кондратьевна.

Сергей провел гостя между кустами сирени к протоке. В лодке ожидал Кондратий. В темноте не видно было его лица, только по голосу Орджоникидзе догадался: гребец — тот застенчивый парнишка, которому была нахлобучка от матери. Он явился следом за ним, Надежда Кондратьевна сердито заметила: «С Веником опять яхшался, когда придет этому конец?..»

Кондратий умело вывел лодку по узкой протоке. На озеро надвинулась густая темнота, не было даже видно лопасти весла.

— Не заблудимся? Далеко до дачи? — спросил Орджоникидзе; он неуютно чувствовал себя в лодке с молчаливым гребцом.

— До дачи? — удивился Кондратий и уклончиво ответил: — Три четверти часа пути — и будем на месте.

Кондратий еще не пришел в себя, сердился на мать — при чужом человеке устроила проборку за Веника, а он и не встречался с ним. Что у него — своей головы нет? Раскусил: Веник — трус и звонарь. Один болван — дачник в Ермоловке — принес на вечеринку неразорвавшийся снаряд с залива. Из военных на танцах был только Веник. Он первым с перепуга махнул в окно. Трус! Не рискнул бы Веник провести лодку с динамитом и оружием мимо катера пограничной стражи, как это делал отец с товарищами Анисимовым и

Повалевым. Тайно перевозил из Финляндии винтовки дедушка с дядей Васей.

На вопросы Орджоникидзе Кондратий отвечал скупо.

— Благодатные места здесь: вода, лес, грибы, ягоды, поди, и судаки в озере водятся,— сказал Орджоникидзе.

— Курорт — комарье живьем поедает,— ответил Кондратий и больше слова не проронил, пока лодка не зашаркала по дну.

Кондратий сошел в воду, подтянул лодку к берегу.

Добрались до полянки. У затухающего костра коренастый человек в накинутом на плечи пальто наливал кипяток в кружку из жестяного чайника. Орджоникидзе принял его за хозяина покоса, направился прямо к шалашу. Кондратий позвал отца. Емельянов что-то медлил, видимо, переодевался.

Владимир Ильич — а это он был у костра,— крайне довольный, что Орджоникидзе его не узнал, незаметно подошел к нему и дружески хлопнул по плечу.

— В гости, Серго, приехали и хозяина обходите.

Орджоникидзе растерялся, как в землю врос. Без бороды и усов было не узнать Ленина, только знакомый голос.

— Обознались, я сему рад, у чужих вполне сойду за финского батрака,— говорил улыбаясь Владимир Ильич, спохватившись, сказал: — С дороги, поди, проголодались?

Николай кинул скатерку на сено. На ужин был кипяток без сахара, черный хлеб и селедка.

Затем устроились в шалаше. Зиновьев был в плохом настроении, забравшись в угол, уснул. Владимир Ильич живо расспрашивал Орджоникидзе. Интересовало его все: что происходит на фронтах, настроение рабочих столицы, Москвы и провинции. Где крестьяне выступают с оружием против помещиков и Временного правительства. Как завозят продовольствие в Петроград. Что за шаги предпринимают послы Англии и Франции, чтобы удержать в упряжке Антанты Россию.

Орджоникидзе подготовился к встрече с Лениным, он хорошо знал обстановку в стране, был в курсе дел Центрального и Петербургского комитетов партии, знал, что делается в контрреволюционных партиях.

Беседа затянулась. И у Орджоникидзе были вопросы к Ленину. Вот-вот должен собраться Шестой съезд

партии большевиков. Владимир Ильич снова подтвердил, что лозунг партии «Вся власть Советам!» нужно временно снять.

— Еще недавно, — говорил Владимир Ильич, — Советы могли взять власть. Теперь они дискредитировали себя, предали рабочих и крестьян, предали фронтовиков. Власть нераздельная у Керенского и Корнилова. Отобрать у них власть может только вооруженное восстание, оно не замедлит, не позже сентября — октября вверх тормахками полетят русские бонапартики.

Орджоникидзе был приятно ошеломлен, порадовала сила убежденности. В глубоком подполье, в условиях неслыханной клеветы и травли, Ленин неутомимо работал, определял сроки народного вооруженного восстания.

Забрезжило, проснулся Николай. Владимир Ильич и Орджоникидзе еще продолжали беседу.

— Полуночники, — с укором сказал Николай, — на свежую голову лучше думается.

— Давно с Серго не виделись, — оправдывался Владимир Ильич, — накопились неотложные дела.

Под утро они прилегли. Орджоникидзе проснулся около одиннадцати.

— Разрешите Серго и мне выкупаться, — шутливо попросил разрешения у Николая Владимир Ильич.

— На озеро пойдете только с провожатым, — Николай кликнул Колю.

Вскипятив чай, нарезав черный хлеб крупными ломтями, Николай позвал завтракать.

Завтракали на полянке, скрытой молодыми кустами.

Орджоникидзе ушел с Колей погулять по лесу. Владимир Ильич уединился, закончил статью в «Правду», написал письма Свердлову, Сталину и записку Надежде Константиновне.

Гостя перевез на другой берег озера Кондратий.

Утром крепче сон, не так уж злодействуют комары. Но как бы поздно ни ложился Николай, в шесть он на ногах. Сегодня он выбирался из шалаша особенно осторожно, стараясь не потревожить Владимира Ильича. Вечером он долго проглядывал газеты, делал пометки в тетради, чем-то был недоволен.

Под пушистой молодой березкой Николай с удовольствием потянулся, затем глянул на небо — какую ждать погоду. Вчера он со старшими сыновьями накосил воза полтора сена: подсушить — и можно копнить.

Небо обнадежило — чистое, синее. С озера задувал ленивый ветерок, шевелил листья на деревьях.

Сложив костер из сушняка, чтобы дым был посветлее, Николай подвесил над огнем чайник и принялся чистить рыбу. Вчера ребята поймали судака и окуней на уху.

Разостлали сено, до обеда успели два раза перевернуть. Оно лежало на поляне ковром шероховатым, посебранным. Николай не удержался, захватил в пригоршню сено, пропуская его между пальцами, похваливал.

— Доброе, в покров приведу корову, к весне отелится, приезжайте пить парное молоко, — пригласил он Ленина.

— Черкните, повод такой, что и на телеграмму можно потратиться, — ответил шутливо Владимир Ильич.

Колю отправили на родник мыть посуду, Владимир Ильич ушел к себе в «кабинет». Николай, бросив охапку сена под густой куст ивы, прилег отдохнуть.

Около полудня воровски налетел ветер, хлестнул по зеленой стене на берегу озера, закачались березы и осины, натужно заскрипела уродливая сосна на подмытом островке. А солнце светило по-весеннему.

— На дождь потянуло, солнцу недолго осталось радоваться, ветер скорый, часу не пройдет — нагонит тучи, — проговорил Владимир Ильич, показавшись между кустами.

— Тянет на затяжной дождь, поясницу ночью ломало, — заговорил Николай, подставляя ветру ладонь, — вымочит сено, потом суши — вкус не тот, плохо ест корова и молока даст мало.

Небольшое облачко спрятало солнце. На Финский залив надвигались темные тучи. Над лесом они круто разворачивались и грозно шли к Сестрорецку. Первый дождь пролился за болотом.

Коля и Владимир Ильич ходко сгребали сено, Николай копнил. Но до дождя не управились. Мокрые, озябшие, забрались они в шалаш, долго не могли согреться. Владимир Ильич лежал на животе, прислушивался, как за стенами крепчал дождь.

Непогода вызывала у Николая беспокойство — кончились припасы, что привезла из Петрограда связная

Токарева. На ужин осталась лишь краюха хлеба, в этакый дождь вымокнешь насквозь и чай не согреешь. Надя не раздобыла у чухонки картошки, иначе бы прислала.

За ужином ели черствый хлеб, запивали холодной водой, как вдруг в дверную щель просунулась прутьяная корзина с едой, а за ней вполз и Кондратий в пальтишке, пробитом дождем насквозь.

Посветлело, с трудом разожгли костер, кое-как обсушились. Опять заволокло небо. Как тяжело груженный поезд, зашумел ливень. Быстро намок купол шалаша, падали капли. В мокрой одежде долго ли Владимиру Ильичу простуду схватить, но переодеться было уже не во что. Николаю казалось, что беда поправима — ветер сдвинул сучья. Он вывернул фитиль в фонаре, полыхнуло пламя — на стенах шалаша слезились, все разрастаясь, темные пятна.

Уже было много за полдень, а дождь лил и лил.

Лодка спрятана в зарослях. И часа не займет переправа через озеро. После дождливого шалаша тесная кухня покажется дворцом. Хорошо бы и на полке в баньке погреться. Но эти думы Николай прогнал. Кто знает, что ждет их на том берегу. Жизнь Владимира Ильича подвергается смертельной опасности. Шестой съезд партии одобрил его неявку в суд. Реакция не скрывает, что готова на самосуд и жестокую расправу. Помимо агентов полиции в розысках Ленина участвуют сотни добровольных сыщиков. Офицеры «ударного батальона» поклялись найти Ленина или умереть. Временное правительство в преследовании своих политических противников переняло худшие методы и приемы царской охранки, а кое в чем и превзошло их.

Владимир Ильич догадался, о чем думает Емельянов.

— Переночуем, шалаш ни в какое сравнение не идет с камерой на Шпалерной,— сказал Владимир Ильич и предложил: — Подлатаем шалаш, никакой ливень его не пробьет.

Дождь подгонял, быстро нарубили веток, разорили стог сена, придавили сверху жердями, Владимир Ильич залез в шалаш, осмотрел купол, стены,— течь прекратилась.

Скинув мокрую одежду, все улеглись вповалку, накрывшись теплым одеялом. Владимир Ильич быстро

уснул. Бросив ему на ноги солдатский ватник, Николай до утра не сомкнул глаз, положив рядом ружье.

В эту ночь он думал о том, что скоро придется расстаться с Владимиром Ильичем. Сбылось предсказание стариков: август выдался ненастный, холодный, не всегда разведешь костер, чтобы обогреться, высушить одежду. Жить в лесу в таких условиях — опасно для здоровья. Со стороны Тарховки все чаще перебираются незнакомые грибники. Зоф, разделяя беспокойство Николая, сказал, что Центральный Комитет поручил Шотману найти новое подполье. Самое надежное убежище было, конечно, в Финляндии. Но как переправить через тревожную границу Ленина?

К поискам безопасной переправы Шотман привлек Рахью, хорошо знающего Карельский перешеек и приграничную полосу. Начали они с того, что выправили документы на право свободного проезда в Финляндию. Это сделать было несложно: в Главном штабе служили хорошие знакомые.

Они дотошно проверили ближние пропускные пункты в Дюнах и Белоострове. Прошли пешком по русской и финской стороне границы. Натыкались не раз на финские и русские патрули.

«Граница финляндская опасна,— доложил в Центральный Комитет Шотман,— на любом пропускном пункте Ленина опознают. Тропы контрабандистов перекрыты. Самое надежное — пересечь Ленину границу на паровозе». Надо было найти надежного машиниста, который взял бы его на паровоз кочегаром.

Возникла еще одна серьезная проблема: на станциях близ границы — посты юнкеров, карателей, шныряют агенты охраны. Безопаснее было провезти Ленина в Петроград и там на малолюдной станции посадить его на поезд, следующий в Финляндию.

В конце концов в Центральном Комитете остановились на варианте: от шалаша Ленин и сопровождающие пройдут пешком до Дибунов или Левашова, на вечернем поезде доедут до Удельной. В версте от нее была найдена конспиративная квартира.

23

Расстроенный вернулся из Петрограда Зоф. Прошло несколько часов после встречи на явке, а в ушах спокойный, требовательный голос Свердлова:

«Поймите, власть у воинского начальника — отправит мастеровых призывного возраста в окопы. Размагнитились, не революции служите, а бонапарту Керенскому».

Зоф захорохорился, Свердлов вынул из телефонной книги закладку, оказавшуюся копией записки начальника завода.

— «Желательно отправить на фронт нижеследующих мастеровых», — прочитал вполголоса Зоф и усмехнулся: — Честь-то, честь, моей фамилией список открывают, хотят напялить шинель.

— Лучше бы избежать подобной чести, — сухо перебил Свердлов, — избавляются от революционно настроенных рабочих. Это же равносильно крупному провалу.

Нагоняй подействовал, Зоф иными глазами взглянул на список: занесены только большевики и сочувствующие. Начальники мастерских жертвуют даже хорошими специалистами.

Прощаясь, Свердлов успокоил, ободрил приунывшего было Зофа.

— Наш комитет называют Центральным, — говорил Свердлов, — нам положено знать больше. Предупредили вас о коварной ловушке, теперь действуйте, провалите отправку на фронт.

Список у военного начальника подменили, но Свердлов опять недоволен, вызвал Зофа.

— Топорная работа, — говорил он, — допустим, отправят на фронт сынков деревенских богатеев и лавочников. Завтра или послезавтра генерал или полковник хватятся: Зофу положено в теплушке трястись, а он...

— Иного ничего не придумали, — признался Зоф, — советовался с Кубяком.

— Белые билеты сложно достать? — спросил Свердлов. Вынув из стола десятка полтора бланков белобилетников, сказал: — Заполните. Помните, терять преданных партии людей в такое время, — преступление. Юнкера и солдаты занимают главные станции Приморской дороги и белоостровского направления. В газетах все настойчивее преддверие Финляндии называют местом, где скрывается Ленин.

Откровенный разговор заставил Зофа задуматься. Шалаш за озером стал опасен и для здоровья Владимира Ильича. Нужно, чтобы в Центральном Комитете поторопили Шотмана.

— Сосчитайте, сколько раз за минувшую неделю шел дождь?— спросил Зоф.

— Не знаю,— смутился Свердлов и поежился.— Да, в лесу чертовски промозгло, в городской квартире — и то протапливали, как-то там Владимиру Ильичу живется...

Вскоре в Разлив к Емельянову приехал Шотман. Зоф на встречу опаздывал. Николай не знал, что и думать.

А случилось вот что с Зофом. У лодочной станции прицепился «хвост». Зоф завел его в Александровскую и сбежал.

Шотман нервничал: в самом Центральном Комитете мало кто знает про поиски нового подполья Ленину. У Рахьи клещами опрометчивого слова не вырвешь. Свердлов и близкого друга не посвятит в строжайшую партийную тайну. Но сыщик-то прицепился к Зофу? Что за причина? Шотман прямо об этом и спросил:

— За слежку мастера придется благодарить,— ответил Зоф,— косится, спит и видит подставить мою милость под немецкую пулю.

— Возможно, это ваши внутренние дела,— успокоил себя Шотман. Он верил в конспираторский талант Свердлова. Версия Зофа близка к истине, случай спас его от маршевой роты. Шотман потребовал рассказать подробности, как Зоф перехитрил шпика.

— Увалень, а не детектив,— весело заговорил Зоф.— Поводил я его по Тарховке и Александровской, в пот вогнал, а минуты за три до прихода поезда из Петрограда зашел в отхожее место. И соглядатай — за мной. Выждал — сбросил он с плеч подтяжки, я выскочил и поленом подпер дверь.

— Удачно отделался,— похвалил Шотман и обратился к Емельянову, продолжая прерванный разговор.— Так как же с документами?

— Сделал набег на канцелярию.— сказал Николай.— Бланки пропусков там испорченные.

— С помаркой — не документ,— сказал Шотман.

— Достану пропуск непорченный,— обещал Николай,— хранятся они у помощника начальника завода, а он, дьявол, не вылезает из кабинета. Обедать уходит — дверь на замок... Не выкуришь, был закадычный приятель на стрельбище, да схлопотал тюрьму за нарушение сухого закона.

— Берусь выволочь из норы генерала,— предложил Зоф.

— Решайте, бланк требуется настоящий, с печатью. Ни малейшего подозрения не должен вызывать документ,— требовательно наставлял Шотман.

Время идти на поезд. Шотман надел шляпу, преобразившись в петербургского барина, подкинул и поймал тросточку. Зоф встал в дверях.

— Десятка три надежных красногвардейцев можем выставить,— сказал он,— мало ли что случится, на приграничных станциях — патрули юнкеров, рыскают гимназисты.

— Лучше заранее все предусмотреть, чтобы начисто отрезать все эти «мало ли что»,— резко возразил Шотман.— Каждый лишний и свой человек опасен. Итак, напоминаю, пропуск надо добыть без помарочек. Парик я достану, карточку наклеим настоящую, фотографа редакция «Правды» пришлет. С Лениным он знаком. И последнее: не мешает хорошенько разведать местность от шалаша до станции.

Николай фыркнул: кому Шотман предлагает разведать местность? Дорогу на Дибуну и Левашово он знает не хуже собственной ладони.

В Финляндии Ленину будет спокойнее жить, имея при себе удостоверение Сестрорецкого оружейного завода. Но как раздобыть добротный бланк? Буквально на другой день после отъезда Шотмана Николай, проходя по коридору конторы, заметил, что дверь кабинета помощника неплотно прикрыта, прислушался: никого нет. Не раздумывая, он вошел — и прямо к столу; глазам не поверил: возле чернильного прибора лежала пачка новеньких заводских пропусков. Вытащил из середины бланк и опустил в карман.

Снимок у фотографа получился удачный, в гриме и знакомые не узнают Ленина. Пропуск положили в папку на подпись. Генерал удостоверил: «Предъявителю сего Константину Петровичу Иванову разрешается вход в магазинную мастерскую завода до 1 января 1918 г.».

Кончился сенокос, портилась погода, ночью промозгло и холодно. Стали все чаще на лодках перебираться за озеро грибки. Николай кинулся к Зофу.

— Жди команды, в Петрограде не меньше нас беспокоятся,— сказал Зоф.— Свердлов что-то проверяет

В тот же вечер в Разливе появился Шотман. С ним был среднего роста человек, с густыми усами, в наглухо застегнутом пальто. Он и в комнате не снял фуражку, низко надвинутую на лоб.

— Рахья,— представил его Шотман.— Приехали закрывать шалаш.

— Лодка у причала,— сказала Надежда Кондратьевна.— Выясню, чья очередь на веслах. Мои ребята любят бывать в шалаше.

С грустью Владимир Ильич прощался со своим «зеленым кабинетом». Сколько здесь написано: «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях», «Благодарность князю Г. Е. Львову», «Начало бонапартизма», «Уроки революции». Здесь он продолжал работать над задуманной еще в эмиграции книгой «Государство и революция»...

В темноте покинули шалаш, шли строго гуськом за Емельяновым. За поворотом дорогу преградила глубокая канава, полная воды, еще неделю назад в ней было сухо. Николай, чертыхаясь, притащил жерди, срезал молодую березку. Перебрались через канаву по одному

Идти в кромешной тьме было тяжело, подстерегали кочки, коварные ямки, прикрытые опавшими листьями.

— Немного осталось— и выберемся на «Невский»,— ободрял спутников Николай.

Прошли версты полторы, пока почувствовали под ногами утоптаный проселок. Неожиданно тропинка оборвалась у ручейка, пришлось разуться, закатать штаны.

Еще с версту оставили позади, пора бы выбраться на дорогу, а под ногами все те же кочки, ямы, валежник. Николай и думать не смел, что сбился с пути. Столько хаживал сюда за грибами, ягодами— и никогда не блуждал.

Скоро Шотман почувствовал запах дыма.

— Горит,— предупредил он,— не дай бог, торфяник.

— Шалопутные грибники костер оставили, вот дымком и пахнуло,— успокоил Николай.

Выбрались из соснового подроста на узкую прогалину; дым щипал глаза, с каждым шагом дышать становилось труднее.

— От костра столько дыма не будет. Это же торф горит, черт знает куда завел,— прикрикнул на Емельянова Шотман, но сразу смягчился: в такой тьме немуд-

рено сбиться с дороги.— Учти, Сусанин, мы не шляхтичи.

Николай с ужасом подумал, что потерял способность ориентироваться,— и это в лесу, исхоженном вдоль и поперек.

— Сбился,— сказал он, раскаиваясь, что не послушался Шотмана. В темноте-то, выходит, просто заблудиться и в знакомой местности.

Спутники Емельянова встретили неприятность по-разному. Шотман старался сориентироваться. Он прислушивался, вглядывался в темноту, надеясь, что по шуму и свету паровоза удастся определить, где они находятся. Владимир Ильич был спокоен, шутил.

— Сделайте, Николай Александрович, любезность, уведите нас с горячей сковородки,— попросил он, когда нестерпимо запахло гарью.

— С таким провожатым опоздаем к самому последнему поезду,— бурчал Рахья. Про себя он еще хуже ругал Емельянова: местный старожил — и ухитрился в трех соснах заблудиться.

Попросив своих спутников передохнуть, Николай отправился на разведку. Он скоро выяснил, что торф горит на высохшей за жаркое лето низине. Здесь он не однажды собирал клюкву, отдыхал под одинокой сосной на дюне, похожей на древний могильный курган. Теперь-то он не ошибется: нужно взять вправо.

Обратно он шел напрямик, быстро, но ни одна ветка не выстрелила, не хрустнула.

— Походка кошачья — на медведя ходить,— похвалил Владимир Ильич.— Выводите нас быстрее, а то Рахья подыскивает, где ночлег устроить.

— Выведу, самому стыдно: так безбожно заплутаться! Хочешь не хочешь, а поверишь в лешего,— сказал Николай, довольный, что наконец нашел дорогу к станции.

Спустя минут сорок темноту просверлили робкие огоньки.

— Никак к Левашову вышли? — удивился Николай.— Неужели уже столько верст отмахали?

Из густого кустарника выбрались на заезженный проселок. Шотман, вглядевшись в огоньки, сказал:

— Это, братцы, не Левашово, там у станции дом каменный, трехэтажный.

Николай пригляделся: огни тусклые и почти у самой земли стелются.

— Дибуну,— узнал он станцию.

На платформе робко светили фонари. Сновали военные, подтянутые штатские, где-то гулко хлопала дверь.

— Станцию юнкера давно оседлали,— сердито проговорил Рахья.— А вот что за штатские снуют — не пойму, не пассажиры — ночь на дворе.

Безопаснее пробраться на станцию, конечно, Емельянову. Мастеровой с оружейного, не чужой в здешних местах, засиделся у приятелей. Но вызвался в разведку Рахья. Документы у него настоящие, фини, в случае чего, отговорится: навещал родных. Близ границы расположены финские деревни.

По платформе бродили сонные солдаты, воинственно вышагивали юнцы, у одного была за плечом винтовка. Рахья, выяснив обстановку, никем не замеченный, шмыгнул в кустарник, пробрался к своим.

Владимир Ильич предложил уйти под откос железнодорожного пути и притаиться в кустарнике. Так и сделали. Теперь нужно было узнать: будет ли еще поезд на Петроград, а заодно купить билеты. Отправился Николай. В это время на крыльцо вышел щеголеватый юнкер, поскрипывали новые, не притершиеся на нем ремни портупей. Он что-то крикнул, из темноты под свет фонаря выступили два солдата. По команде они зарядили винтовки и за юнкером направились к Белоострову по тропинке вдоль полотна.

«Прочесывают подходы к станции»,— Николаю стало страшно; могло ведь юнкеру прийти в голову начать проверку местности по ту сторону пути, где в кустах прячутся Ленин и сопровождающие.

Через окно Николай увидел: в комнате дежурного полно солдат. Столько их пригнали на маленькую станцию — видимо, плотно перекрыта дорога в Финляндию. Пораздумав, он обрадовался: это даже к лучшему,— менее строгий досмотр за поездом в Петроград.

Вот-вот должен подойти из Белоострова поезд. Что-то нужно придумать, чтобы Владимир Ильич мог незаметно проскользнуть в вагон. Самое простое — привязаться к юнкеру, фанаберии у них — хоть отбавляй, возникнет скандал, это отвлечет внимание патрульных от прибывающего поезда.

Николай поднялся на крыльцо, никто его не остановил. Вот незадача! Помешкав, он приоткрыл дверь в комнату дежурного.

— Подглядываешь? — кто-то грубо дернул его за плечо.

Сзади стоял тот самый щеголеватый юнкер. Николай этому был рад — значит, вернулся патруль.

— Пересолился за ужином, пришел напиться, а в баке ни капли, — сказал Николай и насмешливо спросил: — Простому смертному и воды нельзя выпить?

— Нальешься, захмелеешь от шомполов.

— Эх ты, без пяти минут офицеришка!

Юнкер втолкнул Николая в дежурную комнату.

— Сейчас иначе запоешь.

— Да ну! — Николай выскочил из дежурки. Он твердо рассчитал, что за ним увяжется юнкер.

— Хам, прикусишь язык, — крикнул юнкер и догнал Емельянова на платформе, как раз против крыльца.

— Здесь не казарма, — вызывал на скандал юнкера Николай.

— Совсем распоясалась мастеровщина, — юнкер, со злостью повернув Николая за плечи, истерически крикнул ему в лицо: — Ты кто такой? Большевик?

— Человек, — ответил Николай.

Юнкер уловил в его голосе насмешку.

— Документы, — юнкер не говорил, рычал. — С Выборгской стороны?

— Вида на жительство не ношу, работа грязная, запачкаю, — Николай нарочно говорил громко и медленно.

Собралось вокруг них человек восемь. Были здесь солдаты из патруля, гимназисты, потасканная женщина в военной гимнастерке.

— Стучу не в Петрограде, ближе, на Сестрорецком оружейном, — продолжал Николай, едва скрывая радость: затевается скандал, юнкер уже в амбиции.

— Врешь, по морде вижу — не сестрорецкий — зорал юнкер. — Кто там начальник?

— Живем сейчас при временном начальнике, а был генерал Гибер.

— Помощник.

— Смотря какой. По технической части генерал-майор Дмитревский, — отчеканил Николай.

— Доктор?

— Гречин пишется, а прозвище — Греч, подлее скотины не сыскать на белом свете, — сказал Николай.

— Как ты смеешь, это мой дядя, — юнкер затопал ногами. — Можешь не скрывать, кто ты! По роже вижу — большевик!

— Нет, православный,— Николай прикинулся недалеким мастеровым.

— Спрашиваю про партию.

— Что ж, можно потолковать и про партию, много их поразвелось, а стоящая одна — демократическая, к рабочим она близка. В мастерской у нас говорят, что большевики — люди хорошие.

— Вот кто ты,— юнкер замахнулся, а ударить не посмел: остановили глаза Николая, умные, злые.

— Большевиков расстреливаем на месте,— угрожающе крикнул юнкер.

— Без суда, свобода вам, юнкерам, такая вышла? — спросил Николай.— Керенский стрелять приказал? Есть на то мандат?

Юнкер хоть и хорохорился, а соображал: мастеровой не из серой скотины, такого не запугаешь, по морде дадешь — забастовкой как бы не аукнулось. От дяди он слышал, что на оружейном теперь каждый второй — большевик, а не то — сочувствующий.

Николай же больше всего сейчас боялся, что юнкер прикажет солдатам увести его в дежурную комнату. Он решил сопротивляться, драку затеять.

Приближался из Белоострова поезд, паровоз осветил макушки деревьев. Показался франтоватый дежурный на крыльце.

— И кадетов с октябристами, господин хороший, приказано стрелять? — спросил наглово Николай.

Патрули — солдаты и старший их — не спешили к поезду, с интересом наблюдали за возникшим скандалом и гимназисты.

— Арестую,— юнкер побагровел.

— А бумагу на то имеешь? — спросил Николай, думая об одном — скорей бы отошел поезд.— Это при царе городские хватали, не то времечко. Свобода всем в России дана!

На станции ударили в колокол. В окне дежурной комнаты замелькали вагоны. Бросив взгляд на безлюдный конец платформы, Николай первый раз за долгий вечер улыбнулся — Ленин и сопровождающие уехали.

— Отправить арестованного к военному коменданту в Белоостров,— приказал солдатам юнкер, понявший, наконец, что он вел себя по-мальчишески, вступив в перепалку с мастеровым.

Подошел поезд из Петрограда. По знаку юнкера

солдаты схватили Николая, завели руки назад, втокнули в пустой вагон сонного поезда.

— В военно-полевой суд дорога прямая,— с усмешкой крикнул юнкер. Записав номер вагона, он кинулся в дежурную комнату.

«Осел»,— обругал юнкера Николай и подошел к двери, дернул, налег— не поддается. Кинулся в другой тамбур, тоже заперто. Через несколько минут Белоостров. На ходу выброситься из окна— калекой бы не остаться. Оставалась надежда: второй час ночи, комендант в Белоострове дрыхнет, юнкер не успеет созвониться, а патруль досмотра он обманет, притворившись пьяным.

В Белоострове вагон открыл старший унтер-офицер Смирнов, давний знакомый Емельяновых.

— Вот те на, в государственные преступники угодил,— сказал он, направляя на Николая свет электрического фонаря.— Чего не поделил с молокососом в Дибунах?

— Разные у нас взгляды. Я большевиков хвалю, говорю, что люди хорошие, а он грозит их всех перестрелять. Второе наше существенное разногласие по части Греча, доктора. По-моему, это подлец из подлецов. А тому юнкеру он родным дядей приходится.

— За свою родословную стоит юнкер,— сказал Смирнов.— А кашу, Николай Александрович, зря заварил. Еще счастливо отделался. У юнкеров руки не связаны, для них большевик— человек вне закона, хлопнут— и аминь. Тебе еще повезло, на самовлюбленного кретина нарвался,— Смирнов потушил фонарь, выглянул из вагона: — Беги.

— А как же...

— За меня не беспокойся, доложу: никого не обнаружил в вагоне. Жаловаться дурошлеп побоится.

— Спасибо, будешь в Новых местах, заходи,— пригласил Николай и скрылся в темноте ночи.

Перебравшись на другой берег Сестры, он оглянулся. На станции, у сонного поезда, взад и вперед метались огоньки. Солдаты искали арестованного. В темноте ночи опасность подстерегала Николая на каждом шагу, но на душе было спокойно— самое главное поручение партии выполнено.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С той памятной ночи, когда Владимир Ильич покинул шалаш за озером, много минуло событий...

...На склоне лет, пока еще позволяло здоровье, Николай Александрович в теплый июльский день выходил к протоке, пересекал на старой лодке озеро, подолгу бродил по берегу, выходя к лесной лужайке, где любил гулять Владимир Ильич в короткие минуты отдыха.

Ведь это к нему, Николаю Александровичу, жене Надежде Кондратьевне, Вячеславу Ивановичу Зофу, организации большевиков Сестрорецкого оружейного завода относились сердечные слова Ленина:

«После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий».

Тревожный, полный опасности месяц жизни бок о бок с Владимиром Ильичем и общение с ним по-новому открыли мир Николаю Александровичу. Он понял, что большевик — это тот, кто беззаветно служит своему народу.

Проводив Ленина в Петроград, Николай Александрович уже на следующий день явился в отряд Красной гвардии.

Узнав от Зофа, что последнее время Емельянов спал в сутки по два-три часа, Грядинский предложил ему отдохнуть недельку.

— Споем Керенскому и компании «со святыми упокой» и вволю выспимся, — отшутился Николай Александрович. — Ждать осталось недолго. Ленин говорил, что в сентябре, самое позднее в октябре покончено будет с Временным правительством.

— Дня, значит, нам нельзя терять, — сказал Грядинский.

— Час для революции — и то дорог, — поправил Николай Александрович. — В Петрограде очень надеются

на наш отряд, хорошо бы в нужный момент выставить штыков семьсот — восемьсот...

— Тысячу лучше, — со значением сказал Грядинский.

— А двести можно прибавить...

— Прибавим, — сказал Грядинский, — винтовки нам не занимать.

Почти полторы тысячи рабочих записались в Красную гвардию. Николай Александрович учил оружейников тому, что узнал сам у Ленина: каждый солдат народной армии должен уметь стрелять из винтовки, револьвера, уметь метать гранаты.

Много старания Николай Александрович приложил, чтобы и в 1917 году его родной завод стал арсеналом революции. Тысячи винтовок поступили из Сестрорецка в отряды Красной гвардии столицы и провинции. Только в дни наступления Корнилова на Петроград рабочие взяли: из магазина второго отдела — винтовок трехлинейных со штыками и принадлежностями — 2668, патронов обыкновенных — 112 800, усиленных — 3000. Из образцовой мастерской — кавалерийский пулемет — 1.

Первого сентября начальник Главного артиллерийского управления в панике доносил петроградскому военному губернатору: «Изготовленные винтовки немедленно отбираются рабочими». В бешенство приходил Керенский, если упоминали сестрорецких оружейников, но ничего не мог поделать с мятежным заводом.

В канун вооруженного восстания завод отправил в Петроград винтовки и патроны. Ответственность за доставку транспорта оружия и боеприпасов партийный комитет возложил на Николая Александровича. В Смольном ему поручили выдавать винтовки и боеприпасы отрядам Красной гвардии.

Около семи часов вечера 24 октября в Смольный прибыл из Сестрорецка вооруженный отряд — семьсот человек, а к часу ночи — второй — пятьсот человек.

Оружейники встали на охрану Смольного. В два часа ночи Военно-революционный комитет поручил командиру отряда создать тринадцать оперативных групп для захвата типографий, в которых печатались газеты контрреволюционных партий.

В составе второго отряда были Василий и Иван Емельяновы. Они участвовали в захвате типографий, в разоружении юнкеров военно-инженерной школы, затем прочесывали прибрежную полосу от станции Лахта до

Сестры. Вылавливали офицеров, анархистов, богачей, вывозивших в Финляндию ценности.

У Николая Александровича было столько дел в Смольном, что он не мог найти и четверти часа, чтобы повидаться со своими земляками. От красногвардейцев, прибывающих за оружием, он узнал о штурме и падении Зимнего. В Актовом зале Смольного ему посчастливилось услышать исторический доклад Ленина о задачах советской власти.

После установления Советской власти Николаю Александровичу предлагали ответственные посты, но он отказывался, вернулся на свой завод, не мог лишиться себя радости, которую испытывал, изготавливая сложные и точные инструменты.

Всегда охотно, с большой готовностью Николай Александрович выполнял поручения Ленина. В 1918 году Емельянов вывез из голодающего Петрограда в Саратовскую губернию эшелон детей.

В 1919 году Николая Александровича избрали председателем Приморско-Сестрорецкого районного Совета. Спустя два года — новое поручение партии. Несколько лет он работал в Берлине и Ревеле уполномоченным Народного комиссариата внешней торговли.

Но куда бы партия его ни посылала, он никогда не забывал свой Разлив, свой завод и свою главную должность на земле — должность рабочего человека.

Из памяти народной не изгладятся заслуги перед революцией династии рабочих оружейников Емельяновых. Правительство наградило Николая Александровича орденом Ленина, Надежду Кондратьевну — орденом Трудового Красного Знамени, отмечены правительственными наградами Василий и Иван Емельяновы.

До конца своей жизни Владимир Ильич и Надежда Константиновна сохраняли добрые отношения с хозяевами подполья в Разливе.

ОН ЖЕ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

ПОВЕСТЬ

Первые дни осени 1901 года.

В университетской канцелярии Шура Игнатьев узнал, что принят на естественное отделение физико-математического факультета. Теперь в С.-Петербургском университете он не чужой, можно не спеша прогуляться по знаменитому коридору.

— Почтение преобразователю природы,— услышал Шура за спиной знакомый голос.

Белоцерковец! Долговязый, угловатый, светловолосый.

— И ты... в университет?— воскликнул Шура.

Они не виделись после выпускного бала в гимназии. Белоцерковец уехал к родственникам в деревню, а Игнатьев все лето провел в Финляндии, в родительском имении Ахи-Ярви.

— Не здешние мы,— весело заговорил Белоцерковец.— Мы из института путей сообщения. Слышали про такой? Так что, Шура-Александр, наши дороги разошлись. Пока ты выведешь свою игнатьевскую пшеницу, я изобрету такую сигнализацию, что на железных дорогах не будет больше крушений.

— А в университете ты что делаешь? — спросил Шура.

— Тебя разыскиваю. Был у твоих на Забалканском, сказали, что ты здесь. Едем в Петергоф. Володька Наумов рвется в Сибирь, отец просил повлиять. Загубит Володька молодость в ненужных скитаниях. Науки и карьера его не интересуют.

Последнее время с Володей Наумовым происходило неладное. Еще недавно был дельным, жизнерадостным парнем. Вместе с Игнатьевым и Белоцерковцем печатал на мимеографе листовки с критикой гимназических порядков. А теперь замкнулся в себе. Как-то сказал: «Жестокый мир невозможно перестроить. Спрашивается: зачем жить?»

— Володя глубоко убежден,— тараторил Белоцерковец,— что спасти Россию может лишь бомба, убийство царя. Ему объясняют, что вместо ходынского царя трон займет следующий. А он — только свое.

— Что же, едем,— согласился Шура.— А что предложим бомбометателю вместо Сибири?

— Я ему до упомощения нахваливаю путейский. Но думаю, Володьке неплохо бы и сюда. Из Петербургского университета вышло немало бунтарей. А у Володьки дух самый что ни на есть бунтарский.

— Каждый честный и думающий человек в России сейчас непременно бунтарь,— задумчиво ответил Шура.— Жаль лишь, что Володьке по духу ближе анархисты. Вряд ли нужно взваливать всю вину за происходящее в России на одного царя. Наш самодержец — пешка, вставленная в позолоченную императорскую рамку, не больше. Самодержавие — вот кто враг России.

— О-о-о! — протянул Белоцерковец.— Прогулялся разок по университетскому коридору и уже вон какими масштабами мыслишь.

Они спустились по лестнице, миновали вестибюль и вышли на набережную. Нева сверкала под сентябрьским солнцем. Деревья на противоположном берегу казались золочеными.

— Баста,— сказал Шура, когда приятели свернули к наплавному мосту через Неву.— Хватит про это. Как дела-то твои, нашел ли ту фею с маскарада?

Подшучивая, вспоминая веселые проделки в гимназии, вышли на кольцо конки у Александровского сада. На имперiale проезд дешевле, дышится хорошо и всего насмотришься, но Белоцерковец направился в салон. И покотился, звеня и поскрипывая, старый вагон.

Отец Володи Наумова увидел приятелей сына из окна; выскочив на улицу без фуражки, провел их в дом. Выставил на стол вазу с грушами и сельтерскую воду, заговорил тихим, больным голосом:

— Не в своем уме Володя, лишился рассудка, стихи ужасные сочиняет. На виселицу его отправят или в крепости сгноят. Пробовал его усовестить, умолял пожалеть хоть нас, родителей. Ведь выгонят меня со службы и пенсии не положат.

Володин отец налил сельтерской, отхлебнул, прокручивая в ладонях бокал, продолжал:

— Бога молим, чтобы влюбился. Я ведь при дворце служу, столько красоток у нас. Сегодня вот утром племянница главного садовника позвала его играть в лаун-теннис — отказался. А спустя полчаса сорвался, ушел на лодке в залив. Помогите, век не забуду, отвлеките вы дурня. Далась ему эта революция. Мир так устроен: одни богатые, другие бедные. Одни счастливы, другие несчастливы. У бога и то нет сил переделать мир.

До темноты Шура и Белоцерковец просидели на причале, но так и не дождались Володю. После узнали, что он заночевал у знакомых в Мартышкине.

А спустя две недели Шура получил письмо из Сибири. «Плыву по Тоболу,— писал Володя Наумов.— Мне повезло — дешево устроился на хлебную баржу. Шкипер — политический, выслан из Петербурга за участие в забастовке на Невской бумагопрядильной фабрике».

2

После завтрака Михаил Александрович Игнатьев не спешил на службу. Хотел разузнать, какие снова у Шуры, у старшего сына, затруднения. Молчалив стал последнее время, замкнут. Карманные деньги взял на неделю раньше, и тех не хватило. Вчера Миша натаскал ему из своей глиняной копилки рубль серебром и медью.

Считай, совсем взрослый человек Саша! Университет кончает, и все несет его куда-то не туда. И куда же его вынесет, сына, что с ним станет?

Английские старинные часы в высоком футляре хрипло прожужжали, затем пробили три четверти десятого. Все домашние разошлись. Постучавшись, Михаил Александрович открыл дверь в комнату сына. Шура стоял у окна.

— Чем младшего брата грабить,— посмеиваясь, начал Михаил Александрович,— взял бы лучше у меня, у денежного туза.

— Спасибо, папа,— ответил Шура.— Мне пока не нужно, скоро за уроки получу. А у Миши я в долг взял.

— Опять репетитором устроился? — встревожился Михаил Александрович.— Это ведь будет мешать твоим занятиям в университете — вновь пропуски, отсрочки. Смотри-ка, вон твой Белоцерковец уже без пяти минут инженер-путеец.

Шура понимал тревоги отца. Да, редко студент Игнатьев стал появляться на лекциях. К экзаменам гото-

вился по ночам, часто и внезапно куда-то уезжал, возвращался домой без сил. Михаил Александрович догадывался о причине частых отлучек сына. В Петербурге прошли аресты, оставшиеся на свободе социал-демократы и сочувствующие революции работали за троих — пятерых.

— Ничего, выкарабкаемся,— пообещал Шура.— Университет я все равно закончу. Это я тебе обещаю, отец.

— Обносился ты, как я погляжу,— сказал Михаил Александрович, вынимая из бумажника тридцать пять рублей.

Шура заколебался.

— Обойдусь до репетиторских.

— Умоляю, не позорь мои седины,— пошутил Михаил Александрович и деловито посоветовал: — Купи готовый на каждый день. У портного-немца на Загородном, недалеко от Пяти углов, выставлен в витрине шевиотовый костюм, твоего размера, очень даже приличный...

Вечером, возвращаясь из Городской думы, Михаил Александрович велел кучеру проехать по Загородному. В витрине по-прежнему стоял манекен в шевиотовом костюме с табличкой на животе «Продается».

Да что же это? И деньги взял, и снова, видимо, пустил их куда-то не туда.

В начале двенадцатого ночи в квартире все угомонились. Михаил Александрович сел за стол, решил написать письмо прасолу. Да и сына хотелось дождаться.

Шура явился около часу ночи, на цыпочках пробрался на кухню. Михаил Александрович слышал, как скрипел под осторожными шагами паркет.

Письмо не получалось. Михаил Александрович разорвал черновик и неожиданно решил отложить разговор с сыном до утра. Утро вечера всегда мудренее, тем более — ночи. Отправился в спальню, но спохватился, что бутылку сельтерской воды оставил на буфете. В столовой кто-то спал чужой, укрывшись с головой старой шинелью Михаила Александровича. У дивана стояли забрызганные грязью юфтевые сапоги с загнутыми голенищами.

Проснулся Михаил Александрович рано, заглянул в столовую. Там никого уже не было. Диван прибран, шинель висела на положенном месте в передней.

Михаил Александрович увел Шуру в кабинет, без обиняков спросил:

— Кто ночевал у нас?

— Парень с Выборгской стороны, его разыскивает полиция,— Шура не запирался, но говорил нервно.— Он не преступник. По приговору товарищества избил на Флюговом переулке до полусмерти провокатора. Из-за этого провокатора многосемейный рабочий с «Айваза» угодил на бессрочную каторгу.

— Зачем же ты так рано выпроводил его? Объяснил бы кухарке, что нанял плотника на поделки в имени или еще что,— понизив голос, заговорил Михаил Александрович.— Есть ли у человека деньги? В меблированных комнатах на Лиговке можно ненадолго остановиться и без прописки.

— К семи утра ему надо было на Николаевский вокзал,— сказал Шура.— Да я и не хотел, чтобы его видели у нас в доме. Зачем лишние толки. Человека затравили, трое суток он бродил по улицам. Когда мне его передали, он чуть не стоя спал.

— Что же ты мне не сказал,— покачал головой Михаил Александрович,— я устроил бы его и без паспорта к себе на бойню, фамилию он мог бы назвать любую.

— В Мытищи он поедет. Чистый вид на жительство Ладоха достал, он и денег дал на жилье, и угол... Помнишь Ладоху? В гимназии у нас преподавал. Настоящий товарищ, верный. Мы до сих пор дружим. А костюм я куплю недели через две,— сказал Шура,— на репетиторские. Твои деньги отдал жене осужденного на каторгу. В крайней бедности осталась семья.

— Немец еще не продал костюм,— Михаил Александрович открыл стол, достал четвертной билет.— Надеюсь, что за ужином увижу тебя в обновке.

Почти весь день Михаил Александрович провел на колесах, ездил к ученому химику на консультацию. Болдают, покрываются зеленой пылью бронзовые скульптуры быков у главного входа городской бойни. Затем побывал в министерстве, оставил прошение: мало средств отпускали на содержание первой в России станции микроскопического исследования мяса и на Городской мясной патологический музей. Это ведь научный центр ветеринарии в России! А из головы не выходило: купил ли Шура костюм? Смотритель городской бойни Максимов, и тот одевает сына у Клода Фуше, отменного, пожалуй, лучшего сейчас петербургского портного. А Игнатьевы

богаче. Да еще после смерти Аделаиды Федоровны в Шура отошло имение Казимирских...

Возвращался Михаил Александрович домой нарочно по Загородному. В витрине стоял тот же манекен, но в костюме драгуна.

Михаил Александрович велел кучеру развернуть коляску.

— К Елисееву, забыл купить шампанского.

3

«Счастливая» улица! Злой человек дал ей такое название...

Скопище прокоптевших, сгорбленных деревянных домишек, покосившихся сараев, курятников. От дома к дому лежат дощатые мостки, хлюпающие под ногами. Здесь с ранней весны до жарких июльских дней деревенская распутица.

В приземистый дом с окнами, наполовину заваленными сеном, чтобы не выстуживало, Шура приходил раз в месяц. В большой комнате, поделенной ситцевыми перегородками, в одном из закутков собиралось до десяти человек. Шуру сажали под мрачную икону богородицы, молча, напряженно слушали. Простый раз он рассказывал о русско-японской войне, падении Порт-Артура.

— Бессчетно полегло там мастеровых и мужиков за эту проклятую крепость. Царь, нужно отдать ему должное, никого не забыл, всем им отвалил по деревянному Георгию, — сказал клепальщик с верфи.

Когда у Шуры было хорошее настроение, он добирался к себе на Забалканский проспект пешком. Но сегодня ушел из этого дома на Счастливой около полуночи подавленный. Мастеровые и ткачихи слепо верят попу Гапону, верят в справедливого царя. Люди забыли Ходынское поле. Клепальщик, тот самый, что недавно осуждал Николая II за русско-японскую войну, сказал:

— Царя обманывают министры и придворные. Он не знает, как мы живем. Отец Гапон прав: собраться всем миром, с иконами и хоругвями пойти к Зимнему, там рассказать царю о своей тяжелой доле и обидах. Узнает царь-батюшка правду — строго накажет виновных, вздохнут люди.

За осенние и зимние месяцы было столько переговорено в доме на Счастливой. И ведь понимали Шуру,

соглашались с ним. И про восьмичасовой рабочий день, и про отмену штрафов, и про полную оплату за дни, пропущенные по болезни. А теперь вдруг все сломалось. Поп сумел каким-то образом перевернуть людские души.

На явку — в столовую Технологического института — Шура пришел сникший, расстроенный, шапку снял, а перчатки забыл. Ладоха понял его настроение, спросил:

— Идут за Гапоном?

Шура не ответил, только ниже опустил голову.

— И с Выборгской стороны собираются, — сказал Ладоха. — Как бы царь не встретил манифестантов на гайками да свинцом...

В воскресенье Шура встал рано. Проверил ящики стола. Сжег все, что могло кинуть малейшую тень подозрения на кого-нибудь из знакомых. Закончив с бумагами, оделся. В это время из кабинета показался отец.

— Не ходи, Шура, — попросил Михаил Александрович. — В городе неспокойно. В полках отменены увольнения в город, офицеры на казарменном положении. Ночью по Забалканскому к центру проехали казаки. С вечера околоточный обходил дворников. Нашему Силантьевичу тоже велел поглядывать и о непозволительных сборищах доносить в участок.

— Да, я знаю, в городе неспокойно, — согласился Шура. — И все-таки, папа, я пойду. Мне нужно быть на Дворцовой площади, так договорились.

Михаил Александрович больше не пытался отговаривать сына, лишь, положив руку ему на плечо, сказал:

— Береги себя.

На Забалканском проспекте было тише, чем в обычное воскресное утро. Но тишина эта оказалась обманчивой. На бирже стояли скучавшие извозчики. В доме напротив городской бойни наглухо запахнулись ворота. Угрюмые дворники топтались на панели. Редкие прохожие пугливо поглядывали по сторонам.

За Технологическим институтом городских стало больше, зачистили околоточные, казачий патруль осматривал дворы вокруг Сенной площади.

По Невскому к Зимнему не пробраться. Но Шуре удалось перебежать за конными городскими через проспект на Большую Конюшенную, а дальше проходным двором на Мойку, к Певческому мосту.

У Капеллы собралась толпа — мастеровые, лавочники, мелкие чиновники, студенты. Спешили на Дворцовую площадь, да застряли у моста. Боясь прозевать выход Николая II из Зимнего дворца, обыватели ругали спешившихся кавалергардов.

Со стороны Александровского сада к площади приближалось нестройное пение. Когда раздался ружейный залп, толпа не сразу даже поняла, что это. Но люди, стоявшие за цепью кавалергардов, с ужасом закричали:

— Солдаты стреляют! Стреляют!

— Боже, убивают!

Отгесняя лошадей людей от кавалергардов, офицер насмешливо бросил в толпу:

— Идиоты, холостыми стреляют.

— Холостыми! А люди замертво валяются в снег...

Кавалергарды едва сдерживали разгневанную толпу.

— Смотрите, хоругвь святую затоптали!

Первый залп на площади у Зимнего напомнил Шуру опасения Ладохи. К несчастью, сбылось самое страшное. Люди поверили Гапону, поверили в справедливого царя. И вот она, расплата.

Шура поставил ногу на чугунную решетку моста, приподнялся, обратился к кавалергардам:

— На ваших глазах расстреливают людей! В чем их вина?! Они хотят иметь работу, мало-мальски сносный заработок и крышу над головой. С минуты на минуту и вам прикажут открыть огонь. Покажите себя людьми достойными, поверните винтовки...

Он не договорил, шашка офицера опустилась ему на голову. Спасла меховая шапка да помешал расправе стоявший поблизости студент. Он успел резко дернуть узду, конь вздыбился, это и сбilo замах офицера. Второй удар шашки пришелся ниже плеча, прорубил пальто.

— Взять бунтовщика!—приказал офицер.

Студенты, курсистки и мастеровые помешали кавалергардам приблизиться к Игнатьеву. Он помнил, как чуть не силой затолкали его во двор. Миловидная курсистка, которую подруги называли Олей, вывела его через проходные дворы на Большую Конюшенную. Курсистка уговаривала Шуру подалее уйти от Дворцовой площади. Опознают—не миновать ему Шлиссельбургской крепости.

— Спешить в ту крепость, действительно, не стоит,— сказал в тон девушке Шура.— Но прежде чем исчезнуть, хочу знать, кому обязан?

— Университетским.

— Санкт-Петербургскому, своему родному?

— И бестужевкам!

— А персонально?

— Так ли важна моя фамилия,— сказала девушка.— Если официально — Ольга Канина.

Спроси в тот момент Ольгу, почему она разоткровенничалась с этим молодым человеком, она бы ответила, не задумываясь, что видит его впервые, а знает давно — смелого и гневного. Как он решительно поднялся на решетку Певческого моста!

Лишь в сумерки Шура добрался домой. В передней сестра Варя шепнула:

— Папа вне себя, он тоже был в городе.

Шура прошел в гостиную. Отец в шинели, папаше, подперев кулаками подбородок, повторял:

— Ужас, ужас!

— Расстрела, папа, следовало ждать.— Шура сел напротив отца.— Выстрелы и кровь, я думаю, откроют людям глаза на многое в России.

— Все стоит перед глазами: жандармы избивали нагайками женщин, детей, стариков. Палачи! — Михаил Александрович сорвал с себя папаху, швырнул на стол.

Варя сняла с отца шинель и увела его в спальню.

А у Шуры усилилась в плече боль. Как быть? Самому перевязку не сделать. Вся надежда на сестру...

Нежданно-негаданно к Игнатьевым заглянул Белоцерковец. Начал спокойно:

— На Васильевском острове баррикады — ломовые телеги, снеготаялки, поваленные фонари,— и вдруг озлился: — А все-таки зря мы осуждали Володьку Наумова. Чтобы выяснить отношения с царем, требуется одна хорошо отлаженная бомба.

— И что изменится?— возразил Шура.— Не бомба террориста-одиночки, а революция выяснит отношения народа с царем и самодержавием.

— Революция... Французская родилась, долго ли пожила... А наша и совсем заблудилась! — выкрикнул Белоцерковец.

— Чем философствовать, перевязал бы.— Шура снял пиджак, на рубашке темнело пятно.

— Ранен?— спросил Белоцерковец.— У Зимнего?

Сулимовы жили у Пяти углов, Шура легко нашел дом, лестницу, но поднимался медленно. Зачем дают ему помощника? Не доверяют? Неужели он один не сумеет купить пару револьверов? Если уж даже у городского приобрел сто штук патронов для нагана...

Двери открыла Мария Леонтьевна.

— Не спрашиваете, мало ли, воры или полиция,— удивился Шура.— Теперь в петербургских квартирах чаще дверь держат на цепочке.

— Милый человек, вора́м нечего у нас взять, а у полиции свой почерк. Городовые пользуются не звонком, а кулаками и каблуками.

Мария Леонтьевна пригласила Шуру в комнату. Он робко отнекивался: забыл надеть галоши, боялся наследить.

— Снег чистый,—уговаривала Мария Леонтьевна,— и пол мыть пора.

Шура прошел за ней. Обстановка скромная — две простые кровати, комод, этажерка, небольшой стол.

В створках раздвинутых портьер стояла молодая женщина. Она смотрела на улицу и даже не повела головой, когда вошли Шура и Мария Леонтьевна.

— Это, Оленька, твой попутчик,— сказала Мария Леонтьевна.— Знакомьтесь.

— А мы знакомы,— повернулась женщина, и тут Игнатьев узнал ее.

— Как знакомы? — удивилась Мария Леонтьевна.— Где успели?

— У Певческого моста,— сказала Ольга.

— Так это тот самый молодой человек, что полез под офицерскую шашку?

И как-то сразу, будто уже знакомы сто лет, молодые люди разговорились.

— Вижу, что если вас не унять,— сказала Мария Леонтьевна,— до темноты не остановитесь. А в Александровский рынок?

— Да, пора,— сказал Шура,— покупатель-то главный я.

— Не шибко-то бахвалься,— пошутила Мария Леонтьевна,— не покажешь Ольгу, лавочник не продаст револьверы.

Худая молва ходила об Александровском рынке. Вид и снаружи у него мрачный, средневековый.

Теснятся флигеля-казематы с крепостными стенами. Купцы побогаче, поразмашистее арендовали лавки на Садовой линии, Вознесенском проспекте.

Торговое заведение «Копченев и сыновья» помещалось в бывшей конюшне с двумя тюремными оконцами.

Спертый, парной, гнилостный запах ударил в лицо Ольге. Она зажала нос и не смогла переступить порог.

— Обождите на дворе, справлюсь один, не парход покупаем,— остановил ее Шура.

Ольга благодарно улыбулась.

Владелец лавки, несмотря на пароль, встретил Игнатьева подозрительно.

— За игрушками должна зайти дама с сопровождающим,— сказал он.

— Тяжелый запах в лавке,— сказал Шура.— Даму я во дворе оставил.

Шура открыл дверь. Лавочник увидел Ольгу, успокоился.

— Деньги-то с собой? Товар отпускаю только за наличные. Пожалуйста четвертную.

— Вот еще,— Шура криво усмехнулся.— Кота в мешке не куплю. С какой стати четвертную? Уславливались по червонцу.

— Третьего дня это было, а сегодня нашел покупателя, дороже дает.

Побрызжав на дороговизну, лавочник скинул было два рубля. Но заметив, с каким интересом Шура рассматривает револьверы, еще набавил по полтора рубля на штуку.

— Не залежатся, анархисты в цене не постоят,— заверил лавочник и унес револьверы в темный закуток.

Хмурый вышел из лавки Шура. Ольга не могла отвязаться от «пиковой дамы» — усатой старухи, которая навязывала ей кружевной лифчик и пучок мятых перьев.

Шуганув старуху, Шура взял Ольгу под руку.

— Негодные? — спросила Ольга. По озабоченному выражению лица Шуры она догадалась, что покупка сорвалась. Игнатьев объяснил, в чем дело.

— Сколько не хватает денег? — спросила Ольга.

— Но я договарюсь с лавочником...

— Сколько не хватает на покупку? Не то сейчас сама пойду в лавку.

— Восемь рублей,— признался Шура.

— И из-за восьми рублей разговор? Берите, пока лавочник не надбавил еще.

Нелегко хлеб репетитора. На первых порах Шура помутился. Ученик, купеческий сыночек, попался ему туповатый и с лендой. Но к Игнатьеву он привязался. Отец Митряя, Евмений Иванович, снимал на Гороховой флигель с двумя жилыми крыльями. В центральной части помещалась контора. В комнату Митряя можно было подняться из вестибюля по винтовой деревянной лестнице. Это избавляло Шуру от неприятных встреч с купцом.

Вчера горничная подкараулила Шуру на нижней площадке.

— Сам к себе требует,— заговорила она,— он у нас малость с придурью, большими тышами ворочает, а так добрый. Указывать начнет — соглашайтесь, страсть не терпит, кто супротив, не жалует своевольников.

Освещая путь свечой, она повела Шуру по темному коридору, заставленному сундуками.

Евмений Иванович занимал под кабинет проходную комнату, чтобы иметь присмотр за конторщиками. Шуру он встретил словами:

— Скудент? Жду, как же, давно жду, возьми табуретку, подсядь поближе.

— Студент,— поправил Шура.

— Горшок тоже называют разное, а все равно горшок.

Помусолив чернильный карандаш, купец записал какие-то цифры в маленькую ученическую тетрадь, повернулся вместе со стулом к Шуру.

— Всем ты был бы для меня хорош. Всяких учителей нанимал натаскивать Митряя. Но никто так не мог вдолбить моему мальцу в башку арифметику, как ты. Одно жаль, не туда, куда надобно, скудент, сворачиваешь.

— Не понимаю вас.

— Сядь, скудент. Беседу, как на духу, хочу иметь.

Шура считал, что деньги получает не зря. Много ли он дал уроков, а уже Митряй самостоятельно решает задачки с вычитанием и умножением. Хуже давалось мальчишке деление и совсем плохо — простые дроби. Никак не втолковать, что одна шестнадцатая меньше одной пятой.

— Промашка есть, и серьезная, скудент. Не тому учишь Митряя, не туда гнешь, не в купецкую линию.

К делу Митряя надобно приучать, к торговому. А ты на что его толкаешь? — Евмений Иванович, вытащив из-под грузных чугунных счетов тетрадь сына, продолжал: — Зачем мальцу башку ломать, узнавать, сколько верст до луны? И шут с ее диаметром! Нам с ней не торговать. Лучше спроси, потребуй — из чего у купца прибыль складывается? Вот, скажем, я весной купил пять тысяч пудов первосортной крупчатки, выторговал по пятиалтынному на пуд. В Питере эту муку высшим сортом пустил. Смекай, разница гривенник и за комиссию семь копеек. Сколько барыша я взял?

— Вы наняли меня, чтобы я учил вашего сына арифметике, — сказал Шура, — а как обманывать и барыш получать, это забота не репетитора.

Не обиделся Евмений Иванович, пропустил через пальцы бороду, прищурил зеленоватые глаза, на отеке от водянки лице казавшиеся смотровыми щелочками.

— Ай да студент! Евмения самого ушучил. — И смеялся тон: — По-хорошему прошу, учи парня, как велю, а к луне еще раз потянешь Митряя, знай наперед, выгоно и расчет не дам, удержу деньги. Жалуйся! До самого царя дойдешь, а прав буду я, не тому учишь и все!

— Что ж, дело ваше, — сказал Шура. — Ищите более покладистого репетитора.

В коридоре его поджидала со свечой горничная. Из-за ее спины выскочил Митряй, долговязый мальчишка.

— Ей-богу, Александр Михайлович, я не жаловался, — шептал Митряй. — Батя сам выгреб из ранца тетради, проверил и осерчал. И что вам стоит уважить старого? Несколько целковых прибавит за натаскивание. Страсть любит он задачки, в которых купцы покупают, продают и хорошие барыши получают.

— Не горюй, отец у тебя богатый, наймет нового, стоворчивого репетитора, — сказал Шура.

— Не уходите, я упрошу его, — Митряй скрылся за дверью конторы.

Шура быстро направился к выходу.

Упросил Митряй отца или тот сам опомнился, но на следующий день прислал с прислугой конверт.

— Здесь деньги за уроки, — сказала она, — Евмений Иванович велел не обижаться, приходить заниматься с Митряем.

У Шуры в это время сидел Белоцерковец. Посоветовал:

— Плюнь ты на толстосума. Возьми у меня денег, я разбогател, на переписке мемуаров отставного генерала сто целковых отхватил, половина твоя.— И Белоцерковец раскрыл новенький бумажник.

5

Ветер с Невы со свистом врывался в широкую полосу между Десятой и Одиннадцатой линиями, мчался на остров Голодай.

Шура продрог, клял себя, что не надел заячий жилет. Ольга архиобязательный человек, а так безбожно опаздывает. Договорились встретиться в три часа, а уже около пяти, начинает темнеть.

Наконец из парадного Бестужевских курсов вышла Ольга и с ней молоденькая женщина, наверно курсистка. А где же Иван Сергеевич?

— Замерз? — участливо заговорила Ольга.— Прости, не от меня зависело. А это Познер Софья Марковна.

Ольга замялась. Шура посмотрел на молодую женщину в беличьей шубке, которая по-свойски взяла его под левую руку.

— Называйте меня Таня,— попросила Софья Марковна,— а можно и Татьяной Николаевной. Ивану Сергеевичу я больше нравлюсь с отчеством.

«Ивану Сергеевичу,— подумал Шура.— Почему же не пришел Иван Сергеевич? Ведь обещал прийти. Что случилось?»

— Пирожное бы и чашечку кофе,— мечтательно сказала Ольга.— Да и тебе не мешает согреться.

Торговый зал кондитерской находился в просторном полуподвале. Семь широких мраморных ступеней соединяли его с бельэтажем, где можно выпить кофе с пирожными, съесть яичницу и заказать легкого вина.

Шура направился напрямик к столику у камина.

Официант принес пирожные, кофе. Шура попросил чайник кипятку и заварку. Пояснил своим спутницам:

— Буду согреваться, как в трактире на перепутье.

Разговор за столом больше поддерживала Ольга. Шура уловил, что с Софьей она, кажется, знакома недавно, однако делала вид, что это ее закадычная подруга.

Большеглазая, миловидная Софья произвела на Шуру приятное впечатление. Он сразу проникся к ней дове-

рием, что с ним в последнее время случалось редко. Подполье приучило к осторожности.

— Софью прислала Сулимова,— шепнула Ольга.— Иван Сергеевич занят.

В прошлом году Шуру познакомили с Сулимовой в Стрельне, у Ладохи на даче. Сулимова — человек серьезный. Если ее рекомендация, значит можно не беспокоиться.

— Мне надо встретиться с Иваном Сергеевичем или с кем-нибудь еще из центра,— сказал Шура.— У меня есть в Финляндии небольшое имение. Могу его предоставить в распоряжение Петербургского и Центрального комитетов социал-демократической партии. Там можно хранить оружие, нелегальную литературу, организовать типографию.

Софья подозвала официанта, заказала восточных сладостей. Она делала вид, что увлечена едой, но на самом деле внимательно слушала.

— В имении две дачи,— продолжал Шура,— новая построена в прошлом году, с ее балкона хорошо видна кирка в Кивинапе. Это в трех верстах от Ахи-Ярви. В случае необходимости можно выставить посты. Пока нежелательные гости доберутся до имения, будет время скрыться. За Пескаркой начинается мой лес...

Расспросив про соседей, Софья обещала передать все Ивану Сергеевичу.

— Ждите. Моя роль — роль почтальона,— сказала она.— Засиделись, пора кончать пир. И еще просьба Сулимовой. В бедственном положении оказалась Афанасия Шмидт. Требуется спрятать ее от полиции.

— Сделаю, что могу,— заверил Шура.

— Встреча завтра в десять утра. У бронзовых быков к вам подойдет молодая светло-русская дама. Она назовется Фаней Беленькой.

На Девятой линии Софья села в трамвай, ей нужно было попасть к Маринке. Ольга снимала комнату на Петербургской стороне, подошел и ее трамвай. Но Шура не хотел отпускать ее.

— Пройдемся,— предложил он.

— Мороза не боишься?

Ей тоже не хотелось расставаться с Шурой. Как он не похож на ее знакомых. У тех одна цель в жизни — выбиться в люди. Игнатъев принят в известных домах Петербурга, дворянин, владелец имения. Но он все это ненавидит и бескорыстно служит революции,

Запечатав заказное письмо, Михаил Александрович решил послать на почту кого-либо из конторщиков. Выйдя из кабинета, в приемной, среди прасолов и торговцев мясом, заметил необычного посетителя — светлорусую женщину, скромно одетую, и рядом с ней своего старшего сына.

— На прием? — спросил Михаил Александрович шутливо.

Но Шура ответил без улыбки:

— Есть просьба.

— Пригласи свою знакомую обедать, — предложил Михаил Александрович, — ведь уславливались, и не раз: личные дела решаем дома.

— Служебное у нас дело, — начал было Шура, но отец, извинившись, скрылся в канцелярии.

— Ну что ж, — сказал Шура Афанасии Шмидт. — Положение просителей обязывает нас потрафить директору. Думаю, скучать не придется, да и покормят нас вкусно: нашей кухарке шеф-поваром у самого «Медведя» служить бы.

— От обеда я не откажусь, — охотно согласилась Афанасия. — Какой уже день бегаю в кондитерскую пить кофе. Чертовски любопытная поселилась у нас в квартире соседка, шпионит за мной. Нужно срочно менять комнату. А как решиться при моем положении? Без прописки не всякий хозяин пустит... Сама-то хозяйка квартиры душевная, не болтливая.

— Все уладится, — успокаивал Афанасию Шура. — Отец вам не откажет, он сочувствует нашему брату. Пока накрывают на стол, познакомлю с сестрой. Варя у нас до сих пор не знает, какому заведению отдать предпочтение: медицинскому или музыкальному.

Обедали у Игнатьевых в двенадцать часов. «По Петропавловской пушке садимся за стол», — любил говорить хозяин дома. Но сегодня он безбожно опаздывал. Была половина первого, когда Михаил Александрович закончил прием посетителей. На дворе он услышал, что в его квартире веселятся. Хоть кол на голове теши сыновьям и дочери, сколько ругал и твердил: «Для забавы отводится вечер». Пела незнакомая женщина:

Женишься на золоте —
 Сам продашь себя;
 Женишься на почестях —
 Пропадай жена!

Михаил Александрович заглянул через дверь в гостиную. Играла на пианино Варя, а пела Шурина светло-русская знакомая.

— Откуда эта дама? Что у тебя за просьба? — спросил Михаил Александрович, когда Шура вышел в коридор.

— Устрой ее на работу, — ответил Шура.

— В контору? — удивился Михаил Александрович. — С прасолами и мясниками не дай бог и мужику-то дело иметь. Ты ведь знаешь, грубияны, хамы. На трех прасолов один непременно мошенник.

— Но у тебя в музее есть вакантная должность.

— Лучше меня знаешь!

— Возьми в музей Беленькую.

— Фамилия у нее такая? — спросил Михаил Александрович. — Беленькая?

— Кличка, — сказал Шура. — Беленькую разыскивает вся российская полиция. У нее нет богатого отца и родственников, ей нужно скрыться и быть в Петербурге.

— По-твоему, в полиции служат олухи и болваны?

— Отнюдь нет, — спокойно возразил Шура. — Но ни один сыщик не станет искать Беленькую в твоём музее.

Не ответив сыну, Михаил Александрович ушел мыть руки. За столом он вел себя сдержанно. Шура пожалел, что без подготовки выложил просьбу. Если отец откажет, как быть? Что подумает Сулимова? Похвастался?

После обеда Варя увела Афанасию в гостиную, а Михаил Александрович сына — к себе в кабинет.

— Подопечная твоя умеет что-нибудь делать? — спросил он.

— Как же! Она художница.

— В моем ведении, насколько тебе известно, Городской мясной патологический музей, а не музей изящных искусств.

— В штате музея есть художник.

— Сумеет ли она и еще захочет ли делать муляжи печени, сердца, коровьего языка, пораженного ящуром?

— Не отличишь от настоящих, — ликуя, заверил Шура.

6

Спустя месяц после встречи в кондитерской на Среднем проспекте Софья Марковна пригласила Шуру в Лицей на благотворительный вечер, где познакомила с

крайне стеснительным человеком. Дешевенькое пенсне, добродушная улыбка на землистом лице, несколько назидательная интонация. Шура принял собеседника за преподавателя Лицея, одного из устроителей благотворительного вечера. А это оказался сам Гусев, с которым Шура так стремился встретиться. Хорошо, Софья вовремя шепнула: «Иван Сергеевич».

Юркий юнкер пригласил Софью на мазурку.

Шура с Иваном Сергеевичем отошли к окну.

— Мы принимаем ваше предложение, — первым заговорил Гусев. — Ознакомились, в Ахи-Ярви есть все возможности создать базу партии в Финляндии. Она должна быть убежищем для революционеров, перевалочной базой нелегальной литературы, оружия и взрывчатки. Наша партия готовит народ к вооруженному восстанию. Придется заняться переброской винтовок, револьверов, динамита и патронов. В случае провала базы вас ждет смертная казнь. Не спешите с ответом. Все взвесьте, Александр Михайлович, все. Революции не нужны революционеры на час.

— Я взвесил все еще в гимназии.

— Итак, Александр Михайлович, — Гусев подчеркнул уважительно произнес имя и отчество, — с богом, приступайте, завтра-послезавтра получите явки и связных. Теперь же самое время придумать вам и партийную кличку.

— Называйте Григорием Ивановичем, — попросил Шура, — так недавно меня представила Мария Леонтьевна сестрорецким оружейникам...

Однако после благотворительного вечера прошло больше недели, а так и не были даны явки, связные, еще не состоялось знакомство Игнатьева с Бурениным, у которого все связи по закупке оружия в Бельгии и Англии.

Александр Михайлович не знал домашнего адреса Гусева и Софьи, после занятий в университете он собирался навестить Сулимову, но на улице к нему кинулась Софья. Она была оживлена, будто явилась на свидание.

— Поехали в «Аквариум». Поет Орехов, — весело тараторила Софья. — Мы приглашены.

С масленой в Петербурге много говорили об актере из провинции, затмившем многих именитых певцов Ма-

ринки. А Варя сравнивала Орехова чуть ли не с Шляпинным.

Если бы не таинственное «приглашены», брошенное Софьей, Александр Михайлович, может, и отказался бы. Преступление тратить вечер, когда у тебя уйма академических «хвостов».

В конце первого отделения, когда певец и пианист, высокий, стройный, с ухоженной бородкой и усами, раскланивались перед зрителями, Софья шепнула:

— Аккомпанировал Буренин. Пошли за кулисы, он нас ждет.

7

С канатной фабрики на Петровском острове поступили сведения: бродячий точильщик хочет продать пять револьверов — по недорогой цене. Купить оружие поручили Игнатьеву.

Точильщик назначил встречу возле ночлежного дома, недалеко от церкви Спаса Колтовского. Днем на улочке тихо, лишь изредка приходят жители соседних домов в ночлежку за кипятком да точильщику приносят ножи.

Не без колебания послал Гусев Александра Михайловича к ночлежке. Как ни говори, дело рискованное.

— Нашу группу интересует не пяток и не десяток револьверов, — напутствовал он Игнатьева. — Предполагаем, что точильщик вхож в арсенал. Если это подтвердится, то такой человек — настоящая находка для боевой технической группы.

У фабрики Керстена Александр Михайлович расплатился с извозчиком. Пробыв минут десять в конторе фабрики, не спеша направился к церкви. У рынка свернул в улочку, где его подстерегал неприятный сюрприз. У входа в ночлежку прохаживался городской.

Улочка была настолько коротка, что если повернуть назад — мгновенно вызовешь у полицейского подозрение.

Из кипяточной, к счастью, выбрался дворник с большим чайником. Александр Михайлович окликнул его:

— Не поможешь ли, любезный, где-то здесь продается особняк.

— Случаем, не Евдокия ли Анисимовны? — отозвался дворник. — Коли к ней, то рано свернули, на следующей улице следовало. Сюда, правда, тоже стороной ее

сад выходит, а калитка и ворота на Гдовскую. Да я провожу, по пути.

Дворник показал на большой мрачный дом.

— Собираетесь всерьез поселиться в наших местах? — спрашивал дворник, приспособившись к крупному шагу Игнатьева. — Здесь у нас чем не дача: Невка, в каждом дворе сирень или акации, у Сосниных — черемуха, напротив Крестовский остров. Только вот покой в последнее время потеряли, как скобарь открыл ночлежку. В неделю раз, а то и два полицейская облава. Ночлежники — всякие беспаспортные, нелегалы, мелкие ворье, через забор сигают. Прошедшей ночью в саду Евдокии Анисимовны изловили пятерых. У четверых не было вида на жительство, в двадцать четыре часа велено убираться из столицы. А пятому — точильщику — не миновать тюрьмы. В точильщике нашли спрятанный браунинг и наган.

На углу Гдовской улицы дворник показал на калитку, скрытую в зарослях акации.

— Серьезное имеете намерение приобрести особняк? Ночлежку-то, может, и прикроют.

— Думал здесь поселиться, не предполагал, что столь неприятное соседство, — Александр Михайлович с сожалением развел руками. — Цену-то запрашивают божескую.

— Коль хорошо поторговаться, еще сбросит, — сказал дворник, — домовладелица страху натерпелась, ночью фельдшера из казармы вызывали, каплями отпавали.

— Поищу поспокойнее место, дом покупаю не на сезон, — ответил Александр Михайлович.

На Большой Спасской, направляясь к извозчицкой бирже, он глянул в улочку. Возле городского стоял тип в темном костюме и котелке.

«Расколосся точильщик, меня поджидают, — подумал Александр Михайлович. — Хорошо, что счастливый случай свел со словоохотливым дворником».

Без четверти восемь Александр Михайлович вышел к недорогим меблированным комнатам на Пушкинской улице. На третьем этаже, в первом окне от водосточной трубы, на столе горела высокая лампа без абажура. Знак, запрещающий встречу.

Александр Михайлович тихо побрел к Невскому, а когда через час вернулся на то же место, на лампе был абажур.

Гусев встретил Игнатьева в свитере, валенках с высокими голенищами. Полупальто брошено на спинку стула.

— Съезжаю. Еще полчаса, и не застали бы. Хозяйка выдает дочь за чиновника с Тверской. Лишились еще одной хорошей явочной квартиры.

В лампе вспыхнуло пламя, мгновенно закоптело стекло. Гусев убавил огонь.

— Купили? Всю партию? Хватило денег?

— Партию...

Александр Михайлович рассказал Гусеву про облаву в ночлежке.

— Чересчур рискуем, был бы толк, а то самообман. Да, дорого обходится нам покупка оружия у случайных людей,— вздохнул Гусев.— Сейчас полсотни, сотня и даже полтысячи револьверов для дружин — это жалкие крохи. Нужны винтовки, не пять — десять, а тысячи. Время действовать смелее, устанавливать связи с оружейниками, иметь своих людей на пороховом заводе, в арсеналах, нужно научиться изготавливать бомбы. К созданию лабораторий, мастерских и к изготовлению бомб должны быть привлечены химики, физики, ведь дело придется иметь со взрывоопасными смесями...

Гусев разволновался, говорил, словно читал лекцию.

8

После оттепели подморозило, выпал хороший снег. Микко, сын домоправительницы, на розвальнях съездил в Райволу на станцию за багажом из Швеции. Вскрыв ящик, Александр Михайлович загоревал: прислали патроны, а должны были — винтовки и револьверы. Положение осложнилось, накануне Софья передала распоряжение Гусева: «Из-под земли хоть добывайте, а чтобы к среде были пятнадцать винтовок». В четверг должны их увезти в глубь России. Одна надежда была на сестрорецких оружейников Емельянова и Поваляева.

Ранним поездом Александр Михайлович приехал в Разлив. Пройдя по шпалам от станции полверсты по направлению к Сестрорецку, сошел на тропинку и постучал в калитку крайнего дома. На крыльце показался Поваляев, в полушубке, накинутом на плечи. В это время из соседнего дома вывалилась разгоряченная компания: местный поп, дьякон и Соцкий — городской в штатском.

— Слышал, продаете лыжи,— громко заговорил Александр Михайлович.

— Подойдут ли, не новые. Приглянутся, дорого не возьму,— ответил Повалев и показал на приставленные к перилам крыльца лыжи.

Разглядывая лыжи, Александр Михайлович попросил Повалева передать в штаб дружины, что в среду из Петербурга придут связные за винтовками.

— Нужно пятнадцать винтовок, не меньше,— предупредил он.

— Трудновато в один присест столько собрать. В мастерских кабала, не дают спину разогнуть.

Соцкий шел за попом по тропинке и оглядывался. Александр Михайлович встал на лыжи, обойдя пустырь, приставил к крыльцу, не подошли, мол, и направился тоже не спеша в Сестрорецк.

Послав сестру к Николаю Емельянову, Повалев вынес на улицу сани, прикрепил железный бочонок и отправился за керосином. К лавке скоро подошел и Емельянов, на финских санях самодельная банка, фунтов на тридцать.

Лавка была заперта, со двора доносилась перебранка, лавочник ругал извозчика, тот отказывался скатывать с саней бочки, требуя чаевые.

Оставив в очереди санки, Повалев и Емельянов отошли в сторону.

— Кто приезжал? — спросил Николай.

— Старый знакомый,— ответил Повалев,— барин с Ахи-Ярви. Видать, позарез винтовки нужны, раз сам прискакал. Пятнадцать вынь да положь.

— Две-три, куда ни шло,— качнул головой Емельянов.— А то пятнадцать, и к среде. Нет, не успеем собрать. В мастерской редкий день не оставляют на вечер. За платой мастер не стоит. Валюсь от усталости.

— Так-то так, а больше не у кого нынче собирать винтовки. Анисимов на подозрении. Сволочуга Соцкий в крепость грозил упрятать Матвеева. Как ни кинь, а все в твой сарай упирается. А то, что продыху не дают на оружейном, Григорий Иванович знает, обещал кое-что предпринять.

Не заходя домой, Емельянов проверил тайные склады дружины: деталей и узлов хватит на четыре винтовки. Повалев взялся вынести с завода стволы. Надеялся Емельянов и на Матвеева. У того, конечно, в тайнике припрятаны винтовочные узлы. Встретиться с Матве-

евым Емельянову не удалось. Начальник мастерской через посыльного велел ему выходить в ночную смену. Только на следующий день к ужину вернулся Емельянов. Дома гость. На кухне жена угощала чаем Поваляева.

— Запрягли,— посочувствовал Поваляев.— Григорий Иванович в курсе, сюда подойдет. Умирай, а чтоб к среде... Да вот, кажется, и он сам.

Проскрипели ступеньки крыльца. На кухне появился Александр Михайлович, пальто и шапка в снегу.

Емельянов в большой комнате опустил шторы, зажег лампу, опустил ее пониже над столом. Александр Михайлович приступил к плану переброски винтовок в Петербург.

— Связные придут в три адреса: утром — Никольская площадь, днем — 5-я Тарховская улица, вечером — Петербургская.

— Было бы что посылать. Не управиться к среде. В мастерских гонка, царь тоже винтовки требует. По четырнадцать часов трубим,— пожаловался Емельянов,— от обеда и то время крадут.

— Хныкать мужикам не пристало. На что человеку голова дана,— сказал Александр Михайлович. Он достал из бумажника справку: — Все по закону — фамилия, болезнь, освобождение, подпись и печать на месте.

С недоверием Емельянов взял справку, повертел в руках, остался доволен; если она и фальшивая, то тому человеку — ассигнации печатать.

«Подписью своею и приложением печати удостоверяю, что сестрорецкий обыватель тридцати пяти лет Николай Емельянов лечился у меня от инфлуэнцы, вследствие чего не мог ходить на работу с 27 ноября по 4 декабря 1905 года». На сургучной печати разборчиво — «земский врач» и подпись.

Сложив вчетверо справку, Емельянов сказал:

— С оправдательной бумажкой полегче, но одному все равно не успеть собрать столько винтовок. Вот бы Матвееву освобождение схлопотать!

— Чего не могу, того не могу,— сказал Александр Михайлович,— от земского Матвееву освобождение не возьмешь! Подозрительно, сразу двое. А к заводскому врачу лучше и не показываться. У Матвеева с ним нелады, пригрозил коновала утопить в Разливе. В начале осени было, пожаловался Матвеев на боли в животе. Доктор не с той ноги встал, да у него и мнение, что все

рабочие симулянты, потому напоил Матвеева касторкой и освобождение не дал. Бедняга в воскресенье даже на пироги смотреть не мог.

— Хитер приятель, сколько застолий было, и ни гу-гу про касторовое угощение,— развеселился Емельянов, а вспомнил про приближающуюся среду — помрачнел, попросил Александра Михайловича раздобыть справку Леонову, брату жены, золотые руки у человека.

— Далек он от нас, в дружину не записался,— возразил Поваляев.— Не семейный, а в сторонке держится.

— Чахотка у Леонова, потому и не записался в дружину,— заступился Емельянов.— Арестуют, на тюремных харчах и месяц не протянет, а так он с нами всей душой.

— Поручительство надежное,— сказал Александр Михайлович.— В следующий раз учту, а пока справку на освобождение от вашего доктора выправил на Анисимова.

— И эта настоящая? — не удержался Емельянов.— На кривой не обойти нашего самодура!..

«Предъявитель сего мастеровой Иван Анисимов,— вполголоса читал Александр Михайлович,— болел испанкой.

Освобождение дано с 26 ноября по 3 декабря».

— И верно, подписал сам старший коновал,— взглянув на справку, удивился Поваляев.

— Он же надворный советник,— добавил Александр Михайлович.— Обе справки подлинные.

— Земский доктор — человек рассеянный и душевный, но как удалось провести на воде нашего? — недоумевал Емельянов.— У него больные — только с рваной раной, остальные притворяются.

— Знай зрители, как делаются фокусы, они перестали бы ходить в цирк,— ответил Александр Михайлович и предупредил: — Не теряйте время, Анисимову заступать в ночную.

Старшего сына Емельянов отрядил за Анисимовым. Время собираться в дорогу и Александру Михайловичу. Поваляев вызвался проводить до станции.

— Местные черносотенцы побаиваются делать набеги на Разлив, а приезжие...

— В долгу не останусь,— сказал Александр Михайлович.— Лучше пораскиньте умом, кого еще привлечь, до среды считанные часы.

У Александра Михайловича была причина спешить

в Петербург. Дошли отрывочные сведения, что лишь чудом избежал ареста связной Четвериков. Значит, нужно срочно искать более надежные пути через границу.

9

После лекции Александр Михайлович вышел поразмяться в коридор и сразу увидел Ольгу. Она бодро шла ему навстречу.

— Приглашаю на Шаляпина, есть лишний билет. Только не в партер, даже не на ярус, а на студенческие места.

— На галерке самые искренние зрители и почитатели таланта, — отозвался Александр Михайлович.

На оперу с участием Шаляпина билеты было достать дьявольски трудно, а дешевые и тем более. Студенты с вечера занимали очередь у театральной кассы.

Из театра они вышли едва ли не последними. Александр Михайлович озирался, ища извозчика.

— Не спешишь? — Ольга придержала его за локоть. — Я люблю после оперы пройти пешком. Не хочется так легко расставаться с театром.

Ольга музыкальна, у нее хороший слух и голос. Буренин приглашал ее выступать в концертах Общества любителей музыки. Но пошла она, однако, не в консерваторию, а на Бестужевские курсы.

А Буренин, новый знакомый Игнатьева? Из богатой семьи, известный пианист, а вот рискует всем, служит революции.

Короток путь от Мариинки до Съезжинской, что у зоологического сада. Александр Михайлович пожалел, что Ольга не живет в Лесном или в Новой Деревне.

Поначалу Ольга всячески отнекивалась от приглашения погостить в Ахи-Ярви. Наконец согласилась. Пообещала:

— Через воскресенье встречайте.

А встреча состоялась в Ахи-Ярви много раньше, чем договорились.

Перевезти через границу запалы гремучей ртути было поручено Лизе, молодой женщине, на редкость бесстрашной и находчивой. Однажды Александр Михайлович пережил из-за нее страшно тревожные минуты, держа браунинг наготове.

Это произошло в Выборге, на вокзале. Он ожидал Лизу, чтобы охранять ее в дороге до Петербурга. Она

должна была приехать с явки прямо на вокзал. И вдруг Лиза появляется на перроне в сопровождении жандармского офицера. Шли они непринужденно. Знал бы жандарм, что в тайнике саквояжа, который он нес, находились бунтарские листовки с призывом поддержать забастовку на «Фениксе»!

Тронулся поезд. Александр Михайлович вошел в купе. Лиза сидела, откинувшись на спинку дивана, тяжело дышала.

— Ловелас в погонах принял меня за приму оперетты,— объяснила она странные проводы.

И вот неожиданная телеграмма: «У Лизы испанка. Приедет снимать дачу Леля. хлопоты возьми на себя. Обнимаю. Кузина».

Леля не числилась среди связных. Всегда уравновешенный Александр Михайлович занервничал. С ума, что ли, походили в боевой технической группе? Не пяток, десяток листовок или брошюр требуется перевезти через границу, а французские запалы.

У Александра Михайловича была неотложная встреча с контрабандистом; химики просили доставить через границу бикфордов шнур в кругах. Он послал с Микко записку контрабандисту, назначил встречу на другой день, а сам поехал на станцию. Как он удивился, когда из вагона вышла Ольга.

— Ты? — только и мог выговорить Александр Михайлович.

— По телеграмме я — Леля,— тихо ответила Ольга.

Александр Михайлович встревожился. До сих пор Ольга перевозила в городе нелегальную литературу, листовки, от нее требовалось обмануть городских, а теперь ей поручают переправить запалы гремучей ртути. Один резкий толчок...

Александр Михайлович по дороге в Ахи-Ярви ни разу не произнес: «гремучая ртуть», а мысль о запалах, об опасности, которой подвергается Ольга, не выходила из головы. Если бы не прямое указание, не дисциплина, то он сам переправил бы запалы через границу.

После обеда Ольга неожиданно собралась на лыжную прогулку.

Александр Михайлович понимал ее состояние: хочется побыть одной. Первое в ее жизни опасное поручение. За провоз гремучей ртути — виселица.

— В сосновой впадине бродит волчья стая,— пошутил было он.

— Мышей боюсь, а волков нет,— сказала с легкой грустью Ольга.

Волки разбойничали за старой гатью, верстах в тридцати от Ахи-Ярви. На всякий случай Александр Михайлович разыскал среди елочных игрушек коробку бенгальского огня.

— Волки боятся шума и фейерверка,— сказал он.

Ольга добродушно посмеивалась над его страхами, но взяла бенгальский огонь и спички.

Зимой рано темнеет. Ольга обещала вернуться засветло. А ее все нет. Александр Михайлович забеспокоился, вынес лыжи на улицу, решил по лыжне искать Ольгу. Могла ведь и заблудиться. В эту минуту за ручьем вспыхнул и рассыпался в искрах огонь. Это подавала сигнал о своем возвращении Ольга.

Отослав домоправительницу Марью к себе, Александр Михайлович поставил самовар, собрал ужин.

Утром, сделав пробежку по озеру, Ольга вернулась раскрасневшаяся, бодрая. Она заулыбалась, когда Марья внесла в столовую блюдо ржаных лепешек, ватрушек и пирожков.

В это утро Ольга с удовольствием завтракала. Выпила кофе со сливками, съела лепешку, ватрушку, пару пирожков.

Близилось время отъезда. Ольга села за пианино, спела арию Виолетты, шуточные саратовские частушки. Затем, выпросив у Марьи пирожков — придет встречать на вокзал Софья, надо угостить,— взяла лифчик-патронташ с вложенными запалами гремучей ртути, ушла на мансарду переодеваться.

Сани готовил Микко, Александр Михайлович добавил охапку сена. Он сам сvez Ольгу в Райволу, посадил на поезд, прощаясь, сказал жестко:

— Вы представляете собой сверхзаряженную бомбу. Запомните, в вагоне нельзя прислоняться к спинке дивана. Нельзя делать резких движений. Непременно смотрите под ноги — нельзя спотыкаться...

Ольга задержалась на площадке, кондуктор попросил ее пройти в вагон. Она махнула перчаткой, и поезд тронулся.

Кухарка Игнатьевых кормила раннего гостя: поджарила сковороду картошки с мясом, хлеб нарезала круп-

ными ломтями. Микко потыкал вилкой в сковороду, отодвинулся вместе с табуреткой к стене.

— Никак поститься собираешься?— обиженно сказала кухарка. Она-то знала, что сын домоправительницы Ахи-Ярви любит поесть. Бывало, съест миску супу с мясом, горшок гречневой каши и кислого молока попросит.

— До еды ли,— вздохнул Микко.— Экая вышла напасть, не знаю, кому и в ноги падать: барыне, барину? Проще бы, конечно, перед молодым барнином ответ держать. Кобылу с конюшни увели.

— Найдется лошадь,— утешала кухарка,— у вас в Финляндии насчет краж строго; слышала, руку вору рубят. Хороший закон, потому и держат все открыто. Лавочник Пильц жаловался весной, замки за полцены не покупают.

Еще часа два пришлось бы Микко ожидать, когда проснутся Игнатьевы. На его счастье, Александр Михайлович услышал на кухне голос Микко.

Кухарка в доме свой человек, но незачем и ей знать лишнее про Ахи-Ярви. Там сейчас находится химическая лаборатория. Действует перевалочная база. В месяц раз-два из Швеции или Гельсингфорса приходит багаж. Раз Микко приехал без вызова и предупреждения, что-то случилось. Ни о чем не расспрашивая на кухне, Александр Михайлович увел его к себе.

Из сбивчивого, с повторениями, рассказа Микко Александр Михайлович наконец понял, что произошло в имени во время короткого его отсутствия.

Три дня назад, скормив кобыле посоленный ломоть хлеба, Микко отвел ее на конюшню и отправился к знакомым в Кивинапу. Там засиделся, остался ночевать. Наутро пришел в конюшню напоить, задать корм...

На лошади лавочника Микко объездил хутора, селения верст на сорок в округе — кобыла сгнула. Вконец отчаявшись, Микко приехал с повинной.

Пропажа лошади все спутала. Александр Михайлович получил извещение, что из Стокгольма на станцию Райвола и в Териоки поступит багаж: два ящика револьверов. На чужой подводе опасно перевозить оружие.

Александр Михайлович разбудил отца, привел к нему Микко. Тот со всеми подробностями повторил, как он, скормив ломоть хлеба, отвел кобылу на конюшню.

— Не тратьте время на поиски,— сказал Михаил Александрович.— Недавно я неподалеку от Ахти-Ярви встретил в лесу цыган. У них в дороге околела лошадь.

«С финансами дома плохо, иначе отец предложил бы купить другую лошадь»,— думал Александр Михайлович, проводив Микко и уйдя к себе. Можно, конечно, взять деньги из партийной кассы, в этом ему не откажут. Сестрорецкие оружейники сообщая для дружины приобрели кобылу. Забавную дали ей кличку — «Корзина». «Одно тревожит: общественная лошадь, а будет стоять на моей конюшне. Хочешь не хочешь, а придется ее посылать и по своему хозяйству. Лучше занять денег и купить лошадь. У кого занять?»

У Белоцерковца? Он служит теперь на Царскосельской железной дороге, ему положен хороший оклад.

Но денег занимать не пришлось. На другой день, спускаясь с лестницы, Александр Михайлович встретил кучера.

— Записка вам от батюшки.

«Приезжай на Пески, в конный парк,— писал отец.— Присмотрел недорогую лошадь, выбракованную с конки...»

На Конюшенном дворе отец по кругу водил темно-красную кобылу с царственной осанкой. Лошадь крупная, сильная. Одно не понравилось Александру Михайловичу: на передних ногах нарядные белые ботфорты — слишком приметна.

— Покупаем, цены ей нет! — говорил довольный Михаил Александрович, а он-то понимал толк в лошадях.— Варвары, красавице ногу разбили, вовремя не сменили подкову, едва не сгубили. Недели две лечения — и наша Пия верст семьдесят пробежит за день, не устанет.

На Конюшенном дворе прохаживались еще покупатели: крестьянин в залатанном полушубке с завистью поглядывал на Пию и зажиточный извозчик, похлопывающий кнутовищем по голенищу. Важный барин стоял в сторонке, ожидая продолжения распродажи. Из конюшни вывели сразу трех лошадей, ни в какое сравнение они с Пией не шли.

Поместили Пию в конюшне на городской бойне. Лечил ее сам Михаил Александрович, поил микстурой, сам накладывал мазь, менял повязки. Хорошо заживала нога. Недели через три телеграммой вызвали Микко в Петербург.

— На кнут пореже поглядывай, из лазарета лошадь, верст пятнадцать отмахнешь — и отдых, — наказывал Михаил Александрович. — Пия всем коням конь.

Для старшего Игнатьева давно уже не было секретом, что за багаж поступает сыну из Швеции, Гельсингфорса, Льежа. Без своей лошади Шура никак бы не обошелся.

Новая встреча с Красным не заняла у Александра Михайловича и десяти минут. А чтобы выполнить новое поручение боевой технической группы, потребуется несколько месяцев.

Дорого обходились закупки оружия в Швеции, Бельгии, Англии. В партийной кассе мало денег, а случилось — и совсем не было. Новые дружины в столице, в Москве и в провинции требовали оружия, боеприпасов, самодельных метательных снарядов. Тогда-то Красин и вызвал из Финляндии Игнатьева.

— Можете больше изготавливать кислоты в Ахи-Ярви? — спросил Красин.

— Сколько нужно, столько и сварим, — сказал Александр Михайлович.

— Изготовить бомбу — полдела. — Красин замаялся. — Не возьметесь ли вы в глухих оврагах создать полигоны бомбометания?

— Сам собирался это предложить, но бомб еще мало изготовлено, — сказал Александр Михайлович.

— Давайте договоримся: сами не участвуете в бомбометании, — поставил условие Красин. — Пришлем кого-нибудь из военных...

В Ахи-Ярви поздней осенью и зимой живет мало людей. Сосед-хуторянин Куло не любопытен, молчалив. Если придет соли, спичек или керосину занять, то робко постучит в окно, а в дом не зайдет. Домоправительница Марья и ее сын Микко преданы молодому барину.

Самодельная бомба — не такой уж простой снаряд.

Первые бомбы, изготовленные в Ахи-Ярви, едва не стали причиной гибели Лидии.

Накануне этого происшествия Александр Михайлович подарил ей в Летнем саду букет красных гвоздик. На редкость миловидна эта черноглазая молодая женщина, а о смелости ее в петербургском подполье ходили легенды.

Поглядывая на отражение старого клена в пруде, Александр Михайлович задумчиво говорил:

— Склад на Большой Охте в опасности. Красин просит сменить помещение.

— На примете есть новая квартира вне подозрений, — Лидия говорила, улыбаясь, играя перчаткой, — в доме, где живет городской.

Проходивший мимо пруда грузный полковник посмотрел на привлекательную пару. Наверно, пожалел, что молодость не возвращается. Если бы он слышал, о чем говорят «влюбленные».

Проводив Лидию до Соляного переулочка, где ее ждал извозчик, Александр Михайлович, не заходя домой, первым же поездом уехал в Финляндию: на всякий случай переправить запасы бомб с дачи в лесной склад.

Четыре бомбы унесли со склада на Большой Охте Ольга и Четвериков. Было начало двенадцатого. Сагредо опаздывал на полтора часа, что на него было непохоже. Лидия, всегда ровная, сдержанная, разволновалась. Оставшуюся бомбу надумала перенести сама. Положила ее в ридикюль, оделась, выбралась на улицу, надеясь у Ирриновского вокзала взять извозчика. Она отгоняла черные думы: поручение выполнила, склад успели закрыть, ушла через проходной двор. Убедилась: слезки нет. Но беспокойство не проходило: почему не явился пунктуальный Сагредо?

Ей осталось пройти три дома, свернуть направо — и покажется вокзал. И тут под тяжестью бомбы сумка оторвалась от ручки и упала на панель. Лидия, видимо, родилась в сорочке — бомба не взорвалась. В ридикюле были томик Блока, платок и перчатки, смягчившие удар.

Поблизости находились прохожие: чухонка с заплечным мешком и молочными бидонами, коротко подстриженная курсистка, калека-солдат с Георгием на груди и худощавый мастеровой. Солдат подозрительно покосился на Лидию и шагнул к ней. Она опомнилась, схватила ридикюль, прислонилась к забору. Первая мысль: бежать! А если погоня?! Скрыться на этой улице почти невозможно — маленькие домики, поблизости ни одного дома с проходным двором. И тут неожиданно ей на помощь пришел мастеровой. Он ловко закрыл Лидию от калеки.

— С японской, браток? Царева награда? — заговорил мастеровой. Подмигнув, похлопал по деревяшке. —

Не горюй, дешевле жить, на один сапог меньше заказывать.

Не слышала Лидия, что ответил калека. Она догадалась: нужно быстро уходить, только не к Ириновскому вокзалу. Там всегда у кассы торчит городской. Лидия свернула в первый переулок, проскочила через пустырь, очутилась на зеленой тихой улочке и глазам не поверила: из ворот неторопливо выезжал легковой извозчик.

Дважды сменив извозчика, Лидия добралась до своего дома, сразу же затопила колонку в ванной, сожгла ридикюль, затем по-новому уложила волосы — в высокую корону, — надела бабушкины серьги с подвесками. Платье выбрала броское, оранжевое. Она отвезла бомбу на новый склад, оттуда пешком добралась до Александровского рынка и купила подержанный ридикюль.

12

С Фонтанки, где жил Красин, Александр Михайлович проехал на Петербургскую сторону пригласить Ольгу в кинематограф. Ей нездоровилось. Она была бледна, отчего гладко уложенные волосы казались еще темнее.

— Надышалась отравы за последнюю поездку, — оправдывалась Ольга, — сама удивляюсь, не новичок, перевозила динамит — и хоть бы что, на этот же раз от пачек исходил такой дурманящий запах, что боялась находиться в купе, как бы не упасть в обморок. Притворилась заядлой курильщицей, от Белоострова простояла у окна с папиросой, но до Финляндского вокзала не доехала. Вышла на Ланской.

Ее бледность и зеленоватые полукружья под глазами напугали Александра Михайловича. Хотя Ольга и не признается, а у нее самое настоящее отравление.

Александр Михайлович собрался в аптеку, Ольга не пустила.

— В шкатулке моей хозяйки найдутся лекарства и травы, пожалуй, от всех болезней, какие есть на свете, — сказала она. — Я приняла уже облатку пирамидона — не помогло, болит голова. На воздухе все как рукой снимет. Пройдем к Неве, там хорошо дышится.

Излюбленное место прогулок Ольги — тихий уголок Мытнинской набережной, от Биржевого моста до Кронверкского канала.

Бывал здесь Александр Михайлович и один, если не заставал Ольгу дома.

Свежий ветерок, тянувший со взморья, деревенская тишина подействовали на Ольгу лучше лекарства и компрессов. И часа они еще не гуляли, а у нее порозовели губы, повеселели глаза.

— В каком ампула у нас встреча? — спохватилась Ольга. — Кого я вижу: строгого «Григория Ивановича», приказывающего перевезти через финско-русскую границу капсулы гремучей ртути и читающего грозное напутствие: не спотыкаться, не падать, не приближаться к огню, иначе...

Она близко нагнулась к Александру Михайловичу и звонким, чистым голосом пропела:

— Вечная память...

— Керосин провозить опасно. А как вы, связанные, с динамитом, с гремучей ртутью обращаетесь? — оправдывался он. — Елочный огонь и то с большими предосторожностями транспортируют.

— Кстати, я слышала от Софьи, что ты ищешь «жену» на дачу в Териоки.

— Ищу. Четвериков вполне подходящий «муж», а с «женой» нас неудачи преследуют. Предложения есть — да все не то!

— Есть на примете одна, очень приятной внешности.

— Гоби не предлагай, пятой по счету будешь! Рекомендуют, не соображая, что у Лидии не конспиративная внешность. Она броска, кто хоть раз на нее взглянет, надолго запомнит. Положим, жена, пожалуй, из нее получилась бы, красива, в меру кокетлива, умна. Но кому передать бомбовые склады в столице?

— А Варю Сорокину никто тебе не сватал? Она у Лесгафта учится. С собой хороша, весела, приветлива, певунья.

— Ты думаешь, ей можно довериться?

— За Варю я отвечаю головой, — сказала Ольга.

Это была веская рекомендация.

Наумов не застал молодого Игнатьева в Ахи-Ярви. Накануне он уехал в университет, обещал вернуться на следующий день, если не задержат дела.

— Обожду,— флегматично сказал Наумов и попросил домоправительницу Марию определить ему «номер» на мансарде.

Перекусив, выбрал в сарае лопату, привез на тачке удобрение, принялся рыхлить землю вокруг тополей, которые сам посадил в прошлый приезд. За этой работой и застал его Александр Михайлович, пошутил:

— Как твою милость рассчитывать: поденно, помещаючно?

— За надгробную память не берут плату,— буркнул Наумов.— Когда меня повесят, тополя будут напоминать тебе, что жил, дескать, на свете прожектер Володька Наумов.

— Съест тебя с потрохами инохондрия,— сказал Александр Михайлович.— Где бы помочь, ты черт знает чем занимаешься! А так нужны преданные люди.

— Прогуляемся,— предложил Наумов,— хорошо на озере.

Александр Михайлович молча ушел в дом, вскоре вышел с веслами, и, не взглянув на Наумова, направился к озеру. Наумов нагнал, спросил:

— Дуешься?

— Не сержусь, а жалеть — жалею,— признался Александр Михайлович.— Вступил на ложную дорогу, а сойти с нее не хочешь.

Молча сели в лодку. Александр Михайлович оттолкнулся от причала.

— Жестоко ошибаешься, я не на ложной дороге,— заговорил после паузы Наумов,— это предвзятое суждение. Все мы — я и ты с Белоцерковцем, хотя и находимся на разных берегах, а делаем одно и то же: служим революции.

— Нет, Володя,— решительно возразил Александр Михайлович,— наши берега далеки. Ты по-прежнему уповашь на террор, на бомбы?

Наумов кивнул.

— От убийства Николая Второго трон не зашатается,— сказал Александр Михайлович.— Самодержавие — это не только царь, а и двор, правительство, помещики, капиталисты, купцы, прислуживающая им мразь. У правящего строя, алчного, злобного, есть вымуштрованная армия, флот, жандармерия, полиция.

— Ждать революционной погоды, отсиживаться в кустах — это ты предлагаешь? Что же тогда предатель-

ство? — сказал с вызывающей насмешкой Наумов. — Честнее действовать в одиночку... с бомбой.

— В одиночку и с бомбой — вот это и есть предательство, хуже — провокация. Охранка бросит сотни, тысячи социал-демократов в тюрьму, отправит на каторгу, в ссылку, — горячо говорил Александр Михайлович. — Мы не ждем той погоды, мы ее готовим, готовим свою революционную армию.

— Прожектер-то, оказывается, не Володя Наумов и ему подобные. По мановению волшебной палочки, что ли, появится в России революционная армия?

— Палочка волшебная здесь ни при чем. Еще в 1902 году Ленин считал, что близко время вооруженного восстания, и призывал не ждать, а действовать, вооружать, обучать революционную армию. Уже существуют на заводах, фабриках, в деревне дружины!

— В царской армии почти пять лет муштруют солдата.

— А штаб боевой технической группы применит в дружинах метод Швейцарии, — сказал убежденно Александр Михайлович, — там обучают пехотинца за сорок пять дней, артиллериста — за шестьдесят.

— Научите... ать... два... Но из чего ваша революционная армия будет стрелять? На дружину — один браунинг. Полдесятка пик и булыжники.

— Революционная армия не потешная, будут револьверы, не пики. Будут и винтовки и бомбы. Будут и пушки. В царской армии служат те же рабочие и крестьяне.

На дощатых мостках причала появилась Марья. Размахивая платком, она звала лодку.

— Кончаем спор, Марья сердится, когда опаздывают к столу, — сказал Александр Михайлович и повернул лодку к берегу.

14

Поезд из Петербурга пришел с опозданием на четверть часа. Буренин стоял на площадке вагона. На нем был охотничий костюм, через плечо перекинута зачехленное ружье.

«А саквояжа-то у него нет, — подумал Александр Михайлович. — Недолго, значит, погостит».

До коляски Буренина с Игнатьевым проводил начальник станции, поодаль держался подобострастный полицейский.

Когда отъехали с версту, Николай Евгеньевич расхотался:

— Ветром бы сдуло улыбки с физиономий службистов, если бы они знали цель моего приезда в Финляндию.

— Тупость чиновников — бальзам для моей души, — сказал Александр Михайлович, — легче жить.

— Слышал, — улыбнулся Николай Евгеньевич, — как у вас тут начальника териокской полиции подвезли домой на ящике динамита.

— Присочинил Микко, был ящик патронов и штук пятьсот листовок, — сказал Александр Михайлович.

— На прямой билет в Шлиссельбургскую крепость предостаточно, — вроде и упрекнул Николай Евгеньевич, а в голосе одобрительные нотки: — Риск и находчивость — оружие подпольщика.

Буренин, разумеется, приезжал в Ахи-Ярви не поохотиться да встряхнуться, но и пострелять из ружьишка, коль ты все равно в лесу, тоже не грех, да и куропатку с собой принести.

И пятнадцать верст не прошагали Игнатьев с Бурениным по лесу, а домой еле дотащились. Скинув куртку, тяжелые болотные сапоги, Николай Евгеньевич опустил ся в удобное кресло, вытянул усталые ноги.

— Вздремните, Марья мигом приготовит постель, — сказал Александр Михайлович.

— Опасно, разваляюсь, а мне нужно вечером непременно вернуться в город, утром репетиция. Вот чашечку кофе не отказался бы.

Выпив без сахара две чашки кофе, отодвинув вазу с печеньем, кувшинчик со сливками, Николай Евгеньевич положил перед собой лист бумаги, быстро набросал карту Финляндии, проложил главные магистрали — железнодорожные, шоссейные и морские. В городах Торнео и Або он заштриховал по треугольнику, а имения Ахи-Ярви и Кириасала обозначил прямоугольниками. Затем выделил на карте пограничные пункты, финский и русский, а по ту сторону реки Сестры — почтовые станции в Коркиомяки и Лемболово.

— Никак в топографы поступать собираетесь, — сказал Александр Михайлович, заглядывая через плечо Буренина, который уже «возводил» на схеме границу Швеции.

— Топограф-любитель. Мне легко дается картография, я немного рисую.

В Кириасале Александр Михайлович видел его акварель — брошенный колодец в Тюрисево. Он не раз задумывался: кто действительно Буренин: профессиональный пианист, помещик? А если приглядеться к его деятельности поближе, то все это побочное. Главное в жизни Николая Евгеньевича — революция.

Заточив сломавшийся карандаш, Николай Евгеньевич пробежал взглядом по схеме... Что же еще не доделал? По другую сторону финляндской границы пометил кружком Петербург, проложил от него строгие магистрали, надписал: на Кавказ, Урал, в Москву. А из кружка Ижевск стрелка повела пунктирную линию в сторону.

«Придут транспорты с ижевскими винтовками, — подумал Александр Михайлович, — надо их будет принять и отправить дальше, в дружины».

Закончив работу над картой, Николай Евгеньевич сказал:

— С этой минуты, — он тупым концом карандаша повел от границы Швеции к Ахи-Ярви и Кириасале. Из обоих имений дороги шли в Петербург, — ваши владения в России, Финляндии, а за мной остаются Швеция, Бельгия, Германия. Таково решение Центрального Комитета партии.

Александр Михайлович переправил в Петербург десятки винтовок и револьверов, динамит, тюки нелегальной литературы, — дело вроде и привычное, но всегда где-то поблизости был великий конспиратор — Буренин.

— Невольить в нашем деле не положено, — задумчиво заговорил Николай Евгеньевич, — за каждым нашим шагом — обвинение по первой или второй части сто второй статьи уголовного уложения. А она, эта статья, суровая: виселица в глухом лесу Лисьего Носа, разве что царь заменит казнь заточением в остроге или отправкой на вечную каторгу.

— В подполье я сам пришел, — тихо обронил Александр Михайлович.

15

Три браунинга, наган и патроны Александр Михайлович должен передать в Удельнинском парке дружиннику из Новгорода, вернее, выбросить в свертке из окна вагона. В Шувалове он вышел из купе «покурить», достав портсигар, открыл окно.

— Пардон,— раздался сзади женский голос.— Петербуржец? Угадала?

Молодая, раздетая старуха тоже заняла место у окна.

— Я проездом в столице.

Вежливый, но холодный ответ, казалось, обрывал всякую попытку завязать разговор. Старуха же беспричинно рассмеялась.

— Пари держу, петербуржец, столичные манеры не спрятать. Не то у нас стало в Москве. В Дворянском собрании — и то не скроешься от Охотного ряда и Хитровки.

Александр Михайлович до отказа открыл окно, надеясь сквозняком спугнуть навязчивую старуху.

— Ездил в Финляндию,— вдруг доверительно затараторила она.— Задумала купить имение, но цены — ужас. Заламывают пятьдесят — шестьдесят тысяч за развалюху в шесть-семь комнат, а земля — камень на камне.

Проехали Озерки. Меньше версты до Удельной... Александр Михайлович возненавидел болтливую старуху. Какая нечистая сила выгнала ее из купе?

— Недвижимость имеете в Финляндии? Прибыльное заведение?

— Угадали, имею заведение,— сказал Игнатьев,— на вложенный рубль три — прибыли. Я держу в Выборге фирму похоронной утвари, гробы, надгробья. Неслыханный выбор газета с золотом и серебром!

Старуха попятилась, скрылась в купе. Александр Михайлович с облегчением вздохнул, но было уже поздно, за окном вагона мелькнула одинокая кудрявая береза, возле нее молодой человек в светлом костюме и соломенной шляпе. Придется теперь Александру Михайловичу сойти на Ланской и пешком идти в Удельный парк.

Поезд подходил к платформе. За насыпью — игрушечный домик, качели, раскрашенные веселыми красками. Машинист здесь всегда подает гудок. Не его ли это жилье? Вот и платформа. Как восковые фигуры, застыли мрачные городовые. «Три... пять...» — считал про себя Александр Михайлович.

Он так и не вышел из вагона.

Скопление полицейских на пригородной станции — неприятный признак. Что же ждет на Финляндском вокзале? Предчувствие не обмануло. Еще издали Алек-

сандр Михайлович увидел у выхода с платформы городских. Пристав кого-то усердно высматривал в толчее пассажиров. Увел городской курсистку и благообразного старика. Шедший впереди Александра Михайловича человек, по всей вероятности сапожник, оступился, из фанерного чемодана посыпались инструменты. Гимназист, пожилая женщина и еще кто-то бросился ему помогать. На платформе образовалась пробка. Александру Михайловичу не пробиться ни вперед, ни назад. В карманах — револьверы.

По-барски презрительно оглядев разношерстную, шумную толпу, Александр Михайлович громко заругался:

— На столичном вокзале и подобное безобразия! То-го и гляди бидон на голову опрокинут...

В хорошо разыгранном гневе он вскинул коричневый саквояж с никелированными замками. Внешность, манеры молодого богатого барина подействовали на городского, стоявшего у почтового вагона. Городовой сорвался с места, расталкивая людей, пробился к сапожнику.

— Пентюх, грязный опорок,— городской встряхнул сапожника за шиворот и подобострастно обратился к Игнатьеву: — Простите, ваше сиятельство. Пожалуйста, за мной.

Бесцеремонно работая локтями, покрикивая на пассажиров, городской продвигался к выходу. Он вывел Игнатьева на привокзальную площадь.

— Молодец, исправно несешь службу,— похвалил Александр Михайлович и сунул городовому серебряный рубль.

Удачно Александр Михайлович проскочил через полицейский заслон, а настроение скверное. В Удельнинском парке приезжий дружинник ждет револьверы, патроны. Все так неудачно сложилось, что не вернуться обратным поездом — городские, конечно, заметили рассерженного барина.

В тихом переулке, недалеко от Финляндского вокзала, снимал комнату Эйнерлинг, слушатель Медицинской академии, помогавший подполью. Время лекционное, Александр Михайлович заглянул к нему на всякий случай.

Эйнерлинга он застал дома. Тот сидел за столом в халате, шея повязана грубым шерстяным шарфом.

— Хвораете?— посочувствовал Александр Михайлович.

— Простыл в воскресенье, нес дежурство на берегу Финского залива,— сказал весело Эйнерлинг.— Есть поручение — давайте! Болезнь несерьезная. Воспользовался случаем, засел плотно за конспекты.

Колебался Александр Михайлович. Эйнерлинг хоть и не лежачий больной, но неудобно посылать его в Удельный парк, а кроме него, некому сейчас выбросить из окна вагона посылку с оружием. К проходу следующего поезда из Финляндии дружинник снова займет условленное место у березы.

Поведал Александр Михайлович о своем невезении...

— Давайте револьверы и патроны,— сказал Эйнерлинг,— за мое здоровье не беспокойтесь, я все-таки почти доктор.

Немало удивился дружинник, когда ему сбросили посылку из окна вагона: поезд-то шел из Петербурга в Финляндию.

16

С лета в подполье Петербурга ходили слухи о таинственном пароходе-арсенале. Были и подробности, говорили, что в его трюмы погружено 35 000 винтовок, 3000 револьверов, 7 500 000 патронов, десятки пудов динамита.

Много загадочного было в этой истории. Неизвестно, кто купил эту партию оружия. Кто фрахтовал пароход и подсобные суда. Чаще называли финского «активиста» Конни Циллиакуса и японца Акаши, военного атташе в Швеции. Деньги, что израсходовали на эту акцию, были не то американского, не то японского происхождения.

«Заказчиками» или получателями оружия называли эсеров, меньшевиков и гапоновцев.

На встрече с Бурениным в Лондоне Гапон вел себя так, словно не было Кровавого воскресенья. Он готовил новую авантюру. По его замыслу пароход, войдя в финляндские воды, должен передать часть опасного груза на малотоннажные суда. Затем вместе с ними тайно проникнуть в один из рукавов Невы. В это время гапоновцы подожгут в окрестностях столицы богатые дачи и дворцы августейшей фамилии. Пожары должны послужить сигналом к восстанию.

В последнее воскресенье июля слухи дополнила существенная подробность: из Англии с грузом оружия выйдет пароход «Джон Графтон», Александр Михай-

лович заглянул на Рузовскую узнать, правда это или слух.

Николай Евгеньевич находился в гостиной, тихо играл, для себя. Он только что вернулся с концерта молодого венского дирижера и еще находился под свежим впечатлением.

— Талантище, глыба, поверьте, пройдет несколько лет, и этот музыкант станет в ряд величайших дирижеров мира.— Николай Евгеньевич спешил поделиться радостью с Игнатьевым. Пригласил гостя в кабинет, предложил чашечку кофе.

— Киснете в городе? Не знал, а то непременно увез бы на концерт. Дачников еще много в Ахи-Ярви?

— По воскресеньям — нашествие.

— В Кириасале тоже! — вздохнул Николай Евгеньевич.— Надеюсь, что у вас потише. Но все равно — то, что в ближайшее время, возможно, получим, в наших усадьбах не спрячешь.— Николай Евгеньевич обвел глазами кабинет, как бы примериваясь, сказал: — В глухом лесу требуется отрыть пять-шесть ям, замаскировать,— он опять окинул глазами кабинет,— таких, как эта комната, и чуть больше.

— Пушки прятать? — спросил Александр Михайлович.— На даче батарею не разместишь.

— Трехдюймовками неплохо бы обзавестись,— мечтательно сказал Николай Евгеньевич,— в недалеком будущем каждой дружке по пушке и пулемету, а сейчас у нас главная забота заполучить побольше винтовок, револьверов и взрывчатки.— И Николай Евгеньевич вдруг сам заговорил о плывущем из Англии «арсенале».

— Нам бы заполучить этого «Джона», мы бы честь честью приняли. До последней винтовки и патрона пустили бы в ход.

Александр Михайлович воодушевился:

— Рассчитывайте на меня. Если потребуется, в моем лесу миновосец, а то и крейсер спрячем. А ямы, пожалуйста, выроем. Поставлю Микко, сам возьмусь за лопату, помогут Четвериков и Березин.

— До тайных ям еще нужно довести оружие,— сказал Николай Евгеньевич.— Если нам посчастливится захватить этот пароход, то груз займет не одно и не два места в багаже. О маскировке хорошо подумать нужно.

Но придет ли в финляндские воды «Джон Графтон»? Много нечистоплотной возни вокруг этого парохода.

Следующее утро Александр Михайлович провел на

свалке городской мясной бойни. Год назад он отправил в свое имение подводу золы с этой свалки, удобрил опытные полоски, снял стопудовый урожай ржи. Если доставлять золу вагонами, продавать крестьянам, это послужит хорошей маскировкой при перевозке оружия с «Джона Графтона».

В конце недели первый вагон золы прибыл на станцию Райвола. Вывозить золу Александр Михайлович панял финских крестьян. Соседу Куло он разрешил взять бесплатно воз удобрений, но не успел предупредить Микко. Заметив, что Куло с подводой свернул к своему сараю, Микко догнал его, взял под уздцы лошаадь. Хорошо, что перебранку услышал Александр Михайлович и не дал разыграться страстям.

К молодому барину в Ахи-Ярви потянулись за удобрениями крестьяне, приезжали из-под Выборга, Хитолы и с глубинных хуторов.

А что с пароходом? Где сейчас «Джон Графтон»? Договорились ли эсеры, меньшевики и гапоновцы?..

17

Вчера поздно ушел от Буренина Александр Михайлович. Потому немало был удивлен, когда рано утром почтальон вручил ему телеграмму.

«Билеты на концерт общества любителей музыки получите на Рузовской сегодня около 12 часов дня».

Час предобеденный, а Николай Евгеньевич был в халате. В кабинете на столе лежала карта Финляндии, на диване атлас и раскрытый том словаря Брокгауза и Ефрона.

— Не нанесены на карте маленькие острова, а они позарез нужны,— Николай Евгеньевич не договорил, склонился над картой.

— В Ботническом заливе или Финском? — уточнил Александр Михайлович.

— Лучше в Ботническом, и район выбрать поглуше.

Александр Михайлович просмотрел на карте побережье от Якобстада до Локола. В этих местах Александр Михайлович бывал, но давно. В памяти на редкость медленно оживали рыбацкие поселки, острова, протоки. Наконец улыбка осветила его лицо — нашел! Он тупым карандашом ткнул в карту.

— Эту часть залива мало посещают суда. Здесь коварные мели и острые скалы под водой. Одна миля раз-

деляет два необитаемых острова, официального названия не помню, а местные жители прозвали тот, что побольше, «Лысый черт», а поменьше — «Сковородка».

Николай Евгеньевич обрадовался.

— Похоже, это то, что нужно команде «Джона Графтона». А сложно ли найти нелюбопытного лоцмана? Вероятно, потребуются также крепкие лодки и рыбаки.

— Если надо,— сказал Александр Михайлович,— будет лоцман, будут лодки, будут и рыбаки.

Буренин рассказал, что продолжается возня вокруг транспорта оружия. Большевики двурушничают: то они готовы встретить «Джона Графтона», то отказываются. Капитан парохода пытался связаться с эсерами, но Азеф таинственно исчез. Гапон и его приверженцы практически ничего не сделали, чтобы принять оружие, укрыть и переправить в Петербург.

— Закончится эта авантюра скандалом,— сказал Николай Евгеньевич.— От многострадального парохода эсеры, большевики и гапоновская шатия шарахаются, как от «Летучего голландца». Есть серьезные опасения, что оружие захватит полиция.

Эсеры наконец договорились о приемке оружия. Когда же «Джон Графтон» пришел в шхеры Ларсмо, там не оказалось приемщиков. Сбылось самое мрачное предположение большевиков.

Сутки простоял в финляндских шхерах пароход. Команда увела транспорт с оружием в Швецию. Оттуда капитану удалось связаться с эсеровским центром. Обо всем договорились.

Вторично «Джон Графтон» пришел в финляндские воды. И снова обман. Закрашенное название парохода вызвало подозрение у финских таможенников, пограничников и полиции. Чтобы избежать ареста, нужно было незамедлительно уходить в море—уголь на исходе. Но все же у команды теплилась надежда, что удастся уйти из опасной зоны. А подстерегала ее непоправимая беда: не имея точной карты, без лоцмана пароход сбился с курса и сел на мель. Чтобы оружие и боеприпасы не достались полиции, команда взорвала пароход.

Про этот печальный конец «Джона Графтона» рассказал Александру Михайловичу знакомый финский таможенник.

А спустя день финка-молочница привезла ему за-

писку. Буренин просил «наскрести» побольше денег и без промедления выехать в Выборг.

Перебрал в памяти знакомых Александр Михайлович — все несостоятельные. Рублей сто — больше не одолжить, беготни же на неделю, а в его распоряжении считанные часы. В записке Буренина все категорично: «...поистратился, залез в долг, предвидятся большие расходы». Не удалось ли ему заполучить оружие с потопленного парохода?

Занять деньги можно у Оскара, но не исключено, что о телеграмме в Гельсингфорс станет известно отцу. Нетвердо пообещал достать денег Красин.

И в который уж раз Александр Михайлович стал перебирать в памяти знакомых... Горький, Андреева. Не очень давно он с ними познакомился, а чем-то пришелся по душе. Они приглашали к себе, просили не стесняться, если подполью нужны будут деньги...

В квартире Горького к телефону никто не подошел.

Александр Михайлович съездил в Стрельну. Ладоха уже знал о трагической судьбе плавучего арсенала.

— Буренин собирает деньги на покупку винтовок, револьверов и динамита, — сказал Ладоха, — придется нам срочно занять, Горький уплатит долг...

В Выборге на вокзале встретил Александра Михайловича Буренин.

— Есть еще время перекусить, — сказал он.

Николаю Евгеньевичу были уже известны подробности трагедии в Ботническом заливе.

Опытного минера в команде не оказалось. Взрыв был проведен неудачно, вода скрыла лишь середину и часть кормы парохода. Взрывом из трюма выбросило несколько ящиков с винтовками и револьверами.

— Рыбаки с ближайших островов какой уж день не забрасывают сети, — рассказывал Николай Евгеньевич, — вылавливают из залива винтовки, револьверы. Нам нельзя упустить возможность пополнить арсенал боевой технической группы. Если с рыбаками поторговаться, уступят задешево.

На малолюдной станции их ждали. Возница, ни о чем не расспрашивая, доставил на берег залива, где под угрюмой скалой покачивалась на волне веселая лодка.

В заливе перекатывалась крупная волна, лодка то подымалась, то проваливалась. Рыбаки еще у берега

заботливо укрыли брезентом своих пассажиров, а то бы они вымокли до нитки. С час добирались до небольшого острова. Николая Евгеньевича укачало, но он держался, украдкой бросая нетерпеливые взгляды на медленно приближающееся небольшое рыбацкое селенье.

Вошли в небольшую бухту, крутые волны остались позади. Помог пристать к берегу широкоплечий голубоглазый финн. Он на лету ухватил цепь, закрепил за крюк и подвел лодку к каменной дорожке. Этому рыбаку едва перевалило за тридцать, крашеными казались седые пушистые бакенбарды.

Он молча показал приезжим на небольшой дом, одиноко стоявший среди невысоких сосен, пошел впереди, мягко ступая. За домом, шагах в двадцати, стоял длинный бревенчатый сарай. С крыши, чуть не до земли, свисали сети. Двери сарая были открыты настежь, на расстеленном парусе лежали ружья.

— «Веттерлей»,—определил оружейную фирму Николай Евгеньевич,— хуже нашей трехлинейной.

Винтовки были вычищены, хорошо смазаны.

— Паккала, хозяин винтовок, известный в здешних водах рыбак,— продолжал Николай Евгеньевич.— Шхеры он знает лучше, чем свой дом. Но водится за ним грешок — прижимист.

Александр Михайловичу стало неловко: финн находился в нескольких шагах, слышал, как о нем отзываются.

— По-русски Паккала знает только «здравствуйте» и «до свиданья». А я сердит на него за цену на ружья. Он и рыбаков подбивает не уступать. Возьмите на себя дипломатическую часть переговоров, торгуйтесь, как на Александровском рынке, деньги из партийной кассы и пожертвований, там их не так много. Ружья с неба ему свалились.

А Паккала просил на три рубля дешевле казенной цены винтовок.

Александр Михайлович был готов согласиться, а Николай Евгеньевич одно твердит: «торгуйтесь».

— Сбросит еще по полтиннику,— убеждает он Александра Михайловича,— монополию у Паккалы отобрали, несколько ящиков выловил Рантилла, совестливый человек, русским социал-демократам сочувствует. И рыбаки соседнего селения тоже не зевали, почистили трюмы «Джона Графтона».

Паккала сбавил еще полтинник, поставив условие —

деньги все сразу. У Рантиллы ружей было немного, зато он недорого продал полсотни револьверов.

Буренин остался на острове продолжать закупки винтовок, револьверов.

От Рантиллы, зять которого служил на телеграфе, он узнал, что русской полиции известно о прибытии в финляндские воды парохода с оружием. О нем доложили царю.

Александр Михайлович вечерним поездом уехал в Ахи-Ярви. Там все готово было к приему оружия: ямы отрыты, выложены бревнами, заготовлен дерн и молодые сосны для маскировки.

На станцию прибыл еще вагон золы.

18

Игрушечную мастерскую в Коломягах, где отливали оловянных солдатиков и тайно изготавливали оболочки бомб, полиция взяла на заметку. Агента, устроившегося дворником в соседний дом, опознала Лидия.

Нужно опередить обыск. Самое простое решение — уложить оболочки в картонные коробки и вывезти с оловянными солдатиками, но прежде требовалось найти лавку, где хозяин или приказчик согласился бы принять опасные «игрушки».

А пока Александр Михайлович и Лидия продумывали, как вывезти оболочки. Из боевой технической группы известили об удачной покупке нескольких пудов обрезков труб для изготовления бомб. Из-за Нарвской заставы груз на ломовом извозчике уже отправился в Коломяги.

Захватив подводу, полиция выйдет на след лаборатории, где начинают оболочки взрывчаткой. Нужно было на ходу переадресовать этот груз. А куда? Лидия отправилась искать сговорчивого лавочника, Александру Михайловичу дала адрес дачи в Лесном, где жил ботаник Гедройц. Он не революционер, но не откажется помочь.

Перехватив ломового на Камениом острове, Александр Михайлович велел ему ехать в Лесное, а сам помчался туда на легковом извозчике. Гедройц произвел на него приятное впечатление. Александр Михайлович попросил разрешения на короткое время оставить в сарае груз.

— Подумаю, ответ узнаете от Лидии, — уклончиво сказал Гедройц.

— Ломовой в пути. Минут через сорок он будет здесь,— сказал Александр Михайлович.

— В пути? — переспросил Гедройц.— Позвольте, а если бы меня не застали? И потом — я могу и не разрешить у себя на даче устроить склад.

— Не можете,— спокойно возразил Александр Михайлович,— я верю в рекомендацию Лидии, но коли чего-то опасаетесь, самое позднее через сутки заберем груз: каких-то несколько пудов обрезков труб.

Предприимчивость и решительность молодого человека, назвавшегося Григорием Ивановичем, нравились Гедройцу. В ожидании подвода он принялся показывать гостю свой опытный участок.

— Полюбуйтесь, ландыш, кендырь, алоэ.— Маленькие квадраты он с гордостью называл плантациями.— Здесь все для здоровья человека.

— Природа — великий учитель, жаль, что человек мало любознателен,— сказал Александр Михайлович и спросил Гедройца, приходилось ли ему видеть зубы бобра.

Гедройц смутился — он же ботаник.

— Мать-природа наградила бобра острыми зубами, обладающими способностью самозатачиваться,— поспешил снять неловкость Александр Михайлович.— Я все чаще задумываюсь, почему бы человеку не создать самозатачивающиеся резцы.

Пока они беседовали о тайнах природы, которые окружают человека, к воротам подъехала подвода. Ломовой перенес ящики с обрезками под навес, получил деньги и уехал.

19

Осталось посидеть день и ночь, еще день за книгами, записями лекций, и можно идти сдавать экзамены. Все, казалось бы, точно рассчитал Александр Михайлович, одного не учел... Нового срочного поручения.

На «Старом Лесснере» в крупноточкарной мастерской собрались судить черносотенцев. В Петербургском комитете партии было опасение, что мастера могут в чем-то и перегнуть. Среди членов монархического союза были и обманутые. Задумано было отобрать от них револьверы, кинжалы, стальные кастеты. Оружие сразу нужно было вынести с завода, чтобы не пострадали устроители суда.

Это поручение Александру Михайловичу передала Софья. Она предупредила, что у проходной его встретит товарищ Петр.

В конце Большой Дворянской улицы Александр Михайлович отпустил извозчика, смешавшись с прохожими, перешел через Сампсониевский мост.

Молодой рабочий, опрятно одетый, вынырнул из-за ломовой телеги, пристроился к Александру Михайловичу, шепнув:

— Познакомились, я — Петр.

Заметив, что Александра Михайловича удивил сладковатый запах, не свойственный металлическому заводу, Петр сказал:

— Со сладкой каторги потянуло. В вотчине сахарного короля Кенига тоже водятся погромщики. Позавчера там едва до полусмерти не избили рабочего за прокламацию, ладно — наши сборщики вмешались, перемахнули через забор, отбили товарища, а главного тамошнего черносотенца в «тройке», при часах, с «Георгием Победоносцем», помяв бока, макнули в сироп, выволокли на набережную.

— Сладкую купель... мерзавец запомнит до гробовой доски, — сказал Александр Михайлович, — но обязательно ли всем членам погромного союза устраивать подобную купель? Есть среди них и рабочие, оказавшиеся в шайке по своей темноте.

— Самосуда мы не допустим, а проучить — проучим, — сказал Петр. — Исповедь начнем с Архипки Синюхина, десятского, отмеченного за усердие всеми знаками черносотенцев.

В мастерской ничто не предвещало скорого суда над черносотенцами. За большими станками рабочих почти не было видно. Шумела, ухала и всплескивала ремнями трансмиссия, потрескивая, падала полуобгоревшая стружка в поддоны. Необычным в этот час был помост из круглых поковок в большом проходе.

Но вот в дальнем углу мастерской ударили по рельсу, монтер рванул рубильник, устало замедляя бег, обвисали приводные ремни трансмиссии. Рабочие начали стекаться к помосту, и стало вдруг многолюдно и тесно.

И начался необычный суд. Судьями были те, кто окружал помост.

— Шествуй, Синюхин, на «трон».

Александр Михайлович с трудом узнал голос Петра, такой он стал строгий, повелительный.

Мастеровые смотрели не на помост, а в малый проход, где была скамья подсудимых, там на табуретках сидели трое в таких же куртках из чертовой кожи, как и у всех, но подавленные, от всего отрешенные.

— Выезд, Синюхин, тебе, что ли, подать? — сказал уже с иронией Петр.

Мастеровой, что помоложе, трудно поднялся с табуретки, вышел в большой проход, перекрестился и неуклюже забрался на поковки.

Синюхину было лет сорок. Большая голова, подстриженная под скобку, неприятно дергалась. Черные усы с обвислыми концами удлиняли и без того узкое лицо. Он не знал, куда деть большие натруженные руки, то прятал в карманы, то складывал на груди.

Все теснее рабочие охватывали помост, отовсюду раздавались гневные голоса:

— Похвались, Архипка, как выбросил студента из конки.

— Не придуривай, скажи, за что избил скрипача во дворе Нобеля?

— Кто входит в проклятую десятку?

Обвиняли, грозно обвиняли. А кто? Спросить Синюхина, он ни на кого бы не показал. Обвиняли все, кто окружал помост.

Синюхин хоть и был перепуган, а сообразил, что начать каяться лучше, как ему казалось, с безобидного случая с бродячим музыкантом.

— Не бил, разрази гром, не бил золотушного. От замаха свалился. Если бы взаправду дал тычка, то он сразу бы отправился на Богословское. Кто на масляной быка свалил?!

— Про свои кулаки помолчи! — одернул Петр. — Люди требуют, отвечай: в чем провинился музыкант?

— Непотребное играл и пел, а «Боже, царя храни» петь отказался. Посулил двугривенный, заупрямился.

— У-у, мерзавец!

Кто-то из мастеровых не сдержал нервы, бросил гайку. Она пролетела низко над головой черносотенца и звонко ударилась о металлическую балку. Синюхин от страха присел, закрыл голову руками.

Ненависть на лицах мастеровых, ненависть, что порох, прорвется, избыют до смерти Синюхина. Пострадают заводские социал-демократы. Александр Михайлович протиснулся к помосту, но его успел удержать Петр.

— Сами наведем порядок, — шепнул он.

Петр вскочил на табуретку, вскинул руку. Постепенно шум затих. Петру помогали в толпе невидимые помощники.

— Условились,— сказал он негромко,— собратсья по-серьезному и серьезно давайте решать.

В дальнем углу на вагонетках с поковками и литьем eyedели молодые рабочие и заводские мальчишки. Увещевания Петра вызвали шум, свист. В этот угол направился старик, кряжистый, весь седой. И разом угомонил парней.

— Соловьем не разливайся,— обратился теперь к Синюхину Петр,— люди требуют, давай начистоту. Как ты в шайку попал? На своих с кулаками идешь. Велят — стрелять будешь?..

— Братцы, что я худого сделал?— истерично перебил Петра Синюхин.— Ну, поучил студента, а знаете, за что? В Сибирь его упечь надо, августейшую государыню на всю конку обозвал немецкой шлюхой. Самую императрицу!

— Шлюха! Шлюха! Шлюха!— взорвалась в криках мастерская.

В глазах Синюхина страх — что происходит с людьми? Так поносят императрицу.

— Тачку! — крикнули в дальнем углу.

— Чего с ним чикаться? Тачку!

Как многоголосое эхо, повторили в мастерской:

— Та-ачку-у!

И снова тишина, был даже слышен шум с испытательного стенда.

Мастеровые очистили проход. Теперь никто не смотрел на помост, где трясся в лихорадке Синюхин, теперь все смотрели на большие деревянные ворота, откуда должна показаться тачка.

— Родимые, не губите темного человека! — Синюхин рванул ворот рубашки.— Бога ради, простите неразумного!

Наконец ворота открылись, показалась тачка, ухарского вида парень медленно катил ее по большому проходу.

Синюхин, как подрубленный, упал на колени, он вздымал руки, что-то говорил, но его голоса не было слышно, настолько нарастал гневный шум.

Шагах в десяти от помоста парень остановил тачку и выжидательно посмотрел на Петра.

— Револьвер при себе? — спросил Петр.

Синюхин молча положил на помост браунинг, патроны и кастет.

— Клади и книжку чертова союза!

Синюхин положил удостоверение рядом с револьвером, затем он решительно сорвал с пиджака значок «Георгия Победоносца», швырнул на помост и раздавил каблуком.

Синюхина простили, а он растерянно озирался и продолжал стоять на помосте. Тогда подошли два парня и сняли его. Синюхин отпрянул от тачки, пошатываясь, скрылся за станками.

Черносотенец из десятки Синюхина держался спокойно. Он не участвовал в погромах. В союз вступил по темноте — в честь святого назван. И у мастера стал на хорошем счету — чаще перепадали выгодные наряды. Черносотенец сказал, что по доброй воле вступил в союз и выходит без понукания. Против своих рабочих не пойдет. Он выложил на помост револьвер, кинжал и разорвал членский билет.

Когда вызвали на разговоры третьего черносотенца, то оказалось, что он струсил, сбежал.

Два револьвера, кастет, кинжал и удостоверение члена черносотенного союза вынес с завода Александр Михайлович.

После смены парня, что прикатил тачку, и Петра задержали в проходной штатский и пристав, обыскали их, но ничего не нашли, отпустили.

20

Курьерский поезд Гельсингфорс — Петербург подходил к границе. Четвериков выбрался в тамбур, намереваясь в Белоострове выскочить налегке из вагона и отсидеться в буфете до третьего удара колокола. Саквояж он выставил на диван, предупредив соседку по купе, что коли досмотрщик пожелает ознакомиться с содержимым, то ключ в замке.

«Свидание с рюмкой» — так подпольщики окрестили хитрый уход от досмотра. На этот раз «свидание» не состоялось и едва не закончилось для Четверикова арестом. В Белоострове полиция провела остроумную акцию. Всех пассажиров, спешивших в буфет, задержали. По-разному вели себя задержанные — одни ругали полицию, другие пытались вернуться в вагон, но их не отпускали. Четвериков же с широкой улыбкой благо-

душно поглядывал на то, что происходит на платформе, будто его это не касалось.

Выстроив в затылок задержанных, городской повел их к вокзалу. Беззаботно озираясь по сторонам, Четвериков незаметно отставал; когда входили в здание, он оказался замыкающим. Едва сухошавый старик, шедший перед ним, перешагнул порог жандармской комнаты, Четвериков невозмутимо закрыл за ним дверь и пошел дальше к выходу. Выбравшись из вокзала по черной лестнице, он плюхнулся в сани какого-то чухонца.

— В Курорт,— сказал он,— за ездy с ветерком получишь купеческие чаевые.

На улице стоял двадцатиградусный мороз. Возчик посмотрел на странного пассажира в свитере без шапки, но ничего не сказал, тронул вожжами.

Дорога в Курорт накатана, низкорослая лошаденка играючи везла легкие сани. На повороте Четвериков оглянулся, поезд еще стоял у платформы. В саквояже, если он попадет в полицию, не найдут ни адреса, ничего компрометирующего, там старые брюки, поношенная рубашка, переводной роман, захватанный и без обложки. Динамит же был спрятан у Четверикова в широком поясе под свитером.

Невольная прогулка Четверикова без пальто и шапки уложила его в постель. Он не показывался в институте, пропустил обязательную явку. Александр Михайлович забеспокоился. В воскресенье рано утром поехал в Финляндию. Оделся охотником — полупальто, сапоги с высокими голенищами, опущенная на уши финская шапка, на широком ремне патронташ.

У крыльца из сугроба торчала лыжная палка — пароль: на даче все спокойно. Оставив в холодной прихожей ружье и «трофейного» зайца, Александр Михайлович шумно вошел в комнату и замер на пороге: приятный сюрприз — Ольга. Она причесывала незнакомую курсистку, а Варя калила над лампой щипцы. Тут же оказался и Четвериков. Он играл с Федоровым в подкидного.

В прошлый приезд Александр Михайлович познакомился здесь с Федоровым, рабочим Франко-Русского завода, человеком редкой силы. Был случай: Четвериков отправил с Федоровым ящик с револьверами, пакет динамита и тюк литературы. Едва выехали со станции, сани занесло, угодили в яму. Лошадь выбилась из сил.

Привязав за передок запасные вожжи, Федоров, поднатужившись, помог лошади вытащить сани из ямы.

Здороваясь с Федоровым, Александр Михайлович предупредил:

— На одну восьмую жмите, не выше.

И тут же обратил внимание, что у Четверикова забинтована рука.

— От вашего пожатия? — спросил у Федорова Александр Михайлович.

— Не грешен, в обойме револьвера на патрон оказалось больше, — съязвил Федоров. — Поиграл человек.

Отчитать Четверикова за неосторожное обращение с оружием следует, но Александр Михайлович отложил разговор, неудобно при постороннем человеке. И кто привел курсистку на секретную дачу, не поставив его в известность? Ольга, поймав его взгляд, шепнула:

— Рекомендация Софьи и Гусева.

Испуг в глазах Вари при его появлении на даче Александр Михайлович отнес к происшествию с револьвером.

Варя, верно, перепугалась, но повод был иной. В этот день ждала только Ольгу, она же приехала с курсисткой. На обратном пути из Выборга сошел с поезда Федоров. А теперь еще неожиданно-негаданно появился и Александр Михайлович. В кладовке иссякли запасы, продукты покупала жена хозяина дачи, позавчера она уехала в Валк-Ярви и задержалась у знакомых. На ужин у Вари всего три котлеты, подсолнечного масла на донышке бутылки, хватит поджарить картошку, но накормить трех лишних, неожиданных...

Узнав про тревогу Вари, Федоров вызвался занять продукты. Хозяина он не застал, надумал сбежать в буфет на вокзал купить холодных закусок и неожиданно паткнулся в сенях на охотничий «трофей» Игнатьева — беляка фунтов на семь.

— Пируем, — сказал Федоров, швырнув на кухонный стол белоснежного зайца.

— Купил у хозяина? — спросила Варя. — Вот не подозревала, что он охотник.

— Бефстроганов отличный получится, — уклончиво ответил Федоров.

Скоро приятный запах жаркого проник в комнату.

— Вкусно, по запаху слышу — на сковородке баранина, — потянул носом Александр Михайлович. — Накормите?

— Досыта, досыта, на славу хозяйка накормит,— пообещал Федоров, пряча плутоватые глаза.

За ужином все нахваливали жаркое, дружно протягивали тарелки за добавкой.

После чая с вкусными лимонными корочками начались сборы к отъезду в Петербург. Ольга и курсистка уединились в спальне, чтобы надеть пояса с динамитом. Александр Михайлович уезжал поездом раньше. Капсюли гремучей ртути он положил в патронташ, оделся и вышел в сени.

Чертыхаясь, чиркая спичкой, Александр Михайлович что-то искал.

Услышав шум, вышла Варя, следом Федоров.

— Пропало что? — спросила Варя.

— Заяц!

— Убежал,— посмеивался Федоров,— зайцы великие притворщики.

— Не морочь голову, зайца утром охотник Линкола подстрелил,— сердился Александр Михайлович,— я на хутор специально заезжал. Заяц — моя охранная грамота. Охотничий трофей вызывает улыбку у пограничных стражей, служит охраняющим талисманом. И куда бедняга делся, хорошо помню — клал на табуретку.

— Съели,— признался Федоров, понимая, как он опрометчиво поступил.

Варя накинулась на Федорова:

— Мальчишка, на зайчатину потянуло, набили бы свои голодные утробы картошкой.

Федоров сник, он не ожидал, что дружеский розыгрыш будет иметь такой печальный конец.

Александр Михайловичу стало жаль человека. Федоров очень уж переживал.

— Не стоит ссориться, бывает, охотники возвращаются без добычи,— примиряюще сказал он,— а заяц был чертовски вкусный.

В дверях показалась Ольга, в меховом жакете она казалась располневшей, но в меру. В ее глазах Александр Михайлович прочитал просьбу: «Поедем в Петербург на одном поезде».

Александр Михайлович готов был сказать: «Едем», но рука невольно оцупала патронташ с гремучей ртутью.

— На барышень меньше обращают внимание на границе,— сказал он.— Со мной ехать опасно.

На дворе Александр Михайлович бросил взгляд на дачу — Ольга стояла у окна, грустная. Приветливо махнув рукой, он поспешил к калитке.

21

От продажи золы Александр Михайлович терпел убытки. Когда зола служила маскировкой — на это можно было пойти. Теперь винтовок и револьверов в Ахи-Ярви поступало меньше, в переброске через границу помогал поправившийся машинист курьерского поезда. Александр Михайлович серьезно задумывался: как избежать убытка, хотя бы в свои укладываться на продаже золы. Можно, конечно, попросить в дирекции казенных финляндских железных дорог льготный тариф. Ведь он ратует за плодородие. Разве это урожай — сам-пять, сам-шесть! Так финский крестьянин никогда свою семью досыта не накормит.

Прошение он подал через Штенберга, родственника по материнской линии. Обстановка же в Петербурге и Ахи-Ярви складывалась так, что поездка к Келломяки, где служил Штенберг, все откладывалась. Когда бы еще состоялась, если бы не случай...

Микко не подал лошадь к поезду. Час был поздний, Александр Михайлович очутился в затруднительном положении. Пешком от Райволы до имения далеко... На соседней платформе стоял последний поезд в Петербург. Раздумывать некогда, он сел без билета, через два перегона сошел. Дом Штенберга, начальника станции Келломяки, был погружен в сон, только в кабинете блеклый свет.

Александр Михайлович тихо постучал в окно. Впустил его в дом сам Штенберг. Несмотря на поздний час, он был в мундире.

— Какому ветру кланяться? — приветливо встретил он Игнатьева. — Из имения?

Поздний гость был налегке, без саквояжа.

Перехватив недоуменный взгляд Штенберга, Александр Михайлович честно признался:

— Я не собирался в Келломяки, загостился у приятеля в Териоках, а Микко не подал лошадь к поезду.

— Разбаловал разбойника, неделю бы я терпел, на вторую выгнал бы твоего слугу, — сердито сказал Штенберг и пошел впереди, освещая коридор. — Мои спят, а я

бодрствую; из столицы только что получил важный циркуляр.

Поставив лампу на стол, он открыл бархатную папку и с гордостью прочитал:

— «Дополнение к мерам по пути следования поезда с особами августейшей фамилии...»

Зеленый абажур лампы был низко опущен, полумрак скрыл усмешку на губах Александра Михайловича.

— Смутное время в России,— Штенберг озабоченно вздохнул.

— И в княжестве Финляндском,— в тон ему сказал Александр Михайлович.

— Университетской пыли, Шура, ты здорово поднабрался,— сказал Штенберг и замаялся — после прошлогодних январских событий у Зимнего дворца он и сам не испытывал былого благоговения перед царем.

— Пыль-то пыль,— согласился Александр Михайлович и, горько качнув головой, продолжал возмущенно: — Эта пыль не дает мне права закрыть глаза на то, что происходит вокруг. Зачеркивается и то куцее, что было даровано людям в манифесте 17 октября. В Лисьем Носу палач устал выбивать табуретку из-под ног беспокойных, неугодных августейшему и его камарилье.

— Выпей кофе,— предложил Штенберг, прекращая опасный разговор.— Горячий, только сварил. Мне еще долго бодрствовать, неспроста прислали пакет с фельдъегерем.

Кофе на ночь пить вредно, долго не уснешь, Александр Михайлович собрался поблагодарить и отказаться, и тут заметил на этажерке тарелку с белым хлебом и ветчиной. Он вдруг почувствовал мучительный голод — сбежал из дома еще до завтрака, днем не было свободной минуты даже заскочить в лавку и купить колбасы.

— От кофе и бутерброда не откажусь! — сказал он.

Придвинув к дивану низкий столик, Штенберг налил кофе, поставил хлеб, ветчину и, что-то вспомнив, сказал:

— Незадолго до своей смерти на этом же месте сидела Аделаида Федоровна. Как она печалилась, что ты наотрез отказался поступать в Пажеский корпус...

— Мать прочила в свиту его величества, а я выбрал иную дорогу и не раскаиваюсь,— сказал Александр Михайлович и переменял разговор: — Есть просьба, ты в коротких отношениях со своей дирекцией. На бойне у отца завалы отличнейшего удобрения. Решил

всерьез заняться коммерцией, но дорог провоз. Тариф высок, прибыли не остается, чаще с убытком заканчивал продажу последних вагонов золы. Не даст ли дирекция Финляндской дороги льготу? Ответ на прошение еще не получил.

Не ожидал подобной просьбы Штенберг. Он искренне обрадовался — наконец-то родственник серьезно берется за хозяйство. Иметь сто десятин леса, землю и получать доход, которого едва хватает на уплату налогов и расчеты с Микко и Марьей...

— С удовольствием похлопочу, — обещал Штенберг. — На будущей неделе собираюсь в Гельсингфорс, буду непременно у Оскара, он человек с положением, влиятельный.

В комнате за кабинетом, где обычно хозяева устраивали гостей, было не убрано. Штенберг предложил Александру Михайловичу переночевать в столовой.

— С моими, надеюсь, повидаетесь, будут рады, — попросил он и предупредил: — Знаю твои повадки — исчезать мгновенно, так что не сердись, а до завтрака и тебя запру. Как у Кончака — не пленник, а гость дорогой.

Штенберг нарочно повертел в замке ключ и ушел к себе.

Александр Михайлович превосходно выспался, проснулся от ощущения, что кто-то навязчиво направляет зеркального «зайчика» ему в глаза. Жмурясь, защищаясь рукой, он открыл глаза и обомлел: комната от пола до потолка заполнена солнцем. На стуле лежали газеты и записка: «Шура, сон у тебя богатырский, пожалели будить. Кухарка подаст завтрак. Выкупайся в заливе, погуляй. К обеду все соберемся».

Чужак этот Штенберг — оставил шведские газеты, на русском языке — только «Финляндская газета». К официозу русского губернатора в княжестве Финляндском Александр Михайлович относился презрительно. Он начал с последней страницы. Под обязательными сообщениями была заметка, которая его встревожила:

«На днях из порохового погреба Н-ского полка пропало три пуда динамита. Замок оказался в сохранности. На допросе часовые, караульный начальник показали: никто из посторонних и солдат не переходил запретную черту».

Продолжаются таинственные исчезновения взрывчатых веществ со складов фирм, ведущих дорожные рабо-

ты. Злоумышленники настолько обнаглели, что крадут динамит из погребов полиции.

Губернатор приказал найти похитителей и судить».

Полиция напала на след, иначе губернатор публично не дал бы такого безоговорочного приказа. В Гельсингфорсе боевая техническая группа имела склад динамита в доме финского рабочего Мякеля. Раз появилось такое сообщение в газете, следует перепрятать динамит или перевезти на дачу в Терйоки.

Первым поездом Александр Михайлович выехал в Гельсингфорс. Сменив извозчика, он добрался до домика на тихой улочке в пригороде. Хозяина не было дома, жена Мякеля хоть и знала Игнатьева, но встретила не приветливо, в дом не пустила.

— Обождите в баньке, — отодвинув жерди в изгороди, провела его на маленький двор, — соседи в отъезде. Полиция сюда не полезет, здесь живет надзиратель тюрьмы.

Часа полтора Александр Михайлович просидел на полке, пока за ним не пришла хозяйка. Она была ласкова, но встревожена.

— Осерчал мой, что в баньке прячу, а я не худа желала. Динамит ищут, зря связались с полицейскими, покупали бы у солдат, спокойнее.

Через тот же лаз она провела Игнатьева в дом.

С весны Александр Михайлович не видел хранителя склада. Прошло немного времени, а Мякеля постарел, глаза усталые, больные, сутулятся, из-под ворота рубашки белеет бинт.

— Под дубинки белых попал, — сказал он, но в голосе не было жалобы, — чудо, как позвоночник не перешибли.

Он так и не рассказал, почему на него напали, видимо, это было связано с покупкой динамита. Да и заговорил Мякеля о другом: знает ли Игнатьев, что происходит в Свеаборге?

Смутное представление имел Александр Михайлович о недовольстве и волнениях на военно-морской базе Свеаборга.

И вот что рассказал Мякеля.

Поражение в русско-японской войне, задержка с демобилизацией и полукаторжные условия службы на базе вызвали брожение среди нижних чинов крепости.

На островах, где стояли роты — минная, артиллерии, морская, телеграфная, — обстановка накалилась и была

на грани стихийного бунта. Социал-демократы старались ввести недовольство в организационные рамки. Они вели на кораблях, в ротах серьезную подготовку к восстанию. В один день и час должны были выступить солдаты и матросы Свеаборга, Кронштадта, Ревеля и Севастополя.

Используя заурадный конфликт минеров с комендантом крепости, генералом Лаймингом, эсеры самовольно назначили час восстания. Социал-демократы, казалось, убедили штабс-капитана Циона, что подготовка к восстанию не закончена. Не получено согласия Севастополя и Ревеля, нет четкого ответа из Кронштадта. Не было и подтверждений с «Цесаревича» и «Славы». Эти броненосцы имели тяжелые дальнобойные пушки, способные огнем смести все укрепления, все живое на островах Свеаборга.

Восстание было отложено, а в назначенный эсерами час — в ночь на 18 июля — пушка оповестила — к оружию! Эсеры потом оправдывались, что об отмене не знал-де тот артиллерист. Забыли предупредить. Странная «забывчивость».

— Пытаемся спасти положение,— продолжал Мякеля.— Все финские социал-демократы, способные стрелять, мобилизованы, двести пятьдесят штыков насчитывает наш отряд. Можно еще рассчитывать на успех восстания, если броненосцы...

Он не договорил, замер, в палисаднике послышались осторожные шаги. В окно трижды постучали с маленькими паузами.

— Пора в дорогу,— сказал Мякеля.— Этой ночью мне поручено наладить доставку на острова бинтов, ваты и лекарств. У восставших нечем перевязывать раненых. На бинты идут нижние рубашки.

Мякеля ушел проститься с женой, Александр Михайлович оделся и поджидал его у двери.

— Переночуйте,— предложил Мякеля,— а завтра, если динамит не потребуется восставшим, перепрячем.

— Я с вами,— решительно сказал Александр Михайлович.— У вас ведь все социал-демократы мобилизованы.

— Отказать не в моей власти,— ответил Мякеля.

За ближайшим углом ожидала извозничья коляска. И тут из-за темнеющего кустарника вышел рослый полицейский. Александр Михайлович положил руку на револьвер.

— Свой,— Мякеля придержал его за локоть,— без охраны нас растерзает первый же патруль. Генерал Залца предупредил финский Красный Крест, что отдал приказ расстреливать на месте каждого, кто попытается передать мятежникам хотя бы один бинт, один пакет ваты, один пузырек йодного раствора.

Только под утро им удалось доставить медикаменты в крепость. Молоденькая сестра милосердия поблагодарила их, мешая русские и финские слова. Она была несколько озадачена, когда Александр Михайлович ответил ей на родном ее языке:

— Вам спасибо, помогаете русским в борьбе с царем.

— Он же ведь и князь Финляндский,— усмехнулась она.

Сестра милосердия разложила медикаменты в брезентовые сумки. Мякеля вышел из подвала казармы, где помещалась перевязочная, вскоре вернулся с матросами и солдатами, им поручено переправить сумки с медикаментами на острова Александровский, Инженерный и Артиллерийский.

Получив медикаменты, Александр Михайлович ждал связного с Михайловского, чтобы вместе с ним переправиться на остров.

Связной то ли не нашел временного перевязочного пункта, то ли погиб в пути, Александр Михайлович решил действовать самостоятельно. Но подоспел Мякеля, левая рука у него была обмотана носовым платком.

— Плохи наши дела,— сказал Мякеля,— броненосцы «Слава», «Цесаревич» и минный крейсер «Богатырь» получили приказ открыть огонь по мятежным островам. Если до этого дойдет...

— Тогда конец?

Мякеля утвердительно кивнул, прислушался к усилившейся орудийной канонаде, с горечью обронил:

— Вот и началось... «Цесаревич» стреляет...

Броненосцы расстреливали мятежные острова. Казаюсь, что в Михайловском земля горит, туда теперь невозможно добраться. Что же делать? Мякеля куда-то опять исчез, правда, скоро появился и не один, а со старым финном, который привез полную тачку гражданской одежды.

— Восстание обречено,— сказал осипшим голосом Мякеля,— финны собирают одежду, чтобы помочь мятежным матросам и солдатам...

Угол казармы срезал снаряд.

— Ложись!

Александр Михайлович сперва не понял, что это относится к нему. Матрос столкнул его на подвальную лестницу. Он почувствовал, как под ним дрогнули ступени,— это еще снаряд угодил в казарму.

Оглушенного, контуженного Александра Михайловича нашел на подвальной лестнице Мякеля, вытащил его на воздух.

— Уходите из Свеаборга, уходите немедленно. Подпоручик Коханский арестован. На Михайловском выброшен белый флаг.

Мякеля показал Александру Михайловичу безопасную дорогу на Гельсингфорс.

Ночью опасно выезжать из встревоженного города. Александр Михайлович решил переночевать в доме Мякеля, а утром поехать в мягком. Заснул он сразу, проснулся от частых толчков в бок. С трудом открыл глаза. У дивана — хозяйка.

— Полиция,— шептала она,— коль есть что запрещенное...

Револьвер Александр Михайлович предусмотрительно спрятал под мостиком в квартале от дома Мякеля. У него нет ничего крамольного. И тут вспомнил: когда из пролома казармы наблюдал за обстрелом Михайловского острова, солдат сунул ему прокламацию. Он спрятал ее в карман, чтобы потом прочитать, и забыл.

Стук в двери становился громче, настойчивее, ругалась хозяйка. У Александра Михайловича есть еще две-три минуты. Что за прокламация? Он не удержался, взглянул.

«...И подняли солдаты и матросы Свеаборга знамя восстания...»

В прихожей послышались шаги. Сейчас ворвутся в комнату. Александр Михайлович разорвал листок и проглотил.

Допрашивал агент полиции в штатском.

— Игнатьев моя фамилия, дворянин. Объясните, чем все это вызвано? В чем меня обвиняют? — потребовал Александр Михайлович.

— Предписано,— объяснял вежливо агент,— произвести обыск у Мякеля, всех обнаруженных в доме лиц задержать как участников и пособников восстанию в Свеаборгской крепости.

Свой арест Александр Михайлович встретил спокойно. Во время обыска у него ничего не нашли. Кроме Мякеля, никто не знает, что он помогал восставшим. А Мякеля, если и арестован, то это железный человек. Совсем просто объяснить, почему он заночевал в его доме. Тот — известный лодочный мастер. Приехал заказать лодку.

22

Сухо щелкнул замок, Александр Михайлович не оглянувшись — опять на допрос. Пытаются обвинить его в подстрекательстве солдат и матросов гарнизона к восстанию. Но надзиратель не крикнул с порога, а подошел и вежливо сказал:

— Забирайте с собой вещи.

Распихав по карманам порошок, зубную щетку и мыло, Александр Михайлович вышел следом за надзирателем из камеры.

В канцелярии тюрьмы Александру Михайловичу объявили, что он задержан по недоразумению, вернули паспорт, бумажник, подтяжки и ремень.

— Вызвать извозчика? — предложил дежурный надзиратель.

— Пройдусь пешком, гостиница не на краю земли, — отказался Александр Михайлович.

Дежурный склонился к бумагам, пряча недобрую усмешку. Никто лишнюю минуту не желает задержаться в тюрьме.

На улице к Александру Михайловичу кинулся кучер Оскара.

— Скорее, — опаздываем к обеду, — сказал он.

Не собиравшись Александр Михайлович в этот приезд навестить родственников. Но как-то они узнали, что он в Гельсингфорсе, арестован. Видимо, Оскар, очень влиятельный человек в Финляндии, избавил его от тюрьмы, может быть, и от каторжных работ. Не поблагодарить нельзя.

Оскар встретил Александра Михайловича в вестибюле, увел в свою половину.

— Бога ради, в доме ни слова о Свеаборге, — предупредил он и тихо-тихо обронил: — Подпоручики Емельянов, Коханский и шестеро нижних чинов расстреляны.

Помолчав, Оскар продолжал:

— Мятеж подавлен. Еще не раз на берегу крепости под бой барабанов прогремят выстрелы. Напрасные жертвы, в числе их мог и ты оказаться. Я совершенно случайно узнал, что задержан русский дворянин Игнатьев как участник мятежа в Свеаборге. Взвесь все.

— Спасибо, Оскар, я давно все взвесил. Жертвы не напрасны.

И дня не прогостил Александр Михайлович в семье Оскара. Чужие они ему люди. Верно, помогли, вызволили его из тюрьмы, но только ради его покойной матери.

Билет Александр Михайлович взял до Петербурга, а сошел в Райволе. Недельку нужно, чтобы прийти в себя, побродить с ружьем в лесу. Но в Ахи-Ярви уже ждала Ольга. Она приехала со срочным поручением.

На юге страны произошел еще взрыв в подпольной мастерской, новые жертвы. В боевой технической группе обеспокоены тем, что в лаборатории Игнатьева при смешении материалов дозы берутся на глазок. Это может окончиться катастрофой.

Александра Михайловича вызывали на консультацию к специалисту по взрывчатке. Интересный человек этот химик. Встреча была на явочной квартире. Он не назвал своей фамилии.

— Знаю заранее, мои инструкции неприемлемы,— говорил он, хотя Александр Михайлович слушал, не перебивая.— Но обязан предупредить, к чему может привести малейшая оплошность в температурном режиме кислоты...

Прочитав заметки Игнатьева о нововведениях в лаборатории, Березин фыркнул.

— В строгостях можно дойти до тюремного расписания: прогулка двадцать минут, чахоточным шагом вокруг каменного колодца...

— На юге при взрыве погибли семь человек,— перебил Александр Михайлович.— Партия потеряла людей, лишилась лаборатории.

Березин начал возражать: коли принять советы ученого, то в имени ни в коем случае вообще нельзя изготавливать кислоту. Александр Михайлович больше его не перебивал, но и не слушал. Открыв окно, он позвал Микко с огорода, велел запрягать лошадь.

— Далече? — спросил Микко.

— В Райволу, поедет Березин,— сказал Александр Михайлович.

— У меня нет дел в Райволе,— смутился Березин,— готовлю «закваску» для начинки.

— Вызову Четверикова, доделает, я помогу,— сказал строго Александр Михайлович,— а вы поедете в Петербург, встретитесь с тем ученым химиком.

Возражать бесполезно. Березин поднялся в свою комнату, собрал саквояж.

Не с пустыми руками возвратился он из столицы. Александр Михайлович велел ему побыстрее привести себя в порядок и спуститься в столовую, Березин же, поставив саквояж на колодец, извлек пухлый том, сказал:

— На правах рукописи. Пособие по садоводству.

Александр Михайлович с интересом открыл книгу, на обложке была изображена ветвь со спелыми антоновскими яблоками, а на титульном листе — «О минной войне».

23

Микко уехал в Парголово на похороны. Этот непредвиденный отъезд поломал расписание молодого барина. Обычно Микко встречал в лесу оружейников из Сестрорецка и незаметно провожал в имение. В этот раз им было нужно переправить через границу несколько пудов динамита.

Александр Михайлович сам решил встречать оружейников, но, случайно выглянув в окно, обомлел. Возле навеса выпрягал лошадь Пекканен, тесть полицейского чиновника на станции Райвола.

Прошлой осенью Пекканен получил под Мустамяками наследство — тридцать десятин пахотной земли. Прослышав, что помещик Игнатьев снимает стопудовые урожаи ржи, он еще в морозы напросился в гости, а приехал летом. От него быстро не избавишься.

А в это время оружейники Емельянов, Поваляев и Анисимов вышли в глубокий лесной овраг.

В условленном месте связного не оказалось.

— Тот ли овраг? — засомневался Поваляев.

— Прошлой осенью здесь меня и Васильева встречал студент, вон и примета — камень под гибнущей сосной,— убеждал Емельянов. Выбрав, где трава погуще, он присел, разулся. Два дня назад Емельянов занозил ступню, на лесной дороге ее намял. На ступне образо-

вался нарыв. Последние версты Емельянов прошагал босиком.

— Черкну, нож у меня острее бритвы,— предложил Анисимов, вынимая из-за голенища финку.

Осмотрев нарыв, Поваляев отсоветовал:

— Не давай резать, заражение схватишь. Потерпи, доплетемся до Ахи-Ярви, там спиртом промоем, разрежем, мазь или подорожник положим.

Шли еще с полчаса, утомились, сделали привал, растянувшись на траве, задремали. Из-за кустов показался Александр Михайлович, одет по-домашнему, в туфлях на босу ногу.

— Прощения прошу,— громко сказал он,— врасплох застал незванный гость, скотина пребольшая, а вот угощаю— приходится родственником нужному полицейскому чину. Пока выпровожу— придется схорониться.

Сарай стоял на границе усадьбы, задняя стена выходила к ручью, за ним начинался сосновый лес. Александр Михайлович вынул широкую доску из стены, показал оружейникам, как ставить ее на место.

— Это на случай вынужденного отхода,— предупредил он.— Под сеном у двери корзина с едой. В ларе подушки и одеяла.

Перекусив наскоро, Поваляев и Анисимов ушли искать подорожник. За первым пригорком они срезали десятка полтора белых грибов. Увлечшись, взяли поглубже в лес, на просеке стали попадаться крепкие подберезовики.

Выпроводив Пекканена, Александр Михайлович поспешил в сарай, но там спал только Емельянов. Жаль будить, но на рассвете ему отправляться обратно, с больной ногой далеко не уйдешь. До Оллилы или Дюи проводит на лошади Микко— он вернется в Ахи-Ярви на этой подводе. А дальше дружинникам предстоит пешком добираться до границы. И груз на этот раз тяжелый— динамит.

Через кухню, столовую и гостиную Александр Михайлович провел Емельянова в угловую комнату. Здесь были его спальня, кабинет и мастерская. Отлучившись ненадолго, он принес деревянную шайку, кувшин горячей воды и ведро холодной, посоветовал:

— Сделайте ванну, важно хорошо распарить ногу, а я тем временем узнаю, не вернулись ли гуляки.

Затянувшаяся прогулка связных в лесу тревожила

Александра Михайловича, но он не показывал виду. Разрезая нарыв на ноге Емельянова, пошутил:

— На полновесную тройку сдал экзамен по хирургии, — и сразу предупредил: — Больно будет ступить, не рискуйте — на денек-другой задержитесь, отдохните.

— Доковыляю, — уверил Емельянов.

— Утром перевязку свежую сделаю, а коли что — и власть применю, — пригрозил Александр Михайлович. — Намяли так, что и ногу недолго потерять.

Проводив пациента в сарай, он перелез через изгородь и вскоре повстречал на тропинке Поваляева и Анисимова. Они заблудились в лесу, но физиономии довольные, подолаы рубашек полны грибов.

В эту ночь Александр Михайлович не ложился. Он рассовал поровну в заплечные мешки динамит и патроны, в чулане старой дачи разыскал косы, насадил, затем готовил телегу в дорогу: на дно уложил опасный груз, накидал сена, а сверху пристроил косы, грабли и деревянные вилы. У передка поставил торбу овса, жбан квасу, плетеную корзину с едой.

Перед выездом подводы из усадьбы Александр Михайлович оглядел связных, нахмурился: на Анисимове сапоги с лакированными голенищами. У первого встречного полицейского вызовет подозрение — батрак и в таких сапогах?

— Обиосился, праздничные пустил на будний день, — оправдывался Анисимов.

— С косою — и в лакированных, — сердился Александр Михайлович, — в полиции, по-вашему, остолопы служат. — Он ушел в дом, пропадал долго, вернулся, неся опорки и разлохмаченную веревку.

Анисимов послушно переобулся, перевязал опорки веревкой, а сапоги спрятал в телеге под сено.

В Кивиняпе полицейский, ожидавший открытия лавки, подозрительно встретил незнакомых косцов, уныло бредущих за телегой, но, узнав Микко, решил, что бари из Ахи-Ярви где-то сторговал покос.

Верстах в пяти от Дюи дружинники, взяв поклажу с телеги, распрощались с Микко. К границе повел их сын лесника, молодой светловолосый финн. По тайным тропинкам выбрались к реке. Только что прошли затяжные дожди, вода в Сестре стояла высокая, проводник предложил использовать бревно для переправы на русский берег. Емельянов не верил в устойчивость бревна. Малейшая оплошность — и динамит окажется в воде.

— Экую дорогу отмахали, и потерять груз не за поных табаку! Где помельче — перейдем, не морозы, обсохнем.

— Бревно в наших условиях вернее лодки, — убеждал проводник.

Он артистически переправил мешки через реку. На бревне, помогая себе багром, перебрались по-одному и связанные.

Отдохнув, Повалаяев и Анисимов направились по тропинке к кирке, Емельянов взял левее — к Белоострову и спустя час выбрался на большак. Старый финн, развозивший древесный уголь по богатым дачам, за двугривенный подвез его до Никольской площади.

24

Инспектировать бомбометание приехал из Тифлиса Камо. Заметив на столе табличку с торопливо написанными цифрами, Камо принял ее за расписание поездов.

— По сему расписанию можно прибыть напрямик в ад, — посмеялся Александр Михайлович, и рассказал Камо о выпрямлении дороги, о том, что решил приурочить к этим взрывам тренировки бомбометателей.

— Царь царей в голове, — восхищался Камо, — хитро придумано.

После обеда Камо и Гриша, молодой рабочий с Путиловского завода, ушли вздремнуть на сеновал. Спустя два часа Александр Михайлович разбудил их. Взяв по суковатой палке, втроем отправились в лес искать полигон. Версты две шли по тропинке, дальше — по каменистому руслу пересохшего лесного ручья. Миновав по гатевой полусгнившей дороге трясицу, очутились на дне глубокого оврага. С трех сторон голые скалы подымались саженой на двадцать, наверху в строгом строю высокие сосны, а между ними валун, повисший над оврагом.

— Наблюдательный пункт, лучше и желать нельзя, — сказал Александр Михайлович.

Камо недоверчивым взглядом окинул валун.

— От взрыва сорвется камень, — заключил он.

— Полпуда динамита заложить, и то едва ли стронешь эту крепостную глыбу, — убеждал Александр Михайлович. Блуждая по лесу, он не раз отдыхал на этом камне.

Поднялись к соснам — оказалось, что глыба не застрявший валун, а выточенный непогодой уступ гранитной скалы.

С облюбованного наблюдательного пункта хорошо проглядывался овраг. Осыпавшиеся со скалы камни у стены слева образовали естественный окоп. На противоположной стороне возвышался земляной мысок с одинокой сосной, а по стене — низкорослые, густые елочки, прямо готовые цели для бомбометания.

— Громыхнуть бы на всю Ивановскую! — загорелся Камо. Он жалел, что не захватили с собой бомбы.

— Действуем, как условились, — сказал Александр Михайлович. — Сознательно не взял бомбы. Они самодельные, с ними и по паркету ходить опасно. Теперь, после разведки, доберемся до оврага без приключений. Испытаем, хоть инструкцию составим дружиннику-бомбометателю. Многим ли удастся проверить себя на полигоне.

— Мудро, — согласился Камо.

Рано утром они снова были в овраге. Быстрый, подвижный Камо обследовал мишени, каменную насыпь, внес поправку в намеченный накануне план. Не было нужды подыматься на скалу. Укрытие в овраге надежное, из естественного окопа удобно вести наблюдение, по соседству устроили площадку для бомбометателя.

Первым бросил бомбу Камо. Дым медленно расплзался, в овраг слабо проникал ветерок.

На том месте, где росла сосна, зияла яма.

Бросил свою бомбу и Александр Михайлович. Взрыв был еще разрушительнее. Березин перестарался с дозами «начинки». Осколки зацокали по каменной стене укрытия. Случись это в бою, — погиб бы бомбометатель.

Гриша был моложе Камо и Александра Михайловича, а действовал осмотрительно, как бы примериваясь к петербургской улице. Он соорудил себе цель — в осыпавшиеся камни воткнул крестом обломки сосны, бомбу бросил с разбега и успел спрятаться за укрытие.

Осмотрев воронку, Камо сделал замечание:

— Скажи, Александр Михайлович, своим «химикам», напрасно они не жалеют «начинки». Не скалы взрывать собираемся. В будущих баррикадных боях так могут и свои пострадать.

Камо не знал, что Игнатьеву строго-настрого запрещено самому испытывать метательные снаряды. Рассказы-

вая в штабе об удачном бомбометании в лесном овраге, он и не подозревал, что подвел гостеприимного хозяина...

До среды задержался в имении Александр Михайлович. В Перки-Ярви прибыл багаж на предъявителя. Микко нельзя посылать, на прошлой неделе он огрел кнутом чересчур любопытного сторожа на железнодорожном переезде. Пришлось ехать самому Александру Михайловичу. Вернулся он усталый, но с улыбкой: поехал получать литературу, а в багажном отделении ему выдали тяжелый тюк, обшитый парусиной. Упаковано искусно — не прощупать. Похоже, что прибыли долгожданные химикаты. Здорово Александр Михайлович намучился, пока дотащил тюк до телеги, помогал ему грузить кладовщик.

А Микко силач, один снял с телеги тюк, снес в кладовую, затем распряг лошадей и увел на озеро. Александр Михайлович налил воды в глиняный рукомойник, снял рубашку, хотел помыться, как увидел, что к усадьбе мчится почтальон. Не слезая с велосипеда, передал телеграмму.

«У Володи скарлатина, в палату не пускают. Надежды на выздоровление нет, уповаем на чудо», — прочитал Александр Михайлович.

Подписи под телеграммой не было, но Игнатьев догадался: послал ее Белоцерковец.

В тот же день Александр Михайлович выехал в Петербург. На Забалканском уже знали, что Володя арестован за тягчайшее деяние — покушение на жизнь царя. Семью почтмейстера Наумова в двадцать четыре часа выселили из Царского Села.

Александр Михайлович тяжело переживал, что не сумел вырвать товарища из-под влияния анархистов. Мучительно это признать, но так произошло! Разрыв между ним и Наумовым начался еще в гимназии, а конец наступил, пожалуй, на той, последней встрече...

...Дня через два Александр Михайлович поехал к Ольге. Случайно на Кронверкском проспекте он встретил отца Наумова. Постаревший, плохо одетый, он грузно опирался на самодельную трость.

— Как мы живем? — заговорил он, хотя Александр Михайлович и не спрашивал. — Скверно живем! Продали шубы. Кольца и часы заложили в ломбард, нашли лучшего адвоката. Он ознакомился с делом, вернул аванс. Не надеется вытащить Володю из петли. Приговор царь уже сам вынес, суд — видимость соблюдения законности.

Не осмелился бы Александр Михайлович спросить, как все произошло, но старику самому нужно было высказать душевную боль. Его сын не отступился от давно задуманного и выношенного — убить царя. Он вошел в сговор с одним солдатом из личной охраны его величества, тот согласился, затем струсил и донес.

— Было задумано, но до покушения господь не допустил. Не с бомбой, с тетрадкой стихов взяли Володю, — оправдывал сына старик. — Как же можно за несовершенное, только за намерение казнить!

Посадив измученного, больного старика на извозчика, Александр Михайлович дошел до Съезжинской, но не посмел зайти к Ольге, по настроению догадалась бы, что у него беда, зачем ее расстраивать?

Еще не вынесли приговора Наумову, как новый удар — арестовали Белоцерковца. Причины для ареста словно не было. Он давно отошел от политики. Техника его увела. Все новинки — приборы, аппараты, конечно, в первую очередь поступали на Царскосельскую дорогу. Александр Михайлович не осуждал товарища. У Белоцерковца уж такая натура — все или ничего.

Взглядов Наумова Белоцерковец не разделял. Почему же и его арестовали?

У Софьи были хорошие отношения с известным присяжным поверенным. Через него она узнала, в чем обвиняли Белоцерковца. Он не был связан с Наумовым, но попал под влияние «летучего отряда» эсеров, которые готовили крушение царского поезда. Сведения о его следовании якобы дал Белоцерковец.

В канцелярии его величества не спешили передавать царю прошение бывшего дворцового почтмейстера о помиловании его сына.

Наумова казнили на рассвете.

Смертный приговор был вынесен и Белоцерковцу. Николай II казнь милостиво заменил вечной каторгой.

25

Открытку отец отдал ему вечером, извинился.

— Сослепу не разглядел, кому, сунул с письмами в карман, день присутственный, ну и протаскал.

Ничего секретного, открытка из университета. Но Александру Михайловичу неприятно, что она попала к отцу. Тот очень переживает, что старший сын «вечный студент».

Давно Александр Михайлович не был в университете, пожалуй, с тех пор, как сдал план и конспект задуманной научной работы о селекции растений в условиях севера. Лучше, конечно, пропустить вторник, пойти в деканат в четверг. Будет время подготовиться, хотя бы вчерне изложить, как он продвинулся в своих изысканиях, а на четверг Гусев назначил встречу в «Вилле Роде».

Александр Михайлович высвободил вторник для университета. Из дома он выбрался рано, неприятный предстоит разговор, не скажешь декану: «Я не оболтус, не бездельник...» Переброска через границу нелегальной литературы, оружия, динамита, изготовление бомб занимали все время без остатка. Третий съезд партии призывает готовиться к свержению самодержавия. А в деканате считают, что он не студент, а только «числится»!

Времени нисколько не остается для себя. На прошлой неделе Александр Михайлович купил билеты в Александринский театр, но проносил их в кармане: некогда было заехать на Съезжинскую, не приглашать же Ольгу на представление через посыльного.

Из канцелярии Александра Михайловича направили к профессору Смирнову, оказывается, это по его просьбе была послана открытка.

Виктор Иванович не носил усов, бороды, выглядел не старше своего студента, что смутило Александра Михайловича.

— Рад, что быстро откликнулись, — приветливо встретил Виктор Иванович, — ваш брат тяжел на подъем.

«Тоже относит к повесам и шалопаям», — с досадой подумал Александр Михайлович.

А профессор заговорил о другом. Он взял со стола лекцию Тимирязева «Космическая роль растения», под ней Александр Михайлович увидел свой план и конспект.

— Все интересно — замысел, наблюдения, результаты опытов в Финляндии. Жаль, что все застопорилось, — говорил негромко Виктор Иванович. — Случайно обнаружил в архиве. Мое резюме: обкрадываете себя. Ваши наблюдения и рекомендации помогли бы крестьянину, нищенские он снимает урожаи ржи, ячменя, овса, картофеля. Своего хлеба едва до рождества хватает.

Александр Михайлович проникся уважением к профессору. Он не лез с вопросами, не допекал нравоуче-

ниями и примечательными примерами из собственной биографии. Советовал, убеждал, настаивал, требовал начатую работу довести до конца.

И было удивительно Александру Михайловичу, что Гусев, узнав о вызове в университет, сказал: «Революции нужны и ученые».

Два месяца — такой срок Александр Михайлович назначил себе на окончание работы. Надо лишь уединиться.

Лидия подыскала ему в Стрельне тихую комнату. Неделя ушла на то, чтобы вжиться в написанные страницы, оживить в памяти наблюдения. С настроением он написал начерно страниц двадцать, денек отдохнет, затем засядет за отделку; а около девяти вечера Лидия принесла записку: «Жду в Петербурге».

Гусев чувствовал себя страшно неловко, изменились обстоятельства — Александру Михайловичу временно придется опять забыть об университете. Он дважды с ударением сказал: «временно».

Социал-демократы Финляндской железной дороги рекомендовали в связные нескольких кондукторов и машинистов. В штабе боевой технической группы поручили Александру Михайловичу проверить, можно ли на них положиться в переброске оружия и литературы.

Новое поручение требовало срочного выезда в Финляндию. Комнату в Стрельне Александр Михайлович оставил за собой, хотя было предчувствие, что работу по селекции придется снова отложить, и надолго.

В Выборге он остановился в гостинице «Бельвю» под фамилией Коскинена, коммерсанта из Якобстада. За неделю ему удалось собрать нужные сведения и познакомиться с кандидатами в связные. Трое безупречны, а четвертый, кондуктор курьерского поезда Гельсингфорс — Петербург Усатенко, вызывал недоверие. Александр Михайлович никак не мог отделаться от чувства, что Усатенко состоит на жалованье в полиции. Интуиции мало, требуются доказательства. Пришлось выехать в Гельсингфорс. В дирекции казенных железных дорог встретился с приятелем Белоцерковца по путейскому институту. Тот почти не соприкасался со службой кондукторов, но дал согласие поразузнать об Усатенко.

В субботу Александр Михайлович вернулся в Выборг. В гостинице на Коскинена пришла телеграмма:

«Садовника рекомендовать пока не могу». Усатенко не вызывает доверия и у товарищей Белоцерковца. А как быть с рекомендацией финской организации социал-демократов? Придется самому перепроверить.

К приходу курьерского поезда Александр Михайлович приехал на вокзал. В служебном купе мягкого вагона худенький кондуктор заваривал чай. Чтобы привлечь его внимание, Александр Михайлович, нетерпеливо постучав тросточкой об пол, спросил:

— Милый человек, в Гельсингфорсе не вам ли дама поручила доставить белого пуделя?

Это был пароль.

— Пуделя везут в третьем вагоне,— ответил Усатенко и поднял нижнюю полку.

Александр Михайлович распахнул пальто, снял с себя винтовку.

— В Терриоках зайдет за ним путеец,— шепнул Александр Михайлович и не спеша вышел из вагона.

Софья прислала условленное письмо — «винчестер» благополучно переправлен. Но Александр Михайлович не находил себе места, неприятное впечатление произвел на него Усатенко: мрачный, без улыбки. А как он вздрогнул, услышав пароль. Вскоре встретив Александра Михайловича на Съезжинской у Ольги, Софья посмеялась над его недоверием.

— Излишняя мнительность и подозрительность,— сказала Софья,— может оскорбить человека, можем потерять ценного связного.

Постепенно Александр Михайлович забыл о кондукторе мягкого вагона. Неожиданно он сам напомнил о себе.

Вскоре Александр Михайлович навестил Лидию в Пикируках. На даче долго нельзя было задерживаться. Передав посылку, он вернулся на вокзал, решив обождать в ресторане прихода курьерского поезда. После объявления о начале посадки Александр Михайлович выбрался на платформу. Навстречу ему — Усатенко.

— Не узнаете? — бесцеремонно остановил его Усатенко.

Пожав плечами, Александр Михайлович хотел пройти мимо. Усатенко загородил дорогу:

— Коротка, господин хороший, память. По части белого пуделя ко мне навевались. Ловко тогда мы обтяпали с «винчестером».

На платформе безлюдно, но кондуктор чересчур развязал язык.

— Издох белый пудель. Покойный не терпел болтунов,— одернул Усатенко Александр Михайлович и повернул к вокзалу.

Этим поездом небезопасно было возвращаться в Петербург.

Усатенко не понял, что «Григорий Иванович» (так ему представили Игнатьева) хочет от него отделаться, тоже прибавил шаг.

— Потребуется, пожалуйста,— теперь уже заискивающе бормотал Усатенко,— под вагоном тайник, арсенал перевезу. В Белоострове на досмотре стоят олухи царя небесного.— Помолчав, он спросил:— Надеюсь, мягким едете?

Чтобы избавиться от опасного человека, Александр Михайлович на площади кликнул извозчика, велел везти в гостиницу:

— Где тихо и недорого.

Интуиция, значит, не подвела, связной оказался трусом и хвастуном. Хорошо, что Усатенко ничего не знает про Ахи-Ярви, Кириасала и дачу в Терноках.

Спустя недели полторы потребовалось укрыть в Финляндии рабочего патронного завода. Софья назначила Александру Михайловичу встречу на Петровском острове, где в воскресенье было большое гулянье.

— Все еще не доверяете Усатенко, а он нужен подполью,— сказала Софья,— кондуктор для досмотрщиков — свой человек.

— Душа по-прежнему не лежит к этому Усатенко,— признался Александр Михайлович и рассказал про встречу в Выборге.

— А мы надумали при его участии переправить одного товарища в Финляндию,— сказала Софья.— По баиваюсь после услышанного.

— Перевезем и без Усатенко,— сказал Александр Михайлович,— есть чистые бланки Сестрорецкого оружейного на право проезда в Райволу. В этом селении рабочие завода имеют свои дома.

— Великолепно придумано,— воскликнула Софья и неожиданно призналась:— Голова устала от бомб, от явок. Покатаемся на карусели.

Она потянула Александра Михайловича к нарядной карусели. Невидимый гармонист на ливенке выводил: «Чудный месяц плывет над рекою...»

Приятное и до крайности трудное было поручение. Лидии из-за слезки пришлось бросить службу и квартиру. В боевой технической группе мучились, как ей деликатнее помочь. Она чересчур шепетильна, хотя с месяц живет на хлебе и воде.

Красин посмеялся над охами и вздохами своих товарищей. Вручая Софье деньги для Лидии, сказал:

— Поручите Игнатьеву.

— Это же не переброска оружия,— заколебалась Софья.

— Сложность та же,— коротко ответил Красин.

Послав с мальчишкой записку на квартиру Игнатьеву, Софья перешла на другую сторону Забалканского. Хорошо, если бы Александр Михайлович был дома. Она обрадовалась, когда он появился у открытого окна и показал, что сейчас выйдет.

Просьба Красина поразила и Александра Михайловича. Деликатнее это могла сделать Софья или Сулимова, можно было возложить эту миссию на Ольгу.

— Страшно нуждается Лидия, на хлебе и воде живет. С ее внешностью в трактир не пойдешь, где за пятак можно похлебать щей и съесть кашу.

— Нуждается? — удивился Александр Михайлович.— У нее же отец весьма богатый человек.

— Она с отцом в ссоре. Он потребовал, чтобы она порвала с «разбойниками с большой дороги».

Узнав, каким поездом Лидия возвращается из Выборга, Александр Михайлович поехал на Финляндский вокзал. Увидев через окно Лидию, встретил ее у вагона.

— Выследили? — тихо спросила Лидия, думая, что Александр Михайлович пришел ее предупредить. Неужели полицейские устроили засаду? Как в тот раз, схватят в подъезде, втолкнут в мрачную тюремную карету. Она уже сидела в Литовском замке. Следователь на первом допросе ей выговаривал: «Из хорошей семьи, с такой внешностью вышли бы замуж за графа или князя. Жили бы в свое удовольствие, в свете блистали». Тогда же жандармский подполковник Тунцельман, известный своей хитростью и жестокостью, сказал: «Не оставите злоумышления против государя, угодите не в Литовский замок, а в Шлиссельбург, откуда две дорожки: на виселицу и каторгу».

— Не пугайтесь,— сказал Александр Михайлович,— я принес деньги от Красина.

— И бессребреник с ними заодно,— сказала Лидия.— Я не служу, то, что делаю, мой долг. А за это не платят.

Торчать у вагона неудобно, пассажиры уже все вышли. Лидия взяла Александра Михайловича под руку.

— Поймите, у меня есть Ахи-Ярви,— убеждал он.

— Натуральное хозяйство,— сказала Лидия.

— Подножный корм — яйца, сметана, творог. Не редкость на столе курунок,— в тон ей ответил Александр Михайлович.— Есть отец, его бумажник для меня не закрыт.

Александр Михайлович предложил пешком добраться до Кировской, там в тихом переулке всегда стоят «ваньки».

— Если будете развлекать, то я согласна,— поставила условие Лидия.— Как вы к Надсону относитесь? В Пикируках я нашла на полке томик его стихов.

— Тоски и уныния через край,— сказал Александр Михайлович и, подумав, продолжал: — Болезнь виновата, а поэт вне сомнения талантливый.

Александр Михайлович обещал Лидии познакомить ее с Березиным, верным поклонником Надсона, и снова заговорил о деньгах.

— Я служу революции не за жалованье,— уже с обидой отказывалась Лидия,— перебыюсь, учительница Януш ищет мне занятие, есть место репетитора на Большой Охте у лавочника, предлагает давать уроки за обед и ужин, с голода, значит, не умру.

— Не казните себя,— уговаривал Александр Михайлович,— деньги из партийной кассы — не подаяние, это материальная поддержка революционера, у вас же нет счета в банке. Наконец, возьмите в долг, устроитесь на службу, разживетесь, вернете в партийную кассу,— ухватился Александр Михайлович за последнюю возможность заставить Лидию взять деньги.

— Месяца на три, пожалуй, взяла бы,— Лидия задумалась, прикинула свои возможности и сказала твердо: — На четыре месяца, не больше.

На Литейном проспекте они зашли в кондитерскую. Александр Михайлович постарался официально обставить передачу денег.

— Пишите расписку.

Не нашлось листка бумаги. Александр Михайлович оторвал полоску от меню.

— Несерьезная расписка, — возразила Лидия.

— У партии пока нет гербовой бумаги, пишите, документ и на клочке законный, — он сам открыл ридикуль и положил туда деньги.

27

Красин сумел незаметно выйти к новой даче. После обеда все собрались в гостиной. Березин и Микко играли в шашки, Александр Михайлович наблюдал за ходом игры.

В хорошо отглаженном светлом костюме, с тростью, Красин выглядел богатым баринном. Вел он себя странно: поздоровался и сразу прошел в угловую комнату, которую занимал Александр Михайлович, засунул саквояж под кровать, вернулся в гостиную, дверь же оставил открытой.

Интересный и остроумный собеседник, сегодня Красин был крайне неразговорчив, мрачен. Березин быстро разгадал причину его скованности, шепнул Микко: «Мешаем». Взяв весла в сарае, они отправились на озеро. Марья наказала им купить в лавке Пильца несколько кусков простого мыла. Она долго с берега просвещала сына, какие прожилки у настоящего жуковского.

Как только они ушли, Леонид Борисович запер входную дверь, вытащил из-под кровати саквояж, положил к себе на колени.

— Требуется художник, — сказал он. — Дело тонкое, объявление в газете не дашь. Нужен талант и чтобы был свой человек.

В саквояже доверху аккуратно сложены пачки денег.

— Фальшивые? — спросил Александр Михайлович, подумав, что Красину требуется художник для доводки поддельных кредитных билетов.

— Из тифлисского казначейства поступили, — сказал Красин и сорвал бандероль с одной пачки. — Настоящие, а не разменять, номера известны в банках и меняльных конторах.

Александр Михайлович восхищался смелостью Камо, в минувшем июне совершившего дерзкую экспроприацию в Тифлисе. И вот перед ним те деньги, что захвачены в царском казначействе. Эти кредитные билеты добыты с риском для жизни, а цена им пока не больше, чем цветным картинкам.

— В саквояже двести тысяч рублей,— сказал Леонид Борисович.— Это для партии большой капитал. Деньги позарез нужны на типографское дело, нужно поддерживать политических ссыльных. Сколько хороших товарищей гибнет от чехотки.

На вокзал Красина повез Микко. Собрался провожать Александр Михайлович.

— Оставайтесь дома,— мягко попросил Красин.— Я не люблю проводов, так спокойнее. И времени мало. Хорошенько все обдумайте и взвесьте. Искусно заменить номера в кредитках, уверяю, это не бомбу провезти через границу, куда труднее.

Где найти художника, обладающего навыками гравера, который согласился бы выполнить эту адскую работу? В Финляндии не было на примете такого человека. Нужно ехать в Петербург.

Александр Михайлович вытащил из пачки несколько пятисотенных билетов, чтобы не помять, положил их в учебник естествознания. В поезде, как пасьянс, раскладывал он в памяти своих знакомых. В экспедиции изготовления государственных бумаг — никого. И искать не стоит — хлопоты большие, а успех сомнительный — в экспедиции служат обласканные работники, дорожат своим местом. У Ольги знакомый учится в Академии художеств. Он одаренный человек, настроен критически к царствующему дому, но не проверен на опасном поручении. Оставалась Афанасия Шмидт, та самая Фаня Беленькая, которую Александр Михайлович устроил в музей. Это же свой человек, проверенный. В музее подпольщики хранили оружие.

Произошел даже забавный казус. Фаня была вынуждена спрятать револьвер в муляж окорока. А это был экспонат, намеченный на международную выставку. Муляж увезли в Дрезден. Сколько людей прикасались к окороку, и никто не обнаружил тайника.

Александр Михайлович не застал Фаню дома, к дверям комнаты была приколотая записка: «Уехала в Петровский парк, буду дома к вечеру». Выйдя на улицу, он подозвал извозчика, велел ехать на Петербургскую сторону.

Художницу Александр Михайлович нашел у пруда. Она рисовала отслужившую свое, полузатопленную лодку в камышах.

— Душой отдыхаете, а я...— начал смущенно Александр Михайлович,— покушение готовлю.

— Понадобилась? — спросила Фаня и сощурила до щелочек смеющиеся глаза. — Между прочим, записку я оставляла Ольге. Но, право, сердиться не буду, что разыскали, пора свертываться, покинуло настроение, не рисую, малярничаю.

Фаня тукнула кисточкой в холст и радостно воскликнула:

— Нашла! Жалела, что холст испортила, не получались заплатка и вмятина на лодке. Мазок — и все заиграло! — Неожиданно найденное решение подняло настроение, Фаня сказала: — Услуга за услугу, приказывайте, нужно — звезду с неба достану.

— Прекрасно! За вдохновение потребую плату, — в тон ей ответил Александр Михайлович и заметил: — Звезды — ведомство поэтов. Моя просьба проще, и по вашей прямой специальности.

— В муляже печени коровы спрятать пушку? — спросила Фаня и одним мазком состарила вмятину на лодке.

— Тоньше. Поколдовать кисточкой над пятисотенными билетами, чтобы в самом казначействе не вызывали малейшего подозрения.

— Познакомившись с вами, и не тому научишься, — засмеялась Фаня. — Когда открываем собственный филиал третьего отделения экспедиции? — Она посерьезнела, заколебалась: — Получится ли? Не пробовала кредитные билеты подделывать.

— Вся надежда... — Александр Михайлович сложил на груди руки и низко поклонился. — Прошу, очень прошу.

Фаня бросила на траву чехол от подрамника, сама села и усадила рядом Александра Михайловича.

— Не горюйте. Раз надо для дела, буду фальшивомонетчицей, — и задорно стрельнула глазами. — Статья за мошенничество гуманнее 102-й, не повесят. Поймают — определяют в крепость.

— Кредитные билеты настоящие, из Тифлиса, — объяснил Александр Михайлович. — Требуется заменить цифры. Таблицу я составил.

У Фани в кошельке была лишь мелочь, она попросила показать ассигнацию.

— Пятисотрублевые дома оставил, а красенькую — пожалуйста.

Бросив быстрый взгляд на десятирублевку, Фаня вернула ее, затем сняла подрамник с мольберта.

— Постараюсь. Отвечу «да» или «нет», когда проведу эксперимент.

Александр Михайлович взял мольберт. Фаня шагала крупно, по-мужски. На набережной Ждановки она ожидалась, спросила:

— И много пятисотенных мне нужно переделать?

— Не пугайтесь,— хотел было ее успокоить Александр Михайлович, но, вспомнив про саквояж, набитый кредитными билетами, признался:— Много, чересчур много.

— Нисколько не пугаюсь. Знаю, эти деньги нужны революции. Но дома у меня — стеклянный колпак, в музее тоже не уберешься от любопытных, а глаза бьют и недобрые.

— Чем мучиться, снимем дачу,— предложил Александр Михайлович.— Краску достану из экспедиции.

— И еще потребуется хороший микроскоп,— сказала Фаня.

— Купим наинouvelший.

— И это еще не все,— продолжала Фаня,— я не вольный художник, служу!

— А зачем нам дана голова? Что-нибудь придумаем,— обещал Александр Михайлович.

Проводив Фаню, он на этом же извозчике поспешил домой. Спокойно выслушал отец его просьбу отпустить художницу недели на две по семейным обстоятельствам.

— Не на пикник увозишь Беленькую? — сказал в ответ Михаил Александрович и посоветовал: — Безопаснее числить ее на работе, мало ли что... находилась на службе.

С художником устроилось, лучше нельзя. Где снять тихую мастерскую? Ахи-Ярви — перекресток дорог, перевалочная база, химическая лаборатория. Красин строго предупредил: «Три человека — я, вы, художник и больше ни одна душа не должна знать про нашу финансовую операцию».

Недалеко от Тернок Александр Михайлович снял недорогую дачку. С хозяевами повезло — престарелые, одинокие, молчаливые. На всякий случай он им сказал, что его жена получила предложение занять прилично оплачиваемую должность в русском посольстве, но она позабыла шведский язык, ей требуется недели на три-четыре уединиться, чтобы наверстать, придется иногда и ночи прихватить. Потому и никаких компаний, навешать ее будет только он.

В тот день Фаня еще дома переделала цифры на трех пятисотенных. Александр Михайлович повез их к Красину. На Невском проспекте он зашел в банк и легко разменял один кредитный билет, затем в ювелирном магазине на Садовой линии Гостиного двора купил серебряную цепочку к часам.

Тысячу рублей наличными Александр Михайлович внес в партийную кассу. Третью пятисотку передал Красину. Тот был доволен таким началом, художницу похвалил.

— А вас, Александр Михайлович, прошу, требую — больше пятисотенные самому не менять, — сказал мягко и строго Красин.

28

Петербург в преддверии масленой недели. На окнах трактиров, ресторанов появились сковородки с пышущими блинами. Скоро, скоро проспекты и улицы столицы огласят веселым звоном бубенцов и колокольчиков вейки.

Готовился к масленице и Микко. Он украсил дугу разноцветными лентами, повесил колокольчики и бубенцы. В канун масленицы, едва забрезжило, Микко запряг лошадь, ушел в дом переодеться. Вернувшись, застал в санях молодого барина. Дней десять он еще должен был пробыть в Гельсингфорсе.

— Никак на масленую собрался? — Александра Михайловича забавляла растерянность работника.

Микко любил бесшабашное веселье на масленой, праздничные базары, катание на карусели, представления в балаганах, вспыхивающие россыпи бенгальских огней.

— Вейка, деньги сами в карман сыплются. — Микко не стал закипать. — И погонять кобылу нужно, застоялась, за жиреет, кнутом не заставишь сани возить.

Поворчав, Микко начал распрягать лошадь, Александр Михайлович остановил.

— Надумал, — поезжай в Питер, отпускаю на всю масленицу, — сказал он, решив отправить с ним десяток бомб.

Микко, отчаянный выпивоха и озорник, был трогательно предан молодому барину. Он мог послушаться, когда приказывала Аделаида Федоровна. Незадолго до

своей смерти она однажды так рассердилась на Микко, что пожаловалась: «Шура, он служит только тебе».

Спрятав под сено два плоских ящика, Александр Михайлович строго предупредил Микко.

— Трактиры объезжать. Пристанешь к обозу финских рыбаков. Когда везут салаку в столицу, стражники и таможенники редко проверяют.

Березин, наблюдавший из окна за сборами, не усидел в доме, отозвал Александра Михайловича в сторонку, встревоженно сказал:

— Соображаете? С кем отправляете бомбы? Уж лучше закинуть их в вагон Усатенко.

— Отказались окончательно от услуг этого кондуктора, — возразил Александр Михайлович, — а наш машинист опять в больнице лежит, на курьерском поезде больше никого своих нет.

— Сам перевезу, — отговаривал Березин. — Микко известный забулдыга, напьется до чертиков, если не в первом трактире, то во втором непременно.

— Не напьется, — защищал Микко Александр Михайлович. — Нужно знать его душу. Он не выдаст. Полицейские его знают, надо — прикинется пройдохой, угнал у барина тайком лошадь, вздумал поднажиться на вейке.

— В полицию, допустим, не попадет, ну а если подорвется? По пять бомб в ящике. — Березин старался убедить Александра Михайловича отказаться от безрассудного решения.

— Микко исправнее фельдъегеря доставит «конфетки» Лидии, — сказал уже резче Александр Михайлович.

В первый день масленицы после полудня у ворот усадьбы остановились легкие сани. Привязав лошадь к изгороди, Пильц направился к новой даче. Березин шмыгнул в угловую комнату, Александр Михайлович надел полушубок, схватил ведро — и на улицу, будто вышел за водой. Пильц тоже свернул к колодезю.

— Рад гостю, сижу медведем, — располагаяще заговорил Александр Михайлович, опуская ведро в колодезь, гадая, зачем заглянул на усадьбу Пильц.

— С почты! Телеграмма прибыла, по-соседски захватил, — сказал Пильц. — С удовольствием посижу в другой раз, сейчас некогда, со станции подводы идут, возчики балуют с вином.

Пильц попрощался, уехал, Александр Михайлович вскрыл телеграмму.

«Гостинцы получила, подгадал к масленой, приезжай, не бери с собой дядю, старику полезен лесной воздух, целую Ирина».

Березин встретил Игнатьева на кухне, взял ведро, накрыл кисеей, спросил:

— Телеграмма?! От кого?

— Про Микко знать дают, прибыл,— сказал Александр Михайлович, а сам думал, чем вызвана вторая часть телеграммы, не велено привозить бомбы, почему нужно перенести их в лес? И его самого ждут в городе.

Место явки — небольшой, но известный ресторан Соловьева — выбрала Лидия.

Ровно в семь вечера Александр Михайлович появился на углу Гороховой и Малой Морской. Лидия еще не пришла. Не останавливаясь, он направился к Исаакиевскому собору.

Пройдя несколько шагов, Александр Михайлович почувствовал острый запах духов, и тут же его подхватили молодые женщины. Слева — Лидия, справа — Софья. Это от нее пахло дорогими французскими духами.

— Отсчитывал законные минуты, положенные даме на опоздание. Не учел, что приятное общество вдвое увеличится,— начал было шутливо оправдываться Александр Михайлович.

— Часы ваши спешат,— перебила Лидия и кокетливо наклонилась к нему.

Метрдотель провел Александра Михайловича и дам в небольшой зал, где в левом углу оказался свободный столик.

— Замечательно, лучше и желать нельзя,— сказала Софья.

— Для панихиды с шампанским подходящее место,— загадочно усмехнулась Лидия.

Александр Михайлович подумал, что ослышался, переспросить помешал официант.

Взяв заказ, поставив сельтерскую воду, он ушел.

— По ком панихида с шампанским? — спросил Александр Михайлович.

Лидия переглянулась с Софьей. Что-то ей нужно сказать важное, но она не решалась.

— Трусиха,— проговорила Софья,— так и быть, приму твой крест...

И всегда решительная, находчивая, Софья смутилась, значит, действительно тяжелый крест.

Неловкую паузу сняла Лидия. Она попросила Александра Михайловича налить ей сельтерской воды.

— У нас с Лидией, — наконец сказала Софья, — дьявольски трудное поручение. Вы мужчина. Надеемся, что вы стойко примете решение о роспуске боевой технической группы и рабочих дружин.

Сколько отдано душевных сил, сколько они, их товарищи-связные, рисковали, перевозя капсулы гремучей ртути, динамит, винтовки. Вооружены дружины революционной армии, созданы тайные арсеналы — и все разом перечеркивается.

— Революция в стране идет на спад, самодержавие, преодолев страх, наступает, — продолжала Софья. — Центральный Комитет партии решил, что в сложившейся обстановке вооруженные выступления обречены на провал и приведут к напрасным жертвам.

— Так вот чем вызвана панихида с шампанским. Поднять фужер, выпить и разойтись по домам, — грустно сказал Александр Михайлович.

— Надо, — Лидия прижала к столу его руку и тоже грустным голосом повторила: — Надо. Отставка дана и мне, хранительнице бомбовых складов...

— Временная отставка, — поправила Софья, — разойтись по домам вряд ли удастся. — Она посмотрела на Александра Михайловича, затем на Лидию, вместе столько пережито. Но она не позволила себе расслабиться, сказала: — Что нам дальше делать — это решат в Центральном и Петербургском комитетах. А нам пока нужно подумать о том, где спрятать бомбы, динамит, винтовки, патроны.

29

Присяжный поверенный Шестернин получил лаконичную телеграмму: «Приезжайте Петербург, Никитич».

У Шестернина завтра защита в московском окружном суде, неинтересное дело — затянувшаяся тяжба по разделу имущества. Сославшись на коварную простуду, он попросил перенести процесс, а сам вечерним поездом выехал в столицу. Причина экстренного отъезда — подпись под телеграммой. Вызывает Красин, по-пустому он не стал бы беспокоить.

Выбравшись из вагона, Шестернин поначалу завяз в толпе пассажиров, спешивших к главному выходу, а

затем резко взял влево и, миновав вокзальный двор, оказался на Лиговке.

Красин жил недалеко от вокзала, у Чернышева моста.

Дверь он открыл сам. Несмотря на ранний час, Красин был в вечернем костюме, при галстуке, в лакированных ботинках.

— Приехал по телеграмме, — сказал Шестернин.

— Часы отсчитывал, — оживленно поздоровался Красин, — завидно легки на подъем. Таратута клятвенно заверял: Шестернин примчится на первом курьерском поезде.

Красин предложил Шестернину позавтракать.

— Сосед по купе угостил, пили кофе мокко, приятный ароматный, не то, что подают в кондитерских, — отказался Шестернин; ему не терпелось узнать, что за поручение его ждет, хотя смутно он догадывался — важнее финансового дела, чем шмитовское наследство, сейчас у Красина нет.

С трагичной историей наследства, завещанного партии социал-демократов, Шестернин хорошо знаком. Владелец мебельной фабрики Николай Шмит много делал для улучшения жизни рабочих. Еще в 1904 году он установил девятичасовой рабочий день, бесплатное лечение в амбулатории, открыл библиотеку. На свои средства купил оружие боевой дружине фабрики.

В дни декабрьского восстания 1905 года на Пресне жандармерия фабрику Шмита приравнивала к знаменитой Прохоровской мануфактуре — важному очагу восстания. Артиллерийским огнем была сожжена фабрика, Шмит арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, после жестоких пыток убит...

В кабинете, усадив Шестернина за письменный стол, Красин сразу начал деловой разговор:

— Просим взять на себя хлопоты по шмитовскому наследству. Имеем капитал, а рубля не можем получить.

Полмиллиона рублей пожертвовал Шмит на покупку оружия, оборудование типографии и материальную поддержку нуждающихся профессиональных революционеров. Завещание было устное. Незадолго до ареста о своем решении Шмит говорил Максиму Горькому, а во время последнего свидания в тюрьме — своей сестре Елизавете.

Получение наследства осложняло отсутствие письменного завещания и то, что деньги пожертвованы за-

прешенной партии. Шестернин предвидел серьезные осложнения, но, не раздумывая, взялся отхлопотать наследство.

— Гору сняли с моих плеч,— обрадовался Красин.— Действуйте, наделяем вас большими полномочиями. Но должен предупредить, рвут себе из наследства куш меньшевики и эсеры. По их требованию состоится встреча заинтересованных сторон. Деритесь, деньги завещаны нашей партии.

В Выборге Шестернин остановился в гостинице «Бельвию». Только он помылся, сел просматривать для памяти запись беседы с Красиным, как раздался стук в дверь и на пороге появился Таратута, усталый, небритый, в помятом костюме.

— Манны небесной так не ждут,— признался он.— Без вас пропали бы. На закрытую встречу незваных понаехало. Откуда? Диву даемся! Пожаловал Линк, попечитель Алексея, младшего брата Шмита. И не один, притащил помощников — присяжного поверенного Сухаревского и Гинзберга, Ашпиза, вертлявого студента с юридического.

В среде московских присяжных поверенных открыто поговаривали, что Линк, живший последнее время открыто, не по средствам, склоняет Алексея придержать капитал брата, в крайнем случае отдать на издание легальной газеты. В условиях царской цензуры это будет жалкий, бесхребетный листок. Линк настолько обнаглед, что свои помыслы приписывает покойному.

— Прискакали на дележ наследства,— Шестернин поморщился.— Прожженный Линк — в этой своре первая скрипка.

В сумерки они вышли из гостиницы, Шестернин зычным голосом кликнул извозчика.

— До Пикирук совестно нанимать экипаж,— отговаривал Таратута.— Вечер хороший и время есть в запасе.

— Извозчик — лишний свидетель,— посмеялся Шестернин.— Пожалуй, вы правы.

Меньше часа заняла дорога до небольшой деревянной дачи, стоявшей в сосновом лесу. Таратута провел Шестернина наверх, зажег лампу. Комната оказалась нежилой. Были здесь старенький диван, конторский стол и принесенные, видимо снизу, стулья и табуретки.

С точностью до минуты явился Линк со своей свитой. С ними был Алексей Шмит. Молодой человек был удручен и не скрывал, что ему неприятна эта крикливая ком-

пания. Он весь дергался от навязчивых наставлений Сухаревского. Выслушав их, он вдруг сел на диван к Шестернину и Таратуте, напрасно Линк держал около себя для него стул.

Наконец все расселись. Линк спешил взять председательство. Оглаживая папку, он едва успел произнести традиционное «господа», как встал и заговорил Таратута:

— Мы собрались, чтобы исполнить волю Николая Павловича, завещавшего свой капитал социал-демократической партии... Увы, нашлись люди, которые лишены чести, не знают, что такое стыд и порядочность...

— На кого намекаете? — крикнул Линк. — Маниакальная подозрительность Шестернина, представителя социал-демократов, могла бы всех собравшихся крупно посорить. — Линк теперь говорил слащаво, с фальшивой улыбкой. — Известна и болезненная запальчивость уважаемого Таратуты, известно и то, что он здесь не случайный человек, а является выразителем воли Елизаветы Павловны, сестры покойного.

Линк бросил быстрый взгляд влево, затем вправо. Не нравился ему Алексей — с интересом шепчется с Таратутой.

— Позвольте, господа, просить отбросить мелкие препирательства, — Линк вдруг заговорил усыпляющим тоном проповедника. — Итак, вернемся к самой сути. Воля трагически погибшего Николая Павловича священна. Но в России сейчас не 1905 год, свирепствует реакция. Большевики распустили боевую техническую группу и рабочие дружины, закрыли подпольные оружейные и бомбовые мастерские. Надеюсь, эту аксиому не станет оспаривать Таратута. Обстановка изменилась, она диктует иначе распорядиться завещанным капиталом.

И тут, чего никак не ожидал Линк, вмешался не Таратута, а Алексей. Он заговорил тихо, повелительно.

— Не будем заниматься домыслами: что сейчас сказал бы и сделал бы покойный. Нашей семье известно завещание, мы, близкие, передадим наследство, кому оно назначено.

Линк и Сухаревский растерянно переглянулись, затеянная ими хитрая игра провалилась.

— Никто не посягает на волю покойного, — забормотал деревянным голосом Линк, — подскажите, как передать деньги партии запрещенной, находящейся в подполье.

Линк патетически вскинул руки, убежденный, что душеприказчики Шмита все же очутились в подстроеной ловушке.

— Можем подсказать, можем и предложить, как передать, — сказал Шестернин.

— Интересно, право, господа, интересно, — бубнил Линк, — узнать фамилию того банкира, который оформит эту безрассудную сделку.

— Есть два канала передачи капитала законному наследнику, — Шестернин умело использовал замешательство Линка. — Если деньги перейдут к младшему брату, чего страстно желает опекун, — он учтиво поклонился Линку, — то без разрешения сиротского суда Алексей не может передать такую большую сумму партии социал-демократов. А ждать три года, когда он достигнет совершеннолетия, мы не можем. Лучше остановиться на втором, нашем варианте: Алексей отказывается от наследства, оно переходит к сестрам — Екатерине и Елизавете, а им будет несложно выполнить волю старшего брата.

Линк добродушно закивал и поспешил согласиться. Он увидел в этом варианте скрытую для себя лазейку: деньги остаются в семье. Екатерина замужем. Как еще посмотрит муж на передачу ее доли наследства партии большевиков. Елизавета не достигла совершеннолетия. У Шестернина и Таратуты было продолжение этого варианта, но они о том, конечно, умолчали в Пикируках.

Перед отъездом в Москву Шестернин навещал Красина.

— Действуйте, — одобрил замысел Красин. — Пока Линк с присяжными потешаются над «простофилями-большевиками», мы найдем «жениха» Елизавете. И долго искать не надо, есть на примете. Знакомы с Бурениным?

— Встречался, Николай Евгеньевич собой приятен, из богатой семьи. В морозовском клане ценят деньги, влиятельные связи и положение в петербургском свете.

Женитьба внука известной своей набожностью и ханжеством миллионерши Лесниковой вызвала бы жгучие кривотолки. Елизавета Шмит происходила из старообрядческой семьи. Нездоровый интерес мог привлечь внимание полиции, погубить задуманную акцию

с передачей партии наследства. И Николай Евгеньевич вместо себя предложил в «женихи» Игнатьева.

— Уговорите, возражать не буду,— согласился Крайи.— Игнатьев тоже завидный «жених», на него можно положиться. Он передаст наследство Шмита в партийную кассу.

Явка была назначена на Царскосельском вокзале. Буренин предупредил, чтобы Александр Михайлович был прилично одет.

«Вытащил наконец медведя в свет»,— сказал про себя Николай Евгеньевич, потирая от удовольствия руки, когда из толпы вынырнул элегантный, благоухающий Александр Михайлович.

В вагоне Николай Евгеньевич сунул ему программу Павловского курзала.

— Не пожалеете. Может, и не придется больше услышать Войтека Ивановича. Это разносторонний музыкант. В молодости он играл на органе в Маринке. Сейчас дирижирует, сочиняет музыку.

Концерт закончился рано, Николай Евгеньевич предложил Игнатьеву пройтись по парку и уехать домой без толкотни следующим поездом.

За милую шутку посчитал Александр Михайлович то, что услышал от Буренина, когда они выбрались из парка.

— Представляете, дорогой, у вас на счету в банке полмиллиона рублей? — спросил Николай Евгеньевич.— Знаете, что можно сделать на эти деньги?

— Понаслышке знаю, больше двухсот тысяч не держал... в саквояже, да и те быстренько забрал Красин,— отшутился Александр Михайлович.

— Полмиллиона — это капитал. Можно основать газету, открыть издательство, организовать побег революционеров с каторги и ссылки,— неторопливо перечислял Николай Евгеньевич.

Александр Михайлович слушал молча, не понимая, к чему клонит Буренин.

— Пятьсот тысяч рублей реально существуют в пакетах акций товарищества мануфактур,— подчеркнул Николай Евгеньевич.— Загвоздка — как получить деньги?

И он рассказал о завещании и наследстве Шмига. Александр Михайлович задумался.

— Не видите выхода из лабиринта? — перебил его мысль Николай Евгеньевич.— А вот присяжный пове-

ренный нашел. По закону наследство может быть поделено между братом и сестрами покойного. Не вызывает сомнения, что Алексей выполнит волю старшего брата, но мешает опекун. Согласна передать деньги в партийную кассу Елизавета, но она, к сожалению, несовершеннолетняя. Эту финансовую операцию вправе проделать ее муж. Кому-то из нас, а точнее вам, придется сочетаться браком с Елизаветой Павловной, как положено, в церкви, с певчими.

— Увольте,— возразил серьезно Александр Михайлович.— Что я скажу своей невесте?

— Без венчания не получить наследство,— грустно сказал Николай Евгеньевич,— лишиться пятисот тысяч рублей из-за какого-то обряда!

Александр Михайлович не воспринял всерьез этот разговор и рано утром уехал в Финляндию — из подпольного склада в Териоках должны были перевезти последние двадцать винтовок в лес, надо проверить, хорошо ли Микко заделал яму.

И дня он не прожил в имении, как Красин дал знать телеграммой, что нужно встретиться по интересному коммерческому делу. Свидание состоялось на нелегальной квартире. Красин показался ему постаревшим и усталым. Может, это обманчивое впечатление: было близко к полуночи, одет он по-домашнему, в мягких туфлях, под бархатной толстовкой рубашка без галстука. Жесты вялые, не красинские. Чувствовалась скованность, словно ему было трудно сразу начать деловой разговор, как это бывало не однажды. Взяв со стола квадратный альбом с золотым обрезом, он сказал:

— Интересуюсь Петербургом Пушкина, Чернышевского, Достоевского. Вчера повезло, знакомый букинист на Владимирском удружил.— Задумчиво полистав альбом, Красин продолжал: — Непривычно видеть Неву без Троицкого моста.

Усталый голос выдавал его. Думал он совсем о другом, альбом — просто предлог завязать беседу. Так и произошло.

— Покушение на вашу особу намерены сделать,— сказал Красин и отложил альбом.— Материальное положение партии необходимо срочно поправить. Просим вас жениться — с попом, певчими, шаферами.

— Сватал Буренин, потерпел фиаско,— признался Александр Михайлович,— не подхожу. Какой я жених! И еще как посмотрит на это моя невеста?

Красин окинул Игнатьева медленным взглядом и остался доволен: приятная у человека внешность, хорошие манеры, умен, образован.

— Под венец любая петербургская красавица не откажется пойти,— уже тоном завязтого свата сказал Красин.

— За всех не знаю, а одна серьезно намерена,— пытался на шутку перевести разговор о женитьбе Александр Михайлович.

Не был в настроении шутить Красин. Шмитовское наследство у него расписано до последней копейки. И он заговорил резко:

— Потерять капитал партия не имеет никакого права, вспомните, что говорили, вступая в боевую техническую группу?

— Жизни не пожалею для революции! Так я сказал, так и живу,— спокойно возражал Александр Михайлович.— Но жениться в церкви... с шаферами...

Красин зябко поежился и вдруг, будто пружина его подбросила, сказал:

— Убеждать долго у меня нет времени, считайте женитьбу на Елизавете Шмит сейчас самым главным партийным поручением,— и тут голос его помягчел,— поймите, деньги нужны для будущей революции. Мы не навечно зарыли в землю оружие, у профессиональных революционеров нет, не может быть передышки. Раз нужно жениться — женитесь, брак фиктивный, приданое реальное.

Трудно Александру Михайловичу принять решение. По закону конспирации Ольге нельзя сказать, что брак фальшивый. Походив в строгой задумчивости по кабинету, Красин остановился возле Игнатьева, положил руку ему на плечо.

— Поймите, в выборе мы ограничены, должна быть уверенность, что из наследства не потеряем ни одного рубля. Случается, когда неожиданно появляются сотни тысяч рублей, в человеке вдруг просыпается алчность.

Эти слова обожгли Александра Михайловича. Он возмутился: неужели найдется прохвост, способный присвоить наследство, завещанное партии!

— В царстве денег,— возразил Красин,— редко встретите человека с красивой душой. Без колокола на дележ наследства Шмита сбежались меньшевики и эсеры, требуют свою долю. С большой ложкой тянется муж старшей сестры Шмита. В Центральном Комитете

больше нет уверенности, что Екатерина отдаст партии долю братова наследства, которое не ей отказано.

— Муж Екатерины, насколько мне известно, человек с революционными взглядами,— сказал Александр Михайлович.

— Андриканис любит деньги больше, чем революцию,— ответил раздраженно Красин.— Чета Андриканис пытается склонить и Елизавету присвоить деньги. В ветви потомков Саввы Морозова, чтобы порядочных людей пересчитать, одной руки хватит: покойный Николай, Елизавета, Алексей. Теперь-то дошло до вас, какой кристальной честности человек требуется сейчас партии?

— За доверие спасибо, но... брак фиктивный, а жена законная... Что я скажу Ольге?

— До утра подумайте,— назначил срок Красин.— Надеюсь, все взвесите.

В девять утра Александр Михайлович дал согласие. Поставил два условия: развести с фиктивной женой и...

— Развод поручим Шестернину как одному из авторов плана «женитьбы», а защиту перед Каниной возьму я на себя,— сказал Красин и оговорил: — Когда получим наследство.

31

Положение со свадьбой осложнилось. Невеста жила в Париже и не могла вернуться в Россию. В 1905 году она была связана с боевой технической группой в Москве. Полиции известно, что Елизавета разделяла политические взгляды старшего брата.

— Поезжайте в Париж, там сыграете свадьбу,— настаивал Красин.— Наш поверенный ловко обошел хитрого Линка и московский окружной суд. Значительная часть наследства уже у Елизаветы.

В грустном настроении выехал из Петербурга Александр Михайлович. Ни слова не позволили сказать Ольге. Из Парижа быстро дойдут до России вести, что внучка Викулы Морозова вышла замуж за дворянина Игнатьева. О таком, конечно, узнает Ольга. Что будет? Об этом он старался не думать.

В Париже все устроилось хорошо. Консул князь Кугусев, скучавший от безделья, был рад случаю встряхнуться, кутнуть на свадьбе. Закончив в консульстве все формальности, Александр Михайлович занялся приго-

товлениями к свадьбе. Поручителями согласились быть коллежский советник Старосельский и личный почетный гражданин Авдеев.

Десятого октября 1908 года в Париже на улице Дарю, застроенной скучными доходными домами, было оживленно. К ограде русской церкви, как в престольный праздник, подкатывали экипажи: собственные выезды, извозчицы пролетки. Обедневшие русские эмигранты и студенты добирались сюда пешком.

В святцах на десятое октября не падал ни один из главных двенадцатых православных праздников. Что же происходило в этот день на улице Дарю?

Третью неделю в русской колонии только и разговора, что об из ряда вон выходящем случае: сын действительного статского советника, дворянин Игнатъев, приехал из Петербурга во Францию жениться... И кого берет?.. Купчиху! Скандальный интерес у знати, чиновников и обывателей вызвала невеста, внучка Викулы Морозова, старообрядка.

Прихожане, осенив себя крестным знаменем, входили в церковь. Находились и такие, что, не дойдя до паперти, вливались в группки знакомых и незнакомых людей, которых сейчас объединяло жадное любопытство к сплетням вокруг этой свадьбы. Было известно, что венчать молодых будет сам протоиерей.

С паперти сошла пышнотелая вдова, средних лет блондинка, ее не допускали на рауты в посольстве. покойный муж, офицер, был замешан в неблагоприятных поступках. Вдова аккуратно посещала церковные службы, чтобы хоть как-то быть связанной с русской колонией.

Справа от паперти, шагах в семи, заговорщицки шептались жена посольского швейцара и старуха с постным лицом Софьи-великомученицы. В эту компанию втиснулась и вдова.

— Не по любви сочетаются, — воскликнула она, чтобы заинтересовать женщину, понизила голос до шепота: — У Морозовых все в прадеда Савву, а он из раскола. Мильонщик, попортил кровушки синоду. Архиепископы с митрополитами наезжали, а он стоял на своем — сыновьям, внукам, правнукам завещал держаться веры. Морозовы признают двуперстное знамение, как же Лизка в нашу церковь войдет?

— Дворянкой захочешь стать, и турецкую веру примешь, — сказала сердито жена швейцара, — купцы на

потомственные звания и графские титулы падали, денег то у них в сундуках тьма несметная.

...Занятые пересудами женщины прозевали приезд жениха и невесты. Только вдова успела заметить в дверях церкви метель фаты.

Главную часть церкви — против алтаря — занимали чиновники посольства, офицеры, нарядные дамы. Крепкий запах духов глушил благоухание ладана. Прихожане попроще теснились по бокам и сзади, вдова офицера ухитрилась пробраться к клиросу. Бросив придирчивый взгляд на невесту, она нашла ее чересчур располневшей и уставила взгляд на жениха.

— Отхватила купчиха за свои миллионы красавца, — зашептала с завистью вдова соседке, богомольной старухе. — Боже, что делают деньги...

Зажгли люстры. Из алтаря вышел протодьякон, тихо откашливались певчие. Заняли свои места шаферы. Поп спросил у жениха и невесты, добровольно ли и по согласию они вступают в законный брак.

— Да, — тихо обронила Елизавета.

— Да, — уверенно сказал Александр Михайлович.

И начался обряд венчания...

Таратута не усидел в карете, пробрался в церковь, прячась за чужие спины, он взглянул на Елизавету, свою тайную жену: под золоченым венцом, в нарядном свадебном платье, а глаза усталые и грустные. Он понял, как ей сейчас тяжело, вышел из церкви, вдогонку ему несло:

— Господи боже наш, славою и честью...

Получив в окружном суде определение об утверждении Елизаветы Павловны в правах наследства, Шестернин сразу же отправился на Варварку в контору товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями.

Прием ему неожиданно был оказан любезный, на что он и не надеялся. Видимо, Иван Викулович посчитал, что младшая племянница сделала выгодную партию. Будет принята в лучших домах Петербурга. У мужа имение в Финляндии, сто десятин леса. В умелых руках это капитал. Он не скрывал желания познакомиться с супругом Лизаньки и кое-что посоветовать, на большую ногу требуется поставить задуманное дело. Не проживать, а наживать деньги. У Морозовых эта заповедь крепостного крестьянина Саввы Васильевича передается из поколения в поколение.

Радость за устроенную судьбу племянницы не помешала Ивану Викуловичу мгновенно преобразиться в главного директора товарищества, хитрого коммерсанта, едва Шестернин завел разговор о продаже доли Елизаветы Павловны. «Товарищество не прочь купить ее пай,— сказал Иван Викулович,— но дела сейчас идут не так, как бы хотелось».

Расставленные прожженным коммерсантом сети Шестернин хитро обошел. Он сделал вид, что не торопится с продажей пая, его доверительнице нет смысла терять большие деньги, она повременит до лучшей поры. Серьезное ведение дела понравилось Ивану Викуловичу. Далекая от коммерции Лизанька удачно нашла поверенного, во всем, чувствуется, супруг его племянницу направляет. Он просил Шестернина бывать в конторе, надеется, что на поправку пойдут дела в товариществе мануфактур.

«Неделю после этого я не показывался на Варварке,— писал Таруте Шестернин,— испытывал характер Ивана Викуловича. Толковый он коммерсант, понял, что на кривой меня не объедешь, по тридцать рублей накинул на акцию. „Лизанька своя кровь, Верина дочка, а то бы я ни рубля не прибавил“,— располагающе говорил он. Хорошо мы с ним поторговались и разошлись ни с чем».

— Продавал бы скорее,— вырвалось у Елизаветы Павловны,— дядя вряд ли дороже заплатит за пай.

— Деньги не наши, Николай Павлович на революционные дела их отказал, в партийную кассу должно сполна поступить наследство,— возразил Тарута.— Шестернин дальше пишет, что опять навестил Ивана Викуловича, жесточе поторговались, на десятку акции стали дороже. По-моему, поверенный разумно поступает, в партии каждый рубль расписан. Еще сообщает Шестернин, что Екатерина твоя не торопится передавать свою долю, жадность ее обуяла.

— Отдаст, не ее же эти деньги,— говорила Елизавета Павловна.— При мне Андриканис был в восторге, что так остроумно обошли жандармерию и непрошенных наследников: меньшевиков, эсеров.

— Тогда деньги еще не поступили на счет супруги Андриканиса,— буркнул Тарута.— Хотя они и чужие, а отдавать жалко.

Александр Михайлович спешил получить документ о бракосочетании. В департамент полиции в Петербурге

поступили агентурные сведения, что Елизавета Павловна Шмит фиктивно вышла замуж за дворянина Игнатьева, подосланного небезызвестным Красиным.

Узнал об этом и Красин. Он поторопил Шестернина с продажей акций, тем более что в торге он довел цену до тысячи девяноста девяти рублей за акцию. На последнем свидании Иван Викулович, осеняя себя двуперстным крестным знамением, клялся, что хоть поверенный Лизаньки мужик хитрый, прижимистый, но больше он у него ни копейки не выторгует. Цену за пай взял наивысшую.

Продав долю младшей сестры Шмита товариществу мануфактур, Шестернин нанял на Варварке извозчика и минут через пятнадцать был на Кузнецком мосту в отделении Лионского кредита и сразу перевел в Париж 190 000 рублей золотом.

Со второй половиной наследства Шмита произошло то, чего опасались. Андриканис оказался человеком корыстным. Он настраивал Екатерину Павловну, чтобы она присвоила половину наследства старшего брата и около ста тысяч, вырученных от продажи магазина на Неглинной улице и ликвидации дел мебельной фабрики.

Жадность и корысть настолько ослепили Андриканиса, что он вышел из социал-демократической партии, лишь бы удержать обманом захваченное золото. Состоялось решение подпольного третейского суда о наследстве Николая Шмита, после чего Екатерина Павловна передала в партийную кассу лишь незначительную сумму.

Для Шестернина на этом дело о наследстве Шмита не закончилось. По приезде в Париж он узнал от Таратуты, что Ленин его очень благодарит за хлопоты и хотел бы повидать.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна снимали маленькую недорогую квартиру, в комнате была простота и чистота русской деревни — столы, скамьи и некрашенные табуретки. Много книг. Шестернина и Таратуту усадили пить чай с баранками и вареньем. Владимир Ильич был в хорошем настроении, добродушно подтрунивал, как поверенного большевиков провел авантюрист Андриканис.

— Не провед, на подлость пошел, — возразил Шестернин. — Будь наша партия не в подполье, я до копейки бы взыскал всю долю наследства, судебные издержки, и те отнес бы на счет прохвоста.

У Ленина была личная просьба к Шестернину: взять на себя хлопоты по разводу Игнатьева.

— И я о том же с земным поклоном к Шестернину,— невесело пошутил Таратута.— Дочка у меня родилась, а окрестили ее Игнатьевой и отчество у нее не Викторовна, а Александровна.

— С вами, Виктор, ваша семья,— говорил Владимир Ильич.— Сочувствовать нужно Александру Михайловичу. Развод в России получить необычайно сложно. Не миновать ему ответа за свои «грехи» перед петербургской духовной консисторией.

Из всех судебных дел самые хлопотные, тягучие — разводные, и просьба Ленина для Шестернина была партийным поручением. Из полушутливых сетований Таратуты он понял, как тяжело *сейчас и Игнатьеву. Не объяснишь Ольге Каниной, почему в Париже было затеяно венчание с протонереем, причтом и певчими.

Зачастил Шестернин из Москвы в Петербург по разводному делу Игнатьева. Неудача за неудачей преследовали его. Оставался только один ход — подстроить обвинение в измене. После долгих мытарств Шестернин нашел сговорчивых «свидетелей». Дело о разводе Александра Михайловича и Елизаветы Павловны Игнатьевых поступило в канцелярию петербургской духовной консистории. Но конца не было видно, секретарь потребовал немислимую взятку. Тогда Шестернин сделал представление, что свидетели по делу его подзащитной переехали в Иваново-Вознесенск. За «благодарность» наличными тамошний пристав под диктовку Шестернина записал показания свидетелей.

Петербургская духовная консистория брак Елизаветы Павловны и Александра Михайловича Игнатьевых расторгнула. На виновника нарушения «святости брака прелюбодеянием», на Игнатьева, была наложена епитимья и семилетнее безбрачие.

32

Телеграмма Шестернина о решении петербургской духовной консистории поставила последнюю точку в деле о наследстве Шмита. Можно было собираться в Россию. Соскучился Александр Михайлович по родным и Ольге. Он уже видел себя на прогулке в лесу под Ахи-Ярви, когда пришло письмо из Швейцарии от старого знакомого Сагрето, бежавшего от царской

охранки. Он писал, что собирается на Капри. «...Алексей Максимович и Мария Федоровна будут рады встрече с легендарным „Григорием Ивановичем“».

— «Легендарным», — проворчал Александр Михайлович, — придумает же.

Но захотелось повидать Горького и обаятельную Марию Федоровну. В 1905—1906 годах сколько они помогали Игнатьеву и товарищам из боевой технической группы. Приятно, что Горький его не забыл, ждет, приглашает в гости...

В первый день возвращения Александра Михайловича из Италии домой состоялся откровенный разговор.

— Чем ты, Шура, занимаешься, я давно догадался, но, пойми, до седых волос и в императорском петербургском университете не держат, — говорил с упреком отец. — Разве революции не нужны высокообразованные люди? Используй затишье, возвращайся в университет.

Третий месяц посещает лекции Александр Михайлович. Но чувство одиночества его давит: лет на восемь — десять он старше сокурсников, потому и задумывается все чаще об экстерне. Знаний у него достаточно. Затем можно всерьез взяться за свое опытное поле...

Казалось, что теперь уже ничто не помешает закончить университет...

Недавно Александр Михайлович задержался в библиотеке. Когда он вышел на пустынную улицу, то заметил у фонаря человека в поношенном пальто и котелке. Незнакомец отправился за ним следом. На Вознесенском проспекте в зеркале парикмахерской Александр Михайлович разглядел его испитое лицо, выпуклые, как у деревянной куклы, недобрые глаза. На следующий день этот тип толкался напротив городской бойни. Следил за окнами квартиры. Шпик о чем-то шушукался с дворником.

Что навело полицию на след? Склады оружия хорошо замаскированы. На той неделе Александр Михайлович был в Ахи-Ярви, сам едва отыскал в лесу тайные склады. Дерн и посаженные для маскировки елочки прижились...

Ночью в квартиру постучали, хотя есть звонок.

Пристав вошел в комнату Александра Михайловича. Городовой и дворник остались в коридоре.

— Игнатьев?

— Он самый. — Александр Михайлович, прикрываясь одеялом, опустил с кровати ноги.

— Александр Михайлов? — продолжал пристав уточнять и, придвинув к себе венский стул, сел посреди комнаты.

— Михайлович, — поправил Александр Михайлович. — В провинции теперь и то уважительней человека величают.

Пристав недовольно засопел; по уху арестованному не дашь — политический, отец действительный статский советник. Шуму не оберешься.

— В России так истари принято. Чей сын, по тому и пишется, в данном случае Михайла, вот и есть Михайлов сын, — пробурчал наставительно пристав.

Пререкаясь с приставом — бесполезное занятие, скорей бы выяснить, чем вызван ночной визит. Кажется, отец не проснулся, с месяц он принимает снотворное.

— Чему обязан ночным вторжением? — спросил насмешливо Александр Михайлович. — Не пришли ли нанимать меня репетитором?

— У начальства узнаете, а мне велено взять с постели и доставить на... — Пристав запнулся и, помолчав, велел Игнатьеву одеваться.

Пристав торопил, значит, обыска не будет, а то бы весь дом перетряхнули. Городовые усердно ищут крамолу, вспарывают матрацы, подушки, учиняют погром на книжных полках.

Александр Михайлович покорно оделся, взял первую попавшуюся на столе книгу и журнал.

— Родных можно предупредить? — спросил он. — Чтобы не беспокоились, к завтраку вряд ли вернусь.

— В моем присутствии, — неохотно разрешил пристав.

Отец проснулся, в плохо запахнутом халате он рвался в комнату сына. Городовой, почтительно вытянувшись, загораживал дверь и заученно бубнил:

— Простите, ваше превосходительство, к арестованному нельзя. Ваше превосходительство...

Из спальни выглядывала Варя, обнимая перепуганного, плачущего Мишу. Кухарка сердито выговаривала дворнику, воинственно размахивая тряпкой перед его усатой физиономией.

Александр Михайлович оттолкнул городского, подошел к отцу.

— Не беспокойся, папа, произошло недоразумение, ищут какого-то другого Игнатьева.

— Дай-то бог!

У подъезда ожидала мрачная тюремная карета. Ку-

чер, как угрюмый ястреб, сидел на облучке. Он даже не посмотрел, кого сажают в карету. Привык — за ночь один-два выезда.

Забившись в угол кареты, Александр Михайлович старался определить, куда его везут. На Шпалерную, в дом предварительного заключения, проста дорога: по Забалканскому, Загородному и Литейному — всего один поворот. Кучер столько раз круто разворачивал карету, что арестованный запутался и потерял ориентировку. Наконец привезли его в какой-то полицейский участок, заперли в комнату без окна, с решеткой на двери. Утром посадили в карету с опущенными шторами, под охраной двух полицейских доставили на Тверскую. В жандармском управлении продержали чуть ли не до вечера и в той же карете доставили в тюрьму на Шпалерную. Нигде не допрашивали Александра Михайловича, не называли его фамилию, передавали и принимали молча, как знакомую вещь.

В тюрьме флегматичный дежурный надзиратель записал Игнатьева в книгу, велел раздеться догола. Он перетряс, перещупал одежду. Отобрал у Александра Михайловича перочинный нож, ремень, учебник Бекетова «География России» и свежий номер журнала «Ботанические записки», которые разрешил ему взять при- став.

Оконце камеры, куда препроводили Александра Михайловича, выходило в глухую стену. Только если лечь на пол, можно было увидеть кусок серого осеннего петербургского неба. Арест для него не был неожиданным, он сам удивлялся, что до сих пор на свободе. Охранка могла же наконец докопаться, что таинственный «Григорий Иванович» — организатор переброски оружия, боеприпасов, нелегальной литературы — и владелец имения в Финляндии Александр Михайлович Игнатьев одно и то же лицо. Полиции известно и про его участие в получении наследства Шмита. А за что арестовали? Пока лишь догадки и предположения. Хотя он и старался держаться, но неизвестность угнетала. Как вести себя на допросе?

Более вероятно, что его арестовали за последнее «преступление». В артиллерийской гвардейской бригаде, где он проходил двухнедельный военный сбор, давал читать солдатам листовки Петербургского комитета партии. Восстанавливая в памяти, кто бы мог его выдать полиции, Александр Михайлович почему-то подумал на

Усатенко. Подозрительно, что кондуктора с Финляндской дороги прислали проходить военный сбор в ту же бригаду, в ту же батарею. Но он держался от Усатенко подальше. Мало ли в жизни бывает совпадений. «Мир тесен», — отогнал подозрение Александр Михайлович, лег на жесткую койку и неожиданно крепко уснул.

Выспаться не дали, растолкал надзиратель. В камеру принесли кипяток и кусок черствого хлеба. На требование Александра Михайловича, чтобы ему немедленно предъявили обвинение или освободили, надзиратель буркнул: «Раз к нам попал, то торопиться теперь тебе некуда. В свое время узнаешь, за какие преступные деяния будут судить». Только на четвертый день вызвали на допрос. Жандармский подполковник, не назвав себя, с открытой неприязнью сказал, что дворяне, подобные Игнатьеву, лишь вводят казну в расход: на виселицу, рытье ямы, доставку извести и плату палачу.

— Я не лишен прав состояния. Прошу вести себя подобающим образом, — предупредил Александр Михайлович.

— Вежливости требуете? Хорошо, — с угрозой в голосе сказал подполковник. — Все про вас, все знаем! Доказано ваше участие в уфимской экспроприации.

Александр Михайлович никогда не был в Уфе, никого не знает в этом городе, но радость сдержал, только сказал язвительно:

— С одинаковым успехом можете обвинить меня в том, что я из своей квартиры на Забалканском не только участвовал в противоправительственном деянии в Уфе, но и прорыл подземные ходы в брильянтовую кладовую Зимнего дворца и в подвалы казначейства.

У следователя не было обличительных материалов. Заключение не из пугливых, «на бога» признания не выбьешь. Пригрозив доказать причастность Игнатьева к неудавшейся экспроприации, он вызвал конвойного.

Неделю Александра Михайловича не вызывали на допрос. Следователи всерьез запутались. Видимо, запрашивали дополнительные материалы из Уфы.

Настроение день ото дня у Александра Михайловича портилось. Полиция арестовала его, не имея веских улик, теперь срочно «стряпает дело» — в крепость посадить или на каторгу отправить.

Всю ночь он проворочался на койке. Кажется, только сомкнул глаза, как разбудили. Сначала он не понял, почему стучат не в дверь, а в окошко. Поднял голову, улыбнулся — на перекладине решетки сидел нахохлившийся воробей.

— Завтракать прилетел, — обрадовался Александр Михайлович. — Крупы нет, а хлебом угощу.

Привстав на носки, он забросил на подоконник горсть крошек. Воробей весело клевал. Заскрипел ключ в дверях, Александр Михайлович и головой не повел, хотя чувствовал, что в камере находится надзиратель.

— Заключение, — зычно окликнул он, — почему нарушаете инструкцию?

Ничего предосудительного Александр Михайлович не сделал, потому он недоуменно посмотрел на тюремщика, спросил:

— Покормить воробышка...

— Всякую птицу кормить запрещено категорически и к окошку приближаться тоже, — охотно перечислял строгие параграфы тюремной инструкции надзиратель.

— Умный человек составлял инструкцию, — сказал кротко Александр Михайлович.

— Лишаю на день права чтения книг, — буркнул надзиратель.

— Многовато за кормление воробышка.

— Наказание дано за оскорбление чиновника департамента.

— Когда? — Александр Михайлович сделал вид, что искренне удивлен. — Наоборот, слышали, я его назвал умным!

— А про себя что в башке держали? Дурак чиновник! — выкрикнул надзиратель.

Мышление тюремщика забавляло Александра Михайловича, но тот быстро прекратил дискуссию, вышел из камеры и захлопнул дверь.

За ослушание лишат чтения! Александр Михайлович и на эту жертву решился, крошил хлеба, но с крыши тюрьмы сбросили ржавый лист, воробей испугался и улетел.

Допрашивали Игнатьева перекрестно двое: знакомый уже жандармский подполковник и штатский.

— Можете охарактеризовать нам Александра Федоровича Васильева? — спросил подполковник.

— Не могу.

— Не желаете помочь следствию,— вставил штатский.— Учтем.

— На то царь содержит агентов, следователей и городовых,— сказал Александр Михайлович.— Среди моих знакомых нет ни одного Васильева.

Полистав записную книжку, штатский поправился:

— Александра Васильевича Федорова.

— Василия Александровича Крылова,— перебил штатского подполковник.

Следователи сами точно не знали фамилии человека, видимо, политического, которого разыскивали по уфимскому делу. Александр Михайлович не упустил случая загнать их в угол.

— Фантазировать не умею,— заговорил он серьезно,— а то бы оказал услугу правосудию, придумал бы не то Васильева, не то Федорова, не то Александрова.

Сбитые с толку, запутавшиеся, следователи прервали допрос.

Версия об участии Игнатьева в уфимском деле проваливается, но после первых двух допросов и длительно перерыва Александр Михайлович и сам не верил в свое скорое освобождение. Предчувствие его не обмануло. Утром его свезли в закрытой тюремной карете в жандармское управление, там фотографировали в пальто, в костюме, в профиль и фас. Затем сняли отпечатки пальцев. Вернувшись в камеру, он обнаружил, что дневник просматривали, с удовольствием подметил еще одну оплошность следователей.

Странно вел себя работник тюремной библиотеки. Дал читать Александру Михайловичу роман «Огнем и мечом» Сенкевича, а выписал он «Потоп» — отказал. В каталоге этот роман был. Без отказа выдавали произведения Ибсена, Мопассана.

За один присест Александр Михайлович прочитывал сто пятьдесят — триста страниц. Однако он скоро понял, что от таких «порций» чтения в голове путаница. Но ему необходимо было мысленно уйти из камеры, он всерьез занялся переустройством своего имения. Сделал проект дачи, моста на проселочной дороге, наметил перенести амбар, построить оригинальный навес. Набросал план землеустройства пашни, лугов...

Дня четыре Александр Михайлович затратил на свое имение, затем сделал проект и чертежи доступного среднему крестьянину ледника, составил рекомендации по компостам,

Глухая изоляция угнетала. Когда надзиратель объявил, что будет заутреня, он даже обрадовался. В церкви, мрачной, как и сама тюрьма, его поместили в ящик, похожий на те, в которых держат гусей для откорма к рождеству, только повыше.

Наконец возобновились допросы. Новый следователь, жандармский подполковник Тунцельман, чтобы расположить Игнатьева, самодовольно посмеялся над своими незадачливыми коллегами.

— Отвечать надо за то, что совершил, тут я с вами согласен, Игнатьев. За вами и без Уфы числится немало деяний, предусмотренных первой и второй частями сто второй статьи уголовного уложения.

Как ни напрягал Александр Михайлович память, но так и не вспомнил, от кого еще в боевой группе слышал фамилию Тунцельмана. Этот вечно улыбающийся «добряк» много политических отправил на каторгу.

— Пальчики отпечатали, хорошо,— восторгался Тунцельман, листая дело Игнатьева.— Фотографии превосходные, особенно в пальто.

— Послушайте, подполковник,— перебил Александр Михайлович,— не кажется ли вам, что опереточные остроты не к лицу и не к месту.

Тунцельман опешил, глубже ушел в кресло.

— Юридический вроде не кончали,— с трудом вывернулся он,— как присяжный себя ведете. Начнем с деяний по первой части сто второй статьи.

Посчитав, что хорошо осадил заключенного, Тунцельман все же не сумел себя настроить на продолжение допроса, внутренне он сознавал, что не готов к серьезному поединку. Задав для приличия два вопроса биографического характера, он вызвал конвойного.

К следующей встрече готовились оба. Александр Михайлович решил быть резковатым, все отметить, ошибки следователя мгновенно высмеивать. Тунцельман же спрятал в кабинете за ширмой две винтовки «ветерлей» и «манлихер». Начиная допрос, он торжественно объявил, что обвинение по уфимскому делу с Игнатьева снято окончательно, и тут же проделал неуклюжий трюк с винтовками. Снова просчет — ни радости, ни испуга, ни смущения не проявил Игнатьев. Он без любопытства взглянул на винтовки, когда Тунцельман резко свалил ширму и с деланным сочувствием заговорил:

— Не повезло, Игнатьев, не подвернись эти винтовки,— сейчас, испугавшись в ванне, потягивали бы чер-

ное пивко. А теперь все начинается с первой строки. Такой конспиратор — и оконфузиться... Кто же так прячет винтовки?

— Эти? — живо спросил Александр Михайлович, взял «ветерлей», затем «манлихер», осмотрел, усмехнулся. — Они только что доставлены из арсенала. Хорошо поставлено хранение оружия.

Трюк с винтовками грубый. Это понял и Тунцельман. Нужно тоньше ставить ловушки. На следующий допрос он приехал из парикмахерской, благоухающий, в новом мундире, заговорил развязно и нагло.

— Чистосердечное признание, Игнатъев, суд учитывает. В той же сто второй статье есть параграфы жесточе и помягче.

— В чем признаваться? Взяли человека по глупому подозрению, не хватает мужества освободить, извиниться.

— Я должен извиниться! — Тунцельман достал из кармана щеточку, пригладил и без того хорошо лежавшие волосы. — О, да вы не лишены юмора!

Он вызвал своего помощника и велел привести свидетеля на очную ставку. Александр Михайлович внешне не проявил никакого интереса, но был насторожен. Кто же там за дверями? Струхнувший подпольщик или провокатор?

Жандарм привел Усатенко. Он пугливо озирался, как деревянный, переставлял ноги.

— Не узнаете? Первый раз видите? — торжествующе говорил Тунцельман.

— Почему не узнаю? Он мне известен. Это Усатенко, канонир из 2-й артиллерийской бригады, — спокойно ответил Александр Михайлович.

— Вспомните лучше кондуктора курьерского поезда Петербург — Гельсингфорс, — Тунцельман не сводил глаз с Игнатъева. — Ваш порученец провозил через границу винтовки и револьверы.

— Пора бы знать следствию, подполковник, у меня в Финляндии имение, а не оружейный завод.

С Тунцельмана сошел лоск, он громыхнул кулаком по столу:

— Свидетель! Говорите!

Усатенко бессвязно забормотал:

— Возил, ей-богу, возил, в девятьсот шестом.

— В девятьсот шестом, — повторил Александр Ми-

хайлович, — а познакомились недавно на военном сборе. Редкий случай сдвига маниакальной памяти.

— Еще про белого пуделя спрашивали.

— Чушь, канонир, несете, — перебил Александр Михайлович, — известно ли, что за клевету сажают в тюрьму?

— Пуделя белого...

Александр Михайлович громко рассмеялся. Тунцельман чувствовал, что свидетель — трус и боится Игнатьева.

На второй очной ставке Александр Михайлович сделал неожиданное заявление, что, хотя он и не психиатр, но в поведении свидетеля Усатенко наблюдаются явные признаки тяжелой степени шизофрении.

— Не заразный я, — торопливо заговорил Усатенко, — на Пряжке лежал недель семь.

— Заключенный Игнатьев, — Тунцельман старался замять признание свидетеля, — у нас есть сведения, что Усатенко был связным боевой технической группы. Подтверждаете?

— Обратитесь за справками в Петербургский комитет социал-демократической партии, — перебил Александр Михайлович. — Приходилось слышать, что революционеры подобных слюнтяев не допускают к себе, а когда они проникают в организацию — их уничтожают за предательство.

Испуганно вздрогнул, сжался Усатенко:

— Убьют.

— Пожалеют патрон, — бросил с иронией Александр Михайлович.

Тунцельман сделал вид, что его не касается перепалка заключенного со свидетелем, сказал:

— Пишем: «Признаю, что состоял в боевой технической группе Петербургского комитета социал-демократической партии».

— Кто состоял? — спросил Александр Михайлович и повел головой в сторону свидетеля.

Усатенко вдруг сник, всхлипнул:

— Так меня убьют...

Презрительная усмешка скользнула по барственной физиономии Тунцельмана: где выкопали такого идиота? Допрос снова пришлось прервать.

Продолжение очной ставки не состоялось. Усатенко сошел с ума. Тунцельман был вынужден вынуть из следственного дела его показания. Так провалилось

обвинение Игнатьева в переброске оружия через финляндско-русскую границу.

Полгода просидел Александр Михайлович в тюрьме.

За неделю до его освобождения в московскую часть поступило секретное предписание: «...В ближайшее время прибудет на постоянное местожительство: Забалканский пр., д. 67, кв. 3, дворянин Александр Михайлович Игнатьев 1879 г. рождения, православный. Подозревается в преступной связи с социал-демократами.

Установите негласное наблюдение...»

34

Негласный надзор...

У Александра Михайловича появились домашние «сторожа». Особенно топорно вел слежку плюгавый, с узким лицом, ястребиным носом. Он появлялся на рассвете, воровским взглядом окидывал окна квартиры Игнатьевых в служебном флигеле городской бойни. Пошутукавшись с дворником или чухонкой-молочницей, плюгавый семенял через Обводный канал, через какое-то время возвращался с газетой, занимал выжидательную позицию у фонаря.

Проследив за Игнатьевым до университета, шпик исчезал до конца занятий...

О слежке за Игнатьевым узнали в Петербургском комитете партии. Было решено поддержать его в резерве, пока поостынет полиция. И пора Александру Михайловичу закончить университет. В конце 1913 года он получил свидетельство об окончании естественного отделения физико-математического факультета. Первым поздравил его отец:

— Сбылось! Станешь, Шура, ученым-естественником. Сколько еще не открыто тайн в природе,— радостно говорил он.

— Искать, буду искать, мало человеку дает земля,— вроде и согласился Александр Михайлович, тут же показал отцу отзыв профессора о главе своего реферата «Самозатачивание в природе». Ученый настоятельно советовал развернуть главу в диссертацию.

— В технику уйдешь,— сказал огорченно Михаил Александрович,— вижу, уйдешь.

— Давно, отец, задумано, еще в гимназии. А пока поживу отшельником в имении.

Расчистив с Микко лес в Ахи-Ярви от валежника и сухостоя, Александр Михайлович выгодно продал дрова,

Вырученных денег и прикопленных хватит, чтобы оборудовать домашнюю лабораторию — мастерскую.

Был канун войны...

Вскоре в столице на заборах, театральных тумбах запестрели тревожные объявления. «Государь император высочайше повелеть соизволил перевести армию и флот на военное положение...»

В ночь первого дня мобилизации дворник принес повестку. Подпоручику запаса Игнатьеву предлагалось с получением сего явиться во вторую гвардейскую артиллерийскую бригаду. Пять коротких часов дали Александру Михайловичу на все: подогнать обмундирование у портного, сбрить бороду, проститься с родными.

Отец ненадолго уехал на биржу и задержался. Александр Михайлович метался по квартире. Тяжело, не прощавшись, отправиться на фронт. Неизвестно, свидятся ли еще...

Отчаявшись, он присел черкнуть записку отцу.

Записка не понадобилась. В открытое окно донесся знакомый стук копыт и зычное кучерское: «Тпррру! Милай, приехали!» Несмотря на жару, отец был в мундире.

— Выжил! Боялся, расплавлюсь на солнце, — пожаловался отец с порога. — Кваску холодненького!

Отъезд старшего сына в действующую армию не был неожиданностью. У Шуры год призывной, он офицер запаса. И все-таки Михаилу Александровичу расставаться с сыном тяжело, легче самому уйти на фронт.

Кухарка принесла квас. Михаил Александрович, разливая в глиняные кружки, говорил:

— Шампанское, Шура, раскупорим позже, когда вернешься из пекла. — Выпив квас, он налил себе еще, отдышался и продолжал: — А произойдет та встреча не скоро. Миллионы в шинелях, всем в России хватит горя. Только началась война, а толстосумы уже грабят средь бела дня. По два рубля накинули на пуд черкасского мяса. Есть ли у них крест и совесть!

Александр Михайлович далек от городской бойни и рынка, но безразличием можно обидеть отца.

— Надели узду на толстосумов? Хорошо.

— Установили твердую цену: первый сорт — двадцать семь копеек за фунт.

— Задержат гурты в дороге, выждут, на бирже правят те же прасолы, только побогаче, — вырвалось у Александра Михайловича.

Гвердые цены — самообман, это не секрет и для старого Игнатьева, хотя временно, как вожжи, они несколько сдержат спекулянтов.

— Трезвону много, а воевать начинаем чуть ли не с протянутой рукой, — заговорил вдруг раздраженно Александр Михайлович. — В газетах потоп ханжества, величайшее благодеяние: императрица повелела открыть склад и портняжные мастерские в Новом Эрмитаже. Умиляйтесь — баронесса Штакельберг шьет солдатские кальсоны. Графиня Нирод нарежает бинты, сестра министра Кривошеина...

— Шура, — перебил Михаил Александрович, — война — народное бедствие. Долг порядочного человека облегчить, чем может, участь солдата на фронте.

— Не сердись, отец, сорвался. На то есть причина, — оправдывался Александр Михайлович. — По долгу службы побывал утром в присутствии воинского начальника. Как высочайший рескрипт писарь читал мобилизованным о том, сколько солдат получит наличными, если явится на сборный пункт в собственных подштанниках и нижней рубашке. Полтинник серебром казна платит за портянки. Разутые, раздетые, собираемся побежать.

— Россия наша, Шура, наша, — уговаривал Михаил Александрович. — Мой возраст и хвори одолевают, а то бы велел подать коня.

Александр Михайлович представил отца гарцующим на коне, подумал: «Свое ты отвоевал в корпусе Гурко, настала моя очередь. А я отправляюсь на фронт не царским слугой. Дано партийное поручение открывать солдатам глаза, говорить им правду: кто затеял войну, за чьи интересы погибнут миллионы людей».

— Не подведу фамилию, — Александр Михайлович обнял отца. — Иду служить отечеству, но не царю.

На лестнице Александр Михайлович встретил запыхавшуюся сестру. Варя спрятала заплаканное лицо у него на груди.

— Оплакиваешь, Варя-Варенька, — Александр Михайлович старался быть веселым. — Не хнычь, я не покойник, и по секрету тебе скажу, не собираюсь им быть.

— Можно проводить? — Варе хотелось побыть с братом лишние минуты.

— Разрешаю, — сказал повелительно Александр Михайлович и рассмеялся. — Чур, слезы оставляем дома!

Утром дверь почтальону открывал сам Михаил Александрович. Если было письмо из действующей армии, он тащил почтальона на кухню, поил чаем с вишневым вареньем, угощал пирожками. Прочитав письмо, Михаил Александрович проходил в кабинет, подолгу стоял у карты, на которой флажками отмечал линию фронта.

«Братскими могилами,— писал Александр Михайлович,— платим за взятие безымянной высоты, деревеньки». Досадовал он, нет прикрытия с неба, беззащитна пехота. Немецкие летчики безнаказанно сбрасывают бомбы, стрелы и чугунные обрезки.

В голове Михаила Александровича не укладывалось: Россия, создавшая могучие воздушные корабли «Русский витязь» и «Илья Муромец», летающие морские лодки, осталась без зенитных орудий.

«Приспосабливаем полевую пушку, устанавливаем на деревянный поворотный круг,— писал в другом письме Александр Михайлович.— Пока солдаты его разворачивают— немецкого аэроплана и след затерялся. С 80 верст в час скорость у них возросла до 200 и выше».

До великого князя Сергея Михайловича дошли сведения, что подпоручик Игнатьев изобрел зенитный оптический прицел. В письме, отправленном оказией с сестрой милосердия, Александр Михайлович писал: «Может, теперь дадут возможность поработать над конструкцией так нужного прибора, пока же только издевки фанфаронешек...»

В октябре 1916 года в Особой армии была сформирована отдельная противозаэропланная батарея. Игнатьеву присвоили звание поручика и назначили ее командиром. Новая должность позволит ему всерьез заняться созданием прибора— дать зенитчикам глаза.

Но сразу начались беды.

Батарею положены зенитные пушки, а выделены были полевые. Прямо из артиллерийского парка Александр Михайлович поскакал на лошади в дивизион, надеялся: произошло недоразумение. В штабе он застал только писаря.

— Легки на помине, ваше благородие,— встретил Игнатьева писарь. Гнусавя, он зачитал приказ:— «Завтра в шесть утра поручику Игнатьеву вывести один взвод на позицию для стрельбы по аэропланам».

— Из полевых орудий стрелять по аэропланам?!—

с досадой воскликнул Александр Михайлович и смутился: писарь ни при чем. Чины повыше, если заходил разговор о неудачной стрельбе, опускали глаза.

Еще в артиллерийской бригаде Александр Михайлович доложил инспектору — генералу о беззащитности пехоты от ударов с неба.

«Из наших пушек невозможно сбить аэроплан, — равнодушно ответил инспектор. — Немца пугаете? Пугайте. Большого от вас командование и не требует...»

Без малого в версте от переднего края находилась заброшенная усадьба. Место высокое, на подобных просторных холмах в селах стоят церкви. Здесь-то Александр Михайлович и разбил огневую позицию.

Погода в тот день, оставшийся в памяти, была летняя: солнце, безветрие, а немцы не появлялись над позициями русских, вроде дали передышку. После полудня немец все же вылетел на разведку. Как всегда, он безнаказанно следил за передвижением на дорогах. Аэроплан низко опускался над садами, рощами, искал командные пункты полков, дивизий и армии.

На этот раз немца встретили шрапнелью. Стреляли из полевых пушек наугад, пугали.

Летчик озорно помахал крыльями, рассыпал над окопами металлические обрезки. Затем, развернувшись, он пошел на огневую позицию артиллеристов. Александр Михайлович стал за наводчика, выстрелил с опережением. Снаряд близко разорвался от аэроплана. Немец со страху сбросил бомбу в болото, поспешил уйти за линию фронта.

Командир пехотного полка поблагодарил Игнатьева. Не было еще случая, чтобы немецкий летчик так постыдно бежал. Александр Михайлович возмущился. Благодарят. За что? Зенитчик — не чучело на огороде! Зенитчикам положено ставить заградительный огонь, положено сбивать аэропланы противника.

Зенитчики кто как умел приспособляли полевые пушки, но надо было быстро рассчитать точку встречи в небе снаряда и аэроплана. Это станет возможно, если человек будет иметь прибор, в считанные доли секунды устанавливающий скорость, высоту полета аэроплана, учитывающий метеорологические условия.

Теоретически такой прибор существовал. Александр Михайловичу требовались помощники. Знающий оружейный мастер был на примете. Заполучить бы из пополнения механика,

Из Кронштадта передали по телеграфу в жандармское управление: «В новогоднюю ночь с плавучей казармы № 1 сбежал матрос Верещагин Николай, находившийся под следствием. Матрос был списан с миноносца «Сибирский стрелок» за агитацию и распространение среди команды миноносца и линкора «Петропавловск» преступных прокламаций социал-демократической партии. Приметы Верещагина: рост средний, в плечах широк, лицо круглое, усов не носит, брови густые, волосы русые, походка вразвалку...»

В те минуты, когда адъютант докладывал коменданту крепости о побеге с плавучей казармы, окоченевший матрос пробрался в Петроград. Он вскочил в парадную богатого дома на Рузовской, поднялся по лестнице. Пальцы у него одеревенели на морозе: локтем нажал на кнопку звонка, горничной, открывшей дверь, простуженно прохрипел:

— Надобно повидать Николая Евгеньевича... просил заходить.

По лестнице кто-то грузно поднимался. Горничная молча втянула окоченевшего матроса в квартиру, захлопнула дверь.

Темнело. У этого же дома остановились сани. Поручик в поношенной шинели откинул меховую полость, рассчитался с извозчиком. Судя по обшарпанному саквою и заплечному мешку, он только что вернулся с фронта. Торчавший у ворот городской отдал честь.

«Везет Буренину, положен сторож на полном казенном коште», — с иронией посмеялся про себя Александр Михайлович.

Вечер только начинался, а Николай Евгеньевич был в теплом халате и домашних туфлях.

— Маскировка под больного. Встретили, наверно, сторожа? Обнаглели, следят и не скрывают. Недавно моей родственнице городской подносил вещи к извозчику, — говорил Николай Евгеньевич, помогая гостю снять шинель. — Провидение привело вас в нужный час в Петроград. Матроса надо спасти! Объявлен розыск по стране.

В кабинете был мягкий полумрак. В кресле, ближе к окну, сидел молодой человек в бархатной толстовке, она была узка ему в плечах, зато длинна, закрывала колени.

— Вырядили матроса, как еще не напялили сарафан? — сказал Александр Михайлович.

— Познакомьтесь, а то сразу и браниться, — шутили во взмолился Николай Евгеньевич. — Посмотрели бы, в каком виде кронштадтец ко мне ввалился! Лишь «бубнового туза» не хватало на спине.

— Верно, прежде нужно познакомиться, не день и не два нам вместе быть, — обратился Александр Михайлович к матросу и назвал себя: — Поручик Игнатьев.

— Зачем так официально, оба подпольщика, — сказал с укором Николай Евгеньевич.

— Матросу лучше быть под началом офицера, чем боцмана на плавучей тюрьме, — ответил Александр Михайлович. — Не перепутал я название?

— Официально казарма, а житуха там по арестантскому расписанию и хуже, — сказал матрос и тоже назвал себя.

В саквояже и заплечном мешке, что привез Игнатьев, было солдатское обмундирование: шинель, брюки, гимнастерка, сапоги.

— Второй размер, третий рост, — перечислял Александр Михайлович, — каптенармус лучше не подберет.

— Переодеваете солдатом, — Николай Евгеньевич это не одобрял. — Проще спрятать матроса на Забалканском, там сейчас безопасно, военному документы добывать надо, а паспорт чистый есть в запасе.

— К паспорту положено выправить белый билет, это не так просто, — возразил Александр Михайлович. — Верещагини призывного возраста!

Николай Евгеньевич считал себя обязанным позаботиться о беглом матросе, по его поручению он распространял прокламации, газету «Правда».

Понятны Александру Михайловичу колебания Буренина. Он и сам поломал голову, узнав о его просьбе.

— В Петрограде нет безопасного убежища. Непременно матрос угодит в облаву. Молодой, здоровье завидное. В действующей же армии не будут искать человека, бежавшего с плавучей тюрьмы, — раскрывал и отстаивал свой замысел Александр Михайлович. — При офицере в дороге денщику документы не обязательны, а на батарее запишу под чужой фамилией.

Николай Евгеньевич и сам продолжал оставаться загадкой для знакомых — мягкий, обаятельный и до крайности смелый, но и его поражала необычная находчивость Игнатьева. Одиннадцать лет знакомы, а так он и

не привык к его неожиданным, всегда остроумным решениям.

— В армии, пожалуй, безопаснее, — рассеянно сказал Николай Евгеньевич. — Устроит ли это нашего беглеца? Подставлять голову под немецкие пули во здравие русского императора?

— Не на печке дрыхнуть, — покончил с колебаниями своих попечителей Верещагин. — В армии пригожусь подполью. На провокатора нюх имею.

По старинному обычаю Александр Михайлович и Верещагин посидели перед дальней дорогой: с Рузовской прямо на вокзал.

— Обычай русские знаете, а как должен вести себя денщик? — спросил в передней Николай Евгеньевич и отобрал у Игнатьева саквояж.

— Спасибо за науку, — сказал Верещагин. Он поправил заплечный мешок и взял саквояж.

В долгой дороге Верещагин узнал о неудачной поездке своего нового командира в Петроград. В главном артиллерийском управлении одобрили разработку зенитного оптического прицела, чертежи передали на оружейный завод, а когда изготовят опытный образец — неизвестно; через полгода, год, два. Немецкие аэропланы по-прежнему безнаказанно бомбят наши части и ведут разведку.

— Пес с ними, с их величеством великим князем и благородиями, был бы чертеж, мы и самого господ бога изобразим в натуре, — сказал Верещагин.

До призыва на флот он работал токарем, слесарем и механиком.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как же дальше сложилась судьба Игнатьева?

Александр Михайлович сконструировал зенитный оптический прицел, который позволял в считанные секунды устанавливать скорость, высоту полета аэроплана, учитывая и метеорологические условия.

На своей батарее Александр Михайлович создал группу сочувствующих большевикам. В нее вошли фейерверкер Горянин (в будущем генерал-лейтенант), матрос Верещагин.

Февральскую революцию Александр Михайлович встретил в Петрограде, куда был вызван для сообщения

СОДЕРЖАНИЕ

Емельяновы	3
Он же Григорий Иванович	251

Василий Николаевич Кукушкин ДВА ПОРТРЕТА

Редактор Н. Н. Сотников
Художник О. В. Титов
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор С. А. Батиото

ИБ № 2186

Сдано в набор 13.10.81. Подписано к печати 25.02.82.
М-17470. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн.
литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл.
кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 20,79. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 193. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного
Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

1 р. 40 к.